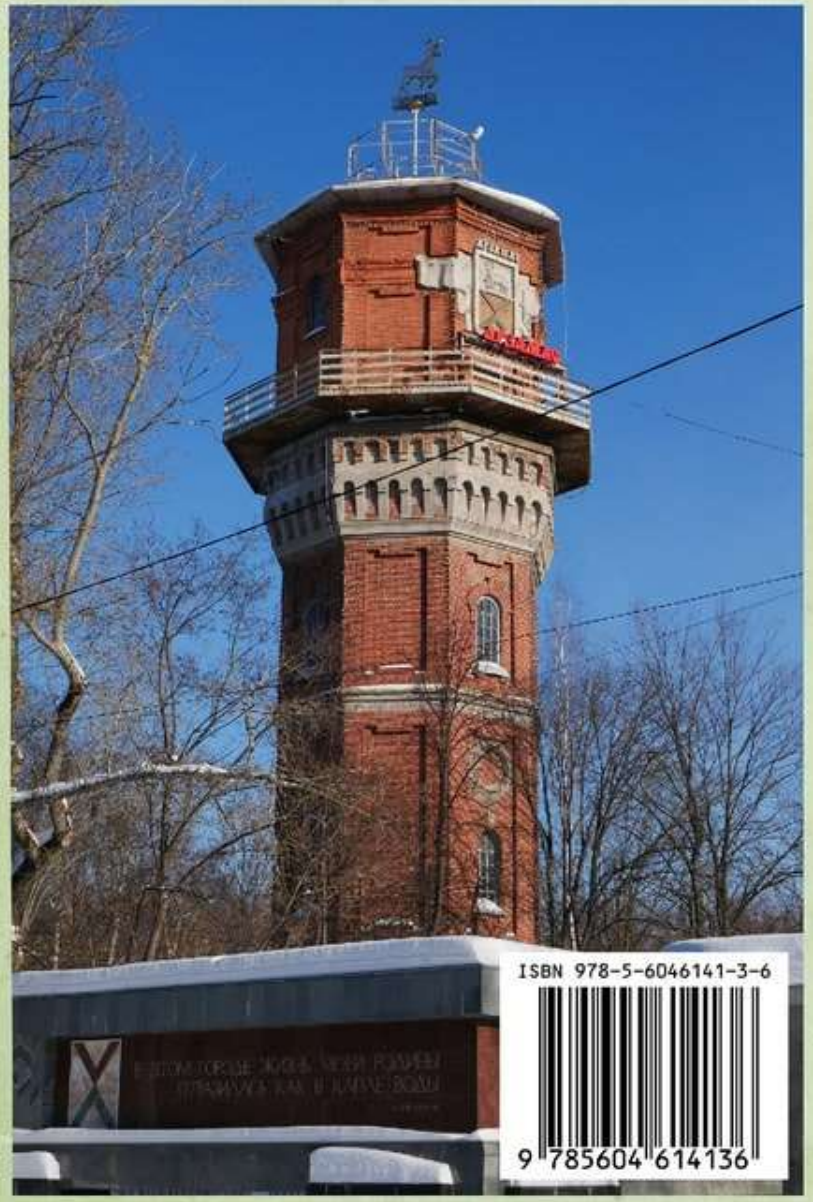


ISBN 978-5-6046141-3-6
9 785604 614136

3

Вопросы исторического и экологического регионоведения

2022

Вопросы исторического и экологического регионоведения

Арзамас 2022

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал ННГУ

Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», г. Брянск

Общество с ограниченной ответственностью «Межрегиональный центр археологических исследований», г. Тамбов

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области

Централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
24–25 февраля 2022 г.

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2022

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43
В74

Печатается по решению ученого совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № 1 от 27.01.2022 г.)

Рецензенты:
Б.М. Пудалов, канд. филол.н., руководитель комитета
по делам архивов Нижегородской области,
А.Е. Смирницкий, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России
и вспомогательных исторических дисциплин (НГПУ им. К. Минина)

Редакционная коллегия:
к.и.н., доцент В.И. Грубов (ответственный редактор),
к.филос.н. А.А. Исаков (научный редактор)

В74 **ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.** Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; МОО «Историческое сознание»; ООО «МЦАИ»; ГАНО, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса; ЦБС г. Арзамаса. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. – 391 с. + 24 с. ил.
ISBN 978-5-6046141-3-6

В сборнике статей представлены доклады участников III Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы исторического и экологического регионоведения», проведенной на базе Арзамасского филиала ННГУ 24–25 февраля 2022 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, археологи, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, учителя и ученики школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

ISBN 978-5-6046141-3-6
© Арзамасский филиал ННГУ, 2022

Раздел I.
ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

ПЕРВИЧНЫЙ АНАЛИЗ МАССОВОГО КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА РАСКОПОК В Г. АРЗАМАС ЗА ПЕРИОД 2021 ГОДА

Олег Федорович Бытковский*[1]*,
***Ангелина Игоревна Ушакова (Кузьмина)*[2]**
[1]ООО «Межрегиональный центр археологических исследований», г. Тамбов;
e-mail: orsk.bof@mail.ru
[2]Музейно-выставочный центр, р.п. Выездное МБУК музей «Природа» им.С.И. Трофимова, научный сотрудник, Нижегородская область, Арзамасский район, р.п. Выездное;
e-mail: angelinakuzmina@mail.ru

В данной статье подведены краткие итоги первичного (морфологического) анализа массового керамического материала археологических изысканий на территории города Арзамаса, проведенных ООО «МЦАИ» в 2021 г.

***Ключевые слова**: археология; краеведение; история Арзамаса; керамика; хозяйство и быт.*

В августе-ноябре 2021 г. сотрудниками Межрегионального центра археологических исследований (г. Тамбов) в историческом центре г. Арзамас проведены спасательные научно-исследовательские археологические работы (раскопки) на объекте культурного (археологического) наследия федерального значения (далее – ОАН) «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» в границах земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению [1].

Согласно официальным данным Арзамас был основан как город-крепость на месте древнего мордовского селища в 1578 г. (по некоторым архивным исследованиям – в 1572 г. [2]). Постепенно, военная значимость фортификационного укрепления перестает быть актуальной и, уже к XVIII в. Арзамас становится важным транзитным пунктом на пути из Москвы в южные и юго-восточные районы страны. Через город проходит около десятка важнейших торговых трактов. Этот факт, в свою очередь, способствовал интенсивной застройке крепостной и посадских территорий жилыми и хозяйственными постройками, а так же культовыми сооружениями. Особую значимость приобретает развитие торгово-ремесленной части города. Наибольший расцвет Арзамаса приходится на период с конца XVIII до конца XIX вв. Резкий экономический спад в конце XIX в., по словам современников, трактуется как «арзамасское лихолетье» [3]. И лишь в советский период Арзамас начинает развиваться как крупный экономический и культурный центр.

К сожалению, археологические исследования культурных напластований на территории города, начиная с середины XX в., проводились спорадически и небольшими раскопами. До 1998 г. здесь работал В.Н. Мартьянов. Культурный слой был выявлен на территории южной части бывшей крепости при работах 1993 г. около пожарного депо по ул. Советская и в шурфе в сквере им. Ленина, на Соборной площади [4].

В 1998 г. Постановлением Законодательного Собрания Нижегородской области от 02.06.1998 г. №38 территория культурного слоя г. Арзамаса утверждена как памятник археологии местного (областного) значения, ограничена и разделена на две зоны – «А» и «Б», с различными режимами охраны.

Зона «А» охватывает территорию бывшей Арзамасской крепости и непосредственно примыкающие к ней участки с юга, юго-востока и севера. Действующий градостроительный регламент зоны – обязательная археологическая экспертиза и предварительные археологические раскопки при строительстве зданий и прокладке траншей шириной более 1 м.

Граница зоны «Б», по своему внешнему периметру совпадающая с утвержденной в Постановлении от 02.06.1998 г. № 38 границей памятника, включает в себя городскую территорию, указанную на топографических картах города второй половины XVIII в., окружающую зону «А» с севера, востока и юга.

С этого момента археологические исследования уже на ОАН «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» проводят с 2011 г. эпизодически – В.В. Бейлекчи, Вал.В. Бейлекчи, И.А. Очеретин, В.А. Батюков, в 2015 г. Вал.В. Бейлекчи впервые проведены археологические раскопки на площади 288 кв. м. В результате проведенных научно-исследовательских работ были выявлены остатки культурного слоя мордовского селища XII – XIII вв., а так же собраны коллекции хозяйственно-бытовых предметов, украшений, керамики и др. XVI – XVII вв.

В.Н. Мартьянов датировал культурный слой по собранным материалам кон. XVI – XVII вв. Подъемный материал на территории бывшей Арзамасской крепости (в сборах 1993 г. на ул. Набережная, Ступина и на берегу р. Сорока) представляет собой фрагменты русской позднесредневековой чернолощеной, белоглиняной и мореной гончарной керамики [5, с. 41].

В результате проведенных в 2021 г. охранных археологических мероприятий на ОАН «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» (исследовано 885,71 кв. м.) было выявлено небольшое количество керамического материала X – XIII вв., происходящего из переотложенных слоёв на перекрёстке улиц К. Маркса и Ступина и относящегося к мордовскому селищу, а также материалы XVIII – XIX вв. (основная часть коллекции). Раскопами К-88 и К-94 был исследован ров Арзамасской крепости середины XVII в.

В шурфах на улицах К. Маркса, Гостиный ряд, Урицкого, Мучной ряд и 1 Мая были обнаружены и исследованы участки деревянных мостовых и остатки срубно-досчатых построек XVIII-XIX вв. Раскопом К-89 и прилегающей к нему траншеи дождеприёмника Д-75 был исследован участок кладбища XVII в. [1, с. 134].

Анализ керамической коллекции археологических исследований 2021 года позволил выявить следующие хронологические пласты, а также типы керамики соответствующие датировке (***Приложение 1, рис.1***):

1. Средневековая лепная керамика с отощителем в виде дресвы, шамота и песка.

2. Позднесредневековая керамика XVI – XVII веков.

a) краснолощеная керамика XV – XVII веков.

b) красноглиняная гладкая керамика второй половины XV – начала XIX века.

c) красноглиняная керамика переходного типа второй половины XVI – начала XVIII века.

d) белоглиняная гладкая керамика XVI – первой половины XVIII века.

e) белоглиняная керамика переходного типа – вторая половина XVI – начала XVIII века.

f) красноглиняная гладкая ангобированная керамика XVI – XVII веков.

3. Керамика периода XVIII – начала XIX века.

a) чернолощеная керамика (полосчатая / со сплошным лощением) – XVIII – XIX веков.

b) мореная керамика XVIII – XIX веков.

c) белоглиняная лощеная керамика XVIII – начала XIX века.

d) белоглиняная керамика с зеленовато-желтой односторонней поливой XVIII – XIX веков.

4. Материал середины XIX – начала XX века.

a) красноглиняная керамика с прозрачной (коричневой) поливой – XIX в. (с 1830 г.) – начала XX веков.

b) кирпично-красная неангобированная XIX века.

c) кирпично-красная с белым ангобом XVIII – начала XIX века.

Статистически керамика распределена неравномерно. Меньше всего фрагментов первой группы – средневековой керамики с примесями в виде дресвы, песка и шамота, её количество незначительно. Она была обнаружена в зоне А, в шурфе заложенном на улице К. Маркса, на территории предполагаемого мордовского городища. Всего было обнаружено 6 фрагментов – из них 5 стенок и 1 венчик.

На данном этапе обработки массового керамического материала нельзя говорить, что это окончательные показатели, так как на момент декабря 2021 г. обработана лишь 1/3 часть от общего количества собранной коллекции.

Керамика второй группы представлена наиболее обширно – белоглиняными и красноглиняными фрагментами, без окислительно-восстановительного обжига. Здесь отдельного интереса заслуживают следующие типы: Красноглиняная керамика переходного типа второй половины XVI – начала XVIII века и Белоглиняная керамика переходного типа второй половины XVI – начала XVIII века. (***Приложение 1, рис.2***).

Стоит отметить, что выделение переходных этапов довольно условно, так как датировка является приблизительной и основана исключительно на морфологических признаках.

Для более точного определения хронологических рамок необходимо изучение закрытых комплексов с археологическими вещественными находками, которые и дадут керамике временную точность. На данный момент такие комплексы не были изучены, поэтому описание этих типов далее будет приведено на основании сравнительного описания.

При анализе морфологических признаков керамики переходного типа учитывались все найденные обломки разной степени фрагментарности, начиная от 2 х 2 см. Основные признаки включали в себя следующие параметры: 1) исходное глиняное сырье: белая/красная глина; 2) разновидности отощителей в глиняном тесте: шамот, плохо окатанный песок с размерами от 0,5 до 4 мм, дресва, без визуальных признаков отощителя; 3) обжиг изделия: окислительный неполный, окислительный, восстановительный; 4) способ обработки поверхности сосуда: лощение, обвар, глазурь; 5) форма венчика.

Посуда данной группы была изготовлена из белой и красной глины на ножном гончарном круге, венчики короткие, поставленные вертикально, без краевого утолщения, иногда украшенные орнаментом, имеют сходство с типом венчиков 2 по классификации Е.В. Майоровой [6, с. 142–153]. Здесь стоит отметить, что керамика отчасти напоминает древнерусскую красно- и беложгущуюся по количеству примесей и цвету излома черепка. Однако, наличие толстого тяжелого донца и форма венчика может говорить нам о том, что керамика данной группы представляет собой некий переходный тип.

Мы не можем отнести керамику этого типа к классической древнерусской беложгущейся или красножгущейся керамике, так как хронологические рамки основания Арзамасского городища не соответствуют рамкам керамики Древней Руси, белоглинянные и красноглиняные сосуды пришли на территорию края немного позднее, поэтому первая керамика использу-

емая местным населением была мордовской – средневековая лепная с примесями.

Следующим этапом развития логично стало внедрение ручных гончарных кругов и горнов, использование белой и красной глины, также с большим количеством отощителя. «Эволюция» горшечного промысла требовала усовершенствования качества посуды, а, следовательно, уменьшение использования примесей в тесте. Такой подход визуально делает изделия лучше и красивее, с практической стороны посуда становится легче и прочнее.

Красноглиняная гладкая керамика появляется повсеместно начиная со второй половины XV – начала XIX века, а белоглиняная гладкая керамика с XVI – первой половины XVIII века. Этим типам соответствует плотное тесто, без примесей, черепок на изломе однородного цвета, венчики короткие, донца тонкие, стенки сосудов гладкие, может присутствовать орнамент в виде волны, линии или штампа. Территориально, данная керамика представлена в археологическом слое по всему городу.

Сравнивая белоглиняную керамику и белоглинянную керамику переходного типа, стоит сказать, что они вероятнее всего существовали одновременно, и исполнение зависело от уровня мастерства гончара. Можно выдвинуть две версии: 1) более грубую керамику делали местные гончары, которые только осваивали ручной круг и обжиги в горнах, в то время как приезжие мастера делали более качественную посуду; 2) керамика без примесей могла быть привозной.

Также можно заметить, что керамика переходного типа не видоизменилась полностью в керамику белоглинянную, а частично стала обжигаться по-другому. Когда повсеместно стала использоваться технология морения (дымления в закрытом горне без доступа кислорода), белая плотная керамика с большим количеством отощителя хорошо подошла для нового типа обжига.

Мореную керамику можно условно разделить на два подтипа: 1) (возможно более ранний), где тесто изделий менее плотное, излом черепка от серого цвета до трехслойного, с большим содержанием примесей; 2) более плотное тесто, излом черепка однотонный, без примесей.

Второй подтип – это привычные для нас сосуды, которые подвергались восстановительному обжигу вместе с чернолощеной посудой, и отличавшиеся от нее лишь отсутствием лощения.

Посуда первого подтипа в хорошем состоянии (не фрагментарном) была обнаружена на территории Арзамасского Спасо-Преображенского мужского монастыря при строительных работах. Это случайная находка мореной миски, которая похожа на вышеописываемые фрагменты. Фор-

мовка сосуда довольно грубая, плохо сформированный венчик, тесто плотное с отощителем в виде мелкого песка. Миска тяжелая и толстая [7].

Чернолощенная керамика встречается как из красной глины, так и из белой, с сетчатым и сплошным лощением, что дает этому типу керамики широкую датировку XVII – XIX вв. Присутствует орнаментация: линия, волна и штамп. Найденные фрагменты сосудов относятся к категории кувшинов и мисок. Тесто без визуальных примесей, черепок на изломе однотонный.

Белоглиняная лощеная керамика (XVIII – начало XIX вв.) представлена незначительным количеством фрагментов.

Белоглиняная керамика с зеленовато-желтой поливой (XVIII – XIX вв.) встречается в большом количестве. Такая посуда использовалась как столовая утварь начиная с XVIII века. Керамика данного типа схожа с материалом 4 группы, отличие же состоит в появлении значительного количества фаянсовой посуды (тарелки, блюдца, чашки и т.д.) и бутылочной, штофной стеклянной тары [5, с. 41].

В период XIX – начала XX вв. появляется самая массовая из категорий керамической посуды – изготовленная из красной глины и покрытая красно-коричневой прозрачной поливой. Чаще всего это были крынки, горшки, масленки, подойники и т.д. К этой же группе относятся фрагменты кирпично-красной неангобированной керамики (XIX в.) и кирпично-красной с белым ангобом (XVIII – нач. XIX вв.) – в этом исполнении делали цветочные горшки и гончарные дымовые трубы.

Говоря о технике исполнения, стоит отметить, что в Арзамасском крае переход на ножной гончарный круг случится в первой половине XX века, поэтому керамика 2, 3 и частично 4-й групп изготавливалась на ручных кругах, что видно на фрагментах сосудов [8].

Массовый керамический материал, полученный в результате археологических изысканий ООО «МЦАИ» в 2021 году на территории Арзамаса, требует дальнейшей работы: следует обработать оставшуюся часть керамики и провести статистический анализ, который может дать новые данные о хозяйстве и быте горожан.

Источники и литература

1. Бытковский О.Ф. Отчет о проведении археологических работ (археологических раскопок) на объекте археологического наследия федерального значения «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» в границах земельных участков, подлежащих воздействию земляных и строительных работ в ходе реализации проекта «Устройство, реконструкция и ремонт ливневых канализаций в г. Арзамас», расположенных по адресу: Нижегородская область, г. Арзамас, исторический центр в 3 томах. – Тамбов, 2021.

2. Парадеев Е.И. О становлении Арзамаса [Электронный ресурс] / Е.И. Парадеев. – СПб.: Парадеев Е.И., 2020 – PDF-файл (36 с.) + прил. – Режим доступа: http://www.PARADEEV.com, свободный. – Загл. с титул. экрана.

3. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами / Н.М. Щегольков. – [Репринтное воспроизведение с изд. 1911 г., типография Н. Доброхотова]. – Ярославль: Периодика, 1992.

4. Мартьянов В.Н. Отчет об археологических исследованиях в г.Арзамасе в 1993г. Архив Института археологии РАН, д.№18461/

5. Бейлекчи В.В. Отчет: «Проведение археологических наблюдений на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Муром, X-XIX вв.» в г. Муроме Владимирской области на участках строительства по пер. Комсомольский, д. 4А и по пер. Июльский, д. 1А, на территории объекта археологического наследи «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» в г. Арзамасе Нижегородской области на участке строительства по ул. Национальный порядок, район д. 8Б в 2018 году». – Муром, 2019.

6. Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок во Владимире в 13-м квартале в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного сем2инара. Вып. 3. Владимир, 2009. С. 142–153.

7. Кузьмина А.И. Керамика Арзамасского края по результатам археологических раскопок 2018 г. // Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 6. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2020. – С. 46-51.

8. Кузьмина А.И. Развитие гончарного ремесла в Арзамасском крае конца XIX – начала XX вв. (на основе коллекции керамики Музейно-выставочного центра Арзамасского района). / Уваровские чтения – XI: Музей: Книга отзывов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17-19 февраля 2019 г. / Муром. Историко-худож. Музей; науч. Редактор Ю.М. Смирнов. – Выкса: Издательство IKSA, 2019. – С. 192-196.

БОРСКОЕ ЗАВОЛЖЬЕ В XIII–XVII СТОЛЕТИЯХ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

Лариса Юрьевна Варенцова

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации» (НА МВД РФ),
к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Статья посвящена истории Борского лесного Заволжья в XIII–XVII вв. В ней отражены основные тенденции социально-экономического и духовного развития Борской земли в период Средневековья и Нового времени. Источниками послужили нормативно-правовые акты, летописные материалы, записки современников, неопубликованные и опубликованные делопроизводственные документы.

Ключевые слова: *Борское Заволжье; опричные земли; монастырь Всемилостивого Спаса; бортные ухожья; бобровые гоны; сенные угодья.*

Борское Заволжье широко раскинулось на левобережье великой Волги, прямо напротив Нижнего Новгорода, между древним Городцом и знаменитым торжищем России – Макарьевской ярмаркой. Западная граница борских земель проходила по реке Узоле, а Керженец служил восточным рубежом. Северные пределы определялись истоком реки Линды, южные же – Волгой. Сюда входили обширные массивы сосновых лесов по берегам Линды, Кезы, Санды, Везломы, Нюжемки, Керженца. С первой трети XIII века, с момента основания Нижнего Новгорода, появилась пе-

реправа на луговую сторону Волги. Нижегородцы начали осваивать богатства заволжских боров, они на лодках и челнах переправлялись сюда во время нападения врагов (ордынских ратей, луговой черемисы и пр.). Дремучие леса служили местом укрытия в лихие годины.

Уже в XIII–XIV вв. на холме при впадении реки Везломы в Волгу появилось первое небольшое селение – Везломская слобода. В условиях постоянных военных набегов она была обнесена валом и тыном. Ее значимость возросла с возникновением Нижегородско-Суздальского княжества (1341–1392). Ватомские и Керженецкие леса стали излюбленным местом охоты нижегородско-суздальских князей и бояр. Велось освоение глубинных территорий левобережья Волги. В 1330-х гг. святой Дионисий основал в Нижнем Новгороде Печерский Вознесенский монастырь [1, с. 310], с этого времени он начал хозяйствовать в Борском Заволжье, особенно на берегах Ватомы. Постепенно вдоль нее появлялись селения (Городищи, Селищи, Заборье, Рожново) [2, с. 124]. «На пропитание братии» монахи ловили рыбу, заготавливали мед, обустраивали мельницы. Теперь ладьи, отходившие от устья Везломы, причаливали непосредственно близ Печерского монастыря.

Нижегородский край продолжал оставаться порубежным, соседствовал с подвластными Орде землями, откуда можно было в любое время ожидать набегов. На случай военного вторжения в местечке Городищи, в лесной глухомани, близ Ватомы, нижегородцы устроили деревоземляную крепость. Болотистая местность и отдаленность от Нижнего Новгорода создавали уверенность в безопасности. Такой набег имел место в 1378 г.: «Того же лета приидоша Татарове изгоном к Новугороду Нижнему, а князя в Новегороде несть, а люди ся розбегли, гражане град повергъше побежаша за Волгу…» [3, с. 55]. В результате подобных нападений Городищи все-таки были обнаружены отрядом ордынцев, сожжены рубленые укрепления с единственной, вкопанной прямо в валы башней проезда, высечены их защитники. После страшного разорения Городищи оказались заброшенными на века.

В XIX веке древнюю крепость обследовал член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии М. Покровский, в 1959 г. здесь работала группа археологов под руководством И.А. Кирьянова, в 1990 г. – Т.В. Гусевой и В.А. Флягина, принимал участие Заслуженный учитель РФ В.А. Пинегин с учащимися Линдовской школы. В раскопках были найдены фрагменты керамики XIV века. По мнению археологов, крепостица была небольшая, по овальному периметру всего 350–360 метров, с высотой валов – в 2–3 метра [4, с. 56]. Следовательно, для нижегородцев Борское Заволжье имело важное хозяйственно-бытовое и стратегическое значение.

XV век не принес стабильности Нижегородским землям. В 1408 г. внезапный поход на Русь одного из эмиров Тимура – Едигея – уничтожил многие ведущие центры Руси, удалось отстоять Москву. Полчища монголо-татар в тот год неоднократно разоряли Нижний Новгород и Городец. В 1408 г. Едигей приходил «к Новугороду к Нижнему, и съ нимъ мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва, взяша Новградъ Нижний и пожгоша весь, монастыри и святыа церкви все то огневи предаша, а люди старыа и сущаа младенци иссекоша, а молодиа в полонъ поведоша. Оттоле окаанниии сироядци поидоша къ Городку *(Городцу – **Авт.**)*, и город взяша, огнемъ пожгоша весь, монастыри вси и святыа церкви огневи предаша, а люди побегоша кто куде…» [3, с. 73]. Воспоминания об этой трагедии народ сохранил на века. Возможно, что одновременно с Нижним Новгородом и близ лежавшим на левобережье Волги Городцом были сожжены и поселения на устье реки Везломы.

В XVI веке отряды казанцев появлялись под Нижним Новгородом почти ежегодно, не имея возможности взять штурмом мощную каменную крепость – Нижегородский кремль, жгли села и окологрaдия. Летописцы сообщали о разорении края в 1536, 1538, 1539, 1542 гг. В начале XVI века великий московский князь Василий III Иоаннович неоднократно устраивал походы на Казань. Среди нижегородских войск выступал и особый отряд, составленный из бортников дворцовых селений Борского Заволжья.

В начале XVI века Василий III основал на реке Везломе, у Толоконцевского озера, монастырь Всемилостивого Спаса. Он учреждался в знак благодарности заволжским бортникам за их верную бортничью службу и за походы на Казань [5, с. 37]. Было приказано постригать их в монахи при наступлении старости и немощи, без вкладов, в то время как при вступлении в другие монастыри требовалось внести 5–10 руб., скот или имущество. В материалах писцового делопроизводства за 1588 г. значилось: «Сельцо Толоконцево на речке Везломе, а в нем храм Преображенье Господа Бога нашего Иисуса Христа, а к церкви 3 кельи, а в них живут старцы черные, питаютца от церкви божии и по мире» [6, с. 64]. В вотчину монастырю отводились починки: Красная Горка, Сырохватов, Сергеев, Ростиралов, деревни Красный Яр и Круглая. Старцам принадлежали Кандауровское бортное ухожье (современный поселок Кантаурово), раменья от низовьев реки Линды до реки Сухой Везломы, близ Неклюдовской дороги, Красногорки и до деревни Палкино. Эти угодья назывались Спасским лесом. Жалованные грамоты на эти земли в 1583 г. давал Иван Грозный. Владения Спасской обители привлекали внимание Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. В 1595 г. печерские иноки добились жалованной грамоты на них у царя Федора I Ивановича, а также на реку Ватому с прилегавшими озерами – Путьковским, Глубоким, Собчин-

ским вместе с починком Собчино. На реке Везломе печерские иноки обустроили Белоусовскую и Варначевскую мельницы.

Московские государи щедро раздавали земли в лесном Заволжье монастырям. Крупнейший духовный феодал России – Московский Симонов мужской монастырь в 1566 г. получил от Ивана IV Грозного жалованную грамоту на заволжские рыбные ловли в Собчинской заводи (ныне затон «40 лет Октября») и в трех озерах на Княжьем лугу. «Никто не мог вступаться в рыбные ловли Симонова монастыря, а кто ослушается царя Ивана Грозного – тому быть казненным» [7, с. 199].

В 1574 г. в Нижнем Новгороде был учрежден Духовской монастырь. В 1580 г. основатель его монах Порфирий обратился с челобитьем к царю, чтобы Иван Грозный пожаловал монастырю напротив Нижнего Новгорода Муромский остров на Волге для посадки капусты и огурцов, заведения пашни и сенных покосов. Всего было пожаловано духовским властям 1 402 десятины земли на луговой стороне. С той поры монахи Духовского монастыря на законном основании ловили рыбу в Заволжье, заготавливали сено. В царской жалованной грамоте значилось, что «были те покосы впусте, и на оброке не бывали, и челом о них не бивал никто» [8].

В XVI веке крупнейшие монастыри России – Московский Симонов, Нижегородские Печерский и Духовской, местная Спасская Толоконцевская обитель – оказались у истоков освоения земель Борского Заволжья, в их вотчинах затем появлялись починки, деревни, села. Их названия еще долго хранили память о прежних владельцах, например, Большой Печерской Гривой еще много лет называли деревню Овечкино [9, с. 6].

Нижегородское Поволжье в 1552 г., после взятия Казани, вступило в затяжную «черемисскую войну». Отход из-под Казани войск Ивана IV открыл для князей нерусских народов Поволжья, прежде всего марийцев (заволжских и горных черемисов), пору активного сопротивления новым властям [3, с. 118]. Не обошли стороной луговые и горные черемисы и левобережья Волги – Заузолье и район Везломы, надолго запустели эти места. «От казанские войны дворы выжгли и людей въ полонъ вывели и высекли…» [10, с. 157].

С 1565 г. Иван Грозный стремился упрочить единовластие и учредил опричнину. В состав опричных земель на Нижегородчине вошли Балахна с ее соляными варницами и река Узола. Заузольская и Везломские волости входили в состав Балахнинского уезда. Этим территориям в период опричнины Иван IV уделял особое значение. В документах 1569 г. указано: «А приказано волость Заузольскую и сельцо Спасское (Толоконцево) ведати на Царя и великого князя…» [10, с. 157]. С этой поры Борское Заволжье окончательно получило статус «дворцовых земель». В 1569 г. в устье Везломы уже стояло селище с 31 двором беспашенных крестьян-

промысловиков. Оно превращалось в центр с десятью деревнями, включая Собчино. Пять лет давалось первопоселенцам на обустройство дворов, заведения пашни, покосов [10, с. 157].

На луговую сторону Волги вновь возвращалась жизнь. Через заросли леса просекалась проезжая дорога – от перевоза через Красную Горку к Толоконцевскому монастырю. На ней были основаны сначала починки, а позднее слободка Никольская (Бор) и деревня Неклюдово. Недалеко от перевоза появилась еще одна слободка – Копытовская, приписанная к посаду Нижнего Новгорода, облагавшаяся податями наравне с нижегородцами. В конце XVI столетия борская переправа называлась «Созоновским перевозом», возглавлял ее откупщик – нижегородский земский староста Б. Созонов [2, с. 114–115]. Обычно переправу содержали зажиточные нижегородские посадские люди, земские старосты, состоятельные бобыли-промысловики Борского Заволжья.

Оживление хозяйственной жизни на левобережье Волги было связано с бортничеством – сбором меда диких пчел, доходным для государевой казны промыслом края. Центром бортничьих угодий на реке Везломе стало село Толоконцево. Вокруг него на рубеже XVI–XVII вв. образовалась дворцовая Толоконцевская волость. Бортники являлись держателями великокняжеских земель [11, с. 294].

Бортники Толоконцева с округой давали медвяного оброка по 10 пудов ежегодно. Жители бортных сел и деревень получали в лесах участки в оброчное содержание на несколько лет, письменный договор заключался при свидетелях. У каждого бортника были свои владельческие знаки – «знамена», которыми помечались окраинные деревья. Эти метки по своему виду напоминали топор, крест, оперенную стрелу, какие-либо геометрические фигуры. Их стесывание рассматривалось как преступление, сурово каралось [12, с. 139]. Мед с борских лесов поставлялся для царского стола, монастырской трапезы. Мед «сытился» и употреблялся как хмельной напиток, на меду выпекались пряники и коврижки, делались медвяные квасы.

Заволжский край славился дворцовыми бобровыми гонами. По притокам лесных рек с берегами, поросшими ивой, осиной, березой и тополем, колониями селились бобры. По Везломе и Керженцу водились карие зверьки, по Ватоме – черные. «Бобровой ловитвой» владели немногие заволжане. За арендное содержание великокняжеских бобровых гонов ежегодно бобровщики платили оброк и пошлину в государеву казну к одному сроку – к Рождеству Христову [13, с. 145]. Остальными шкурками оброчник распоряжался по своему усмотрению. Черные бобры ценились дороже, чем карие. «В бобрах ходить» могли не все. По популярности и ценности бобровый мех был на втором месте после соболя. Он ценился за проч-

ность, легкость, красоту, эластичность и ненамокаемость. О ценности бобра знали, как в России, так и в других странах [14, с. 128]. Использовалось в пищу мясо бобров, а бобровый жир применялся в народной медицине для натираний.

Заволжье являлось царством лесных рек, каждый их участок был учтен дворцовым ведомством, имел свое название и своих держателей на условии выплаты оброка и пошлин в виде денег или рыбных продуктов в приказ Большого дворца. Значительная часть рек и озер в Борском Заволжье была пожалована монастырям. Среди оброчников дворцовых рыбных ловель были не только местные дворцовые крестьяне Толоконцевской волости, но и нижегородские посадские люди [15, с. 2].

Исстари левобережье Волги звалось луговой стороной, здесь располагались лучшие на Нижегородчине заливные луга. В весеннее половодье Волга затопляла низменную пойму, насыщала землю влагой. Великолепные, с разнотравьем луга, являлись частью щедрой природы Борского Заволжья. В XVII веке лучших косцов из Толоконцевской волости направляли на подмосковные царские луга для сенной косьбы и заготовок сена для царских конюшен и скотных дворов. Сенные покосы Борского Заволжья также сдавались в оброчное содержание волостным дворцовым крестьянам, нижегородским посадским людям – кузнецам, пушкарям, воротникам, дьякам, подьячим. Каждое сенное угодье имело собственное название, оно могло даваться по именам владельцев («Потапиха», «Щербачиха»), в зависимости от особенностей местности («Малинная Грива», «Черемушиха», «Мокруша»).

Обилие рек на территории Заволжья способствовало развитию мельничного дела. К местным жителям обращались выходцы из нагорной части Нижегородского уезда, чтобы переработать зерно в муку, крупы, толокно, расплачивались с заволжанами хлебом и деньгами. В многочисленные амбары на берегах рек Линды, Везломы, Санды, Ватомы, Керженца скупщики везли зерно из плодородных курмышско-запьянских и арзамасских земель. Дворцовое ведомство поощряло строительство мельниц в Борском Заволжье, льгота в уплате оброка и пошлин давалась от пяти до девяти лет. На одной плотине нередко сооружалось по несколько мельниц, например, на реке Линде на семи плотинах было возведено 24 мельницы [9, с. 9]. Мельницы в Борском Заволжье имели свои названия, которые указывали на селения или имена их владельцев («Красногорская», «Копытовка», «Трофимовская» и др.).

В годы Смутного времени в Борское Заволжье переселился книгопечатник Никита Фофанов. В 1611 г. в столице во время польско-шведской интервенции был сожжен Печатный двор. В безопасном месте, около Моховых гор им был изготовлен печатный станок – «штамба», новые литеры,

был создан «нижегородский шрифт» Н. Фофанова. За два года пребывания в Борском Заволжье он изготавливал «Псалтыри» и «Часовники». Памятником нижегородской печати называют экземпляр тетради из шести листов, выпущенной на левобережье Волги [16, с. 108].

В 1613 г. по указу царя Михаила Федоровича Романова началось возрождение Печатного двора в столице, со всей России собирались мастера печатного дела. Н. Фофанов прибыл в Москву со своим печатным станком и нижегородскими литерами. Таким образом, в Смутное время на территории Борского Заволжья было спасено искусство книгопечатания. В народной памяти сохранилось имя талантливого «друкаря»-книгопечатника. Место, расположенное поблизости с Моховыми горами, получило название «Фофановы горы» (ныне место завода «Теплоход» в г. Бор).

В XVII веке шло массовое освоение и заселение Борского лесного Заволжья, были основаны большинство ныне существующих селений на левобережье Волги, напротив Нижнего Новгорода. В 1619 г. царь Михаил Федорович пожаловал земли в Борском Заволжье думному дьяку Посольского приказа и Новгородской четверти, государеву печатнику И.Т. Грамотину за участие в Московском осадном сидении 1618 г., в приход польского королевича Владислава [17, с. 642]. В поместье и вотчине И.Т. Грамотина было 434 двора крестьян и бобылей, свыше 1 200 душ обоего пола. И.Т. Грамотин стал крупнейшим землевладельцем в Нижегородском крае, ему стала принадлежать обширная дворцовая Толоконцевская волость.

Вновь освоенные земли, строившиеся починки и деревни дополняли владения думного дьяка. В 1620-х гг. более 20 селений появилось только на берегах реки Везломы. Новые починки, деревни, села возникали за счет переселений крестьян и бобылей из ранее существовавших селений, а также за счет прибывавших в Борское Заволжье выходцев из тверских, костромских, смоленских, мордовских земель. Новопоселенцам давалась льгота в уплате пошлин на семь лет, за эти годы они строили дома, рубили лес, распахивали пашни, сооружали на реках мельницы. В первой четверти XVII века 46% населения Толоконцевской волости являлись бобылями-промысловиками, не имевшими пашни, но промышлявшими какими-либо ремеслами [9, с. 9]. Среди них были плотники, шерстобиты, портные мастера, мельники и др. В вотчине думного дьяка И.Т. Грамотина жили государевы каменщики Т. Иванов, И. Гаврилов [18, д. 165, л. 92], известные своим мастерством в приказе Большого дворца и приказе Каменных дел. Государевы каменщики и кирпичники не платили податей, вызывались в Москву и другие города для строительства каменных крепостей, церквей и монастырей. Государевы мастеровые люди из вотчины И.Т. Грамотина – Т. Иванов, И. Гаврилов – в 1628–1631 гг. вместе с известным зодчим

А. Константиновым строили Михайло-Архангельский собор Нижегородского кремля, возводили каменный ансамбль Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря, строили крепость в Вязьме и Теремной дворец в Московском Кремле.

В 1638 г. И.Т. Грамотин принял монашество в Троице-Сергиевом монастыре с именем Иоиль, это произошло за девять месяцев до его смерти. На помин души в монастырь он передал деньги, иконы, драгоценные камни. Главным вкладом инока Иоиля в монастырь были земли в Борском Заволжье – это села Толоконцево, Неклюдово, Кононово (1 625 душ м.п.).

Центром монастырской вотчины стало село Кононово (ныне г. Бор, ул. Ленина – от дома № 1 до домов № 74 и 83). Здесь находилась его вотчинная контора [19, с. 172]. За большим забором находились хозяйственный двор, хоромы, изба-столовая. Помещения соединялись сенями. Особым помещением была мыльня. В подклетах помещений хранились коляски, сани, каптаны (кареты), колымаги, дровни, страдные одры – носилки, седла, войлоки, узды, оружие, столовая утварь, одежда. Бобыли в поварне готовили еду, пекли хлебы, ухаживали за лошадьми на конюшне, за овцами – в омшеннике. В житницах хранились запасы зерна, муки, сухарей в бочках и коробах. На сушилах над житницами висели соленое мясо, вяленая рыба в рогожах.

В 1647 г. в Кононове была возведена Сергиевская церковь (на месте нынешнего Сергиевского храма, а до революции – Преображения Господня). «Село Новое на Бору, что была деревня Кононова, Бабье тож на Везломском озере, а в ней церковь, шатровая вверху, делают в ысподи теплая церковь, а в ней служба престол Сергия Радонежского чудотворца» [20, с. 64]. Следовательно, строительство Сергиевского храма в Кононове было неслучайным, оно было центром вотчины Троице-Сергиева монастыря в Борском Заволжье.

В середине XVII века на карте Толоконцевской волости появлялись новые деревни: Белкино, Боярское, Клюкино, Елевая, Тесовая, Костино, Путьково и др. Все они были малодворными. Самыми крупными считались деревни с 18–24 дворами (Старцова Пустынь на реке Линде, Рекшино, Владимирово или Володимиров стан). Центром Толоконцевской волости стала «многодворная» Никольская Боровская слобода с 74 дворами. В 1647 г. здесь поновили обветшавшую деревянную Никольскую церковь, возведенную еще в 1621 г. (первый же деревянный храм здесь был построен еще в 1533 г.). По новому антиминсу ее освятили в честь Знамения Пресвятой Богородицы с приделом Чудотворца Николы. Затем «у Николы на Бору» появилась приказная изба.

О себе жители Борского Заволжья говорили: «Мы – государевы крестьяне», родом «из-за Волги, з Бору» [21, с. 25]. С той поры укоренилась

традиция говорить «родом с Бора», коренные борчане никогда не говорят «родом из Бора». «Бором» же стали называть всю Толоконцевскую волость, ее административный центр, а затем село, а в далеком от событий XVII столетия 1938 г. – город на левобережье Волги, напротив Нижнего Новгорода.

В 1670-х гг. колонизационные процессы происходили по берегам реки Линды, а также ее притоков – рек Санды, Кезы; в обживании лесных массивов вдоль этих рек участвовали как местные жители, так и переселенцы из Костромы, Гороховца, Юрьевца Поволжского, Городецкой волости [22, с. 39].

В 1670-х – 1690-х гг. происходили постоянные конфликты крестьян дворцовой Толоконцевской волости с властями Нижегородского Печерского монастыря, претендовавшего на лесные массивы по реке Санде [23, с. 273–274], с Макарьевским Желтоводским монастырем – крупнейшим землевладельцем на левобережье Волги. К стенам Макарьевского монастыря, где шумела Всероссийская ярмарка, из Заволжья тянулись обозы с различным «здельем» – изделиями крестьянских ремесел (холстами, валенками, деревянной посудой, кузнечным товаром и пр.) [24, с. 34].

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович поклонялись чудотворному образу святого Макария, щедро давали обители жалованные грамоты на новые природные угодья. Монастырь богател и за счет ярмарочных сборов. Главные конфликты волостных дворцовых крестьян с монастырем происходили из-за природных богатств на левом берегу Волги. Почти ежегодно рыбные ловцы Толоконцевской волости совершали разбои в монастырских водах (грабили рыбу, снасти, избивали иноков). Подьячий Толоконцевской волости Л. Овчинников собрал из разных селений свыше 100 человек, чтобы с оружием напасть на обитель. Они бесчестили власти и братию, грозились разнести монастырь по кирпичу, а иноков перерубить [25, д. 375, л. 2]. Архимандрит Сергий и келарь Галактион доложили об угрозах подьячего Л. Овчинникова в приказ Большого дворца, в ведении которого находилась дворцовая Толоконцевская волость Балахнинского уезда. В приказной палате Нижнего Новгорода проводилось разбирательство. Одних пытали и били кнутом, других сожгли в срубе, а подьячего Л. Овчинникова долго держали в тюрьме приказной избы на Бору, а затем сослали в Сибирь.

Со второй половины XVII века Борское Заволжье стало одним из центров старообрядчества в России. В лесных глухоманях можно было спрятаться и прокормиться, а на Макарьевской ярмарке – проповедовать и общаться с единоверцами из других регионов [26, с. 181]. Со временем вся торговля и промыслы стали находиться в руках старообрядцев.

Среди непроходимых болот, в лесах они находили островки твердой земли и строили тайные скиты. Их поселения становились базой для колонистов-беглецов, там имелись тайники-«схороны», амбары, поварни и всякие запасы. Их уклад жизни можно назвать временным, поэтому никониане именовали их «бродягами, гулящими, бездомовыми людьми». Жили скитники лесными богатствами, трудом, а также подаяниями и пожертвованиями крестьян и богатых купцов. В каждом скиту имелись моленная или часовня, старинные иконы, кресты, книги [27, с. 74]. Появление в лесах зимой лыжни, а летом починков и возделанных полей сразу вызывало пристальное внимание властей. В 1666 г. Антиохийский патриарх Макарий писал в Москву патриарху Иоасофу I, что в здешней стране много раскольников и противников не только между невеждами, но и между священниками, «вели их смирять и крепким наказанием наказывать» [28, с. 450]. Численность старообрядчества на левом берегу Волги увеличивалась год от года. В «Нижегородском летописце» сказано: «…В Закудемском стану *(сюда входило Борское Заволжье – **Авт.**)* во многих селех и деревнях крестьяня к церкви Божией не приходили, и пения церковного и таинств не принимали, и во всем от раскольников развратилися, и многие по прелести их с женами и с детьми на овинах пожигалися» [29, с. 75–76]. В Балахнинском уезде имели место самосожжения целых семейств.

К концу XVII века в Заволжье насчитывалось 94 скита различных направлений. Борьбу с расколом на луговой стороне Волги велась властями Макарьевского Желтоводского монастыря: целый ряд расколоучителей содержались в его земляной тюрьме. В 1695 г. Петр I направил в Заволжье стрелецкий отряд на поиски тайных скитов. Народ смотрел на гонимых старообрядцев как на мучеников за веру. По словам протопопа Аввакума, «на том положено, что мучится ради веры Христовы» [30, с. 21]. Его письма почитались за высокое учение, берегли как святыню, окуривали ладаном и хранили на божницах. О пребывании старообрядцев в Борском Заволжье свидетельствуют надгробные памятники на кладбищах в деревне Елесино и у церкви Малиновского скита.

Жители Толоконцевской волости участвовали и в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина (1667–1671 гг.), в 1670 г. они вошли в состав осаждавших стены Макарьевского Желтоводского монастыря [31, с. 3]. В Заволжье был тогда и духовный отец С.Т. Разина – Ф. Андреев (чернец Феодосий) [32, с. 180]. В деревне Борки заволжане обстреляли из луков убегавших из Макарьевского монастыря архимандрита Пахомия с клирошанами. Много захваченного монастырского добра было попрятано в лесных чащобах. Здесь же годами скрывались и сами повстанцы. Старообрядцы в С.Т. Разине видели своего спасителя, уважительно писали его имя в свои поминальные книги в «вичем» – с отчеством

[33, с. 391–392]. Таков был итог «времени лихого, шатания великого, людской смуты» [34, с. 115].

К концу XVII столетия на территории Борского Заволжья находилось свыше 200 поселений, около 16 000 душ обоего пола. Борское Заволжье было составной частью дворцового хозяйства России [35, с. 310]. В составе дворцовой Толоконцевской волости имелось 15 церковных приходов. Утратили свое влияние на луговой стороне Волги Троице-Сергиев и Спасский Толоконцевский монастыри. Таким образом, Борское Заволжье занимало важное место в социально-экономическом и духовном развитии Нижегородского края и России XIII–XVII столетий.

Источники и литература

1. Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Н. Новгород, 1998.

2. Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. – Н. Новгород, 1999.

3. Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании. – Н. Новгород, 2003.

4. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. – Горький, 1961.

5. Некоторые сведения о состоянии нижегородских церквей и монастырей в первой четверти XVII века // Нижегородские епархиальные ведомости (далее – НЕВ). – 1865. – № 8.

6. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века. – М., 1977.

7. Ивина Л.И. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. 1506–1613 гг. – Л., 1983.

8. Вводная грамота монастырю Святого Духа // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1913. – Т. 14. – С. 67–68.

9. Варенцова Л.Ю., Васюточкина Н.В., Гоголева И.С., Харитонов Ю.К. Борское Заволжье в фотографиях / Гл. ред. И.С. Гоголева. – Н. Новгород, 2007.

10. Звездин А. Борской архив // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1909. – Т. 7. – С. 152–161.

11. Соколова Н.В. Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков. – М., 2021.

12. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах. Акты Земских соборов. – М., 1985. – Т. 3. – С. 75–443.

13. Варенцова Л.Ю. Бобровые гоны Заволжья в XVI–XVII вв. // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2000. – С. 145–146.

14. Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988.

15. Писцовая и Переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. – СПб., 1896.

16. Немировский Е.Д. По следам первопечатника. – М.,1983.

17. Соколовский М. Жалованная грамота на дворцовую Толоконцевскую волость // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1909. – Т. 7. – С. 642–651.

18. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602-а.

19. Варенцова Л.Ю. Заволжские владения Троице-Сергиева монастыря в XVII веке // Вопросы истории. – 2001. – № 8. – С. 172–173.

20. 1647 г. Опись села Бор и его окрестных селений, часть которых со временем составит территорию современного города Бор / документ к публикации подгот. Варенцова Л.Ю. // Нижегородский край: Хрестоматия. (История в документах с древнейших времен до 1917 года). – Арзамас, 2001. – С. 60–65.

21. Титов А.А. Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря. – М., 1898.

22. Варенцова Л.Ю., Филатов Н.Ф. Борское лесное Заволжье в XVII веке: Очерки истории. Документы. – Н. Новгород, 2001.

23. Титов А.А. Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. – М., 1898.
24. Варенцова Л.Ю. Конфликты толоконцевских крестьян с властями Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII веке // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. – Н. Новгород, 2001. – Ч. II. – С. 34–38.
25. ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588.
26. Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. – М., 1986.
27. Черты из внутренней жизни раскольников в Нижегородских пределах // НЕВ. – 1867. – № 2.
28. Соловьев С.М. Об истории Древней России. – М., 1992.
29. Гациский А.С. Нижегородский летописец. – Н. Новгород, 1886.
30. Житие протопопа Аввакума. – Горький, 1988.
31. Кабанов А. Две версии осады Макарьевского Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 года // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1914. – Т. 17. – Вып. 3. – С. 1–6.
32. Варенцова Л.Ю. Разинское движение и Борское Заволжье // Педагогическое обозрение. – 2003. – № 4. – С. 177–183.
33. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. – М., 1963. – Т. 3.
34. Ржига Н. Разинщина и раскол // Краеведческий сборник. – Н. Новгород, 1924. – Т. 1. – С. 115–136.
35. Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России Первая половина XVIII века. – М., 1964.

МОРДОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ АРЗАМАСА: ДЕРЕВНЯ МИХАЛЁВА

Александр Алексеевич Инжутов
Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Шатковский районный историко-краеведческий музей» Администрации Шатковского муниципального района, директор
Россия, Нижегородская обл., р.п. Шатки; e-mail: al.injutow2010@yandex.ru

Статья посвящена вопросу локализации мордовской деревни Михалёвы, существовавшей около г. Арзамаса и упоминаемой в письменных источниках XVII века. Факт существования деревни нашел отражение в двух легендах об основании Арзамаса. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что посадская земля города Арзамаса включила в себя бывшие территории Тангравовского бортного ухожая мордвы деревни Вторусской, история которой непосредственно связана с историей деревни Михалёвы.
Ключевые слова: *мордва; Арзамас; Михалёва; Вторусская; XVI–XVII вв.*

Город Арзамас, возникший в начале 1570-х гг. на землях мордвы, стал военным и административным центром вновь образованного Арзамасского уезда. В работе «О становлении Арзамаса» Е. Парадеев представил обзор основных письменных источников о ранней истории Арзамаса и привел доказательства того, что история города в качестве военного и административного центра началась с 7080 (1571/72) года. В Наказной памяти Тимофею Ивановичу Долгорукову в начале 1572 г. упомянуто Ар-

земасово городище, а уже к осени того же года в документах появляются упоминания нового города Арзамаса [1, с. 55].

Документальные подтверждения существования не только города, но и Арзамасского уезда также относятся к началу 1570-х гг. и содержатся в выписях из Арзамасских писцовых книг Никиты Григорьевича Яхонтова 7082 (1573/74) и 7083 (1574/75) гг. [1, с. 42]. Эти и другие сохранившиеся источники свидетельствуют об обширной территории уезда, включавшей в себя как земли Утишья (по левую сторону реки Тёши), так и земли на востоке, в Залесье. Несмотря на то, что и город, и уезд расположились на землях мордвы, в последней четверти XVI века на территории Арзамасского уезда преобладали русские населенные пункты. К этому времени мордовских поселений в непосредственной близости от Арзамаса уже не было.

Большинство мордовских деревень Арзамасского уезда располагались за 25-километровым радиусом по отношению к Арзамасу. Исключение – деревня Пасьянова, находилась в 20 км к юго-востоку от Арзамаса. В самом начале XVII века появился новый починок – Селёма, в 20 км к северо-западу от Арзамаса [2, с. 307, 323].

Вопрос о существовании и времени исчезновения конкретных мордовских поселений в непосредственной близости от города Арзамаса изучен недостаточно. Совсем недавно, в 2019–2020 гг. археологические исследования обнаружили на территории исторического центра города мордовское селище. Найденные предметы позволили датировать селище XI–XIII вв. [3]. Более поздних материалов, которые можно было бы связать с поселениями XVI века, найдено не было, и место Арземасова городища еще предстоит обнаружить.

Между тем, письменные источники сообщают о мордовской деревне, чьи угодья, после ее исчезновения, оказались во владении жителей города Арзамаса. В отличие от других исчезнувших мордовских поселений, которые часто в письменных источниках не имеют названий и записаны как селища или старые селища, в данном случае источники сохранили ее название – Михалёва.

Источником сведений о деревне Михалёва является писцовая книга Тимофея Измайлова с товарищи (20-е гг. XVII века). В ней указывается, что селище и поля деревни Михалёвы были даны арзамасским посадским людям на выпуск и на сено, но после переписи Игнатия Зубова *(проводившейся в 7092(1583/84) и 7093 (1584/85) гг. – **Авт.**)* поля, располагавшиеся за рекою Тёшею, были отданы арзамасским стрельцам, а за посадскими людьми сохранилось само селище Михалёвское и Долгая поляна. В качестве возмещения за взятую у посадских людей землю, им велено было расчищать леса, подходившие к городу с севера и востока.

Впервые документ был опубликован в книге Н.М. Щеголькова «Исторические сведения о городе Арзамасе»: «В арзамасских писцовых книгах Тимофея Измайлова с товарищи написано: дано арзамасским посадским людям на выпуск и на сено селище и поля, что была деревня мордовская Михалева по обе стороны реки Теши, промежь города Арзамаса и Краснова села и после письма и меры Игнатия Зубова с товарищи за рекою Тешею Михалевские поля взяты и отданы Арзамасским стрельцам в пашню, а за ними осталось селище Михалевское, да к тому селищу долгая поляна и арзамасским посадским людям велено против тоя взятыя земли около города разчищать леса и арзамасские посадские люди для животиннаго выпуску леса разсекали и погари разчищали…» [4, с. 23].

В 1913 г. И.И. Матюнин опубликовал списки с грамот, хранящихся в Воскресенском соборе г. Арзамаса. В комментариях к публикации И.И. Матюнин указал, что списки относятся к XVII веку, к делам о земельных владениях Воскресенского храма. Он же отметил, что этими документами пользовался и Н.М. Щегольков, и что в настоящем издании исправлены неточности, сделанные Н.М. Щегольковым [5, с. 3].

Фрагмент, относящийся к деревне Михалёва, в публикации И.И. Матюнина упоминается в списке с грамоты от царя и великого князя Михаила Федоровича от 23 сентября 1629 г. воеводе Илье Афанасьевичу Стрешневу и выглядит следующим образом: «А в арзамаских писцовых книгах Тимофея Измайлова с товарищи написано: дано арзамасцом посацким людям на выпуск и на сено, селище и поля, что была деревня мордовская Михалева по обе стороны реки Теши промежь города Арзамаса и Краснова села и после писма и меры Игнатья Зубова с товарищи, за рекою Тешею Михалевские поля взять и отдать арзамасским стрельцом в пашню, а за ними осталось селище Михалевское да к тому селищу долгая поляна и арзамасцом посацким людем велено против тое взятые земли около города розчищать леса и арзамасцы посацкие люди для животиннова выпуску леса разсекали и погари розчищали…» [5, с. 4–5].

В РГАДА, в деле от 1674 г. о земельных владениях посадских людей города Арзамаса [6] есть деталь, не встречающаяся в двух первых публикациях. Это указание на то, что запись о даче арзамасским посадским людям селища и полей деревни Михалёвы уже была зафиксирована в приправочных книгах Игнатия Зубова, т.е. во время подготовки переписи: «А в приправошных книгах пис(ь)ма и меры Игнатия Зубова с товарыщи 93-го (*1584/1585* – ***Авт.***) году написано арзамасцом посадцким людям на выпуск и на сено селище и поля что была деревня мордовская Михалева по обе стороны реки Теши промеж города Арзамаса и Красного села…» [6, д. 7086, л. 119 об.]. Далее текст идентичен тексту публикаций: «И после пис(ь)ма и меры Игнатья Зубова с товарищи, за рекою Тешею Михалев-

ские поля взяты и отданы арзамасским стрельцом в пашню, а за ними осталось селище Михалевское да к тому селищу долгая поляна и арзамасским посадцким людем велено против взятой земли около города розчищать леса и арзамасцы посадцкие люди для животинаго выпуску леса россекали и погари розчищали а межа тому их выпуску и сенным покосам и розчистям…» [6, д. 7086, л. 119 об.–120].

Анализ текста позволяет сделать следующие выводы:

1) деревня Михалёва была мордовская;

2) деревня исчезла до письма Игнатия Зубова, проводившегося в 7093 (1584/85) году;

3) после исчезновения поселения бывшие угодья деревни были даны арзамасским посадским людям;

4) угодья деревни располагались по обе стороны реки Тёши;

5) после переписи Игнатия Зубова поля, располагавшиеся за рекою Тёшею, были отданы арзамасским стрельцам, а за посадскими людьми сохранилось само селище Михалёвское и Долгая поляна;

6) из последнего вывода вытекает еще один вывод, что сама деревня по отношению к реке Тёше находилась по правой стороне.

В писцовой книге Тимофея Измайлова приведена и межа арзамасской посадской земли, на которой арзамасцы имели право расчищать леса. На западе межа проходила от устья речки Соловейки вверх по ней до Нижегородской дороги. А от «Нижегородцкие дороги вверх по Соловейке на Лубоятной враг и по черной лес». Лубоятной враг входил в речную систему речки Шамки и находился на востоке. Здесь посадская земля была «в межах» с землей Спасского монастыря, с землей монастырской деревни Кириловка. Далее межевой контур проходил через речку Шамку до Тёши, и вниз по Тёше до устья речки Соловейки [6, д. 7086, л. 206 об.–207]. Учитывая соседство этой земли с селищем Михалёвым, можно предположить, что часть ее могла быть бывшими лесными угодьями деревни Михалёвы, а возможно, и бортными ухожаями.

Бывшие Михалёвские поля, располагавшиеся по левую сторону Тёши, сохранили свои границы до конца XVIII века, и были зафиксированы на планах Генерального межевания, а впоследствии и на атласе А.И. Менде. Площадь этой отдельной дачи «Пустошь Стрелка Пушкарка тож владения прежде бывших стрельцов и пушкарей а ныне государственных крестьян» составила 666 десятин [7, д. 4] ***(Приложение 2, илл. 1)***. Дача была вытянута по линии юго-запад – северо-восток, простираясь в длину на 11,6 км, на северо-востоке ограничиваясь рекой Тёшей. Ширина дачи составляла между селами Красное и Выездная слобода около 800 м, самый южный ее вытянутый конец на протяжении 4,7 км составлял ширину всего 140 м. Дача граничила: на западе с землями села Красное и пустошью Охлопков-

ской; на востоке – с землями села Выездная слобода и села Новый Усад с деревнями, на юге – с пустошью Михайловской. Н.М. Щегольков, в комментариях к тексту источника о Михалёвских полях, отданных стрельцам, указывал верное их расположение: «Т.е. на луговой стороне за Тешею, нынешние владения дер. Пушкарки» [4, с. 23].

Следует отметить, что такая вытянутая нарезка земель, северный конец которых подходил к реке Тёше, вообще была характерна для данной местности и сформирована к концу XVI века. Соответственно, полевые земли деревни Михалёвы были отмежеваны с соседними землями еще при существовании деревни и вписаны в существующую структуру землевладения.

В комментариях Н.М. Щегольков указывал и местонахождение деревни: «В местности ныне известной под именем Михалева врага», а Долгая поляна – это «нынешний Долговский враг» [4, с. 23].

На атласе А.И. Менде действительно обозначен овраг Долгой, а вот Михалёв враг не обозначен. На атласе А.И. Менде между северным концом города Арзамаса и оврагом Долгой обозначен овраг Воровской. Сейчас он находится в черте города Арзамаса. Предположительно, он и являлся Михалёвым врагом. На это указывает и то, что его устье выходит в пойму реки Тёши напротив бывших Михалёвских полей, а другого оврага – притока Тёши, в этой местности нет. Учитывая топографию расположения мордовских деревень, можно предположить, что деревня располагалась на овраге – притоке Тёши, напротив бывших полевых угодий. Принимая во внимание более пологий его левый берег, предположим, что деревню Михалёву следует искать в черте г. Арзамаса на левом берегу оврага от ул. Железнодорожный порядок и далее по направлению к ул. Пландина не выше Смирновского пруда.

Исторический факт существования деревни косвенно нашел отражение в двух легендах, опубликованных Н.М. Щегольковым со ссылкой на летопись Мерлушкина. В одной из них – о мордвине Тёше, поселившемся на месте, где впоследствии появилось мордовское поселение Вторусское, и его сыновьях, один из которых – Михалко, обосновался на севере от города Арзамаса на протоке Михалевом [4, с. 10]. В другой – легенде об обосновании Арзамаса Иваном Грозным во время похода 1552 г. и крещении Арзая и Масая, из имен которых будто бы и составилось название Арзамаса: «Первенцы православия получили во св. крещении христианские имена: Арзай наименован – Александром, а Масай – Михаилом…» [4, с. 11].

В обоих случаях имя мордвина – Михаил, явно было выбрано не случайно, и имеет отношение если не к самой деревне, то к топониму, который, следует полагать, был знаком местным жителям в XVIII веке, когда

эти легенды были записаны. Не исключено, что деревня еще была населена в самые первые годы существования Арзамаса. Мы знаем, что поля, располагавшиеся за Тёшей, были отданы арзамасским стрельцам уже после переписи Игнатия Зубова 7093 (1584/85) г., до этого бывшие угодья деревни были даны арзамасским посадским людям. Первая раздача угодий могла произойти или во время более ранней переписи Никиты Яхонтова 7082 (1573/74) гг. и 7083 (1574/75) гг. или в интервале между переписями Яхонтова и Зубова, т.к. к письму Игнатия Зубова посадские люди уже владели Михалёвской землей.

Что касается дальнейшей истории деревни Михалёвы, то она могла быть переселена на новое место, причем на свои же угодья. Подобные примеры мы можем наблюдать как в истории Арзамасского, так и в истории соседних Нижегородского и Алатырского уездов.

Обращает на себя внимание одно из названий мордовской деревни Вторусской, расположенной в 26 км к северу от Арзамаса. Первоначальное название, встречающееся в источниках – Таруская (Торуская). В писцовой книге Тимофея Измайлова с товарищи (20-е гг. XVII века) эта деревня записана как «Торуская, Михайлова тож на речке на Сереже» [8, д. 8, л. 215]. А. Гераклитов среди источников об арзамасской мордве XVII–XVIII вв. встречал вариант названия «Михалей» [2, с. 261]. Название Михалёва (Михайлова, Михалей) могло быть перенесено в качестве названия бывшего населенного пункта, откуда и произошло переселение и стать вторым названием деревни Торуской. А Михалей могло быть настоящим названием первоначальной деревни, включающим в себя мордовское эрзянское «лей» – «ручей». В русской транскрипции название деревни было видоизменено на более привычное Михалёва, Михайлова.

Впервые упоминание о деревне Вторусской встречается в 1586 г., когда житель «Плошка Пиняпин сын мордвин Таруской деревни» присутствовал в качестве понятого при отводе расположенной неподалеку земли пустыни Успения Пресвятой Богородицы [9, с. 24]. При межевании 1586 г. пустыни Успения Пресвятой Богородицы также была отмерена и *Михалевская полянка* [9, с. 24], т.е. полянка, принадлежащая деревне Михалёвой (здесь был применен один из вариантов названия деревни). Дата – 1586 г. – не противоречит времени исчезновения старой Михалёвы и появлении новой деревни Вторусской.

Но не только совпадение названий указывает на Вторусскую, как на возможного преемника Михалёвой. Земли и угодья деревни Вторусской находились в непосредственном соседстве с посадской землей города Арзамаса и соседней с Арзамасом деревни Кириловка. Так, на плане Генерального межевания земля посадских людей города Арзамаса на севере непосредственно граничит с землями деревни Вторусской, деревни Волчи-

ха (ее выселком) и деревни Волчихинский майдан: здесь рубежом являлась речка Водопре. На востоке от Арзамаса, по свидетельству источников XVII века, сенные покосы деревни Торуской были в межах с монастырской землей деревни Кириловка «в черном лесу на Ват(ь)минской и на Шамской вершинах» [8, д. 8, л. 215 об.; 10].

Но это все косвенные указания. Однако есть и прямые свидетельства, указывающие, что ранние землевладельцы, чьи территории заняла посадская земля города Арзамаса, и есть мордва, и бортники деревни Вторусской, и что на большей части посадской земли располагался Танграловский бортный ухожай.

Рассмотрим сначала землевладения посадских людей города Арзамаса.

В писцовых книгах Тимофея Измайлова межа посадской земли была сформулирована следующим образом: «Межа тому их выпуску и сенным покосом и их розчистям от земли Спасского монастыря деревни Кириловки и Березовки и Мелнишной под черным лесом береза покляпа а на ней грани да через Стрелицкой враг на косой на дуб а на дубу грани и в Стрелицкой враг к Лубоятному врагу на дуб сухой виловат что у Кириловской пашни с того дуба по граням через Шамку речку до реки до Теши и вниз по реке по Теше до усть речки Соловейки а от усть речки Соловейки вверх по Соловейке до Нижегородцкие верхние дороги правая сторона посадцких людей земля а от Нижегородцкие дороги вверх по Соловейке на Лубоятной враг и по черной лес и до тех же монастырских граней и в тех гранях землею и лесами и розчисти теми указано владеть арзамасцом посадцким людям» [6, д. 7086, л. 206 об.–207]. Основные ориентиры, по которым прошла межа посадских людей следующие: на юге Стрелицкой враг (правый приток реки Шамки к западу от деревни Кирилловка, нанесен на плане Менде как овраг Стрелица), Лубоятной враг (левый приток Стрелицкого врага к северу от деревни Кириловка, обозначен на плане Генерального межевания), через речку Шамку до Тёши; на западе река Тёша до устья речки Соловейки, вверх по Соловейке до Нижегородской дороги, с северо-запада на юго-восток от Нижегородской дороги вверх по Соловейке и на Лубоятной враг.

Если с межой на юге и западе было все понятно, то участок межи между вершинами речки Соловейки и Лубоятным врагом, представляющим 8-километровое водораздельное пространство по линии северо-запад – юго-восток между бассейном реки Тёша и бассейном реки Вадок, притока реки Пьяна в дальнейшем стал причиной многочисленных земельных споров арзамасских посадских людей с соседними землевладельцами [6]. На этом участке в писцовых книгах Тимофея Измайлова не был перечислен ни один межевой признак.

В 1648 г. присланным указом царя и великого князя Алексея Михайловича из Москвы в Арзамас Иваном Ивановичем Бегичевым и подьячим Романом Ефимовым, в результате сыска большим «повальным обыском города Арзамаса и Арзамасского уезда» вместе с понятыми была установлена межа посадских людей г. Арзамаса: «...А межа той их земле от города Арзамаса вниз по реке по Теше до устья речки Соловейки а от устья речки Соловейки вверх по Соловейке по правую сторону к городу по Нижегородцкую дорогу что пошла из города Арзамаса и перешла через речку Соловейку ниже Филатовы деревни а от Нижегородцкие дороги направо ж к городу и к Лубоятному врагу и вверх же по Соловейке до тое ж Нижегородцкие дороги что перешла через верховья тое ж речки Соловейки выше Филатовы деревни а от Нижегородцкие верхние дороги направо по Сухой вершине что тое ж речки Соловейки к Лихому болоту и за Лихое болота и тое ж Нижегородцкую дорогою до речки до Водопрея по правую сторону дороги земля посадцких людей а по левую сторону за дорогу земля вотчины стольника Семена Шеина что была преж сего боярина князя Бориса Михаиловича Лыкова а по смете по той Нижегородцкой дороге до той речки Водопрея от города Арзамаса версты с четыре с лишком а от Нижегородцкие дороги вниз по той же по речке Водопрею до устья Вадцкие вершины что называют речка Валдуга направо ж к городу земля посадцких же людей и по обе стороны середние дороги к Сосновому болоту и за Сосновое болота правая сторона к городу посадцких людей земля а от устья вверх по другой вершине до Морозовы пустоши и направа к городу за середнею дорогу по обе стороны Колодезной дороги к Соломеному врашку и от Морозовы пустоши вверх же по вершине до елнишные дорошки и направа к Соломенной горе и по обе стороны Реутовы дороги к Лубоятному врагу и по манастырския грани которые у них у арзамасцов посадцких людей писаны в писцове выписи и в сыскной грамоте с манастырскою землею Преображенского монастыря деревни Кириловки з деревнями и то прямой обод их посадцкой земле а в том ободу им арзамасцом посадцким людям животина выгонять и пашня пахать погари и полянки розчищать и сена косить и лес дровяной и хоромной сечь и всяким угодьем владеть...» [6, д. 7086, л. 269–271 об.].

В этом фрагменте перечислено много топонимов. Отметим основные, которые определяют рубежи посадской земли ***(Приложение 2, илл. 1)***:

– западный рубеж: от реки Тёша до устья речки Соловейки, далее вверх по речке Соловейке до Нижегородской дороги, по Нижегородской дороге через Лихое болото к речке Водопрее;

– северный рубеж: от речки Водопрее до устья;

– восточный рубеж: от устья вверх по Вадцкой вершине (другое название Валдуга) (*так названа река Вад* – ***Авт.***) до Морозовой пустоши, далее вверх по вершине;

– затем рубеж поворачивает к Лубоятному врагу к монастырской земле деревни Кириловки;

– южный рубеж (через речку Шамку до Тёши) и часть западного (река Тёша до устья речки Соловейки) были подробно описаны еще у Тимофея Измайлова.

Эти рубежи совпадают с границами земли г. Арзамаса на плане Генерального межевания конца XVIII века, хотя после 1648 г. межа еще будет оспорена, и значительная часть посадской земли войдет в состав пустоши Морозовка. Только с 1673 г., после духовного завещания Федора Михайловича Ртищева об отдаче пустоши Морозовка жителям г. Арзамаса арзамасцы смогут владеть лесами к северу и востоку до речек Водопре и Вад [6, д. 7086, л. 104–110].

О рубежах Танграловского угодья мордвы деревни Вторусской свидетельствует один из актов из коллекции Троице-Сергиевой лавры. В 7141 (1632/33) г. бортники и мордва деревни Вторусской подали челобитную о сдаче своего угодья Троицкому Сергиеву монастырю, в которой и сообщали о границах угодья: «В Орзамазком же уезде вотчина наша Танграловские бортные ухожье и всякие угодья от Нижегородцкие верхние дороги что ездят из Орзамасу по речке по Соловейке вверх до вершины по обе стороны тое речки Соловейки а от вершины речки Соловейки до реки до Ваду и по реке по Ваду а межа той наше вотчине речка Водопрея а от устия речки Водопрея по реке по Ваду вверх до вершины а от вершины тое реки Ваду до Петлинские дороги а Петлинскую дорогою до речки до Шамки а от Петлинские дороги по речке по Шамке вниз до полевые пашни Арзамаскова Спаскова монастыря деревни Кириловы а та деревня Кирилово поставлено на нашей же на вотчинной земле, а платим с той вотчины во Государеву казну оброку з году на год по три пуда меду» [11, д. 563, л. 88 об.–89].

В итоге имеем в большинстве полное совпадение рубежей Тонграловского угодья с посадской землей ***(Приложение 2, илл. 1)***:

– западный рубеж: по Нижегородской дороге вверх по речке Соловейке;

– северный рубеж: речка Водопрея до устья;

– восточный рубеж: от устья речки Водопрея по реке Ваду вверх до вершины, а от вершины реки Вад до Петлинской дороги;

– южный рубеж: Петлинской дорогой до речки Шамки, от Петлинской дороги по речке Шамке вниз до пашни деревни Кириловы.

Мы видим, что, по сравнению с посадской землей, Танграловское угодье простиралось еще дальше на юг (до Петлинской дороги и до речки Шамки). Также представляет интерес прямое указание на то, что сама деревня Кирилловка появилась в угодьях мордвы деревни Вторусской: «...А деревня Кирилово поставлена на нашей же на вотчинной земле...» [11, д. 563, л. 89].

Даже обод Танграловского угодья, от речки Соловейки, далее по часовой стрелке, записан так, как если бы он описывался со стороны города Арзамаса или деревни Михалёвой. Сами угодья «по речке по Соловейке вверх до вершины по обе стороны тое речки Соловейки» [11, д. 563, л. 88 об.] находились в 3–4 км от предполагаемого селища Михалёва и всего в 1,5 км от Долгой поляны, зафиксированного владения Михалёвой, отданной посадским людям, а деревня Кириловка отстояла от Михалёвы на расстоянии 5 км. Принимая во внимание комплексность хозяйства мордвы (пашенные, сенокосные и промысловые угодья), трудно представить, что у деревни Михалёвой, пашенные угодья которой располагались за Тёшей, бортные угодья были где-то далеко, а не рядом с деревней, в Танграловском угодье.

Все это указывает на когда-то принадлежавший деревне Вторусской, Михайлова тож, единый земельный массив, не только в непосредственном соседстве с городом Арзамасом, но и в более ранний период находившийся на землях города. Соответственно, и мордва деревни Михалёвы выселилась в свои же угодья, только на другой их край, к реке Серёже. Если же исключить версию о полной преемственности исчезнувшей Михалёвы с Вторусской – Михайловой, то в свете земельных владений, нельзя исключить версию об их родстве и возможности подселения жителей Михалёвы в деревню Вторусскую и обретения последней еще одного названия.

В приведенную схему встраивается, и видимо, не случайно, переселение мордвина Тёша на место деревни Вторусской в легенде, опубликованной Н.М. Щегольковым.

Таким образом, мордовская деревня Михалёва существовала по правую сторону реки Тёши в непосредственной близости от города Арзамаса. Время ее исчезновения точно не известно, но она могла быть покинута жителями одновременно или спустя несколько лет после появления города. Факт существования деревни нашел отражение в двух легендах об основании города Арзамаса. Посадская земля города Арзамаса включила в себя бывшие территории Танграловского бортного ухожая мордвы деревни Вторусской, история которой непосредственно связана с историей деревни Михалёвы.

Источники и литература

1. Парадеев Е. О становлении Арзамаса. – СПб., 2020.

2. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Гераклитов А.А.; редкол.: В.А. Юрченков и др. Избранное: в 2 ч. – Саранск, 2011. – Ч. 1.

3. Базунов А.В., Бейлекчи В.Вл. Результаты археологических исследований на территории завода Темп-Авиа в г. Арзамасе в 2019-2020 гг. Доклад. Региональная научно-практическая онлайн-конференция «Город Нижний Новгород и его периферия. 800 лет борьбы и дружбы» (Центр традиционной культуры «Константиново поле» в селе Татарское и Дальнеконстантиновский краеведческий музей Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 22–23 апреля 2021 г.) // https://www.youtube.com/watch?v=1bji__UewMY.

4. Щегольков Н. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас, 1911.

5. Матюнин И.И. Материалы к истории Нижегородского края. Из документов Арзамасскаго Воскресенского собора // Действия НГУАК. Т. 16. Выпуск 2. Отдел 3. – Н. Новгород, 1913.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2.

7. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 829. Оп. 676б.

8. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1.

9. Арзамасские поместные Акты 1578–1618 гг. / Под ред. С.Б. Веселовского. – М., 1915.

10. Парадеев Е.И. Список с писцовой книги о владениях Спасо-Преображенского монастыря (Арзамас) в 20-е гг. XVII в. (На правах рукописи). 04/04/2021 [Электронный ресурс]. – URL: http://paradeev.com/2021/04/1363/ (дата обращения: 05.01.2022) // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7040. Л. 773.

11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 303. I. Грамоты, копийные книги Троице-Сергиевой лавры. Д. 563. Сборник актов Арзамасского уезда. [Электронный ресурс]. – URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/303-i/f-303i-563 (дата обращения: 04.01.2022).

ПИСЦОВЫЕ КНИГИ ГРИГОРИЯ СУКИНА, НЕКЛЮДА ДЕВОЧКИНА И ДЬЯКА ДЕМЕНТИЯ СЛУГИНА НАЧАЛА 60-Х ГГ. XVI ВЕКА ПО НИЖЕГОРОДСКИМ ЗЕМЛЯМ, ВОШЕДШИМ В АРЗАМАССКИЙ УЕЗД

Евгений Игоревич Парадеев

Независимый исследователь

Россия, г. Москва; e-mail: eparadeev@gmail.com

Статья посвящена писцовым книгам начала 1560-х гг. писцов Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина по нижегородским землям, которые позднее вошли в состав Залесного стана Арзамасского уезда. Восстановлена биография членов писцовой комиссии. На основе единичных упоминаний этих книг в более поздних актах, а также подлинных документов 1560-х гг. проведена датировка книг, определена примерная территория, подлежавшая описанию и в то время связанная с Нижним Новгородом, показано значение работы писцов в решении земельных вопросов в Арзамасском уезде в последней четверти XVI – первой четверти XVII вв. Выдвинуто предположение об именовании описанных в книгах земель Пьянской волостью. На примере актов по монастырским землям Вознесенского Печерского монастыря продемонстрировано, что, как минимум, Межпьянье относилось к Нижнему Новгороду уже в XV веке.

Ключевые слова: *Нижний Новгород; Нижегородский уезд; Арзамас; Арзамасский уезд; писцовые книги; XVI век.*

В 2020 г. на основе анализа различных источников автор предложил версию об основании Арзамаса в 1572 г. [1]. С появлением города возник и Арзамасский уезд, который был описан Никитой Григорьевичем Яхонтовым и Матвеем Ивановичем Могутовым в первые же годы своего существования в 7082 (1573/74) и 7083 (1574/75) гг. [1, с. 42]. Исторически уезд делился на две большие части – Утишный (иначе – Утишье или Тишь) и Залесный станы. Такое деление сохранялось для мордовских деревень и в XVII веке [2, с. 14]. Для поместных и вотчинных земель использовались меньшие по размеру станы, которые зафиксированы уже у Н. Яхонтова в 1570-х гг., но для поместий и вотчин в актах и даже писцовых книгах XVI–XVII вв. часто использовались обобщающие записи «в Тиши» или «за лесом» [3, с. 13]. Утишье – это западная часть уезда, расположенная в основном по левобережью Тёши. До основания Арзамаса в XVI веке она по ряду признаков относилась к Мурому [4; 5, с. 4–5]. Восточная часть (Залесный стан), предположительно, была за Нижним Новгородом. Подтверждением этому служат писцовые книги нижегородских писцов Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина начала 1560-х гг. Они не сохранились, но до нас дошли отдельные их упоминания, которые позволяют сделать некоторые выводы о времени их подготовки, наполнении и достигнутых результатах.

В сборнике арзамасских поместных актов С.Б. Веселовского [6] такие упоминания есть в следующих документах (далее для отдельных актов используется сокращение АПА и приводится их порядковый номер):

1. АПА № 106 от 1596 г. и АПА № 142 от 1599 г. (сказано о выписи из книг, скреплена дьяком И. Ефановым, текст из нее не приведен);

2. АПА № 116 от 1597 г. (показания сторонних людей, что земли «лежали пусты» до писцовой комиссии Г. Сукина);

3. АПА № 129 от 1598 г. (упомянуты границы, установленные комиссией Г. Сукина);

4. АПА №1 46 от 1599 г. (сказано о землях «сверх дачи» по старым книгам Г. Сукина);

5. АПА № 55 от 1601 г. (сказано о выписи из книг, скрепы не указаны, текст из нее не приведен, также названа старая граница, установленная при Г. Сукине);

6. АПА № 168 от 1603 г., № 180 от 1604 г. (сказано о выписи из книг, текст приведен в документе № 9 из АПА № 409, который скреплен дьяком И. Ефановым);

7. АПА № 179 от 1604 г. (сказано о выписи из книг, имени скрепившего выпись дьяка нет, текст из нее не приведен);

8. АПА № 215 от 1606 г. (сказано о выписи из книг, скрепы не указаны, текст из нее не приведен, также названа старая граница, установленная при Г. Сукине);

9. АПА № 222 от 1607 г. (сказано о землях «сверх дачи» по старым книгам Г. Сукина).

Дьяк Иван Ефанов, скреплявший некоторые выписи, с 1595 по 1609 год служил в Поместном приказе [7, с. 127]. Другие выписи, для которых имя дьяка не приведено (в АПА № 155 и АПА № 179), также были подготовлены в Поместном приказе, поскольку именно из этого учреждения поступали грамоты. Сами книги Г. Сукина именуются в некоторых случаях «арзамасскими» (см. АПА № 106, № 179, № 409 (документ № 9)), что, скорее всего, связано с их учетом в Поместном приказе в 1570-е гг. После появления Арзамасского уезда, куда вошли описанные в 1560-е гг. территории, вероятно, сменилось и заглавие книг. В других документах они даны без географической привязки к уезду (см. АПА № 215, АПА № 222). В одном акте писцы также названы нижегородскими (№ 409, документ № 9): «Выпись с орземаских книг письма нижегородцких писцов Григорья Сукина с таварыщи» [6, с. 582].

Помимо перечисленных 12 упоминаний, часть из которых напрямую взаимосвязаны друг с другом, автором выявлен в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) еще один акт 1616 г., который посвящен мордовской деревне Пищасово на Пьяне (ныне – село Борнуково Бутурлинского района Нижегородской области[1]). Сохранилось две его копии [8, д. 7060, л. 213–220, 296–301]. В нем сделана отсылка на границы, установленные при Г. Сукине с соседними землями, переданными русским помещикам.

В отношении всех указанных выше актов в данной работе определено местонахождение описываемых в них участков. Все они касаются восточной части земель будущего Арзамасского уезда, в основном берегов реки Пьяны. Наиболее южной точкой являются земли, где ныне на реке Ежать расположено село Никулино Лукояновского района. Расстояние от Нижнего Новгорода по прямой составляет 150 км.

Из анализа текстов актов можно сделать вывод, что к писцовым книгам 1560-х гг. обращались на протяжении более чем полувека. Они использовались для выявления владельцев давно заброшенных бесхозных пустошей. Были востребованы при определении изменения размеров землевладений сверх изначальных раздач, которые произошли, как можно

[1] Поскольку все пункты относятся к Нижегородской области, в дальнейшем ее название для экономии места будет опускаться. Также для упрощения различные муниципальные образования везде именуются районами.

предположить, при Г. Сукине[1]. На них же ссылались при установке границ и решении спорных вопросов по ним.

Книгами 1560-х гг. в качестве приправочных должен был пользоваться Н. Яхонтов при описании Арзамасского уезда в 1570-е гг. Можно видеть, что в выписях из его книг на некоторые порозжие земли в Залесном стане упоминаются прежние владельцы, при этом их земли отнесены к дикому полю, не возделаны. К таким, например, можно отнести помещика Дорофея Матвеева сына Отрепьева, владевшего землями у реки Арать (см. АПА № 409, документ № 16), и селище Новоселки, написанное за Васькой Истоминым сыном Мосеевым и Сенькой Семеновым сыном Мальцовым (АПА № 416 от 1592 г.)[2]. В обоих случаях поместья были весьма крупными: 250 четвертей и 350 четвертей, соответственно. Скорее всего, первоначальные помещики получили земли при Г. Сукине в начале 1560-х гг. или незадолго до него, но не успели на них обосноваться и начать обрабатывать. Одной из известных причин запустения земель на востоке от Арзамаса, на которую есть прямое указание в актах (см. АПА № 174 и 185), была «Отаевщина» (производное от имени марийского сотенного князя Адая), т.е. Вторая черемисская война 1571–1574 гг. У Аксаковых, например, в деревне на устье Киржени до 1574 г. «хоромы» «сожгли татаровя» [1, с. 67]. Другими причинами в 1560-е гг. могли быть: удаленность от административного центра (Нижнего Новгорода), относительная нестабильность в регионе, сложности с привлечением крестьян на эти земли[3]. Некоторые же из пустошей, как видно, оставались без хозяев достаточно продолжительные периоды времени, что требовало обращения непосредственно к писцовым книгам Г. Сукина вплоть до начала XVII века.

Видимо, среди ключевых целей писцовой комиссии Г. Сукина были не только сбор и свод сведений о землевладениях, но и раздача земель и фактическое закрепление прав новых помещиков. То, что писцовая ко-

---

[1] Не исключено, что часть раздач могла произойти и несколько раньше приезда писцов, но комиссия эти розданные участки описала, что стало в дальнейшем юридическим основанием для прав на них. Ссылок на какие-то поместные акты до письма Г. Сукина нигде не приведено. Волна колонизации, выражавшаяся в массовом испомещении русских людей в регионе, вряд ли началась раньше Первой черемисской войны 1552-1557 гг. Поэтому вполне возможно, что власти пришли к решению о передаче земель помещикам к концу 1550-х – началу 1560-х гг. и процесс раздач шел в параллели с описанием этой части Нижегородского уезда.

[2] Определение местоположения селища не производилось, но среди новых помещиков, получивших земли, назван Шум Нездин, скорее всего, это окрестности деревни Шумово Гагинского района. В начале XVII века название «Новоселки» было вторым у деревни Гуленки (ныне – одноименное село Гагинского района).

[3] Например, в выписи из книг Н. Яхонтова 1570-х гг. по «старому» поместью Анненковых (425 четвертей) в деревне Шарапово (ныне одноименное село Шатковского района) было всего два жилых крестьянских двора и два пустых [6, с. 585-586].

миссия Г. Сукина раздавала земли, подтверждается, в частности, сохранившимся текстом выписи из книг 1560-х гг., где сказано: «Ивану Иванову сыну Смагину дано ему усадище на реке на Пьяне у Кирдюшева гумна, а земли к тому усадищю дано ему на 300 чети» [6, с. 582]. Скорее всего, далее содержались и краткие сведения о границах, но их в дошедшей до нас выписи не привели. В разъезжей грамоте от 10 июля 1562 г. дьяк Дементий Слугин назвал новыми помещиками владельцев земель, которые были смежны с монастырскими владениями села Полянского (ориентир – село Поляна Перевозского района) и в дальнейшем относились к Арзамасскому уезду [9, с. 36–37]. Таковыми были Иван Данилов сын Смагин с братьями (именуются прямо нижегородскими) и Третьяк Федоров сын Семенов. Опять же на раздачу указывает и тот факт, что на земли «сверх дачи» по книгам Г. Сукина сделаны отсылки в АПА № 146 и № 222. Писцовая комиссия Г. Сукина оценила новые участки в четвертях, установила их границы, что в дальнейшем стало основой для последующих действий над ними, и при спорах к книгам возвращались в качестве наиболее раннего первоисточника.

По размерам участков можно судить, что они изначально все были большими (от 150 четвертей и более). Это было настоящее освоение новых территорий. Например, владения И.И. Смагина оценены в 300 четвертей, выше приведены примеры с диким полем на 250 и 350 четвертей. Согласно АПА № 215, за четверыми братьями Сысуевыми был земельный массив, оцененный в 1 200 четвертей. За Яковом Сущевым (АПА № 155) числилось 300 четвертей. Уже впоследствии участки были подвергнуты разукрупнению из-за увеличения количества помещиков. Подрастало новое поколение, появлялись новые владельцы с других территорий, на земли в Залесном стане претендовали помещики из Утишья, где было безопаснее, но, по-видимому, и теснее. Это привело, в том числе, и к смешению владельцев между западной и восточной частями Арзамасского уезда. Все эти тенденции еще предстоит досконально изучить.

Перед тем, как перейти к анализу содержимого актов, где упоминаются результаты работы Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина, необходимо рассказать о самих писцах. Полный состав комиссии нигде в АПА не приведен, но он есть в оброчной грамоте Вознесенскому Печерскому монастырю от 4 марта 1561 г. [10, д. 232 (1)]. На этой грамоте свои печати проставили Г. Сукин и Н. Девочкин. А оттиск печати Д. Слугина сохранился на разъезжей грамоте от 2 июня 1562 г. [11, д. 7958 (17)]. Копии изображений с этих оттисков представлены в монографии директора Московского архива Министерства юстиции Петра Ивановича Иванова «Сборник снимков с древних печатей...» 1858 г. Для полноты картины они приведены нами ***(Приложение 3, илл. 1)***.

Григорий Никитич Сукин – представитель рода Сукиных. Не последнюю роль в его карьере, вероятно, сыграли родственники – Борис и Юрий Ивановичи Сукины. Борис уже в 1540-е гг. был дьяком в Москве, а Юрий являлся казначеем с 1546 г. [7, с. 82]. В свадьбе царя Ивана Грозного с Анастасией Захарьиной-Юрьевой, состоявшейся 3 февраля 1547 г., участвовали и Борис, и Юрий, а «Гришка Сукин» находился «на розсылке» у постели у князя Ю.В. Глинского [12, с. 325]. В том же 1547 г. «Григорей Микитин сын Сукин» присутствовал на свадьбе младшего брата царя Юрия Васильевича и исполнял ту же роль, что и в первый раз [12, с. 338]. На обеих церемониях у постели стоял Юрий Сукин, который, видимо, и выступил покровителем для участия Григория.

Г. Сукин вошел в состав «лучших слуг» и был внесен в Тысячную книгу 1550 г. в третью статью, согласно которой ему полагалось в поместье в Московском уезде 100 четвертей [13, с. 65]. В Дворовой тетради 1550-х гг. он же – сын боярский из Суздаля [13, с. 153]. По сведениям из «Боярской книги» 1556/57 г., в течение двух лет, вплоть до 24 июня 1555 г., вероятно, был волостелем в Сямской волости («съехал с Сямы на Рожество Ивана Предтечи лета 7060 третьяго, держал 2 года» [14, с. 109]), на тот момент времени имел в поместье 600 четвертей и в вотчине 225 четвертей[1]. В 1550-е гг. участвовал в нескольких военных походах. В августе 1551 г. совместно с Б. Сукиным возглавлял служилых татар, направленных в Свияжск [12, с. 399]. Этот первый опыт, по-видимому, повлиял на его дальнейшую службу, поскольку ему и впредь доверяли руководство татарскими отрядами, но уже на западных рубежах.

Так, он стоял во главе служилых татар в походе из Новгорода на Выборг зимой 1555–1556 гг. [15, с. 505] и был участником похода под Ригу зимой 1558–1559 гг. в полку левой руки «с темниковскими и с ценскими тотары» в подчинении [16, с. 40]. В дальнейшем при походе на Алыст (ныне – Алуксне, Латвия) в январе 1560 г. его приставили к татарскому царевичу Ибаку в большом полку [16, с. 62]. Затем Григорий на короткое время вернулся на восток и в 7069 (1560/61) г. являлся писцом в Нижнем Новгороде. Однако уже в 7070 (1561/62) г. и 7071 (1562/63) г. числился наместником в Почепе на Брянщине [16, с. 98, 141]. В 7072 (1563/64) – 7074 (1565/66) г. был городничим в Полоцке, который русские войска взяли в начале 1563 г. [16, с. 150, 173; 17, с. 182]. В 7076 (1567/68) – 7077 (1568/69) гг. Григорий описывал Ярославский уезд совместно с Василием Фоминым-Квашниным [18, с. 237]. Еще есть сведения, что он трижды делал денежные вклады в Троицкий монастырь (ныне Троице-Сергиева лавра) в 1550, 1556 и 1557 гг. [19, с. 102].

---

[1] В вотчине Г. Сукина была четверть и пол-пол-полчети сохи, пересчет выполнен при допущении, что служилая соха равна 800 четвертям «доброй» земли.

О Неклюде Ивановиче Девочкине известно немного. В 1539 г. в период с 12 сентября по 12 ноября он ездил гонцом из Москвы в Казань с грамотами и благополучно вернулся обратно с представителем Казанского ханства [20, с. 129–130]. Но далее в разрядных книгах и других источниках не упоминается. В отличие от Г. Сукина, значимую военную или административную карьеру выстроить не смог. В Тысячную книгу 1550 г. не внесен. В Дворовой тетради 1550-х гг. значится сыном боярским и губным старостой из Суздаля, но с пометой «почернено», т.е. вычеркнуто [13, с. 154]. Далее являлся писцом совместно с Г. Сукиным в 1560–1561 гг., и, видимо, Нижний Новгород также покинул до начала лета 1562 г., поскольку более поздние грамоты выдавал только дьяк Дементий Слугин. Г. Сукин в этот момент времени уже должен был находиться в Почепе.

О Дементии Васильевиче Слугине ряд сведений собрал еще С.Б. Веселовский [21, с. 478–479]. В частности, он упоминается в качестве послуха у купчей князя М.В. Глинского на владения в Ростовском уезде в 7054 (1545/46) г. [22, д. 532, л. 744] и у другой купчей в том же уезде от 16 марта 7062 (1554) г. [22, д. 532, л. 747]. В дальнейшем дьяк Приказа Большого дворца, упоминания о котором в разрядных книгах относятся к июню 1556 г. и июлю 1557 г. [15, с. 514; 16, с. 11]. В 7065 (1556/57) г. верстал в Москве новгородцев совместно с князем Д.И. Курлятевым [23, с. 82]. В 7067 (1558/59) г. – послух у очередной купчей князя М.В. Глинского, касающейся Московского уезда [22, д. 530, л. 140 об.]. В 7068 (1559/60) г. уже пребывал в Нижнем Новгороде и работал совместно с Петром Туровым[1], в частности, передал на оброк озера вдоль Пьяны мордве [10], а также уже до 18 марта 1560 г. описал монастырские земли [11, д. 7954 (13)]. В 1560–1561 гг. был в составе комиссии Г. Сукина, составил и скрепил оброчную грамоту от 4 марта 7069 (1561) г., выданную Вознесенскому Печерскому монастырю на водные угодья вдоль этой реки [10]. В июне и в июле 7070 (1562) г. без участия других писцов Дементий Слугин выдал две разъезжие грамоты на земли того же монастыря в той же местности [11, д. 7958 (17) и 7959 (18)]. 19 июля 1565 г. сделал вклад в Троицкий монастырь совместно с другим дьяком Путилой Михайловым [19, с. 99]. В 7074 (1565/66) г. составил отписные книги по землям в Старицком уезде [25, с. 373].

---

[1] Вероятно, результатом их же совместной работы были и установленные границы для земель Вознесенского Печерского монастыря на северном берегу р. Пьяны у деревни Фатьянково, отсылка на которые сделана в акте от 28 апреля 1599 г., где упомянуты «две ямы» «сельцовы» (т.е. монастырского села Ягодного) Петра Турова [24, с. 282]. Составитель сборника, в котором приведен текст этого документа, Г.Н. Анпилогов посчитал П. Турова помещиком, но здесь имеются в виду писцовые «грани», межевые знаки. Нельзя исключать, что совместная работа П. Турова и Н. Девочкина коснулась и вотчины Дудина монастыря, где оброк по одной из деревень определен «по Петровым книгам Сурова», т.е. Турова [24, с. 209].

Проблема датировки книг Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина заключается в том, что в сохранившихся упоминаниях используется сразу несколько дат, при этом не все они укладываются в прослеживаемую в деталях биографию Григория Сукина. Так, во взаимосвязанных между собой АПА № 106 и № 142 книги датированы 7068 (1559/60) и 7069 (1560/61) гг. В АПА № 168 и АПА № 409 (документ № 9) при упоминании выписи на поместье И. Смагина они же отнесены к 7071 (1562/63) г. В АПА № 180, который касается тех же поместных земель и той же самой выписи, указан 7070 (1561/62) г. Наконец, в АПА № 179, где речь идет о владениях на Пьяне около современного села Юрьево Гагинского района, также стоит 7070 (1561/62) г. Оброчная грамота Вознесенскому Печерскому монастырю, которая была подготовлена при участии всех членов писцовой комиссии, появилась 4 марта 7069 (1561) г.

Работы по описанию земель, как видно из актов, могли быть начаты в 7068 (1559/60) г. Но еще зимой 1560 г. Г. Сукин участвовал в военном походе на Алыст (ныне – Алуксне, Латвия). Примерно тогда же дьяк Дементий Слугин, согласно грамоте от 18 марта 7068 (1560) г., работал в Нижегородском уезде с Петром Ивановичем Туровым [11, д. 7954 (13)]. При этом летом того же года П. Туров уже был с другими людьми, о чем свидетельствует выпись от 25 июля 1560 г. с предоставлением льгот помещику с 29 июня [26, с. 169–170]. Учитывая время на издание наказа и перемещение из Алыста, Г. Сукин мог начать работу совместно с Н. Девочкиным и дьяком Д. Слугиным поздней весной или летом 1560 г. Это бы совпало по времени с деятельностью комиссии П. Турова по другим территориям, относившимся к Нижнему Новгороду. Между прочим, по соседству на землях будущего Темниковского уезда в 7068 (1559/60) г. начинал работу и Мещанин Морозов, подготовивший мещерские писцовые книги[1].

Крайним годом подготовки писцовых книг является 7071 (1562/63) г. Однако, согласно сведениям разрядных книг, в 7070 (1561/62) г. Г. Сукин был назначен наместником в Почепе на Брянщине [16, с. 98]. Известно, что разъезжие грамоты на земли Вознесенского Печерского монастыря на Пьяне в июне и июле 7070 (1562) г. выдавал только дьяк Дементий Слугин без участия других писцов. То есть, писцовая комиссия, если и работала в полном составе в 7070 (1561/62) г., то, скорее всего, осенью 7070

[1] На них есть отсылка в АПА № 118, где речь идет о землях села Тагаево Починковского района. В середине XVI века описанные в этих книгах 200 четвертей относились к Замокошскому стану Мещеры и названы изначально оброчными. В дальнейшем были прямо у границ Темниковского и Арзамасского уездов. От Тагаево до Никулино (южной точки, описанной Г. Сукиным) чуть больше 30 км по прямой. Книги в АПА датированы 7068 (1559/60) г.

(1561) г. В таком случае отсылка на 7071 (1562/63) г. может быть объяснена: 1) ошибками, допущенными в актах (подразумевался 7070 (1561/62) г.); 2) продолжением работ по описанию уезда, но уже при участии одного лишь дьяка Д. Слугина, который в разъезжих грамотах назван писцом и прикладывал к документам свою печать; 3) долгим оформлением и поздней подачей книг в вышестоящие учреждения. Окончательного ответа на этот вопрос пока нет в силу ограниченного количества упоминаний. По мнению автора, крайним годом, все-таки, должен быть 7070 (1561/62), но в АПА № 168 и № 409 (док. № 9) были допущены одинаковые ошибки, а в последующем АПА № 180 год уже проставили корректно. Предварительно основной этап работ над книгами при полном составе писцовой комиссии во главе с Г. Сукиным можно датировать 1560–1561 гг. Плюс еще сюда может быть прибавлена работа Д. Слугина в одиночку. Его разъезжие грамоты 1562 г. – это уже окончательный этап, когда перед закрытием работ выдавались различные выписи и решались спорные вопросы. В системе летоисчисления «от сотворения мира» период работы над книгами: 7068–7070 гг.

Стоит сказать и о нижегородских землях, которые описывали писцы: с высокой вероятностью к началу 1560-х гг. они именовались Пьянской волостью. Такая волость дважды упоминается в актах при опросах старожилов о прежних владельцах. В обоих случаях земельные участки лежат в границах той территории, на которой работала комиссия Г. Сукина. В АПА № 198 от 1604 г. о старинных землях Семен Свербина (ориентир – деревня Свербино Шатковского района) сказано так: «У того Сеньки было поместье в Пьянской волости, а дано ему усадище у дубровы у Муроямги на ключе, а дачи ему было 150 чети» [6, с. 269]. В АПА № 214 от 1606 г. о владениях Василия и Андрея Бисеровых у устья реки Киржень (у села Воронцово Гагинского района) свидетели сообщили следующее: «У них усадища было в Пьянской волосте на реке на Пьяне» [6, с. 298]. Существование такой волости в Нижегородском уезде до массового испомещения вполне согласуется с тем, что земли Вознесенского Печерского монастыря в Межпьянье граничили с великокняжескими землями, причем и в XV веке (об этом кратко в конце статьи). То есть, влияние в этом регионе Нижнего Новгорода было значимым издавна[1].

Далее проведен анализ отдельных упоминаний книг Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина или результатов работы писцов (напри-

[1] Между прочим, после передачи земель вдоль Пьяны в Арзамас и формирования Арзамасского уезда в Залесном стане остались «островки» Нижегородского уезда – две мордовские деревни Пилекшево и Ичалово, относившиеся к группе т.н. «Запьянской» мордвы. Пилекшево с одной стороны граничила и с Завадским станом Курмышского уезда, который, видимо, появился также после 1560-х гг.

мер, установленных границ) в различных актах, которые перечислены в начале статьи. Основная цель – обеспечить надлежащее определение географических координат описываемых в актах земель, чтобы очертить примерный регион, в котором работала писцовая комиссия. Для полноты картины даны пояснения и по самим актам. Для удобства ориентации разделы по отдельным актам пронумерованы римскими цифрами.

I. В **АПА № 106 от 31 сентября 1596 г.** упомянута выпись «с орзомаских с писцовых книг письма Григорья Сукина с товарыщи», сами книги в этом акте датированы 7068 (1559/60) и 7069 (1560/61) гг. [6, с. 119]. Выпись скрепил дьяк Иван Ефанов, который в 1596 г. служил в Поместном приказе [7, с. 127]. В акте речь идет о поместье Ивана Иванова сына Микулина. Перечислены жители, проживавшие в небольшом безымянном поселении, находившемся в его владениях (например, Кузьма Яковлев, Яким Тимофеев, Первуша Елизарьев и пр.). Среди них был и брат помещика – Докучай Микулин. Еще одним действующим лицом значится Павел Третьяков сын Ульянин, подавший прошение на предоставление ему 50 четвертей, которыми владел И. Микулин сверх своего оклада. По результатам оценки на местности было определено, что лишних земель лишь 33,25 четверти, они были отписаны на государя до дальнейшего решения. Продолжением разбирательства является **АПА № 142 от 11 августа 1599 г.**, где сделана отсылка на АПА № 106 и упомянутую выше выпись из книг Г. Сукина. В обоих актах нет надежных привязок на местности, единственный ориентир – речка Ежать. Но среди сторонних лиц в АПА № 106 названы представители близлежащих мордовских деревень – Ермезенки, Чиргушской (т.е. Чиргуши), Лобанскинской (т.е. Лобаски) [6, с. 121]. Все это говорит о том, что речь идет о землях на реке Ежати на незначительном удалении от всех этих поселений.

Разобраться в точном местоположении позволяет другой акт – АПА № 131 от 15 октября 1598 г. Он посвящен отделу и установлению границ между поместьями И. Микулина и П. Ульянова, которое именуется так: «Усадище их на враге на Кижанбуле» (также есть другие варианты – «Кеженболе», «Кежанболе») [6, с. 158]. В поместье И. Микулина учтены некоторые из жителей, упомянутые в АПА № 106; например, в перечне есть пустые дворы его брата Докучая и Первуши Елизарьева, жилые дворы Кузьмы Яковлева, Улана Абакумова (в 1596 г. назван новоприходцем), а также Василия Якимова, сына Якима Тимофеева. Нет сомнений, что в АПА № 106 и № 131 описываются одни и те же земли. Важным ориентиром при установке границ в АПА № 131 назван овраг Куртань [6, с. 159]. Этот овраг отмечен на плане генерального межевания (далее – ПГМ) Лукояновского уезда, что позволяет с точностью определить местоположение поместья И. Микулина. Сегодня на его месте находится село Никулино

Лукояновского района. В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. оно описано так: «Село Микулино на речке на Ежати, что было за Иваном Микулиным, а после того за Иваном Стреневым из Павловские дачи Ульянина» [27, д. 7040, л. 257].

II. В **АПА № 116 от 22 мая 1597 г.** приведено еще одно упоминание писца Г. Сукина. В этом акте сказано, что Федор Лопатин подал прошение на передачу ему в поместье селища Сустатовского на реке Пьяне и пустоши за рекой Ройкой за оврагом Киследеем, которые на тот момент были за ним же на оброке [6, с. 135]. Река Ройка является правобережным притоком Пьяны, а упоминание оврага позволяет сделать еще более точную привязку, ведь на карте Менде середины XIX века отмечен приток Ройки – речка Кислятка. Ее местоположение – внутри исторических границ села Ветошкино Гагинского района. Из писцовых книг Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. известно, что деревня Ветошкино изначально принадлежала Ф. Лопатину, и он в ней построил первую церковь во имя Архистратига Михаила [27, д. 7040, л. 623]. Он же, вероятно, известен как Федор Ветошкин сын Лопатин [3, с. 245].

В 1597 г., согласно АПА № 116, при рассмотрении его прошения городовой приказчик Юмшан Лобанов выехал на местность, и, опросив сторонних людей, выяснил предысторию селища и пустоши. Ему сообщили следующее: «Те пустоши истари словут отводные поляны Сустатовское селище да Тотеминское, все одно имя, а иново имяни тем пустошам нет» [6, с. 135]. В поместье или вотчины они отданы не были, не относились к иным категориям земель (дворцовым, мордовским и пр.). Тем не менее, в хозяйственный оборот они были введены благодаря помещикам: «А те пусташи имал из найму в сенные покосы в городе в Орземасе у воевод Русин Бронской, а после Русина Бронсково взял на оброк в сенные-ж покосы в Орземасе у воевод Федор Лопатин» [6, с. 136]. При этом до «Григорьева письма Сукина» эти пустоши «лежали пусты» [6, с. 136]. Такая фраза показывает, что первым формальным описанием земель в этой местности можно считать работу писцовой комиссии Г. Сукина, и жители окрестных поселений ссылались на нее. Далее сторонними людьми введено уточнение о местоположении пустошей: «Вверх по речке по Ройке за врагом за Киследем по Сустатовской по черной лес» [6, с. 136]. Так как движение идет против течения Ройки, пустоши находились на северо-востоке от села Ветошкино за оврагом Киследеем, который на карте XIX века известен как речка Кислятка. По результатам выезда на местность и опроса свидетелей Юмшан Лобанов измерил пустоши и оценил качество земли на них и количество сена. Данные земли были переписаны им «на государя», а за Ф. Лопатиным оставлены на оброке до принятия окончательного решения о предоставлении их ему в поместье [6, с. 136].

III. Еще одно упоминание Г. Сукина в связи с владениями Ф. Лопатина содержится в **АПА № 146 от 22 декабря 1599 г.** Согласно этому документу, Федор уже скончался, а прошение подала его вдова Фекла. Она потребовала выделить ей 93 четверти, которые были в поместье за Лопатиными «сверх дачи по старым книгам Григорья Сукина» [6, с. 187]. Эти земли в 7107 (1598/99) г. передали Афанасию Болтину. Фраза «сверх дачи» говорит о том, что изначальный выдел земель производился писцовой комиссией Г. Сукина в начале 1560-х гг. Скорее всего, в акте воспроизведено и раннее название участка, которое звучит так: «Селище, что на реке на Пьяне усть речки Раю вниз по реке по Пьяне». Название речки, которое здесь искажено, – это Роя, т.е. Ройка. Именно рядом с ее устьем и было основано Ветошкино.

IV. В **АПА № 129 от 24 августа 1598 г.** приведены сведения о том, что одна из границ между владениями вокруг озера Кослав (иначе в этом же акте – Кославское) названа «старой» и пролегала «по гранем прежних писцов, Григорья Сукина с товарищы» [6, с. 156]. Это свидетельство установки границ в этих местах уже в 1560-е гг. Сам акт посвящен поместью Ратмана Левина, за которым, по писцовой книге Игнатия Зубова 1580-х гг., числилось 190 четвертей земли (см. документ № 14 в АПА № 409). Из АПА № 129 известно, что помещик скончался, а права на часть его владений (90 четвертей) были переданы его жене Устинье и сыну Ивану. Согласно писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг., «за Иваном Ратмановым сыном Левина» было «отца его помесье на реке на Пьяне на озере Кеславе в пустоши Ратмановской» [27, д. 7040, л. 332 об.–333]. На ПГМ Княгининского уезда то же озеро названо Кеславским, на карте Менде – Кеславль. Ныне от него остался сравнительно небольшой безымянный водоем севернее деревни Кеславь Бутурлинского района.

За другими помещиками (сыновьями князя Ивана Путятина) в 1620-е гг. также числилась весьма крупная деревня Кеслав (или Кеславь), названная по водоему. В 1598 г., согласно АПА № 129, князь Иван Путятин получил в поместье 100 четвертей, изначально принадлежавших Р. Левину, «за Шетковским лесом на озере на Кославском селище» [6, с. 155]. До Р. Левина эти же 100 четвертей, перешедших И. Путятину, были за Третьяком Смагиным. В 1620-е гг. за детьми князя числилось уже 150 четвертей (по-видимому, им достались 50 четвертей от другого местного помещика Зори Игумнова), а за сыном Р. Левина Иваном сохранились те же 90 четвертей, которые упомянуты в АПА № 129. Таким образом, упоминание Г. Сукина в данном акте можно однозначно связать с современной деревней Кеславь.

V. В **АПА № 155 от октября 1601 г.** также описаны земли на реке Пьяне. Согласно акту, Тимофей и Суторма Любятинские подали прошение

о выделении им в поместье бывших владений Якова Сущева. В тексте обозначено, что земли эти были «вопче с Тевризом Безобразовым да с Арбузом Трескиным в селище усть речки Возы, на реке на Пьяне» [6, с. 201]. Под Возой здесь скрыта река Аза, правобережный приток Пьяны. К наказу о выделе земель Любятинским была подклеена копия 7101 (1592/93) г.[1] с выписи из писцовых книг Г. Сукина: «И тому Яковлеву поместью Сущова с выписи список арзамаских книг Григорья Сукина с товарищи лета 7101-го году подклеон под сем наказом» [6, с. 202]. В 1560-е гг. в этой местности были уже установлены границы земель, на что сделана отсылка в этом же документе («да от веза по старой меже писца Григорья Сукина с товарищи» [6, с. 203]). Это свидетельство того, что Яков Сущев был старинным помещиком, учтенным еще в 60-е гг. XVI века Усад его располагался прямо в устье речки Азы («усадище усть речки Вазы»). Сами владения находились по ее левому берегу: контур границ начинался у Пьяны, далее межа приходила к Азе и спускалась вдоль нее к устью, при этом земли Любятинских расположены были «по левую сторону» [6, с. 203]. Впоследствии на этих же землях поселятся камкинские татары (см. АПА № 169), современным ориентиром служит село Камкино Сергачского района.

VI. Связанные между собой **АПА № 168 от мая 1603 г.** и **АПА № 180 от 5 февраля 1604 г.** посвящены поместью Ивана Смагина на реке Пьяне. Согласно актам, Никита и Артемий Барсуковы подали прошение на передачу им 150 четвертей, которые ранее принадлежали И. Смагину, а в начале XVII века пустовали. В Арзамас из Поместного приказа в 1603 г. была направлена «выпись слово в слово за дьячьею приписью» «с книг письма Григорья Сукина с товарыщи 71-го [1562/63] году» [6, с. 221]. При упоминании той же выписи в АПА № 180 книги датированы уже 7070 (1561/62) г. [6, с. 241]. Краткая выдержка из книг по тем же поместным землям приведена в **АПА № 409 (документ № 9)**. Здесь они отнесены к 7071 (1562/63) г.

Документ № 9 из АПА № 409 уникален – он был подготовлен в Поместном приказе и скреплен дьяком Иваном Ефановым, и содержит всю ключевую информацию о поместье, изначально принадлежавшем И. Смагину. В частности, в нем представлены сведения из более поздних писцовых книг – Никиты Яхонтова 7083 (1574/75) г. и Игнатия Зубова 1584–85 гг. Это позволяет восстановить хронологию событий.

В начале 1560-х гг. писцовая комиссия во главе с Г. Сукиным указала, что Иван Иванов сын Смагин получил в поместье «усадище на реке на

[1] Здесь следует отметить, что это интерпретация текста документа, напечатанного в сборнике. Возможно, что в исходном акте подразумевался год оформления самих писцовых книг, а здесь скрыты какие-то типографские ошибки.

Пьяне у Кирдюшева гумна» с землями, оцененными в 300 четвертей [6, с. 582]. К середине 1570-х гг. часть его владений (150 четвертей) уже перешла к Никите Мордвинову сыну Барсукову и именовалась так: «За Шатковским лесом селище на реке на Пьяне, Ивановское помесье Иванова сына Смагина» [6, с. 582–583]. Понятие «за лесом» появилось, поскольку описание уже велось от Арзамаса, и эти земли находились от города на востоке за крупным лесным массивом. В 1580-е гг. в книге Игнатия Зубова поместье написано также за Барсуковым: «За Никитою за Мордвиновым сыном Барсукова за Шатковским лесом старое его помесье селище Смагино, на реке на Пьяне» [6, с. 583]. А далее в 7101 (1592) г. часть владений Н. Барсукова перешла к его племяннику Ортюше (т.е. Артемию) Иванову сыну Барсукову (50 четвертей), после чего за Никитой осталось 100 четвертей [6, с. 583]. Об этом разделе сведения даны в АПА № 414 от 4 октября 1592 г. Оставшиеся 150 четвертей из первоначального поместья И. Смагина, как видно из АПА № 168, пребывали в запустении без владельца вплоть до начала XVII века.

После получения в Арзамасе грамоты из Москвы (АПА № 168) городовой приказчик Юмшан Лобанов выехал на местность, подтвердил, что у пустоши на землях И. Смагина нет владельцев, и отписал ее на государя до дальнейшего решения (см. АПА № 174 от 1603 г., май–август). В этом акте содержатся весьма ценные данные от сторонних людей, сообщивших о поместье И. Смагина следующее: «Лежит в пусте в порозжих землях диким полем от большие войны от Отаевщины» [6, с. 232], под которой надо понимать Вторую черемисскую войну 1571–1574 гг., одним из предводителей которой был марийский сотенный князь Адай. Это полностью соответствует информации из писцовой книги Н. Яхонтова середины 1570-х гг., где половина запустевшего поместья И. Смагина уже была передана Н. Барсукову.

После оформления АПА № 174 в силу отсутствия каких-либо активных действий из Москвы и со стороны местной администрации Барсуковы подали очередную челобитную, последовал АПА № 180, по которому предписывалось 150 четвертей передать им в поместье, при этом повторно перепроверить, нет ли других владельцев. Юмшан Лобанов выехал на местность лишь весной, о чем свидетельствует АПА № 185 от 7 мая 1604 г., согласно которому земли были, наконец, переданы Барсуковым. В акте повторены сведения, полученные в ходе опроса сторонних лиц еще в 1603 г. (упомянута та же «Отаевщина»). Также представлены границы земель, в описании которых среди прочих упомянуты следующие ориентиры: Посниковская пустошь Смагина, Базинская пустошь Певцова, Васильковский «поворот», пустошь «Сысуевскоя», речка Кадарша, Верекурское устье. Пустошь Посника Смагина в 1620-е гг. относилась к помещи-

кам села Смагино [27, д. 7040, л. 322]. В 1604 г. при движении от Пьяны на юг она находилась от границы земель Барсуковых по правую руку, т.е. с западной стороны. Пустошь Базы Певцова была с востока. Васильковский «поворот» можно связать с местностью, где теперь находится поселок Васильки Бутурлинского района. Пустошь Сысуевская или Сысуева (о ней далее при анализе АПА № 215) локализуется там же. Кадарша – на современных картах именуется Кетаршей. Устье Верекурского оврага или ручья было на Пьяне где-то чуть западнее места впадения Кетарши. Видимо, на нем же находилось селище Верекурское, упоминаемое уже в 1562 г. [9, с. 36].

Известно, что деревня Барсуковых называлась Базиной (см., например, АПА № 237 от 20 июля 1611 г.), ныне – это западная часть р.п. Бутурлино. В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина одноименная деревня учтена в поместье у Федора Степановича Чемесова (120 четвертей), вдовы Любавы, жены Артемия Барсукова (75 четвертей) и Анисима Ивановича Максимова (25 четвертей), которому достались земли Марины Барсуковой. Итого 220 четвертей, из которых 100 достоверно связаны с Барсуковыми. При этом в описании владений Любавы писцы представили и второе название населенного пункта – Смагино [27, д. 7040, л. 301]. Еще некоторая часть деревенских земель совместно с пустошью Базы Певцова была в вотчине у Ф. С. Чемесова (130 четвертей), но в данном случае, к сожалению, не разделить земли деревни и пустоши.

По приведенному описанию границ в АПА № 185 владения Ивана Смагина, которые достались Барсуковым, можно связать как с землями села Смагино вдоль границы с пустошью Посника Смагина (с запада), так и с землями деревни Базины вдоль границ с пустошью Базы Певцова (с востока). Например, в писцовой книге 1620-х гг. прямо сказано, что в селе Смагине за Петром и Василием Ивановичами Неклюдовыми было отца их поместье «Ивашкинская дача Смагина» [27, д. 7040, л. 324–324 об.]. Стоит также отметить, что земли соседней деревни Кеслав (Кеславь), находившиеся во владениях князей Путятиных, изначально принадлежали Ратману Левину, а еще ранее Третьяку Смагину. За Смагиными был достаточно большой земельный массив.

Согласно выписи из книг Игнатия Зубова 1580-х гг., поместье Р. Левина именовалось «селище Кислое, у озера у Кислова, у Кирдюшева гумна» [6, с. 585], где под «Кислым» озером скрывается искажение от Кеслав (Кеславь). Тот же объект – Кирдюшево гумно – упоминается и в писцовой книге Г. Сукина при описании поместья Ивана Смагина (ему было дано «усадище на реке на Пьяне у Кирдюшева гумна»). По-видимому, это был некий старинный ориентир, использовавшийся в 1560-е гг. при первоначальном учете земель Смагиных. Скорее всего, его название можно свя-

зать с Кирдюшем Сыресевым из соседней мордовской деревни Кемары, который в начале 1560-х гг. взял на оброк воды вдоль реки Пьяны, включая озеро Кеслав (об этом далее). Местоположение гумна, скорее всего, и было где-то рядом с озером, поскольку между озером и селом Смагино расстояние составляло не более 1 км.

VII. Следующее упоминание писцовых книг 1560-х гг. приведено в **АПА № 179 от января 1604 г.** Акт посвящен запустевшему неразделенному поместью Бориса Муромцева и Федора Аулова на реке Пьяне под Боровым островом. Еще ранее оно же было за Петром Песяуковым. На эти земли претендовали два челобитчика – Бурняй Сухово и Филипп Романов. В акте указано, что из Москвы была выслана «с орземаских книг Григорья Сукина с товарыщи лета 7070-го [1561/62] году выпись за дьячьею приписью» [6, с. 239]. В 1603 г. Юмшан Лобанов выехал на местность и опросил ряд сторонних лиц, которые пояснили, что искомая пустошь находилась между земель Якова Ростригина и Пятого Урюпина, а «усадище Петра Песяукова, запомнят, было к реке к Пьяне в луке, а была деи у него на усадище одна изба» [6, с. 239]. По результатам опроса Юмшан выявил пустошь на местности и 23 марта 1603 г. отписал ее на государя до дальнейшего решения. В январе 1604 г. после очередной челобитной от Б. Сухово и Ф. Романова Юмшану предписывалось по «выписи с книг» отделить 128 четвертей первому челобитчику и 22 четверти – второму. Упомянутая выпись является той, которая прислана из Москвы, т.е. из книг Г. Сукина начала 1560-х гг., по-видимому, она касалась первоначального поместья Петра Песяукова на 150 четвертей.

Определить местоположение описанных в акте земель можно с высокой точностью, поскольку Боровой остров был общеизвестным ориентиром на реке Пьяне в начале XVII века. Около него земли у реки были нарезаны на весьма узкие полосы и распределены между различными людьми. Поэтому рядом одновременно существовало несколько деревень, именуемых по фамилиям помещиков. Из писцовой книги Т. Измайлова и Н. Чаплина следует, что «за Ермолою Горяиновым сыном Наумова» было поместье «в деревне Горяинове на реке на Пьяне по сторон Борового острова» [27, д. 7040, л. 606]. Часть той же деревни была за Карпом Даниловичем Песяуковым. Далее при движении писцов против течения Пьяны был учтен починок под Боровым островом, принадлежавший Юрию Ерофеевичу Бахметеву [27, д. 7040, л. 608–608 об.]. Следующей записана деревня Симанова, но остров уже не указан для нее ориентиром. При движении от Горяиновой вниз по течению, в свою очередь, в книге перечислены следующие населенные пункты: Телешево, Скобеево, Ростригино, Урюпино.

Позднее, в переписи 1646 г. уже будет значиться деревня Юрьево, останутся тогда еще и Горяиново, и Скобеево, и Ростригино, и Урюпино.

Со временем эти поселения, по-видимому, частями исчезали, частями сливались в одно, а их прошлые названия стирались в памяти, уступив место одному – Юрьево. На ПГМ конца XVIII века отмечены две половины села Юрьево, земли его были поделены между разными владельцами. Северная половина в Экономических примечаниях к ПГМ описана так: «Полсело Воскресенское, Юрьево тож, первой половины, что была деревня Гаряинова» [28, д. 802 (15), л. 74]. То есть, на этих землях была деревня Горяиново. Южная половина обозначена иначе: «Полсело Воскресенское, Юрьево тож, второй половины» [28, д. 802 (15), л. 74]. А это, видимо, земли Бахметева, куда, вероятно, отошла и деревня Симаново. На карте Менде XIX века это же разделение сохраняется, село носит и второе название по церкви – Воскресенское. Ныне северная половина села – это Юрьево, а южная – село Калинино (оба поселения относятся к Гагинскому району Нижегородской области).

Что же такое Боровой остров? Пьяна – изменчивая в этих местах река, русло XVII века давно поменялось, но, если принимать во внимание, что Юрьев починок был прямо под островом, как и деревня Горяиново, вероятно, искомый остров надо искать у координат N55.318417, E44.966170. Здесь прослеживаются остатки старицы, которая подходила ближе к самому селу Юрьево. Учитывая, что северная половина этого села была деревней Горяиново, к ней отнесены все поселения начала XVII века, расположенные ниже по течению Пьяны относительно починка Ю. Бахметьева, начиная с одноименной деревни Горяиново под Боровым островом. Починок же был на южной половине будущего села. Граница между этими половинами как раз подходит к тому месту Пьяны, где был искомый остров, и это является основанием для координат выше.

Местоположение земель, о которых речь идет в АПА № 179, все-таки было на небольшом удалении от острова (не более 1,5 км). Как указано в самом акте, земли находились между владениями помещиков Урюпина и Ростригина. Согласно писцовой книге 1620-х гг., за Федором Игнатьевичем Мотовиловым было поместье в деревне Урюпиной, ранее принадлежавшее Филипу Романову и его теще, а также пустошь Бурнеевская, в названии которой скрывается имя Бурняя Сухово [27, д. 7040, л. 601 об.]. Пустошь эта отмечена на ПГМ Арзамасского уезда под № 354, и в Экономических примечаниях к ПГМ носит название Бурниха [28, д. 802 (15), л. 74]. Согласно плану, она начиналась практически от Пьяны около северной границы современного села Юрьево. Таким образом, именно это село можно считать надежным ориентиром для поместья Петра Песяукова, на которое в 1604 г. в Арзамас была прислана выпись из писцовой книги Г. Сукина.

VIII. **АПА № 215 от 17 сентября 1606 г.** посвящен разделу большой по площади Сысуевской пустоши на реке Кетарше, которая «была за детьми боярскими за Семейкою, да за Ондрюшкою, да за Иванком, да за Петроком за Михайловыми детьми Сысуева» [6, с. 301]. Для осуществления раздела была использована выпись с «книг письма и меры Григорья Сукина с товарыщи» [6, с. 301]. Границы пустоши определили с привлечением старожилов, и оценили ее на основании прежних писцовых книг в 1 200 четвертей. На этих землях ныне находится, например, село Пергалей Бутурлинского района, основанное на одноименном овраге, который в акте также именуется Каргалей.

Имя Григория Сукина упоминается в связи с передачей 300 четвертей внутри данного земельного массива Федору и Ивану Васильевичам Левашевым. Им досталось бывшее поместье Андрея Михайловича Сысуева, которое находилось «у Фоминой слоботки у ключа под черной лес; а по скаске старожильцов – Васильков враг» и было им «отделено по старой меже и по писцовым книгам Григорья Сукина с товарищи» [6, с. 302]. Приведено в тексте и описание границ, согласно которому смежными владельцами с одной из сторон являлись Никита и Артемий Барсуковы. Ранее при анализе АПА № 185 было показано, что земли Барсуковых на Пьяне граничили с пустошью Сысуевой. В АПА № 215 среди географических объектов упоминаются овраги Водолей и Колмолей, речка Кетарша. Все эти сведения позволяют соотнести земли Андрея Сысуева, доставшиеся Левашевым, с местом, где сегодня находится поселок Васильки Бутурлинского района. Согласно ПГМ Княгининского и Арзамасского уездов, по оврагу Водолей проходила часть западной границы участка, где находилось село Васильки. Овраг Колмолей, названный на разных планах «Кармалей» и «Кормалей», а в верховьях у села Кемары (ныне – Большие Кемары) он же – «Камарлей», ограничивал эти земли с юга. Кетарша протекала с востока. Овраг Васильков нарисован на плане Княгининского уезда непосредственно у села Васильки и впадает в Кетаршу с ее левого берега.

В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина 1620-х гг. у Ф.В. Левашева учтены поместные и вотчинные владения «в деревне Василькове, что было Фомино усадище у ключа на Василькове враге под черным лесом» [27, д. 7040, л. 313], при этом в поместье было 137 четвертей, а в вотчине – 163, вместе – 300 четвертей. Ровно столько же и было предоставлено братьям Левашовым по АПА № 215. Интересно, что есть и другой вариант названия деревни Васильковы – она также именуется Фоминой на Василькове враге [3, с. 82]. Все это говорит о том, что указанная в тексте АПА № 215 слободка Фомина находилась непосредственно в границах земель Левашевых на овраге Васильковом у родника («ключа»). Это очень

важное наблюдение, поскольку одноименная слободка известна уже с XV века и была внутри владений Вознесенского Печерского монастыря, что будет показано далее при анализе документов по монастырским землям.

IX. Последним АПА, где упоминается Г. Сукин, является **№ 222 от 2 мая 1607 г.** Речь в нем идет о разделе земель на реке Пьяне между различными помещиками – Патрикеевыми, Нармацкими, Арбузовыми, Лиховидовыми, Исаевым и Лютиковым. Согласно документу, в их поместьях прибыло «сверх их дач, по старым книгам Григорья Сукина с товарыщи лишка 155 чети» [6, с. 313]. Таким образом, раздача земель производилась уже в 1560-е гг., изначальными помещиками, вероятно, были Первый Кишкильдеев и Меньшик и Третьяк Румянцевы. Именно их старинные дачи названы при осуществлении раздела в 1607 г. Известно также, что часть селища Меньшиковского Румянцева находилась во владениях Дмитрия Патрекеева уже по выписи из книг Игнатия Зубова 1580-х гг. (см. АПА № 409, документ № 8).

Географическим ориентиром при первичном учете земель Первого Кишкильдеева в писцовой книге стал «Селиватов ключ». Поместье Арбузовых на Пьяне хорошо известно – это село Арбузово, которое ныне стало частью села Ягубовка Бутурлинского района. Название «Селиватов» около него ни на ПГМ, ни на карте Менде не отмечено, но, скорее всего, это овраг с группой мелких водоемов, расположенный в восточной части села. В XVI–XVII вв. границы земель в этих местах пролегали с севера на юг, от Пьяны до сакмы – торной дороги из Мурома на восток в Казань. Со временем с увеличением количества помещиков земли дробились и нарезались на все более узкие полосы, поэтому исторически в этом месте появилось сразу несколько различных поселений, расположенных одно за другим вдоль Пьяны. Можно видеть, что по результатам работы писцовой комиссии Г. Сукина в 1560-е гг. земли были измерены, и их оценка легла в основу дальнейшего распределения земель, когда первоначальных помещиков давно уже не стало. К 1607 г. к этому массиву добавились еще 155 четвертей.

X. В одном из сборников актов по Арзамасскому уезду, хранящемся в РГАДА [8], есть еще документ, в котором приведены сведения о том, что в той же местности на реке Пьяне при Г. Сукине проводилось установление границ между помещиками и мордвой. Он сохранился в двух вариантах: первый – черновой с различными вставками текста и перечеркнутыми фрагментами (л. 213–220); второй – список того же временного периода (л. 296–301). Сам акт составлен 22 мая 7124 (1616) г. Согласно ему, городовой приказчик Юмшан Лобанов выехал в мордовскую деревню Пищасову (известна и как Пихчасова, Пихщасова, Пищасова, Писчасова), поскольку местные жители пожаловались на помещика Ивана Нармацкого,

который нарушал старинные границы их земель. Есть сведения и о том, что И. Нармацкий пытался забрать себе часть мордовских владений деревни Пищасовой уже в 1606 г. (см. АПА № 207 от 26 июля 1606 г.), то есть к 1616 г. земельный спор длился уже около десяти лет.

В челобитной представители от мордвы отметили, что пашня за ними закреплена еще в 1560-х гг. («во владенье в пашни по писцовым книгам Григорья Сукина по своим межам» [8, д. 7060, л. 213 об.]). Ю. Лобанов был направлен выяснить со старожилами «про ту землю и про старые грани писца Григорья Сукина». Было определено, что Иван Нармацкий действительно нарушил границы, а земля исконно являлась мордовской. Далее спорные земли были вновь отмежеваны и закреплены за мордвой, ими Ю. Лобанов «владети велел по-старому, по старым писцовым книгам писца Григорья Сукина, как они тою своею землею и всякими угодьи владели истари» [8, д. 7060, л. 214а]. В акте также приведено подробное описание границ, и указано, что «те грани старые писца Григорья Сукина» [8, д. 7060, л. 215 об.].

В писцовой книге Т. Измайлова и Н. Чаплина по мордовским деревням Арзамасского уезда 1620-х гг. местоположение деревни определено так: «На речке на Пьяне усть речки Ливезы под Слюдяною горою» [29, д. 8, л. 202]. Ливеза ныне в месте впадения в Пьяну носит название Вилеза. Деревня Пищасова находилась на том месте, где теперь расположено село Борнуково Бутурлинского района. Под Слюдяной здесь имеется в виду Борнуковская гора, расположенная на другом берегу, известная по одноименной пещере, вход в которую был поврежден в середине XX века.

В этой книге приведены те же старинные границы, что были записаны в акте 1616 г. Смежным владельцем с западной стороны назван помещик Иван Борисович Нармацкий. Из книги по поместным и вотчинным землям 1620-х гг. известно, что за ним было поместье (122,5 четверти) в деревне Румянцевой на озере Темном, прежде известное как «четверть сельца Меншовского Румянцова» [27, д. 7040, л. 495 об.]. Это тот же Меньшик Румянцев, о котором речь шла ранее при анализе АПА № 222. Также И. Нармацкому принадлежало отдельно в этих же землях еще 122,5 четверти [27, д. 7040, л. 497]. Граница его владений с соседней мордовской деревней Пищасовой пролегала от Пьяны до сакмы, служившей южной межой всех участков, вытянутых вдоль Пьяны между реками Ливеза (Вилеза) и Сердемь. Как свидетельствует акт 1616 г., она была определена еще при Г. Сукине в 1560-е гг.

Итак, общий свод географических ориентиров следующий: с. Никулино Лукояновского района (I), с. Ветошкино Гагинского района (II и III), д. Кеславь Бутурлинского района (IV), с. Камкино Сергачского района (V), земли между р.п. Бутурлино и с. Смагино Бутурлинского района (VI),

с. Юрьево Гагинского района (VII), пос. Васильки (VIII), с. Ягубовка (IX) и с. Борнуково (X) Бутурлинского района. Все они совместно с Арзамасом нанесены на схему ***(Приложение 3, илл. 2)***.

Остается прокомментировать и оброчную грамоту от 4 марта 1561 г. [10], выданную Вознесенскому Печерскому монастырю в присутствии всех участников писцовой комиссии. В ней сказано о предоставлении в пользование водных угодий вдоль Пьяны за выплату оброка. К угодьям отнесены сама река, ее малые притоки и 11 поименованных озер со связанными с ними болотами и ручьями. Определены естественные границы, ограничивающие сегмент русла Пьяны, – это устья рек Кетарши (в акте – Кардаша) и Чергатки (в акте – овраг Чергат). По прямой между ними расстояние около 25 км. Не все из озер на этом участке сохранились, но координаты многих могут быть определены с использованием ПГМ Арзамасского и Княгининского уездов, а также карты Менде[1]. Очевидно, что в 1561 г. воды вдоль берега Пьяны относились к территориям, которые описывала комиссия Г. Сукина. Стоит вспомнить, что в АПА № 129 содержится подтверждение, что писцами были учтены земли около озера Кеслав (Кеславь), входившего в перечень угодий, а поместье И. Смагина находилось на Пьяне чуть западнее Кетарши.

Чуть раньше в 7068 (1559/60) г. часть озер была передана мордве Сюдесю Алекину (деревня Вадская[2]) и Кирдюшу Сыресеву (деревня Кемары) П. Туровым и Д. Слугиным с условием выплаты оброка (2 руб. плюс пошлины). Еще раньше они же пользовались угодьями безоброчно. Последовало прошение со стороны представителей монастыря, среди которых значились и непосредственные пользователи арендуемыми угодьями – рядом проживающая монастырская мордва сельца Полянского (ориентир – село Поляна Перевозского района). Монастырь добавил к уплачиваемому оброку еще три рубля, в итоге Сюдесь и Кирдюш повышенный оброк уплачивать не захотели.

Благодаря разъезжей грамоте 1562 г., подготовленной Д. Слугиным, известны границы монастырских земель сельца Полянского [9, с. 36–37].

---

[1] Например, озеро Затворное отмечено на ПГМ Арзамасского уезда в границах земель села Дубенского (Дубского), в их северо-западной части у берега Пьяны. Ныне не существует, поскольку находилось в месте, где река меняла свое русло. Вероятные координаты оставшейся части водоема: N55.599011, E44.629689. Озеро Мелкое отмечено на ПГМ Арзамасского и Княгининского уездов и на карте Менде. Также на современных картах не приведено. Основная часть его была примерно в следующей точке: N55.606620, E44.755848. Озеро Малый Чепас находится с южной стороны деревни Чепас. Большой Чепас с его северной стороны.

[2] Вадская мордва проживала в окрестностях озера Вад, к этой группе в конце XVI века относились три деревни: Вадская, Ватня и Олховичи [24]. В 1580-е гг. Сюдесь, видимо, записан в Вадской как «Сульда Олексеев» [24, с. 73].

Западной границей служила Чергатка, на юг земли простирались практически до поселка Выжлей, восточной гранью служило озеро Колодливец, расположенное у реки Пьяны напротив устья ручья Курач. Со всех стороны владения монастыря окружали нижегородские земли, принадлежавшие где-то новым помещикам, где-то мордве. Позднее с появлением Арзамасского уезда и передачей в Арзамас Межпьянья монастырские земли останутся нижегородским «клином», входящим в арзамасские территории. Водные угодья на Пьяне перешли на учет в Арзамас, но оставались в зоне интересов монастыря. Этому посвящено довольно много последующих актов[1], в частности, очередную оброчную грамоту выдали 11 декабря 1584 г. представители арзамасской писцовой комиссии во главе с Игнатием Зубовым. Здесь уже есть четкое разграничение, что монастырь относится к Нижегородскому уезду, а оброчные угодья – к Арзамасскому [9, с. 61–62].

Гораздо интереснее ранняя история этих же монастырских земель и водных угодий. Она позволяет сделать выводы о территориальной принадлежности Межпьянья в более ранний период времени, что, вероятно, может быть перенесено и на земли южнее в границах гипотетической Пьянской волости. Во-первых, в самой оброчной грамоте сказано, что в книгах Ивана Овинова и дьяка Суморока Путятина озера были во владениях монастыря. Книги эти датированы по другим упоминаниям 7018 (1509/10) и 7019 (1510/11) гг. Во-вторых, сохранился уникальный для истории этой местности докладной судный список 1509 г., где приведены более ранние документы, в частности, правая грамота, датируемая 1475-79 гг. [30]. Согласно ей, монастырю в XV веке принадлежали, помимо села Полянского, также село Колодливское и слободка Фомина [30, с. 116].

В название Колодливское прослеживается связь с гидронимом Колодливец (другой вариант – Колодливое), т.е., предположительно, его можно привязать к округе деревни Коноплянки Перевозского района напротив устья Курача. Ранее при анализе АПА № 215 показано, что Фомина слободка находилась на месте современного поселка Васильки Бутурлинского района, а это левый берег Кетарши. При этом эти земли монастырю были даны Юрием Алачиным, а это произошло еще в первой половине XV века [30, с. 113]. Не менее интересны и описания границ монастырских земель – они простирались от Чергатки до Кетарши [30, с. 116–117]. При движении к верховьям Чергатки по правую руку были владения

[1] В итоге монастырь потеряет интерес к этим водам. В книге Т. Измайлова и Н. Чаплина по мордовским деревням 1620-х гг. по этим оброчным водным угодьям сказано, что они были на оброке за Вознесенским Печерским монастырем и за кемарской мордвой, «и те воды по челобитью архимарита з братьею отданы ис того ж оброку арзамасцу Федору Чемесову» [29, д. 8, л. 218 об.]. Здесь, видимо, имеется в виду Федор Степанович, в поместье которого была деревня Базино.

князя Ярослава Оболенского. Вдоль южных (от Чергатки до Кетарши) и западной (по Кетарше) границ находились владения великокняжеские. Наиболее южная точка границ, как и в более позднее время, скорее всего, располагалась практически на середине Межпьянья, поэтому данный регион определенно входил в состав русских земель и контролировался из Нижнего Новгорода.

Нам пока точно неизвестен статус более южных территорий в XV веке. Но определенно, что уже в 1560-х гг. писцовая комиссия Г. Сукина не работала с «терра инкогнита». Тем не менее, их работа ознаменовала новый этап в освоении земель – было учтено массовое испомещение с предоставлением больших земельных участков новым нижегородским помещикам. К этому времени монастырские земли в Межпьянье уже уменьшились по ширине, западной их границей осталась Чергатка, а восточная сдвинулась примерно на 20 км на запад вдоль берега Пьяны. Эти высвобожденные территории стали частью владений различных помещиков, имена и фамилии которых сохранились в источниках (например, Смагины и Сысуевы). Раздача коснулась и земель на юге от Межпьянья. По-видимому, здесь находилось множество свободных крупных пятен дикого поля, которые можно было отдавать помещикам. В 1570-е гг. эти земли были переданы в Арзамас, и их дальнейшее развитие стало уже частью истории Арзамасского уезда.

Источники и литература

1. Парадеев Е.И. О становлении Арзамаса. – СПб.: Скифия, 2020. – 72 с.

2. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. – Саратов: Правление Саратовского гос. ун-та, 1930. – 152 с.

3. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. – Н. Новгород, 1888–1916. – 44 т. Т. 15. Вып. 8: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621–23 гг.): Ч. 1-я. Станы Тешский, Ичаловский, Иржимский и Подлесный / под ред. А. К. Кабанова. – 1915. – 324 с.

4. Гераклитов А.А. Кирдановская мордва // Известия краеведческого института. 1927. – Т. 2. – С. 1–5.

5. Пудалов Б.М. Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Ч. 1. – Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, ЦАНО, 2018. – 395 с.

6. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. – 1915. – 738 с.

7. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / ИРИ РАН, Федеральное архивное агентство, РГАДА. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 301 с.

8. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2, ч. 1.

9. Кабанов А.К. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1. 1498–1613 года // Действия НГУАК: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Т. 14. – Н. Новгород, 1913. – 241 с.

10. РГАДА. Ф. 281. Оп. 1.
11. РГАДА. Ф. 281. Оп. 13.
12. Разрядная книга 1475–1605 гг. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. Т. 1, ч. 2 / сост. Н.Г. Савич. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. – С. 189–405.
13. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А.А. Зимин; АН СССР. Ин-т истории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 456 с.
14. «Боярская книга» 1556/57 года. // Русский дипломатарий, Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 80–118.
15. Разрядная книга 1475-1605 гг. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. Т. 1, ч. 3 / сост. Н.Г. Савич. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1978. – С. 407–609.
16. Разрядная книга 1475–1605 гг. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. Т. 2, ч. 1 / сост. Н.Г. Савич. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. – 219 с.
17. Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских / под ред. М.П. Погодина. – М.: Университетская типография, 1842. – Т. 5. – 398 с.
18. Разрядная книга 1475–1605 гг. / под ред. и с предисл. В.И. Буганова. Т. 2, ч. 2 / сост. Н.Г. Савич. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. – 440 с.
19. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / АН СССР; Загорский гос. Историко-художественный музей-заповедник; Отв. ред. Б.А. Рыбаков; Сост. и др. Е.Н. Клитина. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
20. Полное собрание русских летописей. – Т. 13. 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова, при участии С.А. Адрианова – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.
21. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
22. Отдел рукописей РГБ. Ф. 303.I.
23. Аракчеев А.В. Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV–XVI вв. // Российская история. – 2020. – № 4. – С. 71–82.
24. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 462 с.
25. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Том II / Сост. А.В. Антонов. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 608 с.
26. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. Александр Юшков. Ч. 1. – М.: Унив. тип., 1898. – 26. – Из «Чтений в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те», за 1898 г. – 415 с.
27. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1.
28. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1.
29. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 1.
30. Максин В.А. [Антонов А.В.], Пудалов Б.М. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. Вып.4. – М., 1998. – С. 111–119.
31. Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А-И / Подг. А.В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2016. – 1192 с.

РАЗИНСКИЙ АТАМАН МУРЗАКАЙКА

Алексей Владимирович Малышев
Руководитель отдела этнологии МОО «Историческое сознание»
Россия, Нижегородская обл., г.о.г. Кулебаки; e-mail: ma2502@mail.ru

В статье рассматривается деятельность одного из руководителей разинского движения в Среднем Поволжье, упоминаемого в источниках атамана Мурзакайки.

Ключевые слова: *атаман Мурзакайка; Акай Боляев; Степан Разин; крестьянская война 1670–1671 гг.; Саранск; Арзамас; Алатырь.*

Крестьянская война 1670–1671 гг. явила истории целый ряд ярких лидеров народного движения. Одним из таких лидеров был неоднократно отмеченный в документах сподвижник С.Т. Разина атаман Мурзакайка (Мурза Кайко), упомянутый среди других атаманов, возглавивших движение после оставления Разиным «действующей армии» в начале октября 1670 г. Бегство атамана отнюдь не обескуражило повстанцев, для которых имя Разина с этого момента стало символом и знаменем восстания. В сентябре 1670 г. полыхало уже всё Среднее Поволжье, где в борьбу во всей своей массе включились местные крестьяне и представители коренных народов Поволжья. На их долю выпали решающие сражения последнего этапа крестьянской войны.

В связи с этим отметим, что Степан Разин не случайно направил острие восстания в Среднее Поволжье. Он очень хорошо знал настроения местного служилого и «черного» люда, и, несомненно, рассчитывал на выступление крестьян и «инородцев», ожидая от них серьезной поддержки. Очевидно, поэтому Разин на казачьем кругу подвел соратников к решению сначала «идти на Волгу» а уже оттуда «в Русь… чтоб из Московского государства вывести изменников и думных людей и в городах воевод и приказных людей» а «черным людям» свободу дать [1, с. 266]. Современник писал: «…Стенька столь преуспел в своем умысле, что земли по Волге и далее вглубь страны вплоть до городов Алатыря и Арзамаса вовлечены были в мятеж. Число мятежников умножилось до двухсот тысяч. Часть черемисов, татар, и все русские крестьяне, в тех местах проживающие и московским боярам принадлежащие, возмутились против своих господ и убивали и вешали их…» [2, с. 111].

Здесь, на Средней Волге, Мурза Кайко, в числе других разинских атаманов возглавил восставших, став одним из полевых командиров мятежной армии.

В источниках, опубликованных в середине XIX века, ничего не сказано о происхождении мурзы, и утверждать на их основании прямо о том, сыном какого народа был атаман, нельзя. В документах Мурза Кайко назван «донским казаком», и даже его имя трактуется по-разному [3, с. 69]. Очевидно, поэтому С.М. Соловьев называл его «донской казак мурза Кал-

ка» [4, с. 304], в точном соответствии с источником [3, с. 115]. Профессор Н.Н. Фирсов, очевидно, основываясь на звучании титула и имени атамана утверждал, что он татарин [5, с. 110].

Впоследствии, работая с архивами, советские историки установили, что атаман Мурзакайко происходил из мордовской деревни Костяшево, находившейся вблизи Атемара. Это позволило сопоставить личность Мурзакайки с упомянутым в списках служилых людей города Саранска мордовским мурзой Акаем Боляевым. Н.Н. Фирсова ввело в заблуждение то обстоятельство, что титул в имени атамана (мурза) имеет тюркское происхождение, поэтому он и сделал такой вывод. Впрочем, и имя, и титул служилого мордовского мурзы действительно имеют тюркские корни, и если бы не прямое указание на то, что Боляев – мордовский мурза, следовало бы согласится с профессором.

Ношение степного титула для мордовских феодалов, долгие века бывших в подданстве золотоордынских ханов, было таким же распространенным явлением, как и ношение тюркских имен для мордвы. Представители мордовского феодального сословия, находившиеся на службе у этих ханов, охотно перенимали обычаи и имена своих сюзеренов. Достаточно вспомнить летописного мордовского князя Алабугу, помогавшего татарам одержать победу на реке Пьяне [6, с. 111]. В системе феодальных отношений, сложившихся в Золотой Орде, мордовские феодалы отличались от своих сюзеренов, главным образом, своей языческой «мордовской» верой. А принимая ислам, называемый на Руси «татарской верой», они сами становились «татарами», и можно не сомневаться, что немалая часть «татар» того же Казанского ханства, имела финно-угорские корни.

«Донской казак» и «татарин» Мурзакайка на основании вновь открытых документов был идентифицирован как мордовский мурза Акай Боляев. Мир XVII века был достаточно тесным, и само по себе такое совпадение имен и места действия уже является поводом для утверждения подобной идентичности. А довод о том, что мурза Кайко (Акайка) – это уничижительное от имени Акай, играет решающую роль. По принятой тогда традиции имена «черни» (и, тем более, бунтовщиков) в документах писались уничижительно. Стенька, Ивашка, Максимка и другие документальные написания имен разинских атаманов позволяют утверждать, что Мурзакайка (мурза Акайка) – это упомянутый в списках служилых мурз, «тянувших лямку» в Саранске, мордовский мурза Акай Боляев, происходивший из деревни Костяшево, находившейся в 17 верстах к северу от Саранска [7, с. 155–159].

Саранск находился в центре событий крестьянской войны 1670–1671 гг. В планах царского правительства он мыслился одним из опорных пунктов сопротивления восстанию. В конце июня 1670 г. царским указом

предписывалось: «На государевой службе быть в Саранске …дворянам московским и жильцам, помещикам и вотчинникам муромским, нижегородским, арзамасским, алатырским, курмышским, темниковским, кадомским, шатским, да городовым дворянам да детям боярским муромцам, нижегородцам, арзамасцам, мещерянам…» [8, с. 175] Здесь, кроме прочего служилого люда, находилось более 150 мордовских дворян – мурз и около 200 мордовских и татарских казаков [9, с. 14]. И у них были причины перейти на сторону разинцев.

Военная служба сама по себе была нелегким делом, но в случае «национальных кадров» к тяготам армейским добавлялись еще и притеснения царских чиновников, которые вдали от московского начальства позволяли себе злоупотребления с земельными наделами и жалованьем. Например, в 1638 г. мордовский мурза Мангушев «со товарыщи» в челобитной писал: «…Поместья де их не великия, а деды де их, и отцы их, искони вечно служили прежним государям, а данных и посошных и ямских и подымных денег не давали. А ныне де их заставляют рвы копать и острожное и городовое и засечное дело делать, и ямские и подымные деньги с них берут» [10, с. 75].

Общая политическая ситуация, сложившаяся к тому времени в Московском государстве, также вызывала брожение как среди национальных кадров, так и среди остального служилого люда. Тяжелые внешние войны Москвы, провальная денежная реформа, начавшиеся церковные преобразования, подлившие «масла в огонь» общественных возмущений, привели к тому, что национальные кадры царской армии вместе со многими бойцами регулярных формирований готовы были скорее поддержать восстание «черни», чем защищать от нее московских бояр. Феодальная знать коренных народов Поволжья, недовольная своим положением, безусловно, могла связывать с разинским выступлением надежды на его улучшение. Современные исследователи подчеркивают, что «в тяжести службы и дискриминации, которой подвергались земельные собственники из местных национальных меньшинств, нужно искать ответ на вопрос о причинах их последующего участия в восстании С.Т. Разина наряду со служилыми людьми по прибору» [11, с. 29].

Сыграла свою роль и хорошо поставленная Разиным пропаганда. Его «прелестные грамоты» призывали подниматься на «борьбу с боярами-изменниками». Разин звал искоренять «боярскую измену», окружившую царя. Он и его соратники заявляли, что идут против бояр «по указу великого государя». Например, в одной грамоте говорилось: «...По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по грамоте ево, великого государя, вышли мы, великое войско Донское… ему, великому государю, на службу…» [12, с. 74].

Разин старался придать своему выступлению максимальную «легитимность», убеждая, что оказывает помощь «окруженному изменниками царю» и его сыну – царевичу Алексею, якобы бежавшему от «лютости боярской», а также патриарху Никону, как раз подвергшемуся незадолго перед этим опале. Слухи о присутствии царевича Алексея вместе с Никоном в разинском стане позволили начавшемуся в апреле 1670 г. движению Разина осенью того же года превратиться в настоящую крестьянскую войну в полном смысле этого термина. Благодаря такой пропаганде и крестьянин, и служилый человек могли найти себе внутреннее оправдание, присоединившись к мятежникам.

У восставших было серьезное преимущество по времени. Только когда Разин захватил Самару, царские военачальники начали движение. Из Саранска воевода Урусов ушел по Казанской дороге к Алатырю, а князь Ю. Барятинский также из Саранска вышел к стратегически важному Симбирску, с задачей отстоять город до подхода большого войска [12, с. 551–552]. Это войско во главе с князем Ю. Долгоруковым тронулось в августе из Москвы. Его целью было через Муром и Арзамас выйти к Алатырю, откуда можно было контролировать и Симбирск, и Саранское направление. Но Разин уже осадил Симбирск, а его эмиссары уже действовали в Среднем Поволжье. Они быстро собирали вокруг себя толпы крестьян, к которым примыкали служилые люди, обращая эти толпы в сотни и полки. Эти партизанские подразделения не позволили осуществиться планам царской ставки. Шестнадцатого сентября князь Урусов оставил Алатырь, а восставшие заставили отступить авангард долгоруковской армии, подходивший к городу [3, с. 93]. Правительственные войска остановились в Арзамасе, после чего восставшие заняли Алатырь сами.

Об участи, которая ждала верных царю бояр и слуг, и о том, кто входил в отряды бунтовщиков, рассказывают документы: «Город Алатырь выжгли весь, а воеводу Акинфея Бутурлина, Емельяна Пестрикова и дворян, которые в том городе были, всех порубили без остатку. А выжгли де тот город Алатор и воеводу и дворян порубили бунтовщики, мордва и черемиса и чюваша и воры их жа, помещиков люди и крестьяне… И те, государь, воры, мордва и черемиса, идут к Арзамасу близко» [12, с. 71–72].

Князь Долгоруков сделал Арзамас своей ставкой и объявил мобилизацию среди местных дворян. Он писал царю о масштабах восстания: «От Арзамаса до Москвы воровства нет. <…> А з другою, государь, сторону, от Шацкого и от Кадома и от Темникова и от иных мест тамошней стороны, воровство большое ж и собралось воровских людей немало ж и на тех, государь, воров малые посылки посылать опасно, а многолюдную, государь, посылку послать, и у нас, холопей твоих, в полках по се число малолюдно» [12, с. 104]. Но дворяне неохотно расставались со своими поместь-

ями, опасаясь при этом еще и шаек бунтовщиков. Мобилизация не усилила царское войско. Сторонники Разина перехватывали небольшие команды, следовавшие к местам сбора войск, и уничтожали их. Долгоруков жаловался Алексею Михайловичу: «Ратных людей, которые идут к нам, холопам твоим в полки, побивают и грабят». Направлявшихся «в полк к окольничему и воеводе и князю Юрью Никитичу Барятинскому, жильцов и дворян и детей боярских многих по слободам и по деревням и дороге побили и переграбили». Из Нижнего Новгорода докладывали: «Пришли к Нижнему Новгороду ратные люди. Велено быть им в полку боярина… Долгорукого. И ныне те ратные люди стоят под Нижним для того, что в Нижегородском уезде воры все дороги переняли и учинили по дорогам крепости… конных и пеших людей побивают до смерти» [4, с. 300]. Два дворянина, добравшиеся до Арзамаса, показали: «Пошли де было они с товарищи, человек со 100, от Алатыря… и по сю сторону реки Алатыря на Ардатовской поляне, от Алатыря в 20 верстах напали на них воровские казаки многие люди и их многих побили и переранили» [12, с. 78].

Правительство, боясь потерять Саранск, ждало от Долгорукова наступления на город. Князь же, понимая, что сил у него недостаточно, не решался зайти в регион, где скопились десятки тысяч повстанцев. Он писал царю: «А Саранеск, государь, и Саранская черта зело воруют… А твоих великого государя ратных пеших людей у нас холопей твоих в полкех только 6 приказов, и в тех московских стрельцов 3 606 человек…» [12, с. 143]. Князь отписывал в Казанский приказ, что в районе Саранска скопилось более 20 000 бунтовщиков, и, действительно, отправить туда даже крупный отряд означало обречь его на гибель.

Саранская черта «зело воровала» потому, что разинские посланники уже двигались вдоль нее от Симбирска. Восстали гарнизоны крепостей, входивших в эту черту. Некоторые из них были частично укомплектованы донскими казаками, так что разинцев здесь уже ждали [11, с. 34]. «Инородческое» население активно поддерживало повстанцев, и те планомерно двигались к Шацку, от которого открывался кратчайший путь в рязанское подбрюшье Москвы. Само это «подбрюшье» бурлило: многие жители Скопина участвовали в восстании, а касимовский воевода Караулов, опасаясь действовавших в окрестностях повстанцев, вынужден был бежать из города [13, с. 121]. По сообщениям иностранцев, «пожар мятежа охватил столь многие земли, что занялся уже в 12 милях от самой Москвы» [3, с. 69]. Царь Алексей Михайлович, опасаясь восстания «черни», перебрался из Кремля в Коломенское [13, с. 121–122].

Первым к Саранску от Симбирска ушел атаман Серебряк с четырьмя сотнями казаков. На Алатырь двинулся атаман Максим Осипов, а к Карсуну были отправлены М. Харитонов и В. Федоров. Раньше них

«ушла» агитация: «Стенька Разин по Синбирской черте и в Синбирском уезде разослал памяти, чтоб те синбиряне и иных городов черных людей наговаривали, чтоб дворян и детей боярских и в городах воевод и подьячих всех переводили и побили…» [11, с. 87] Крупные остроги Уреньский, Карсунский и Сурский сдались разинцам без боя, а 18 сентября отряд Серебряка подошел к Атемару. Пленные разинцы на допросах рассказывали, что «прислал де он, Стенька… на Черту атамана Ваську Тимофеева сына Серебряка с воровским собраньем. И атемарцы де служилые и всяких чинов жилецкие люди великому государю изменили и город Атемар здали сентября в 18-м числе… Да сентября ж в 19 день Инсарский голова с служилыми здал вору Сеньке Разину и ево присыльщикам. И Атемарского и Инсарского острогов служивые и уездные служилые ж и всяких чинов люди, татаровя и мордва и помещиковы крестьяне разных городов великому государю изменили, и с теми воровскими людьми вместе к Саранску городу подступали сентября в 19-м числе с утра до вечера, и Саранск де взяли того ж числа» [12, с. 74].

Воеводу Атемарской крепости «били всенародно кнутами», а затем повесили [14, с. 73]. Саранский воевода М. Вельяминов на предложение сдаться ответил отказом и даже отбил два приступа. Но ночью сторонники Разина открыли ворота, и мятежники вошли в город. Немедленно были разграблены имения воеводы и состоятельных горожан, уничтожены кабальные книги, крепости и купчие на людей, в городе был создан казачий круг.

Саранск, после взятия его разинцами, стал «штабом» восстания [14, с. 73]. По мнению И. Воронина, главой этого штаба был Я. Никитинский [10, с. 77]. При этом правление «штаба» на подконтрольных территориях было жестким. Необходимый провиант и фураж часто изымался принудительно. Мастеровые и кузнецы обязаны были «денно и нощно» ремонтировать и готовить оружие восставших [10, с. 77]. Мобилизация, проводимая руководителями восстания «по одному человеку с дома», порой забирала из хозяйства единственного кормильца и работника, да и расправы разинцев с «супротивниками» не всегда касались только «классово чуждых». А расправы эти были весьма жестоки: служилые «…рейтары… дворяне и дети боярские, и иноземцы и новокрещены и мурзы и татаровя разных городов» жаловались царю, что «Стенькинова воровского сбору многие воры собрався домишки наши разорили и пограбили и пожгли, а женишек наших и детей порубили, а иных многих женишек наших… Стенка… увез с собою…» [3, с. 84].

По показаниям самих восставших, они «…домы грабили, женскому полу поругание чинили и иных запытали до смерти» [4, с. 303]. Народная память, всегда с симпатией относившаяся к С. Разину, и его сподвижни-

кам, тем не менее, беспристрастна в оценке действий разинцев: «…Казацкая сабля плохо разбирала друзей и врагов, хмельной разгул вольной волюшки лил кровь как вино; и об атамане Степане Тимофеевиче тоже вспоминали, наверное, не в одной деревне: “Строгой был, строгой, нечего сказать, строгой!”» [15, с. 207].

Саранский «штаб», по крайней мере, на первых порах, со своими функциями справлялся. Из города дальнейшее движение на запад пошло по двум направлениям. Через Инсар на Пензу с сотней бойцов, на соединение с атаманом В. Федоровым вышел М. Харитонов. Вместе они отправились к Шацку. По Московской дороге, к Арзамасу увел 6 тысяч бойцов атемарский казак Тимофей Белоус. И по черте к Шацку крупный отряд повел выпущенный из саранской тюрьмы «сиделец» Федор Сидоров. Он вскоре взял Темников и, соединившись с отрядом Алёны Арзамасской, захватил Кадом. Это был по-настоящему тревожный сигнал для московских бояр, потому что от Кадома до Москвы было немногим больше четырехсот верст.

Между тем Разин уже потерпел поражение у Симбирска и отбыл на Дон. Кто был руководителем восстания после этого? Кто командовал «штабом» в Саранске? И. Воронин был убежден, что руководил восстанием Михаил Харитонов [10, с. 77]. Вслед за ним другие исследователи также считали, что общее руководство восставшими, в регионе осуществлял Михаил Харитонов: «…Правая рука Разина, один из самых авторитетных руководителей движения в обширном районе междуречья Волги и Оки», донской казак Харитонов «предстает перед нами как крупный организатор повстанческих сил» [11, с. 81–82].

Однако нельзя утверждать однозначно, что Харитонов был единоличным лидером восстания в крае. Разнородный состав восставших, большое количество «инородцев» в их рядах, знание местности и людей требовало привлечения к руководству местных уроженцев. Таким местным был Тимофей Белоус – атемарский казак, Семен Свищев, Алёна Арзамасская. Таким местным был и Мурза Кайко. Местному жителю легче найти общий язык с земляками, тем более, что отношение донских казаков к «мужицкому» сословию было неоднозначным.

Вольные казаки – люди со своей идеологией и сложившейся системой общественных институтов, – относились к крепостным «мужикам» пренебрежительно и высокомерно. Казаки были детьми своего времени, и система социального неравенства была для них естественным явлением жизни. Они «кичились» тем, что над ними нет господ, и гордились своими привилегиями перед тягловыми людьми [16, с. 53–54]. Поэтому и Разин в ряде казачьих песен осуждается за свое общение не с казаками, а с «голытьбой» [17, с. 175], что само по себе говорит о многом. В вышедшем в

1909 г. кратком очерке истории войска Донского, насквозь пропитанном верноподданническими чувствами к царю, Разин, безусловно, осуждается как бунтовщик и изменник, но при этом оговаривается, что, например, под Симбирском атаман потерпел поражение потому, что с ним «…уже были не верные его казаки, а всякая пьяная сволочь из деревень, умевшая бить только безоружных, женщин и детей…» [18, с. 107] В данном пассаже хорошо видно отношение казаков к «мужикам». Этим пренебрежительным отношением можно объяснить и неприглядные обстоятельства бегства Разина из-под Симбирска, когда он ради своего спасения обманул «мужицкое» войско [4, с. 297].

Возвращаясь к Харитонову, скажем, что можно с большой долей вероятности утверждать, что донской атаман был только одним из руководителей, членом того самого «штаба» в Саранске. В. Абрамов прямо отказывает ему в первенстве, утверждая, что его «командировка» в Пензу с небольшим отрядом после взятия восставшими Саранска, а также отказ осаждавших Красную Слободу дать ему «в… збор людей» (т.е. подкрепление) говорят о том, что он был далеко не самым главным. Вряд ли главнокомандующий оставил бы ставку ради соединения с другим отрядом, тем более, в сопровождении сотни казаков [9, с. 23–24]. В правительственных документах того времени упоминаются «воровские промышленники из Саранска» – донской казак А. Савельев, атаман Мурзакайко и атаман Я. Никитинский [11, с. 45]. Можно допустить, что они и составляли тот самый «штаб» восставших, действовавший в Саранске, что руководство восстанием, скорее всего, осуществлялось коллегиально, и, конечно, независимо от бежавшего Разина.

В.К. Абрамов отдает Мурзакайке пальму первенства в руководстве восстанием. Он приходит к выводу, что именно Боляев командовал отрядом, ушедшим из Саранска под Симбирск [9, с. 18]. Первое упоминание Мурзакайки в документах связано именно с движением этого отряда, появившегося на восточном берегу речки Урени, на сторожевой черте между Саранском и Симбирском.

Почему к Симбирску войско повёл Мурзакайко? Возможно, в Саранске не знали о бегстве Разина, и отряд спешил на выручку атаману. Были ли знакомы Разин и Мурза Кайко? Если принять, что Мурзакайка – донской казак, то в этом не может быть сомнения, но вот А. Сахаров, написавший биографический роман о С. Разине, Мурзакайку называл мордвином Акаем Боляевым, говоря, впрочем, о дружбе атамана с мурзой. Сахаров пишет, что Акая Боляева Разин «держал при себе», а когда вынужден был отпустить для сбора новых отрядов, то говорил Акаю, «что любит его и очень надеется на всю мордву». А затем, после пленения, на допросе, А. Сахаров вкладывает в уста Боляева слова о том, что «…есть он

мордовский атаман и товарищ Степана Разина и идут все они – мордва, за вольность и правое дело» [19, с. 284–285]. Очевидно, автор применяет здесь литературное преувеличение, потому что мы не знаем точно о присутствии Боляева в разинской ставке. Могли ли быть знакомы служилый мурза и Стенька Разин?

Такое знакомство вполне допустимо. Исследователи полагают, что Боляев, находясь на службе, мог быть свидетелем того, как в 1669 г. через Саранск проходили посланцы Разина в Москву [11, с. 97]. Допускается знакомство служилого мурзы с будущими повстанцами. Тут ничто не мешает пойти дальше и допустить, что Боляев, неся службу в Саранске, мог свести знакомство и с самим Разиным, во время походов последнего на богомолье в Соловецкий монастырь. Саранск был своеобразным перекрестком сухопутных путей, связывавших низовья Волги и Дона с Центральной Россией, и вполне возможно, что путь Разина в 1662 г., когда он, следуя на Соловки, по некоторым данным, посетил Ферапонтов монастырь и ссыльного Никона [20, с. 336], пролегал через Саранск. Тогда он и мог «завербовать» служилого мурзу.

Если Боляев находился в Саранске до самого прихода разинцев, то, возможно, помогал восставшим взять город «изнутри». Исследователи говорят о том, что среди саранских служилых людей перед приходом разинцев сложились две «партии» из сторонников и противников восставших. И именно действия разинской «партии» изнутри помогли взять хорошо укрепленный город [11, с. 45]. Однако ничто не мешает допустить, что мурза бежал от царских воевод к Разину и вернулся в Саранск уже в числе восставших, чтобы возглавить мятеж.

Ю. Барятинский, после разгрома им Разина, весь октябрь простоял под Симбирском. Москва, очевидно, недооценивала местную обстановку считая, что после бегства Разина восстание захлебнулось. Царь требовал от Барятинского быстрейшего соединения с Долгоруковым. Однако князь хорошо понимал гибельность этого маневра: «А на Арзамас, государь, проехать нельзе: за Сурою воровство великое, Алатарь и Алатырской и Саранск и Саранской уезды – воровство большое и бунты и собранье воровское есть… А я холоп твой за Суру ныне нейду затем: ожидаю ис Казани в прибавку ратных людей» [12, с. 191, 194]. У Барятинского была надежда на войско во главе с Василием Паниным, энергично двигавшееся к Алатырю. К тому же, 23 октября произошло сражение у Мурашкина и Лыскова, где войско разинского «Нечай-царевича» вступило в решающую битву с отрядами Долгорукова [21, с. 52]. Восставшие потерпели жестокое поражение, что также развязывало руки князю.

В конце октября Ю. Барятинский ушел из-под Симбирска. У речки Урени он впервые столкнулся с мурзой Кайко. Мурза потерпел поражение

и отступил за Суру. Сто семьдесят человек пленными, 16 знамен и четыре пушки достались воеводе [4, с. 304], но и сам Барятинский вынужден был отступить и укрепиться в близлежащем селе Тагаево.

6 ноября Барятинский, зная о приближении Панина, решил дать бой повстанцам. Он выслал авангард на разведку к слободе Усть-Урень. К Мурзакайке тем временем отовсюду стекались восставшие, и его армия увеличилась до 15 тысяч человек и усилилась 12 пушками. Войско повстанцев заняло позиции на западном берегу речки Барыш. Шестого ноября мурза Кайка во главе своего ертаула зашел в Усть-Уреньскую слободу, форсировав Барыш. Пытаясь не допустить восставших на свой берег, Барятинский выбил ертаул из слободы, но на продолжение атаки не решился. Мурзакайко получил в этом бою ранение и отошел. Несмотря на рану, армию мурза не покинул [14, с. 77]. Впереди были решающие бои.

Почти неделю Барятинский не решался атаковать восставших. Только 12 ноября, соорудив понтоны, царская армия перешла Барыш, и «за Кандараткою речкою» застала войско Мурзакайки, построенное «полками конные и пешие и поставя обоз, да с ними с двенадцать пушек». Ю. Барятинский, «рассмотря места», отдал приказ к атаке. Царские солдаты, «наметав сенами речку Кандаратку», перебрались через нее и бросились на восставших. После Барятинский писал царю: «А у них, государь, у речки пехота приведена была, и бой был великий, и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная. А я со всеми полками конными на их конные полки наступил, и учинился бой великой. И милостию божию… тех воров побил и обоз взял да одиннадцать пушек… да двадцать четыре знамени. И разбил всех врознь, и побежали разными дорогами. И секли их, воров, конные и пешие, так что на поле, и в обозе, и улицах в трупу нельзе было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли. А языков, государь, живых взято разных городов и уездов триста двадцать три человека. И приведчи их ко кресту, отпустил, а заводчиков из тех людей велел высечь…» [22, с. 341–342].

Нас не должно обманывать такое «гуманное» отношение царского воеводы к пленным повстанцам. Возможно, в полевых условиях с ними некогда было, что называется, возиться, поэтому их отпустили. Возможно, это было уловкой Барятинского, пытавшегося показать другим восставшим, что в случае сдачи в плен у них есть надежда избежать сурового наказания. На самом деле отношение к пленным разинцам было по-настоящему зверским, о чем говорит, например, судьба 56 захваченных князем Долгоруковым у Красной Слободы крестьян из числа осаждавших эту крепость. После пыток они были повешены «около города… по проезжим большим дорогам» [14, с. 76]. Хрестоматийным стал эпизод расправы Ю. Долгорукова с захваченными бунтовщиками в Арзамасе, где по оцен-

кам современников погибло не менее 11 тысяч человек [11, с. 60–61]. Всего же, по мнению историков, царскими войсками и палачами было уничтожено порядка 100 тысяч повстанцев [23, с. 167], что по меркам любого времени, а тем, более, немноголюдного XVII века является колоссальной цифрой.

В целом же, из приведенного выше документа мы можем заключить, что царскую армию встретила не толпа случайно собравшихся людей, а организованное в сотни и полки войско, соблюдающее порядок и поддерживаемое артиллерией. Победа далась Барятинскому непросто, и следует признать, что создать за такой короткий срок из необученных крестьян войско, способное оказать упорное сопротивление регулярной армии, мог только человек, хорошо знавший военную науку, бывший настоящим «полевым командиром» своего времени, каким был атаман Мурзакайко. Увы, его армия не смогла победить закаленных в предыдущих боях воинов князя Барятинского. Военная судьба была не на стороне восставших, но следует отметить то, что сражение, произошедшее у мордовской деревни Кандарать, было одним из самых ожесточенных и кровопролитных сражений этой войны.

Мурза даже не помышлял о прекращении борьбы. Он с остатками разбитой армии отошел за Суру, перекрыв броды у села Промзино. Узнав, что Барятинский пытается обойти его слева, Боляев по Буртасской дороге отходит к Алатырю [6, с. 176]. Там он соединяется с повстанцами, сторожившими Большую Казанскую дорогу, собираясь, очевидно, укрепиться в Алатыре и не допустить продвижения Барятинского к Арзамасу.

Однако после разгрома «Нечай-царевича» и подавления восстания в Волжском правобережье очистились пути и переправы через Оку и Волгу. У царских воевод наладились коммуникации с Москвой и северной половиной страны, лояльной царю, что позволило кратно увеличить число царских войск в регионе. При этом его основу составляли так называемые «полки иноземного строя», состоявшие из иностранных наемников – опытных рубак европейской Тридцатилетней войны. Опираясь на них, Долгоруков действовал жестко и беспощадно, энергично громя восставших на западном «театре военных действий». В начале декабря его войска взяли Кадом и Темников, разгромив отряды Сидорова и Алёны. После казни атаманов и их сподвижников Долгоруков повел наступление на осажденную восставшими Красную Слободу.

Преследуя отступившего Мурзакайку, Барятинский, как сказано выше, пытался обойти его, переправившись через Суру возле села Котяково. Узнав, что мурза отходит, князь двинулся за ним к Алатырю. Воевода В. Панин также шел на Алатырь [14, с. 77–78]. Ожидая его, Барятинский две недели стоял у Алатыря, не решаясь направить в бой свои потрепан-

ные части. Мурзакайка умело использовал эту передышку. Опять отовсюду приходили в его армию восставшие, а Саранск помог артиллерией. Во главе с Яковом Никитинским оттуда пришло подкрепление. К бойцам Мурзакайки присоединились отряды Алексея Савельева, Ивана Маленького, Петра Леонтьева, отряд мордовского казака Пашата Елушева [14, с. 77]. Более 20 тыс. бойцов и 20 пушек насчитывала повстанческая армия, собравшаяся в первых числах декабря в районе Алатыря [12, с. 462].

У деревни Баево передовые отряды воеводы Панина наткнулись на противника. Повстанцы, «…построя обозы пошли… к Алаторю на бой с…великого государя ратными людьми…» [3, с. 115]. В стычке Панин одержал верх, но преследуя отступавших, был встречен главными силами восставших и побитый, спешно ретировался в Тургенево, где к нему на помощь пришел Барятинский. Прибытие Барятинского спасло отряд Панина от разгрома [14, с. 78].

Слияние правительственных армий решило судьбу войска повстанцев. Восьмого декабря у села Тургенево сошлись главные силы восставших и царские полки. Это было еще одно крупнейшее сражение крестьянской войны, и оно имело решающее значение на восточном театре боевых действий. Мурза был разбит, вся артиллерия восставших и 68 знамен захвачены царскими воеводами. Я. Никитинскому удалось уйти в Саранск. В целом, сопротивление восставших в районе от Симбирска до Алатыря и Арзамаса было сломлено.

По итогам этой битвы Долгоруков, со слов своих воевод, писал царю: «И декабря, де государь, в 8-й день на первом часу дни, пошли они под село Тургенево на воровские обозы, и учинили с ним бой. И милостию, государь, божию и чюдодействием святого его образа и помощию и заступлением пресвятые богородицы и всех святых молитвами, а твоим, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца; и твоих благородных чад… счастием, твои великого государя, ратные люди побили и обозы взяли и секли их воров, на пятинадцати верстах» [12, с. 457–458].

Но еще сопротивлялся Саранск. Шестнадцатого декабря царские войска остановились в 15 верстах от Саранска, где «…пришли… к ним из Саранска и с Отемару священницы и саранские и отемарские жители всякого чину со святыми иконами… государю царю… Алексею Михайловичу… в винах своих добили челом, и говорили… чтобы послать и велеть городы принять» [12, с. 462]. Барятинский и Панин направили саранским повстанцам предложение сдаться и «вины свои» принести. Атаман Никитинский дерзко ответил воеводе Барятинскому, чтобы «он де Юрка ждал» в ответ «пушечные гостинцы» [11, с. 89].

В тот же день Барятинский с боем «пришел в Саранеск… и ворам, которые воровали и бунтовали, указ учинил, которые чего довелись». В свою очередь, воевода Василий Панин «того же числа» занял Атемар, и «воров сыскав, то ж учинил». В Саранске царским генералам «ведомо… учинилось, что вор атаман, воровской их промышленник Мурзакайко, с бою сбежав, и жил в мордовской своей деревне Костяшево» [12, с. 462–463].

Очевидно, раненый атаман бежал из-под Тургенева. Как видим, Мурзакайка повторил поступок Разина. Было ли тому причиной недавнее ранение мурзы, или атаман понял, что дело его проиграно? Скорее, тут сыграли свою роль все обстоятельства в совокупности, тем более, что на этом этапе борьба повстанцев носила уже характер отчаяния, и превратилась больше в расправу над ними, нежели в равноценное противостояние.

Боляев укрылся в Костяшеве, где его и арестовали посланные Барятинским стрельцы. При этом село Костяшево было сожжено. Учитывая повстанческий «статус» арестованного мурзы, его не повесили тут же, как вешали других плененных, а отправили к Долгорукову, в новую ставку царского генерала – в Красную Слободу. Следует полагать, что у воевод не было полномочий допрашивать и судить пленников такого «уровня», это было прерогативой главнокомандующего. После допроса и пыток Боляев был четвертован, т.е. к нему применили ту же казнь, которую потом применят и к атаману Разину. Как ни страшно это признать, но и избранная Боляеву кара также являлась подтверждением его высокого положения среди восставших. Так называемая «квалифицированная», «злая» смертная казнь четвертованием, применяемая в Московской Руси только к государственным преступникам [24, с. 61], свидетельствует о том, что Боляев признавался своими палачами не простым «вором», а именно врагом государства. В конце декабря Долгоруков отписал царю: «Вора и изменника и бунтовщика Мурзакайка велел я, холоп твой, за многое его воровство в Красной Слободе казнить смертию четвертовать» [12, с. 421].

Мурза разделил судьбу своих соратников – атаманов восстания. Однако преждевременно выставлять мурзу Кайко неким «национальным героем родившего его народа», борцом с национальным гнетом и «деятелем освободительного движения» [9, с. 24]. Он был служилым феодалом, человеком своего времени, мелкопоместным барином, и вряд ли мыслил подобными категориями. Служба Акая Боляева московскому царю свидетельствует о том, что его, так же как и его феодалов-соплеменников, устраивала та общественная система координат, в которой они находились, и в случае победы Разина их требования дальше экономических привилегий не пошли бы. В крестьянской войне «национальный вопрос» стоял далеко не на первом месте, и на стороне царя с восставшими воевали

и татары, и мордовские мурзы, и казаки. Известна, например, коллективная челобитная военнослужащих, в числе которых значатся и новокрещеные мурзы и татары разных городов, сражавшиеся под знаменами Ю. Барятинского, с просьбой о вознаграждении их за то, что они «против вора и изменника Стеньки Разина и воровского многаго сбору его на многих боях с ними ворами бились» [3, с. 84]. Также «Арзамасского и Алаторского уезду Пьянского стану мурзы и татаровя, и Нижегородского уезду мордва разных деревень» ставили себе в заслугу перед царем то, что не поддались на агитацию «воровских людей» и просили прислать к ним чиновников, для того чтобы «привести их к шерти», а они, в свою очередь, «учнут отцов своих и братьев и племянников наговаривать и к шерти приводить». Характерно, что к шерти их приводили «Арзамасские и Алаторские мурзы и татары» [3, с. 105–106]. Вообще, Арзамасский и Алаторский уезды – старинные мордовские и буртасские земли – характеризуются очень сложными процессами встраивания в многонациональное Русское государство. Народные волнения здесь продолжались до осени 1672 г., т.е. даже тогда, когда пала Астрахань – последний оплот восставших [25], и объяснить их одним национальным вопросом нельзя.

Мурза Кайко был одним из самых видных деятелей этой крестьянской войны, вышедшим из среды местного населения. Свидетельством его необыкновенной популярности среди восставших было то, что после его появления под Симбирском условная «восточная армия» повстанцев, казалось бы, деморализованная недавним поражением и бегством Разина, опять восстановилась и даже увеличилась в размерах. При этом надо учесть, что большая часть казаков, пришедших с Разиным, с ним же и ушла. В отрядах восставших преобладали местные жители, и личность мурзы, его фигура цементировала их ряды. О том, что ему удалось создать настоящее войско, свидетельствует тот факт, что его армия в течение долгого времени вела бои с регулярными частями, и только соединение корпусов Панина и Барятинского позволило царским воеводам одержать окончательную победу. Безусловно, Мурзакайко – это один из главных акторов крестьянской войны 1670–1671 гг., по своему значению сравним с другими лидерами народного движения, в том числе и с самим Разиным.

Источники и литература

1. Юрченков В.А. Мордовский народ: вехи истории. – Саранск, 2007.

2. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. – Л., 1968.

3. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина / Сост. и предисл. А.Н. Попов. М, 1857.

4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения: в 18-ти кн. – М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12.

5. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. – М.-Л., 1927.

6. Энциклопедия Мордовия. – Саранск, 2003. Т. 1. А–М.

7. Воронин И.Д. Сподвижник Степана Разина // Ученые записки Мордовского госпединститута. – Саранск, 1949. Вып. 11. – С. 155–159.
8. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. в 4 т. Т. 1. / Сост., пред. и комм. Е.А. Швецовой. – М., 1954.
9. Абрамов В.К. Мордовское национальное движение. – Саранск, 2010.
10. Воронин И.Д. Саранск // Воронин И.Д. Избранное. – Саранск, 2005.
11. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Разин и разинцы на мордовской земле. – Саранск, 1986.
12. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. в 4 т. / Сост., пред. и комм. Е.А. Швецовой. – М., 1957. Т. 2, ч. 2.
13. Лебедев В.И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М., 1955.
14. История Мордовской АССР в 2-х томах. – Саранск, 1979. Т. 1.
15. Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. – Горький, 1971.
16. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. – Тверь, 1995.
17. История казачества Азиатской России. – Екатеринбург, 1993. Т. 2.
18. Картины Тихого Дона: краткий очерк истории войска Донского. – М., 1992. Т. 1.
19. Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). – М., 1973.
20. Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М., 2002.
21. Малышев А.В. Восстание разинцев в Нижегородском крае и битва у села Мурашкино // Русское междуречье. Альманах. Вып. 2. – Н. Новгород, 2021. – С. 49–56.
22. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1940. Т. 1.
23. Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. – М., 1986.
24. Даннил, принц из Бухова. Начало и возвышение Московии // Московское государство XV–XVI вв. по сказаниям современников-иностранцев. – М., 2000. – С. 48–69.
25. «Роспись» помещика Дмитрия Полоченинова о разорении его поместья в Арзамасском уезде во время Крестьянской войны [1672 декабря 29 – 1673 августа 31] // Документы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина в Поволжье. – URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1660-1680/Razin/Dok_ty_o_vojne/text.php (дата обращения: 21.12.2021).

«СЕЛО КРЕМЁНКИ НА РЕЧКЕ НА КРЕМЁНКЕ». НЕКРОПОЛЬ

Александра Евгеньевна Клюшина
Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, архивист
Россия, Нижегородская обл., г. Саров; e-mail: aleksa.clyuschina2010@yandex.ru

Одним из источников информации по истории населенного пункта, в нашем случае, села Кремёнок и его окрестностей (деревень Рузаново, Балыково, Хвощево), является его некрополь (кладбище). Тщательное исследование мемориалов и памятников некрополя позволило ответить на ряд возникших в ходе исследования вопросов: генеалогия семей, проживавших в этих местах, административное устройство, религиозные верования и церковное подчинение, погребальные традиции, существовавшее здесь в рассматриваемый период.
Ключевые слова: *некрополь; кладбище; село; деревня.*

Во время дискуссий с коллегами по краеведческим изысканиям в начале 2021 г. был высказан вопрос о том, что место захоронения жителей деревни Балыково в настоящее время не обсуждается в связи с

тем, что данная территория вот уже более 70 лет входит в ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование) Саров, но не всем известно, где находился некрополь деревни Балыково до 1948 г.

Нам удалось подготовить перечень документальных и монументальных источников для детального ответа на поставленный вопрос.

Вопрос о месте захоронения жителей деревни Балыково как и деревни Рузаново остро не стоял никогда. Пустоши Балыковка и Рузановка, полянка Хвощевка (населенным пунктом значилась лишь с начала XX века, а до этого обозначалась как хутор) еще с конца XVII века неделимо принадлежали к селу Кремёнки. В 1686 г. владелец этого села стольник Андрей Иванович Леонтьев обменял одно из своих имений в Подлесном стане Шацкого уезда на пустошь Балыковка в Замокошском стану того же уезда. Новый хозяин решил обживать пустующие земли рядом со своей вотчиной и перевез в Балыково из Кремёнок четыре крестьянских двора с женами и детьми. В 1688 г. по челобитной о расширении владений за труды на государевой службе к поместью думного дворянина Андрея Ивановича Леонтьева была присоединена полянка Хвощевка [1].

В Книгах: переписной помещичьих, монастырских, отписных (чухонцы) крестьян, однодворцев, монастырских служек, земских подьячих, церковнослужителей, церковных бобылей Замокшенского, Борисоглебского станов Шацкого уезда 1722 г. и переписной однодворцев, помещичьих и церковных крестьян Замокшенского стана Богоявленской половины Шацкого уезда 1748 г. по порядку и значению рядом с селом Кремёнками указываются деревни Булыково (Болыков) и Рузаново (Рузановы) [2, кн. 4099, л. 127, 141, 142 об; кн. 4112, л. 156, 193, 195].

В исповедальных росписях Кадомской десятины Шацкого уезда 1756 г. село Кремёнки значится за Сергеем Даниловичем Татищевым (1698–1747) [3, д. 22, л. 17–36 об.]. Хотя, как видно, к этому времени Сергей Данилович уже умер. Возможно, что 17-летний (а возможно, и младше) Павел Сергеевич Татищев (1730-е – 20.09.1780) еще не вступил в права наследования в 1756 г., и вотчина находилась в ведении его матери Прасковьи Илларионовны Татищевой (Воронцовой) (1713–1765) и лишь после ее смерти перешла к нему.

По ревизской сказке от 1782 г., писаной старостой села Кремёнок Яковом Семеновым, вотчины Нижегородского наместничества Ардатовской округи села Кремёнок, деревень Балыково и Рузаново покойного надворного советника Павла Сергеевича Татищева значатся за его вдовой Марьей Яковлевной и ее малолетними детьми – лейб-гвардии Преобра-

женского полка сержантами Дмитрием и Сергеем, девицами Екатериной, Марией и Елисаветой Татищевыми.

По трем населенным пунктам (Кремёнки, Балыково и Рузаново) «1782 года июня 22 дня вотчины покойного надворного советника Павла Сергеевича Татищева жены его вдовы Марьи Яковлевны и малолетних детей ее лейб-гвардии Преображенского полка сержантов Дмитрия и Сергея, девиц Екатерины, Марии и Елисаветы Татищевых Нижегородского наместничества Ардатовской округи села Кременок староста Яков Семенов по силе состоявшегося 1781 года ноября 16 Ея Императорского Величества и в народ публикованного манифеста с ведома господ своих дал … сказку о положенных в нижеписанных господ его вотчинах по последней 1762 года ревизии в подушном окладе людях и крестьянах с показанием из того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых по самой истине без всякой утайки…» значилось 1 362 человека дворовых и крепостных крестьян [4, д. 16, 17].

Там же указано, что дворовые люди привезены (*переведены – **Авт.***) в село Кремёнки, деревни Рузаново и Балыково «из Новгородского Наместничества и того уезду из вотчины господ … (*Татищевых – **Авт.***) села Захарьина, села Антонья и написанные в последнюю пред сим ревизию (*1762 г. – **Авт.***) в тех селах Захарьине и Антоньине за покойным господином моим Павлом Сергеевичем Татищевым», а также «взятые по увольнительному письму в 1779 году вдовы капитанши Анны Даниловны Татищевой и написанная в последнюю пред сим ревизию за нею Татищевой Костромского наместничества кинешемской округи в сельце Аннинском» и «доставшееся госпоже … (*Марии Яковлевне – **Авт.***) по приданству в 1767 году и написанные в последнюю пред сим ревизию (*1762 г. – **Авт.***) Смоленского Наместничества Белскаго уезду за покойным госпожи … отцом генералом Яковом Степановичем Аршеневским в селе его Попове» [4, д. 16, л. 314–401 об.].

Итого 34 человека крепостных крестьян в селе Кремёнки (30 чел.), деревне Рузаново (3 чел.), деревне Балыково (1 чел.) после ревизии 1762 г. – это привезенные туда крепостные из других имений Татищевых.

По плану генерального межевания Ардатовского уезда Нижегородской губернии 1778–1785гг., утвержденному подполковником Нейманом и надворным советником Василием Клементьевым, сочиненного директором землемером прапорщиком Степаном Хрулевым и помощником землемера Иваном Русеневым, «свидетельство ставил землемер поручик Петр Нилов», село Кремёнки с пустошами, в т.ч. с Таргамаковой, Теплой и Крутой, деревней Балыково в 1785 г. значатся за Дмитрием Павловичем Татищевым [5, ч. 1, д. 5, 18, 24; ч. 2, д. 11].

Согласно геометрическому специальному плану Межевого архива Нижегородской губернской чертежной комиссии по плану дачи деревни Балыковой и деревни Рузановой с пустошами Пароватовой, Боярской, Дегтярной; полянами Долгой, Пьяновой, Хвощевой и др. Ардатовского уезда Нижегородской губернии 1786 г. и 1818 г., земли также значатся как владения тайного советника Д.П. Татищева и его брата, коллежского советника Сергея Павловича [6, д. 72, 73].

По пятой ревизской сказке, в соответствии с записями в Экономических примечаниях к атласу Ардатовского уезда Нижегородской губернии 1798 г. [7, с. 91–99] за Дмитрием Павловичем Татищевым значились: «Деревни Рузанова (20 дворов – 54 мужчины и 53 женщины) и Балыкова (11 дворов – 47 мужчин и 51 женщина) тайного советника действительного камергера и кавалера Дмитрия Павловича Татищева – оная дача спорами разделена на две части».

Согласно Клировым ведомостям церквей Ардатовского уезда за 1800 г., церковный приход Кремёнок состоял из двух церквей:

1) Церковь Знамения Пресвятой Богородицы. Построена в 1754 г. господами и прихожанами, деревянная, с деревянной колокольней.

2) Церковь Петра и Павла. Построена в 1786 г. Деревянная, тёплая [8, д. 64, 66, 301].

Наличие двух церквей подтверждается картой Генерального плана Ардатовского уезда 1800 г. ***(Приложение 4, фото 1)***. На карту нанесены два креста и три земельных надела (68, 69 и 70) церковных земель. Часть села, которой на данной карте соответсвуют кресты и земельный надел № 70, до сих пор носит местное наименование «Попова».

В 1904 г. в Адрес-календаре Нижегородской епархии указывалось, что в приходе села Кремёнки состоят две деревни (*Балыково и Рузаново – **Авт.***), православных значится – 1 634 мужчин и 1 838 женщин, имеются две деревянные церкви (Знаменская, Петра и Павла) [9, с.183–184].

Приход был крупный, потому в исповедальных росписях 1861 г. Знаменская церковь значится двуклировой с двумя штатами притча во главе со священниками Александром Антониевичем Дертевым и Александром Ивановичем Приклонским.

Несмотря на неблизкое расположение к приходскому храму, ни в Рузанове (4 версты), ни в Балыкове (6 верст) кладбищ никогда не было. Жители деревни Рузаново и сейчас хоронят родственников на уже сформировавшихся семейных участках кладбища в селе Кремёнки ***(Приложение 4, фото 2)***. На отдельных родовых мемориалах можно встретить указания на предков, рожденных в середине XIX века.

А вот мемориальное подтверждение тому, что некрополь Кремёнок является местом захоронения жителей деревни Балыково, был

документально запечатлен весной 2021 г. ***(Приложение 4, фото 3)***. Это обработанный дикий камень, на который была нанесена надпись ***(Приложение 4, фото 4)***, прорись которой, предположительно, гласит:

«><
ПОД СИМЪ КАМ
НИМЪ ПОГРЕБЕ
НО ТЕЛО РАБЫ
БОЖИЯ АВДОТЬИ
КРЕСТЬЯНКИ ДЕР
БАЛЫКОВО …
… ВДОВЫ ОТ РО
ДУ ЕЙ 58 ЛЕТ
СКОНЧАЛАСЬ …
АПРЕЛЯ …».

Датировка данного камня может варьироваться с конца XVIII и до первой четверти XIX века, т.к. на камне отсутствует указание отчества, а в качестве ссылки на фамилию применено отнесение к мужу – чья-то, предположительно, – «крестьянки дер Балыково .А..ВОИ вдовы».

Еще один монумент, находящийся на погосте Кремёнок и относящийся к деревне Балыково ***(Приложение 4, фото 5)***, выполнен из чугуна и содержит следующую надпись:

«ЗДЕСЪ ПОГРЕБЕНО ТЪЛО РАБА БОЖІЯ ГРИГОРИЯ СКОНЧАВШАГОСЯ 28$^{\underline{го}}$
ОКТЯБРЯ 1894
НА 21 ГОДУ ОТЪ РОЖДЕНІЯ.
РАБЪ БОЖІИ ГРИГОРІИ ПЕТРОВЪ ГУДКОВЪ
СГОРЕЛЪ ПРИ КИРПИЧНОМЪ ЗАВЕДЕНІИ
БАЛЫКОВСКИМЪ ЗАВОДЪ».

В заключение необходимо отметить, что сельское кладбище в Кремёнках расположено на высоком берегу речки Кремёнки (т.н. Жареный или Кладбищенский бугор). Сельская церковь Покрова Пресвятой Богородицы (одна, трехпрестольная, построена в начале XX века) расположена по отношению к некрополю строго в направлении движения с запада на восток по т.н. Большой дороге.

Источники и литература

1. Степашкин В.А. Древняя история Балыкова // Городской курьер. – 2011. – 20 апреля. – URL: https://courier.sarov.info/2011/04/20/11608/; Степашкин В.А. Хвощи. – URL: https://sarov.bezformata.com/listnews/ hvoshi/61565759/

2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. Оп. 2.

3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 559А.

4. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239А.

5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 261.

6. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676А.

7. Экономические примечания к атласу Ардатовского уезда Нижегородской губернии 1777–1802. – 1798. – URL: https://www.prlib.ru/en/node/899521

8. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556.

9. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 г. – Н. Новгород, 1904. XVI.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПО ВЫДЕЛКЕ КОЖИ XVIII ВЕКА
(на примере археологических исследований в городе Богородске Нижегородской области)

Сергей Николаевич Муравьев
Марийский Государственный университет, магистрант
Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола; e-mail: 89527632514@mail.ru

Кожевенный промысел – распространенное на территории Нижегородского края ремесло. Выделкой кожи занимались не только в самом Нижнем Новгороде, но и в некоторых городах и селах региона. Этот факт подтверждается и данными археологии.

Ключевые слова: *кожевенное производство; кожевенный промысел; археология; Нижегородская губерния; Богородск; XVIII век.*

Нижегородский край – один из самых развитых регионов нашей страны, с богатыми промышленными традициями, активно изучающимися в настоящее время. На данный момент кожевенное производство, а в частности его история мало изучены, хотя до 1917 г. это была одна из ведущих отраслей местной промышленности. Нижегородский край отличался высоким уровнем кожевенного производства уже в XVII веке, о чём говорят исследования Н.Ф Филатова [1], А.М. Орехова [2] и Н.Н. Устюгова [3]. Нижний Новгород был главным центром кожевенной обработки в регионе.

Исходя из данных 1665 г., среди его обитателей было 1604 ремесленника, в числе которых было 174 человека, которые имели 17 специальностей по обработке и выделки кожи и меха. В городе было множество мастерских, а с 1645 г. в городе действовала купеческая мануфактура В. Шорина и С. Задорина. С 1690 г. братья Пушниковы (Яков и Митрофан) владели крупным кожевенным заводом. На предприятиях этих дельцов работало как минимум 40 наёмных человек.

Вообще, кожевенное производство было издавна известно и распространено на Руси. Это обусловлено тем, что одним из типов ведения хозяйства было животноводство, а также широким спросом на кожевенные изделия во всех слоях общества (также и в армии). Крупными центрами обработки кожи, помимо Нижнего Новгорода, были Арзамас, Казань, Муром, Тверь, Калуга, Ярославль, Кострома и Вологда. В сельских центрах Нижегородской, Владимирской, Костромской, Ярославской и Пермской губерний также массово занимались кожевенным делом.

Кожу выделывали в большинстве крестьяне и мещане в своих маленьких мастерских, или этим занимались купцы на своих небольших предприятиях.

В конце XVIII века среднее количество рабочих на одном предприятии было около семи человек. Тех заводов, где трудилось больше 20-ти человек, было менее двадцати.

В первой половине XVIII века экономическое развитие Нижегородского края было замедлено – причиной тому была мобилизация местных мастеров для освоения новых территорий для Российского государства, а также на строительство новой столицы – города Санкт-Петербурга.

Ранее достигнутые успехи в кожевенном производстве были частично утрачены – в Нижнем Новгороде в начале 1720 годов выделкой кожи и мехов занимались всего 29 человек.

Для дальнейшего развития местной экономики условия появились лишь в последней четверти XVIII века (1779 – 1796 гг.). Это был период существования Нижегородского наместничества.

Конец XVIII века был временем активного развития капитализма.

Соответственно история кожевенной промышленности Нижегородского края в середине и конце XVIII века и до начала XX интересна и важна для экономических и торговых исследований данного временного промежутка.

Село Богородское Нижегородской губеринии, о котором речь и пойдет ниже, впервые упоминается в 1579 г. Первопоселенцами считаются ремесленники, переселившиеся из Великого Новгорода. Сначала село называлось Подольцом. Название происходило от расположения – по долу реки Рязанки. Название Богородское пришло после. Так оно было названо в честь церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной здесь и позже ставшей собором. Также есть легенда о том, как на этом месте была найдена икона Богородицы. Существует и другая легенда о том, как некий купец был спасён от лихих людей молитвой Богородице и сначала на этом месте, в благодарность построил небольшую часовню, а после – церковь.

Из небольшого сельца Богородское стало укрупняться и развиваться. В 1614 г. его отдали Козьме Минину за заслуги перед Отечеством, впоследствии им владел его сын Нефёдий Козьмич, далее село принадлежало князю Черкасскому, после которого оно перешло помещикам Шереметьевым. После отмены крепостного права Богородское находилось в ведомстве Земского управления Горбатовского уезда. С этими местами были связаны многие знаменитые люди – декабрист М. П. Бестужев-Рюмин, родившийся в Кудрёшках, музыковед А. Д. Улыбышев, астроном К. И. Каплин-Тезиков, композитор Н.Г. Кравцов, писатели Ф. А. Желтов (который тесно общался с Л.Н. Толстым), Н.С. Власов-Окский, А.Д. Мысовская и другие. Народные предания в совокупности с историческими источниками говорят нам о посещении Богородского края Иваном Грозным и Петром I, преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским, Пушкиным и Короленко.

В соответствии с архивными и этнографическими данными одной из главных достопримечательностей и знаковых мест села Богородское была Крутая гора. В местной легенде рассказывается о несчастной любви и

неудавшемся браке двух молодых. Сказывалось так, что С.В. Шереметьев, владелец села, запретил своей молодой крепостной выйти замуж по любви, после чего несчастная свела счёты с жизнью, из-за чего помещик раскаялся и распорядился выкопать в честь девушки пруд рядом с усадьбой, а холм возле него, получившийся вследствие работ, стал символизировать голову Венеры. Также на пруду было сделано три живописных острова, рядом с которыми часто можно было видеть лебедей. Также говорится, что на вершине этого холма имелась беседка, сидя в которой можно было обозревать окрестности, раскинувшиеся вокруг, благо места здесь очень красивые.

В селе были четыре церкви. О соборе, построенном на месте деревянной церкви, было написано выше. В центре села находилась церковь Воскресения, Никольского прихода. Всех Святых Кладбищенская стояла на местном кладбище. Четвёртая церковь Успения Пресвятой Богородицы ныне не действует. В селе также находилось четыре крупные часовни и множество малых.

В селе было множество промысловых мастерских, работало несколько мельниц (на ул. Новая Филипповка, Круподерка, Стрелецкая).

В 2020 году компанией ООО «НИАБ Артефакт» были проведены работы по сохранению выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой села Богородское» (археологические раскопки) в зоне строительства по ул. Брагина, ул. Кашина в г. Богородске Нижегородской области. В географическом отношении участок проектируемых строительных работ располагается в центральной части Богородска, на левобережье р. Рязанка, в 100-400 м от берега, притока р. Великая, которая в свою очередь впадает в р. Кудьма.

Спасательные раскопки выявили культурный слой и углубленные объекты XVIII – начала XXI века, мощностью 0,5-3,0 м, залегавший в двух основных горизонтах, оставшихся от двух строительных периодов.

Археологические раскопки на широкой площади, впервые проведенные в исторической части Богородска, дали важнейшие результаты для уточнения истории возникновения села Богородское, а также его кожевенного промысла и домостроительства.

Рассмотрим кожевенный комплекс села Богородское второй половины XVIII века, обнаруженный при археологических раскопках города Богородск в 2020 г. [4].

Комплекс Ямы 37 (нумерация соответствующая археологическому отчёту) с ямами 37/1 и 37/2 определяется типологически как производственная постройка кожевенного промысла с навесом, датируется XVIII в.

Яма 37 располагалась в квадрате Б-3, юго-западном углу квадрате Б-4, северной части квадрата В-4 и северо-западном углу квадрата В-4 и была выявлена на поверхности слоя 3. В плане представляла собой пятно подпря-

моугольной формы с прямоугольным выступом к юго-востоку. Верхняя часть заполнения представляла собой светло-коричневый суглинок с примесью угольков, серо-коричневого суглинка, угольков, кирпичной крошки и боя. В западном углу ямы на отметке -79/-93 см был расчищен развал сосуда. Далее исследование заполнение ямы 37 происходило по методике снятия пластов по 20 см, сначала разбиралась северо-западная половина ямы. Было выполнено четыре пластовых зачистки. Зафиксирован восточно-юго-восточный профиль. Основное заполнение ямы состояло из светло-коричневого суглинка с включениями серой супеси, кирпичного боя и крошки, угольков. В придонной части залегал углистый слой с включением извести и битого кирпича, в южной половине преимущественно залегала известь с золой, с включениями перегоревших костей (возможно остатки состава для «зольного» раствора).

Донная часть ямы 37 представляла собой плоскую поверхность (отметки -161/-176 см) с двумя ступенями: одной в юго-восточном углу ямы (отметки -39/-155 см), другой в юго-западном углу (отм. -131/-134 см). В южной части ямы, между двумя ступенями, выявлено подовальное пятно – яма 37/2. В северо-западном углу зафиксировано округлое пятно от столбовой ямы 37/1.

Яма 37/1 располагалась в северной части квадрата Б-3, в северо-западном углу ямы 37. Заполнение ямы читалось ещё с верхней части заполнения ямы 37. На поверхности материка выглядела как округлое пятно, диаметром 30 см, с заполнением из светло-коричневого суглинка с примесью кирпичной крошки, угольков и серо-коричневого суглинка. Стенки ямы пологие (зафиксирован С-профиль), чашевидное дно располагалось на отметке -179 см, глубина ямы составила 6 см. Яма 37/1 являлась столбовой (угловой опорный столб конструкции навеса), датирована предварительно второй половиной XVIII в.

Яма 37/2 – располагалась в юго-восточной части квадрата Б-3 и северо-восточной части квадрата В-3, в южной части ямы 37. Заполнение ямы проявилось на поверхности материка, выглядело как округлое пятно, диаметром 130 см, южная часть ямы перебита современной мусорной ямой в засыпанном «леднике». Заполнение в верхней части состояло из серой супеси с угольками; по бокам, также прослежены материковые заплывы; в нижней части – из слоистого заполнения, в составе которого присутствовала серая супесь, угольки, светло-коричневый суглинок и небольшое количество кирпичной крошки; дно и стенки ямы были прокалены. Стенки ямы покатые (зафиксирован южный профиль), чашевидное округлое дно правильной формы располагалось на отметке -325 см, глубина ямы от дна ямы 37 составила около 155 см. Яма 37/2 предварительно определена как «зольная» яма или «зольник». Согласно этнографическим данным, в подобных

ямах вымачивали шкуры в известковом растворе, для последующего снятия волосяного покрова («обезволашивания»), о чём также косвенно говорит находка в заполнении скобеля (инд. нах. № 24). Скобелями соскабливали волос со шкур после золения и промывки, как было сказано в начале работы. Яма 37/2 датирована по монетному материалу второй половиной XVIII в.

Таким образом, нами было рассмотрено сооружение, непосредственно связанное с кожевенным производством города Богородска второй половины XVIII века, выявленное при археологических исследованиях в октябре-ноябре 2020 г., в том числе продемонстрированы его конструктивные особенности, упомянут его керамический комплекс и рассмотрены индивидуальные находки, одна из которых (скобель) непосредственно была связана с процессом выделки кожи.

Источники и литература

1. Филатов Н.Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII в. – Горький, 1989.

2. Орехов А.М. Товарное производство и наёмный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. // Русское государство в XVII в. – М., 1961. – С. 75-109.

3. Устюгов Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве в XVII в. // Исторические записки. – 1950. – № 34.

4. Научно-проектная документация. ООО НИАБ «Артефакт». Муром, 2021 // Архив Управления государственной охраны ОКН Нижегородской области.

ПРИЧИНЫ ПЕРВОГО ТЕРЮШЕВСКОГО ВОССТАНИЯ 1743 – 1745 гг.

Артём Андреевич Калачёв

Нижегородский радиотехнический колледж, преподаватель;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант
Россия, город Нижний Новгород; e-mail: artiomkalachev@yandex.ua

Данная статья повествует о причинах, ходе, движущих силах первого Терюшевского восстания 1743 – 1745 годов на территории современного Дальнеконстантиновского района. Цель данной статьи – анализ причин, которые привели к восстанию, попытка доказать, что причины носили более глубокий характер, и подразделяются на общие, которые вызывали все крестьянские восстания в России, и частные, что были характеры только для этого восстания. Восстание было не просто антихристианским, а являлось именно борьбой против политики закрепощения и усиления тягловых сборов и контроля со стороны феодального государства посредством политики насильственного крещения, а также произвола священнослужителей.

Ключевые слова: *терюхане; подати; моляны; Сарлей; восстание; недоимки; новокрещёны; самодержавие; крепостничество; христианизация.*

Мордва-терюхане – особая этнографическая группа мордвы, которую традиционно причисляют к эрзянам. П.И. Мельников-Печерский выделял мордву-терюхан в отдельную северную группу мордовских народ-

ностей, которая более всего подверглась обрусению под влиянием русских переселенцев, и отступила в лесистые районы южнее Нижнего Новгорода. Оставшиеся терюханские земли вместе с крестьянами активно выдавались частным владельцам и монастырям. Крупные терюханские земли были отданы грузинскому царевичу на русской службе Арчиле в 1690 г. Основными территориями расселения терюшевской мордвы являются территории нынешнего Дальнеконстантиновского района, части Кстовского и Богородского районов Нижегородской области. Сегодня мордва-терюхане полностью утратили своё самосознание и слились с русским народом [1]. Однако в XVIII–XIX веках именно мордва-терюхане и русские крестьяне Терюшевской волости являлись активными борцами с крепнущим самодержавно-крепостническим строем, сопровождавшимся активной насильственной христианизацией.

Сведения о мордве-терюханах оставил известный исследователь Поволжских финнов И.Н. Смирнов, он называл Терюшевскую волость местом, где «тлела старая вера», и где приобщение местной мордвы к христианству вызывало наибольшее отторжение местного населения. Он так же подтверждает, что земли терюханской мордвы с конца XVII века находились во владении князя Арчилы. Так же Смирнов подробно описывает политику русификации населения, посредством не только крещения, но и активного переселения мордвы в русские селения, и наоборот. Князь Арчила селил терюхан в Лысково, одно из своих владений, а русских селил в Терюшево. Сегодня сохраняется историческое наследие той политики, а именно «мордовский» и «русский» порядки села Татарское на территории Дальнеконстантиновского района [2].

В Указе Синода в Нижегородскую губернскую канцелярию от 7 июля 1743 года также можно найти сведения об участниках восстания русского происхождения: «называются мордвою ложно, понеже они мордвою никогда не бывали и мордовскаго языка не знали и не знают, а говорят так, как суздалския и ярославския мужики». То есть можно предположить, что помимо обмена населением между русскими территориями и мордовскими осуществлялось переселение русских крестьян в Терюшевскую волость из других регионов.

О переселении русских крестьян нам говорят следующие выписки конца XVII века. Первая из них от 1683 г.: «Ивашка Григорьев сын Колотуха у него сын Мишка 7 лет в расспросе сказал родиной в Нижнем нове Городе на посаде а в Терюшево пришел жить тому лет с 10 живет в мордовском дворе, а мордвин умре» [3]. Вторая записка от 1663 г. сообщает о переселении крестьян с территории нынешней Владимирской области: «Савка Никитин у него сын Ивашка женат, у него же племянник Петрушка Иванов в расспросе сказался родиной Юрьевского уезда Повольского

дворцовой Ячменской волости деревни Язвицы бывал крестьянин, а в Терюшево пришел жить тому лет с 30...» [4].

Безусловно, источники не XVIII века, но в целом они отражают верную информацию о том, что Терюшевская волость являлась полиэтничным регионом, так что мы не можем сделать вывод об антирусском настрое местного терюханского населения, так как никаких сведений об этом нет. Зато есть сведения о занятиях мордвы-терюхан и русских бортников, какие подати собирались и с чего.

Более подробно о хозяйстве мордвы-терюхан известно из источников XVII века, собранных А.А. Гераклитовым в «Материалах по истории мордвы». Крестьяне занимались бортничеством, скотоводством, винокурением и сельским хозяйством. Из выписки от 1664 г. известно об обязательных поставках из Терюшевской волости 200 быков или яловиц в Москву ко дню Вознесенья. Более того, в 1666 г. с крестьян Терюханской волости за десятинную пашню налог был взят лошадями [5, с. 68]. Кроме скотоводства было развито винокурение: в 1664 г. с Государева Двора пришло указание на сдачу 5000 вёдер вина, и в этот же год было поставлено 6 бочек по 225 вёдер в каждой. Основным поставщиком вина ко двору был Фёдор Пестриков, коему в 1665 г. было наказано иметь деньги с доходов на расширение производства и увеличить посевные площади для зерна, а также иметь с крестьян дрова для винокурения [5, с. 69]. То есть с волости брали скот и алкогольную продукцию. Кроме того, Терюшевская волость не была исключением в практике обязательной поставки мёда с бортнических хозяйств, за 1666 г. с волости было собрано 210 пудов мёда, в то время как с Арзамаса собрали 9 пудов. Есть сведения и о взятии с крестьян зерна: овса, ржи. В 1667 г. в Терюшевской волости был установлен размер десятинной пашни в 248 десятин. В том же году денежных доходов с терюханской мордвы и бортников за год собрали 76 рублей 13 алтын и оброчного меда 270 пуда и 39 гривны [5, с. 76].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о развитии хозяйственной деятельности и включении мордвы и русских бортников в систему налогового обложения государством – царские указы вырабатывали нормы сборов с волости необходимых продуктов в ценовой мере. Однако здесь идёт речь о допетровской эпохе. Тенденция прикрепления крестьянства к земле и увеличения налогового обложения началась ещё при Алексее Михайловиче. Однако утяжеление и упорядочивание налоговых сборов достигло своего апогея при Петре I, именно петровские реформы в долгосрочной перспективе приведут только к усилению социального напряжения среди крестьянства, в частности инородцев, к восстаниям в Поволжье, в том числе и терюханским.

Крепнущий абсолютизм, в ходе Северной войны 1700 – 1721 гг. для победы над шведами и доступа к мировой торговле, срочно нуждался в стабильных финансовых поступлениях в казну. Стабильные финансовые поступления требовали подчинения государственной власти всех источников дохода – налоговых сборов и земельных владений. Абсолютизм монополизировал добычу соли, подчинил своей власти дворянство (табель о рангах), мещанство (налоги), купечество (процент прибыли и косвенные налоги), крестьянство и церковь, установив для каждого сословия свои обязанности. Подчинение церкви являлось одним из самых необходимых мер по упорядочиванию налоговых сборов, контролю над населением, его переписью и прочим. Перепись и учёт исполнений крестьянством своих обязанностей производил церковный приход. Церковнослужители обязались доносить законы до населения, учитывать венчание, погребение, крещение, и активно выдавать государству тех, кто не ходит на службы. Существовало правило обязательной ежегодной исповеди, это правило вводилось с 1718 г. и предписывало явиться в обязательном порядке хотя бы на одну исповедь для контроля численности населения, которое записывалось во время службы [6].

Такие меры требовала Всероссийская перепись населения, начавшаяся в 1718 и закончившаяся в 1722 г., и естественно, что в этой переписи активно задействовалась церковь. В 1724 г. по результатам переписи вводится «подушная подать» в размере 70–80 копеек в год, то есть налог на каждого обязанного человека – на душу. Подушная подать на протяжении XVIII века приносила половину дохода страны. Тем самым был решен вопрос стабильных финансовых поступлений. И здесь огромную проблему для абсолютизма начали играть староверы и язычники. Староверы обязаны были платить двойную подать, а язычников тяжело было контролировать из-за нераспространения на них контроля со стороны церкви. Государство в последующие годы после Петра I встало перед вопросом массовой христианизации всего некрещённого населения Поволжья: мордвы, черемисов, чуваш для причисления их к стабильному налогообложению. Такая политика не могла обойти и население Терюшевской волости, в частности некрещенное население мордвы-терюхан.

Для крещения инородцев в Поволжье была создана в 1731 г. Комиссия новокрещенских дел, а в 1740 она преобразовалась в Новокрещенскую Контору. Её главой назначался архимандрит Дмитрий Сеченов. В его задачу входило крещение поволжских народов, в частности, мордвы. В 1742 г. в обращении к Святейшему Синоду он указал на численность некрещенной мордвы в Арзамасском уезде в 50000 человек [5, с. 85]. В 1741 – 1742 гг. Сеченов поставил перед Синодом ряд вопросов: о массовом строительстве церквей, о переселении некрещеных иноверцев, об освобождении

принявших православие от рекрутской повинности, а также от наказания их за совершение нетяжких преступлений. Чтобы избавить себя от трудностей, царское правительство распорядилось освобождать от рекрутской повинности и подушной подати всех новокрещён сроком на 3 года, а также амнистия, к тому же должно было выплатить новокрещенам денежное вознаграждение. В 1743 г. началась более активная миссионерская деятельность после поступления из Святейшего Синода распоряжения от 14 февраля 1743 г.: «все новопостроенные за запретительными указами татарские мечети в таких местах, где восприявшие веру греческого исповедания жительство имеют – сломать и впредь строить отнюдь не допускать». Копия с этого указа была послана и к управителю Терюшевской волости, поверенному грузинского царевича, князю Мельхиседеку Баратаеву.

Распоряжения Синода были донесены до местного населения, на него терюхане ответили письмом «8 деревень Терюшевской волости» от 1743 г., в котором заявили, что мечетей у себя не имеют, живут верой мордовской и креститься не желают. Также заявили, что если крещение будет проводиться насильно, то взыскивать подушные деньги и оброк будет не с кого, ибо терюхане сожгут свои пожитки и уйдут в леса [5, с. 86].

Подушная подать тяжелым грузом упала на плечи крестьянства в дополнение к выплатам оброка и несению прочих повинностей, а на мордву она упала ещё тяжелее, так как обязывала креститься, для более подробного учёта, но, несмотря на это, мордва не спешила переходить в православие, хотя государство готово было идти даже на некоторые поблажки.

Почему? Ответ мы можем найти в статье Титова А.А. «Терюшевский бунт», где рассказывается о конфликтах мордвы-терюхан и обители Оранского Богородицкого мужского монастыря. Обитель была основана в 1634 г. неким дворянином Глядышовым с разрешения патриарха Иоасафа посреди бортнических лесов терюханской мордвы на территории нынешнего Богородского района Нижегородской области. Монастырь сразу начал подвергаться нападениям со стороны местных язычников, так как они были согнаны со своих лесов, где занимались бортничеством. Мордва-терюхане подавали челобитную царю на произвол со стороны монастыря, царь поначалу дал приказание вернуть землю мордве, однако воевода Шереметев не решился воплотить решение царя из-за боязни разногласий с патриархом. Он был вынужден отписать царю, и теперь самодержец ответил совершенно иначе, а именно приказал устранить всяческие неудобства для деятельности монастыря, дал право на землю, приказал отмерить участки леса в монастырские владения и отмежевать их от мордовских. Более того, царь дал право монастырю беспрепятственно брать дрова для монастыря из мордовских владений, а ещё отмерил пашню, землю и поко-

сы. Поэтому ссоры между настоятелями обителями и мордвой и их нападения продолжались также в XVIII веке, был даже убит настоятель монастыря [7].

Отсюда можно сделать вывод, что терюшевская мордва не питала доверия к Русской православной церкви, которая ещё с XVII столетия начала активно осваивать их земли, прикреплять местное населения к податям в свою пользу. В XVIII же веке, когда приобщение к церкви стало именно что обязательным для улучшения налогообложения, отторжение со стороны мордвы стало ещё больше. Не было предпосылок для мирного крещения терюхан, которые относились к православию как к инструменту угнетения со стороны феодально-абсолютистского государства. Несмотря на тяжелые оброки и подушные сборы, несмотря на созданные поблажки в их уплате и денежное вознаграждение со стороны царской власти, мордва предпочла уйти со своих земель, нежели креститься. Уже после восстания 1746 г. уход мордвы с монастырских угодий продолжился. Существует свидетельство о 25 семьях, убежавших и пойманных в Симбирске [7].

Серьёзный удар по авторитету русского православного духовенства нанесли и сами священники, которые устраивали поборы и бесчинства: «Одною из важных доходных статей монастыря было хождение с чудотворною иконою Оранской Божией Матери. Но, что это было за хождение? Это была ни более, ни менее, как только одна профанация святыни: целыми толпами, с великим бесчинием шатались они из деревни в деревню, не исключая и мордовских; в последних очень часто не пускали их, но тогда они насильно врывались в дома, заводили ссоры, нередко позволяли себе насилия относительно женщин и делали всякого рода истязания и поборы не только с иноверцев, но и несчастных Русских» [7]. Такое поведение священнослужителей не могло не вызвать отторжения у местного населения и сопротивления религиозной политике государства. Столкновения между служителями церкви и окрестной мордвой продолжались и позже.

Теперь попробуем вывести совокупность причин, которые предопределили Терюшевское восстание 1743 – 1745 гг. Начнём с общих причин. Процесс расширения экспансии феодального, в том числе и церковного землевладения и интеграция регионов всей страны вызывал усиление крепостной зависимости и распространение её на новые территории, конфликты между духовенством и инородцами за владение землёй. Процесс централизации страны и усиления её внешней экспансии требовал подчинения самодержавной власти всех источников дохода для увеличения налогообложения, которое распространилось уже не только на крестьянские дворы, но и на отдельные души. Сбор подушной подати требовал конкретные данные о численности душ. Одними из органов, контролиро-

вавших численность тяглового люда, были церковные приходы, которые записывали прихожан и отчитывались перед государством за совершенные таинства и за уклонистов. Большую проблему представляли язычники, которых тяжело было приписать к тяглу. Вставала необходимость срочного крещения иноверцев Поволжья. К числу частных причин относятся тяжелые взаимоотношения между терюханской мордвой и Оранской обителью за земельные владения и поборы и произвол священнослужителей в отношении местного населения. Всё в совокупности уже служило весомыми причинами для неприятия терюханами христианства. Созданные государством привилегии в уплате податей, а именно трехлетняя отсрочка и амнистия преступлений, а также денежное вознаграждение после принятия христианства отчасти поспособствовала росту сопротивления язычников из-за переложения податей на них.

Что послужило поводом к восстанию? Им стало осквернение мордовских захоронений в селе Сарлей, оно же Успенское (в честь храма Успения), Димитрием Сеченовым, который приказал сжечь языческие срубы, где покоились предки терюхан. Вот как описывается данное происшествие: «18 мая преосвященный Димитрий совершал литургию в Вознесенской церкви села Терюшева и отсюда после доброго угощения, устроенного в честь его управителем духовных дел, священником о. Кириллом, отправился вместе со своею многочисленною свитой далее для обозрения епархии. Но, не доезжая села Успенского Терюшевской волости, его внимание было привлечено массою низеньких срубов, разбросанных там и сям среди высоких старых дерев девственного чернолесья. На вопрос владыки, что это такое, – ему отвечали, что это мордовское кладбище с деревьями, служащими предметом почитания. Преосвященный велел остановиться; певчих заставил подложить под срубы огонь, а березы срубить топорами, взятыми у священника села Успенского» [7].

Данное распоряжение вызвало у местной мордвы сильнейшую ярость, а когда они увидели горящие срубы на своём кладбище, то похватав всё, что попалось под руку, местные крестьяне напали на свиту Сеченова. Чудом уцелевший Димитрий Сеченов спрятался в погребе местного священника, а после и вовсе убежал, а рассвирепевшая мордва вступила в схватку с православными крестьянами из села Константиново. После инцидента мордва устроила террор в селе Инелей (Богоявление) и в остальных мордовских селах, мешая службам и поднимая на восстание как мордву, так и лояльных им русских крестьян, которые по словам того же Димитрия Сеченова сохранили свое идолопоклонство и говорили по-русски. Димитрий Сеченов просил Её императорское Высочество дать приказ о наведении порядка и о разрушении мордовских кладбищ и крещении поганых: «Дабы указом Ея Императорскаго величества повелено

было оной Терюшевской волости некрещенов за нанесенную ему обиду и за намерение их ко учинению впредь злодейств всех, кои похотят от злобы и упрямства своего добровольно крестятся, а не похотят – таковых вневолю крестить. Богомерзкия же их идолопоклоннические в том селе Сарлей и где инде при церквах святых кладбища есть, по силе правительствующаго Сената определения, святейшему Синоду ноября 30-го дня прошлого 1742-го года объявленного… разорить и з землею сравнять и имеющияся на тех кладбищах колья и струбы и протчее, собрав, зжечь, дабы никакова знака кто где зарыт не осталось…» [7]

Терюшевское восстание, начавшееся в 1743 гг., перешло в горячую фазу, его возглавили новокрещён Несмеян Кривой, Котрянка Андрюшкин, Пумрас Семенов, Шатреска Плакидин и Дружинка Цанаев. По словам В.В. Маводина, к восстанию присоединились разбойники, беглые крестьяне, бурлаки, солдаты и работные люди. Поддержку получили от мордвы Арзамасского уезда, подниматься начали и крестьяне других уездов. Был велик риск перерастания локального восстания в массовое, при поддержке со стороны чувашей и черемисов и русских крестьян [3, с. 154]. Терюшевское войско смогло разгромить правительственные войска у села Борцово и Романихи, казалось, что восстание непременно перейдёт в крестьянскую войну, однако уже осенью 1743 г. у деревни Лапшиха восставшие терпят сокрушительное поражение от войск премьер-майора Юнгера, было убито 35 (или 74) человек, 136 взято в плен [3, с. 154]. Главную причину поражения восстания В.В. Мавродин видел в слабой координации действий восставших, что восстание представляло собой хоть и весьма серьёзную угрозу, но оно было не единой централизованной силой, а вспыхивало очагами и действовало разрозненно – стихийно [3, с. 154].

После восстания был казнён Несмеян Кривой, которого публично приговорили к сожжению в селе Сарлей. Был пленен и казнён Пумрас Семенов, прочие бунтари были биты плетями. Терюшевская мордва по докладу 1754 г. грузинского царевича Георгия Святейшему Синоду приняла православие, однако обещанных денежных вознаграждений не последовало. Царевич требовал выплат крещенной мордве. По справкам 1744 – 1747 крещено 8257 человек, которым следовало выплатить 8102 р. [5 , с. 87]. В 1748 году после смерти царевича Бакара Терюшевская волость была разделена на 2 части: одна с 4586 душами досталась вдове – княгине Анне, другая её деверю – царевичу Георгию. Указом 1751 г. от Святейшего Синода невыплаченные новокрещеннам деньги списывались за недоимки по подушным выплатам и за рекрутских лошадей. На денежное вознаграждение выпускалось по 10 000 рублей в год, и эти деньги не были получены, поэтому выплаты провести не вышло [5, с. 87]. Епископ Лука приводит данные по крещенным в Нижегородской епархии, где в Нижего-

родском уезде было крещено 10709 человек, в Алатырском – 17388, в Починковской волости – 1884, Курмышском уезде – 11259, в Ядринском – 8693 человека. Им следовало всем в совокупности выдать 50104 рублей, из которых выдано было 1076 рублей. Вывод из этого следует простой, что абсолютистской монархии было выгоднее списать задолженности [5, с. 87].

Главным итогом восстания стало крещение терюханской мордвы, однако были ли устранены основные причины, из-за которым восстали терюшевские крестьяне? Думается, что нет. Принятие христианства мордвой носило формальный характер, более того, не получившие выплат новокрещёны всё так же оставались приверженцами старой веры, а их материальное состояние не улучшилось. Пусть Терюшевская волость уже и не горела, как раньше, но медленно тлела, чтобы разгореться вновь в 1808 – 1810 гг. Главные противоречия между самодержавием и мордовским народом решены не были.

Безусловно, Терюшевское восстание 1743 – 1746 гг. вспыхнуло не просто из-за осквернения мордовских захоронений. В этой статье была сделана попытка вскрыть гораздо более глубокие причины этого потрясения, а именно: захват земель, экономическое закабаление крестьянства, насильственная христианизация инородцев с целью упорядочивания подушных сборов. Выплата податей привела к обеднению крестьянства, к появлению недоимок, бегству и восстаниям, всё это происходило по всей России, а на землях инородцев, в частности терюхан, в более тяжелой форме, так как крещение становилось для них обязательным. Противостояние монастырей и местного языческого населения не добавляло авторитета русской православной церкви.

Нельзя негативно относиться к естественному процессу укрепления самодержавной власти, так как базис и надстройка друг от друга неотделимы. Экономическая централизация, укрепление хозяйственных связей между регионами, расширение производства и внешняя экспансия естественным образом формировали жесткое, абсолютистское правительство, которое главным образом было заинтересовано в выстраивании чёткой системы управления и включения в неё всех, кто ранее не был интегрирован, самодержавие было заинтересовано в контроле рабочей силы, налоговых сборов, источников дохода. Относиться негативным образом к самой церкви тоже нельзя, ибо это был орган государственной власти, неотделимый от экономических отношений, в которых он формировался, и несвободный от политики государства, частью которого он являлся. Увы, но развитие России имело и обратное последствие в виде закрепощения населения и его налогового закабаления

С другой стороны, необходимо понять и небезосновательные причины для восстания терюшевской мордвы, которая боролась, главным образом, за сохранение своего прежнего уклада жизни, по которому они жили испокон веков, за свободное владение своей землёй, за более мягкое налогообложение и за свободное вероисповедание. Старая вера для мордвы являлась символом их традиционного уклада – идеей, за которую они готовы были биться, в то же время в лице православия они видели приобщение к новому социально-экономическому и государственному строю, который диктовал свои правила жизни. Это была борьба противоречий, где более сильным оказался тот, кто являлся более прогрессивным, то есть – самодержавие. Однако стоит отдать должное смелости и доблести терюшевских крестьян, которые сохраняли в себе желание биться. После первого Терюханского восстания 1743 – 1746 гг. в волости продолжало сохраняться напряжение, что приведёт к новому восстанию терюханской мордвы.

Источники и литература

1. Терюхане // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1973-1982.

2. Восточные финны. Том 1: Приволжская, или булгарская группа: Часть 2 Мордва / И.Н. Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2021.

3. Рождение новой России: [Сборник] / В. В. Мавродин; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 534 с. [электронный ресурс] – URL: https://royallib.com/read/mavrodin_vladimir/rogdenie_novoy_rossii.html#0

4. Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов и материалов к истории Нижнего Новгорода и его округи. / Под ред. чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского. Сост. Н.И. Привалова. Горький, 1961.

5. Материалы по истории мордвы // Сборник выписок из печатных источников / А. Гераклитов; Предисловие: А. Шестаков. – Москва; Ленинград: Гос. соц - экон. изд-во, 1931 (М.: тип. «Красный пролетарий»).

6. Федоров В.А. (1926-2006). Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917) / В.А. Федоров. – М.: Рус. панорама, 2003 (Калуга: ГУП Облиздат). – 479 с. [электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/6

7. Титов А.А. Терюшевский бунт / А.А. Титов. – Москва, 1893. – 745-762, 304-318, 799-814 с. [электронный ресурс] – URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1740-1760/Terjusev_bunt/text1.php

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
(на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия)

Яна Дмитриевна Пангаева[1], Марина Александровна Тростина[2]

[1] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, студентка, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск
e-mail: yaroslava.pangaeva@gmail.com;

[2] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, к.филол.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы Россия, Республика Мордовия, г. Саранск; e-mail: trostina@mail.ru

В статье рассматриваются устные рассказы о происхождении названий населенных пунктов, записанные на территории Республики Мордовия. Выявляется и анализируется локальное своеобразие сюжетов и мотивов топонимических преданий. Проводится сравнение между «официальными» и не нашедшими научного признания версиями.

Ключевые слова: *топонимическое предание; жанр; история; рассказ; версия; происхождение; село.*

Любое значимое историческое событие получает народную оценку и интерпретацию. Люди живут в определенных реалиях, воспринимают и оценивают происходящее, руководствуясь собственным опытом и знаниями. Представления большинства членов коллектива впоследствии формируют общее мировоззрение, отражающее взгляды народа на явления действительности. Рассказы о прошлом передаются из уст в уста, от поколения к поколению, облекаясь в дальнейшем в жанровую форму преданий. Словом, историческая, художественная и бытовая трактовка жизненных тем соединяются между собой и характеризуют область устной прозы. Данный факт подчеркивает В.П. Аникин: «Область устной прозы характеризуется соединением исторической, бытовой, религиозной (самобытной мирской и христианской) и художественной трактовок жизненных тем. Общемировоззренческую природу обнаруживают предания, бывальщины, былички. У каждого из жанров свое происхождение, история, образы, структурно-стилистические свойства» [1, с. 271].

Народные предания изображают реальность в обыденных формах и направлены на сохранение памяти о национальной истории. Как указывает В.К. Соколова, предания удовлетворяют «потребности народа осмыслить свое прошлое и настоящее» [2, с. 9]. В основе преданий лежит исторический факт, событие, произошедшее в действительности. Вместе с тем, по мнению Т.В. Зуевой и Б.П. Кирдана, «предание не тождественно реальности. Как фольклорный жанр оно имеет право на художественный вымысел, предлагает собственную интерпретацию истории… Вымысел не противоречит исторической правде, а, напротив, способствует ее выявлению» [3, с. 170].

Обращение к преданиям позволяет заглянуть в прошлое, объяснить сущность многих явлений. Эти фольклорные произведения содержат в себе важные сведения о бытовом укладе определенной местности, являются источником значимой культурно-исторической информации, в том числе сведений о происхождении названий географических объектов. По суждению В.П. Аникина, «такие предания объясняют происхождение названий и даже само появление гор, урочищ, других приметных мест на земле» [1, с. 271].

В данной статье дается характеристика преданий, повествующих о происхождении названий населенных пунктов. Материал исследования составили тексты, собранные в архиве кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета.

Предания мордовского народа уже много десятилетий не выходят из зоны научного внимания. Записанные в народной среде устные рассказы о прошлом русских и мордвы, проживающих на общей территории, собраны в книге «Легенды и предания мордвы» (Саранск, 1982) [5]. В.А. Балашов и В.А. Мартьянов, Н.Г. Юрченкова, Ю.В. Шишканова и М.А. Тростина и др. рассматривали предания мордовского народа в качестве исторических источников [5; 6; 7]. Профессор Мордовского университета Д. В. Цыганкин подчеркнул особое значение топонимических преданий в жизни человека: «Обращение к топонимическим преданиям позволит заглянуть в далекое прошлое, использовать топонимы в качестве источника культурно-исторической информации» [8, с. 5].

Действительно, предания отражают особенности жизни, быта, мировоззрения народа в различные эпохи. Даже в такой их разновидности, как топонимические, помимо истории появления географического объекта, содержатся интересные и важные сведения, которые могут расширить представление об историческом пути определенного этноса.

По материалам фольклорных практик 2004–2018 гг. можно составить представление о тех мировоззренческих основах, на которых строилась жизнь мордвы, особенностях ее народного быта и духовной культуры. В этом легко убедиться, обратившись к конкретному примеру.

В предании о селе Каргашино (Зубово-Полянский район) название села соотносится с мокшанским наименованием журавля: «Карго – по-мордовски журавль. На русский язык можно перевести как Журавлево или Журавлиное. Когда-то вокруг села было много болот, а в них водилось множество журавлей. К этим птицам крестьяне всегда относились бережно, стороной обходили их гнездовья и никогда не стреляли в них. А если зверь какой повредит журавлю крыло или ногу, то покалеченных птиц брали во двор, кормили до выздоровления, а потом отпускали на волю» (зап. от И.В. Коновой, 1965 г.р.).

Культ птицы-тотема представлен и в легендах этого села: «Давно когда-то журавли спасли девушку Анну, которая в этом селе жила». Птицы помогли ей сбежать из плена разбойников: «Бежит она тёмным лесом, а сама и не знает, куда бежит… А журавли покружатся-покружатся над ее головой и улетают все время в одну сторону. Словно направление показывают и за собой приглашают. Анна пошла за журавлями и вышла из леса к своему селу» (зап. от И.В. Коновой, 1965 г.р.). Народная интерпретация названия села не соответствует официальным источникам. И.К. Инжеватов связывает наименование данной местности с «распространенной на территории Мордовии фамилии Каргашиных» [9, с. 90].

В ходе анализа архивного материала выяснилось, что в преданиях, бытующих в устном репертуаре населения Республики Мордовия, версии о происхождении локальных топонимов могут совпадать с «официальными», узаконенными в топонимических словарях, но могут и отличаться от них.

Например, в рассказе о происхождении села Вертелим (ныне Старошайговский район) информант следует наиболее распространенной версии о географических перемещениях предков, но само название обосновывает на ассоциативной связи: «Это имя ему дали за то, что оно никак не могло найти себе место и вертелось, как веретено» (зап. от М.Д. Мелькиной, 1971 г.р.). Дело в том, что его первым обитателям пришлось несколько раз перемещаться по территории, выбранной для поселения: то ввиду погодных условий («Дом у них был построен в низине, и весенние воды унесли их дом»), то из-за неудачного расположения («Там они жили недолго, так как вода от них была далеко») (зап от А.А. Пятановой, 1957 г.р.). Автор топонимического словаря И.К. Инжеватов, также ссылаясь на сезонные перемещения вертелимцев, соотносит топоним с мокшанскими словами «вере» – верхний и «телим» – зимница, которые указывают на зимнее местоположение данного населенного пункта [9, с. 46–47].

Совпадают официальная и народная версии о происхождении села Каменка (Атяшевский район Республики Мордовия), расположенного на каменистой почве, что является очевидным и бесспорным фактом, не давшим возможности для появления иных трактовок. То же можно сказать и о преданиях села Низовка (Ардатовский район), Горки (Большеигнатовский район), Нижние Борки (Темниковский район) и др., связывающих наименования географических объектов с особенностями ландшафта.

Вместе с тем, устные предания наряду с официальной информацией нередко предлагают и иные, не нашедшие научного подтверждения версии.

Так, происхождение названия села Кечушево (Ардатовский район) связывается мордовскими учеными с именем его основателя – мордвина Кечуша (Кечая). Есть и другая современная версия, основанная, как и в предыдущем случае, на ассоциативном сходстве. Информант объясняет название села эрзянским словом «кеченьбуе» – в пер. с морд.-эрз. «селоковш», указывая на особенности местоположения населенного пункта: «Наша местность находится между двух гор, как будто бы в ковшике. То есть вот ручка – и вот такое круглое село» (зап. от А. Леонтьевой, 2003 г.р.).

Подобный ассоциативный принцип именований наблюдается и в рассказах о происхождении улиц, которые отражают не только особенности их географического положения, но и события далекого прошлого. Например, дореволюционное название улицы в селе Кечушево свидетельствует о пребывании на территории села монголо-татар, выбравших для поселения именно это место: «Дело в том, что во время монголо-татарского нашествия в наше село пришли татары. Они в самую первую очередь поселились именно на этой улице. А “отар” по-татарски значит “садись”. То есть эта улица – место, где они и осели, поселились, то есть» (зап. от Г.В. Лабуриной, 1949 г.р.).

Факт пребывания монголо-татар на территории Кечушева нельзя считать доказанным, т.к. первые упоминания о селе встречаются в генеральных переписях мордвы Алатырского уезда в первой половине XVII века. Однако местные жители склонны верить народным преданиям, передаваемым из уст в уста, и считают именно их источником достоверной информации.

Название села Летки (Старошайговский район), по официальной версии, определяется его географическим положением. В основе топонима лежат мокшанские слова «летке», «латко» – «сырой овраг», «сырая низина» [9, с. 123]. Заметим, что основную часть населения в Летках с давних времен составляли русские, поэтому безоговорочно признавать связь названия села с мордовским словом не следует.

Другая версия, не получившая научного подтверждения, соотносит название населенного пункта с особой категорией переселенцев, облюбовавших данную местность ввиду ее удачного местоположения: «Сюда “слетались” люди разных национальностей. И кочевники, увидев эту местность, полюбили ее, и таким образом образовались Летуны, в дальнейшем ставшие Летками» (зап. от Н.Г. Антипова, 1970 г.р.).

Возникновение вариантов характерно и для преданий, связывающих происхождение географических названий с основателями, первооткрывателями, людьми, осуществившими выбор данной территории для коллективного поселения. К примеру, название деревни Мариуполь (Большебе-

резниковский район), согласно словарям, связывается с женским именем Марья, осложненным топоэлементом – поль, восходящим к слову *поле* (дословно – поле Марии) [9, с. 197]. Устное предание предоставляет более обширную информацию, достоверность которой не находит «материального» подтверждения: «Их две барыни были. Две сестры. Марья и Поля. Понимаешь?.. Они жили вместе. Значит, Марья в одной стороне, Поля – в другой. Вот так и назвали деревню – Марьяполя. А Мариуполь – это уже позже получилось» (зап. от Н.Б. Тишко, 1930 г.р.).

Характерным для отыменных преданий становится сюжет о разделении земель между членами одного рода: братьями, сыновьями, дочерями и сестрами и т.д. Примитивное сообщение об имени первопоселенца, в честь которого назван населенный пункт, трансформируется в простейшую одномотивную сюжетную историю. Так, например, названия деревень Старая Федоровка, Васильевка, Никитино, согласно преданиям, появились от имен барских детей, получившим земли от отца (богатого барина), который «владел землями и перед смертью разделил их между своими детьми (Федором, Василием, Никитой). Отсюда и названия деревень» (зап. от М.П. Устенковой, 1939 г.р.). Варианты таких преданий могут различаться степенью родства, что вполне объяснимо отдаленностью от событий прошлого. Так, в одних нарративах о происхождении села Баево (Ардатовский район) сообщается, что «у барина было три сына (Бай, Мирон и Ахмат), и им отец раздал земли, на которых были основаны три села – Баево, Ахматово и Мирёнки» (зап. от А.Ф. Емельяновой, 1939 г.р.); в других – упоминание отца отсутствует и указывается, что три брата Бай, Ахмат, Мирон распределяли земли с помощью жеребьевки: «Три брата были. Бай – это Баево, Ахмат – Ахматово и Мирон – Миренки. Они палкой мерили: кто вверх рукой попал, тот землю занимал. Это в Баево попал. Начали с улицы Овражной строиться. Строили, строили, теперь вот какое село большое» (зап. от А.Ф. Емельяновой, 1939 г.р.).

Интересными выступают случаи, когда трактовки названия населенного пункта расходятся слишком далеко, рождая новые варианты и версии, среди которых можно выделить наиболее устоявшиеся и современные, появившиеся в последние десятилетия, что связывается отнюдь не с открытием новых исторических источников, а со свободой в интерпретации (нередко легкомысленной) фактов прошлого. Так, название села Козловка (Атяшевский район) И.К. Инжеватовым связывается с особенностями положения местности: «Населенный пункт основан мордвой на поляне Кузлома, вокруг которой росли “куз” – ель и “лём” (лёмзеркс, лайма) – черемуха» [9, с. 99–100]. Версии, бытующие в устном репертуаре, разнятся с официальной. Согласно первой, название села – антропоним. Однако и тут есть варианты, один из которых указывает, что основателем села был

барин по фамилии Козлов («Тут барину выделили вотчину, фамилия его была Козлов. Вот отсюда и пошло название»), другой содержит информацию, весьма отдаленную во времени и размытую («Где-то вот там вот в сторону Чукала, там вот был житель по прозвищу Козёл. Вот и село назвали в его честь»). Третий вариант связывает название села с двумя братьями, которые «жили в старые времена» и были «не то купцы, не то еще торговцы какие».

Примечательно, что ни один из информантов не разделил версии составителей словарей, ссылаясь на то, что существование в прошлом Козловых-основателей села кажется им более убедительным («Дед мне рассказывал, а ему свой дед»; «Черемуха!!! Вы лучше про капусту скажите и про козлов – у нас их всегда много было. И то лучше!»).

Особую группу преданий составляют повествования о происхождении географических объектов, связанном со значимыми для жителей мордовской земли историческими событиями и их участниками. К примеру, своим названием село Стародевичье (Ельниковский район) «обязано» Ивану Грозному, который во время похода на Казань неподалеку от села встретил девушку с водой. Царь попросил напиться, а затем вытерся рукавом ее рубахи и сказал, что с этого момента село будет называться Старый Девичий Рукав. Со временем слово Рукав отпало, а село до сих пор называется Старое Девичье.

С походом Грозного связывается и название села Каменный Брод. Информанты сообщают, что в давние времена грозный царь шел походом на Казань и дошел до Мокши, а переправиться с лошадьми, грузом, оружием было трудно. Тогда он приказал всех крестьян из окрестных сел собрать, чтобы они возили с полей камни и кидали на дно реки. Так был вымощен каменный брод, по которому царь переправился со своим войском и пошел дальше. С тех пор это селение так и называется – Каменный Брод. И.К. Инжеватов объясняет название местоположением села, оставляя без внимания историческое предание, до сих пор активно бытующее в народном репертуаре [9, с. 88].

В результате анализа современных преданий о происхождении населенных пунктов на территории Мордовии становится очевидно, что бытующие в устном репертуаре нарративы содержат ценную, хотя и далеко не всегда точную информацию об историческом прошлом народа. Дальнейшее их изучение позволит расширить научное представление о фактах истории и культуры мордвы и русских, проживающих на общей территории, особенностях местного географического пространства, специфике коллективного мировоззрения, отраженного в языке и сознании народа.

Источники и литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высш. шк., 2004. – 735 с.

2. Соколова В.К. Русские исторические предания. – М.: Наука, 1970. – 290 с.

3. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. – М.: Флинта, 1998. – 392 с.

4. Легенды и предания мордвы / сост. Л.В. Седова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – 119 с.

5. Балашов В.А., Мартьянов В.Н. Мордва // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1985. – С. 108–140.

6. Юрченкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. – Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук, 2009. – 411 с.

7. Шишканова Ю.В., Тростина М.А. Топонимические предания мордовского народа как исторический источник (по материалам фольклорных практик 2006–2016 гг.) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе»: сборник статей участников XIV Региональной научно-практической конференции. – Арзамас, 2017. – С. 262–268.

8. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 432 с.

9. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. – 264 с.

Раздел II.
НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

МАНИФЕСТ ОТ 30 НОЯБРЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО СОЗДАНИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1806 Г.

Дмитрий Андреевич Николаев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, к.и.н., доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей начального этапа формирования нижегородского ополчения 1806 г.: выявлению количества ополченцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора ополчения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены общие и особенные черты местного ополченского корпуса на ранней стадии его формирования.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение 1806 г., добровольческое движение: наполеоновские войны; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация.*

В 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им, ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

При этом следует учесть, что первый опыт формирования региональных ополчений России был получен гораздо ранее. Осенью 1806 г. образовалась очередная, 4-я по счету антинаполеоновская коалиция (в со-

ставе Англии, Пруссии, Швеции и России), но действия ее против Наполеона были не очень удачными: в октябре 1806 г. Пруссия потерпела тяжелые поражения, и ее территория была оккупирована, что напрямую угрожало границам Российской империи. В этих условиях, когда «соседняя сия Держава, разделявшая от Франции западные границы Империи Всероссийской, лишилась средств к своей обороне», Александр I принял решение о мобилизации сил «на поражение злобствующего врага, который, в изданных им прокламациях, простирает дерзость свою столь далеко, что грозит явно вторжением в самые пределы Наши» [14, с. 894]. Тридцатого ноября 1806 г. царь обратился к подданным с манифестом «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции».

Согласно манифесту, на территориях 31 губернии Российской империи создавалось семь т.н. «областных войск» общей численностью 612 000 чел. Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с губерниями Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16 500 ратников. Главнокомандующим (назначаемым «из особ, верностью, службою и достоинствами общественную доверенность приобретающих») над ополченской милицией VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В. Долгоруков. «В стороне» от формирования ополчений остались 19 губерний страны: 14 – ввиду их слишком большой географической удаленности, 5 – ввиду того, что они могли бы оказаться в зоне боевых действий.

Губернским начальником милиции, или «командующим в Нижегородской губернии земским войском», дворянство избрало генерал-лейтенанта И.С. Белавина – хорошо известного человека, который был в 1781–1796 гг. правителем Нижегородского наместничества, ветераном русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Для формирования и подготовки земской милиции на территории губернии были учреждены особые территориальные отделения. Первое отделение возглавил генерал-майор Е.Ф. Купреянов, второе отделение – генерал-лейтенант Н.О. Кутлубицкий, третье отделение – генерал-майор П.Б. Григорьев [15, с. 71].

В уездах Нижегородской губернии милиционные структуры возглавили местные дворяне, ранее служившие в армии. Начальником Нижегородской уездной милиции был избран генерал-майор О.И. фон Ребиндер, Сергачской уездной милиции – генерал-майор А.А. Соловцов, Княгининской – генерал-майор В.В. Баженов, Ардатовской – флота капитан 1-го ранга А.В. Бабушкин, Макарьевской – коллежский советник А.К. Шебуев, Горбатовской – Н.И. Бычков, Васильской – П.В. Чемоданов [15, с. 71]. В каждом уезде от дворянских собраний были избраны и «комиссары»

земской милиции, которые занимались организацией продовольственного и фуражного снабжения, обеспечения всем необходимым, совместно с начальниками милиции и уездными земскими исправниками.

Тем же самым императорским манифестом определялось, что начальник губернской земской милиции и командный состав (тысячные, пятисотенные, сотенные и пятидесятные) избираются на дворянских собраниях. Поскольку офицерский корпус ополчения формировался, в значительной степени, из отставных военных, то «повелено было носить (*им – **Авт.***) мундир части, где они служили, всем же прочим был присвоен мундир губернский, при военной шпаге или сабле, с темляком на перевязи, через плечо и шляпа с бантом и султаном, но потом всем был дан военного покроя мундир с воротником и обшлагами тех цветов, какие были присвоены губернским мундирам» [16, с. 15].

Помещики должны были отобрать крепостных крестьян, могущих по состоянию здоровья нести военную службу. При этом каждый крестьянин вооружался и экипировался, первоначально, не военную форму, а в крестьянскую же одежду, но лучшего качества, за счет помещика, который также выдавал на каждого ратника трехмесячное жалованье в 3 руб. и провианта на три же месяца. На время службы ратники освобождались от подушной и оброчной податей [17, д. 205, л. 1]. Кроме того, помещики были обязаны сделать дополнительное «добровольное пожертвование» и с каждой «владеемой души» выплатить еще по 50 коп. «Градские общества» обязывались выставлять от мещанского населения ратников также с их полным материальным обеспечением; свободные люди могли вступать в земскую милицию добровольно. Был ограничен, по прошению Святейшего Синода на имя императора, прием в милицию для лиц «духовного звания» и студентов духовных семинарий [18, с. 1160]; тем не менее, такой весомый потенциальный мобилизационный ресурс не мог остаться без внимания и в дальнейшем по этому поводу были внесены уточнения: поскольку страта «церковно - и священнослужителей» была достаточно большой, и не все, в ней состоявшие, имели реальную востребованность в обществе, то, при записи в ратники, должен быть произведен «разбор» как наличия/отсутствия места учебы, или службы, так и индивидуальных поведенческих характеристик человека, особенно из категории «праздноживущих», «непорядочного поведения» [17, д. 536, л. 1–2] и пр. В итоге, по сведениям, доставленным в военную коллегию от нижегородского губернского правления, «принятых на службу церковников» значилось 82 чел. [19, д. 56, л. 2].

Учитывая затруднения, встретившиеся при обмундировании ратников, и, в частности, дефицит производства суконных тканей, нижегородский губернатор обратился в «Комитет для главного производства дел по

милициям» с просьбой оставлять фабричных работников суконного производства на своих рабочих местах [19, д. 59, л.119 об.]. Комитет «перевыполнил» эту просьбу, приняв во внимание то обстоятельство, что большая часть фабрик, и особенно суконных, полотняных, кожевенных и железоделательных «имеют обязанности с казной» и при отзыве с производства даже небольшого числа работников «могут быть поставлены в затруднение исполнить сии обязанности» [19, д. 59, л. 119 об.], поскольку, как следовало из письменных просьб и объяснений некоторых фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии, их предприятиям, работающим, по значительному числу заказов, на оборону, придется сворачивать производственные мощности; учитывая, что «число ратников из заводских работников … не может быть значительно», то таковых призывать, «не требуя на службу действительную, оставить до времени при фабриках» [19, д. 59, л. 120–120 об.], в качестве как прежней, необходимой для оборонных производств, рабочей силы [19, д. 59, л. 147], так и формально уже приписанных к «военной милицейской силе» и находящихся в ближайшем мобилизационном резерве, и которые, в случае необходимости, «немедленно могут быть отправлены к их назначению» [19, д. 59, л. 120 об.].

Канцелярией губернатора были направлены в уезды образцы ведомостей**,** согласно которым необходимо было указывать как общее количество «владельческих» крестьян, так и перечень поступающих в ополчение. Реестры дополнялись графами: «звание ведомств», «из каких кто селений», «какое оружие» (*вручено ратникам владельцами – **Авт.***), «женат, или нет» и пр. Впрочем, это не исключало и местное «документоведческое нормотворчество».

С начала–середины января 1807 г. уездные предводители дворянства и начальники уездных земских ополчений сообщали нижегородскому губернатору А.М. Руновскому о первоначальных (промежуточных) результатах сбора ратников по уездам. Хотя основной контингент ратников составляли помещичьи крестьяне, немалое количество ополченцев относилось к другим категориям населения. Согласно «Списку набираемых Балахнинского уезда с нижеозначенных казенных волостей в состав земской милиции ратникам», всего с казенных селений (только одного уезда) было отправлено в ополчение (к середине января 1807 г.) 176 чел. при 49 ружьях, 176 пиках и 3 саблях; позднее это количество увеличилось до 291 чел. [19, д. 56, л. 122]. В документах канцелярии нижегородского губернатора имеется и список ратников (1 041 чел.), зачисленных в земское войско от ведомства казанской удельной экспедиции, управлявшей «приказами» по некоторым местностям Нижегородской губернии [19, д. 57, л. 37–38]. В январе же 1807 г. нижегородский уездный предводитель дворянства П.А. Ленивцев сообщил о сборе с уезда ратников, в количестве 1 798 чел.,

из которых 1 536 являлись крепостными крестьянами, 157 – крестьянами казенного ведомства, 94 мещанина и 11 ямщиков [19, д. 57, л. 38].

Согласно рапорта нижегородского губернатора министру внутренних дел от 11 января 1807 г., набор ратников шел вполне успешно и «…приготовление людей в милицию по 11 число сего генваря в семи округах, а именно: Семеновском, Балахнинском, Макарьевском, Васильском, Горбатовском, Ардатовском, Лукояновском совершенно кончено, кроме весьма малого недостатка в последних 3-х уездах; в прочих же 4-х округах: Нижегородском, Арзамасском, Сергачском, Княгининском составление сего войска производится с возможною деятельностью, и, хотя число следующих с них ратников по числу жителей в сих округах несравненно превосходит прочие, но, вероятно, и там по сие время уже кончено … весьма малое количество ратников оставалось неприготовленным … Ружей вместе с ратниками, сколько до сего времени известно, предоставлено до 2212; прочие же вооружены пиками, некоторые при том и саблями…» [17, д. 325, л. 5]. Следует отметить, что ввиду неудачного прогнозирования действий высшей власти и неправильной «просчитываемости» ситуации наперед, многие распоряжения и конкретные действия нижегородских властей, которые несколько опередили конкретные предписания «сверху», приходилось отменять и «переделывать наоборот»: например, большое количество заготовленного провианта и снаряжения, еще до получения необходимых предписаний, было свезено с мест на базы хранения в уездные города [17, д. 325, л. 5], а затем (после того , как эти предписания не были получены) развезено обратно.

По составлении списков ратников подавляющее большинство их «распустили в домы, с истолкованием каждому, что (*ратники* – ***Авт.***) из казенных селениев поступившие должны быть наравне с другими местному их начальству послушны, а (*ратники* – ***Авт.***) помещичьи в той же зависимости и повиновении обязаны находиться к помещикам и их начальникам и чтоб землею они пользовались и исправляли работы, как и прежде» [17, д. 325, л. 56]. Помещикам и вотчинным управляющим были даны, от милиционного начальства, необходимые инструкции, «дабы каждый знал управление записанных в милицию людей и какие обязанности их есть по земскому и волостному начальству над ними…» [17, д. 325, л. 56]. Ответственность за наличие и сохранность милиционного оружия брали на себя сотенные начальники ополчения [17, д. 325, л. 56].

Батальон земского ополчения (под командованием майора Подревского), сформированный в Нижнем Новгороде, получил название отборного батальона милиции. На вооружение 1 798 ратников помещики Нижегородского уезда собрали и передали 241 ружье, 1 557 пик, 105 сабель и

1 кинжал; мещанское городское общество передало ратникам 6 пик и 4 пистолета [15, с. 73].

Согласно предварительным данным «Реестра о поступившим вместе с запискою в милицию ратников по некоторым округам разного рода оружия», в котором приводились данные по шести (из 11-ти) уездам губернии известно, что к началу 1807 г. в ополчение уже было зачислено 7 087 ратников, собрано для их вооружения 3 393 ружья, 5 331 пика, 1 313 сабель, 54 пистолета [19, д. 57, л. 25].

Пятого февраля 1807 г., очевидно, в силу нехватки призывного контингента, вследствие «Высочайшего повеления» разрешалось «на перемену представляемых ратников» (*на замену в процессе сбора ополчения – **Авт.***) принимать людей уже иных возрастных пределов – от 17 до 50 лет [19, д. 57, л. 99]. Четырнадцатого февраля 1807 г. князь Долгоруков выразил свое неудовольствие Руновскому за, по его мнению, слишком медленный сбор ополчения и предложил «…оное как можно (*более – **Авт.***) ускорить» [19, д. 57, л. 95]; после этого послания в течение ближайших дней организационные мероприятия были завершены. Двадцать восьмого февраля 1807 г. Руновский доложил Долгорукову, что «по Нижегородской губернии назначение в милицию ратников совершенно по сие время окончено, которые и поступили в ведомство гг. уездных начальников в полном числе» [19, д. 57, л. 96]. Список ратников земской милиции по уездам выглядел следующим образом: Нижегородский уезд – 1 792 ополченца, Ардатовский уезд – 1 459, Арзамасский уезд – 1 770, Балахнинский уезд – 1 474, Васильский уезд – 1 179, Горбатовский уезд – 1 368, Княгининский уезд – 1 540, Лукояновский уезд – 2 158, Макарьевский уезд – 1 130, Семеновский уезд – 1 073, Сергачский уезд – 1 557 чел. Всего насчитывалось, строго по положенному «областному» расписанию, 16 500 чел. [19, д. 57, л. 96]. Следует отметить, что успешный набор ратников в установленные сроки стал возможен не только благодаря действиям властей – административных и вотчинных – ратники, фактически, набирались «на бумаге», оставаясь, будучи записанными в ополчение, «в своих селениях» и выполняя прежние обязанности, изредка являясь, как правило, по воскресеньям, на военно-учебные сборы, без врачебного освидетельствования на пригодность к службе и при непостоянном военно-административном контроле. На этом содержание первоначальных мероприятий по формированию «списочного» состава нижегородского ополчения было исчерпано.

Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1806 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе

на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» (новое ее название – «Вопросы исторического и экологического регионоведения») [20, с. 126; 21, с. 119; 22, с. 121; 23, с. 128; 24, с. 116; 25, с. 129; 26, с. 123; 27, с. 130].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г./ (сентябрь 1812 – апрель1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58–62.

6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

7. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 39–43.

12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

14. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ) Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830.

15. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805–1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. – Н. Новгород, 2016. – Вып. 47–48. – С. 70–74.

16. Государственное ополчение. Исторический очерк. С приложением: Положения о государственном ополчении, правил, инструкций и форм до организации ополчения и порядка призыва на службу ратников относящихся / Сост. Генерального Штаба полковник Я. Преженцов. – СПб.: Склад у В.А. Березовского, 1889.

17. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 5. Оп. 41 за 1807 г.

18. О непринимании студентов и людей Духовного звания в областные милиции, без предварительного с Духовным Начальством сношения // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830.

19. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4.

20. Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

21. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.

22. Николаев Д.А., Грубов В.И. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

23. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

24. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.

25. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

26. Грубов В.И., Николаев Д.А. Региональная научно-практическая конференция «Вопросы исторического и экологического регионоведения» // Отечественные архивы. – 2020. – № 1. – С. 123–126.

27. Грубов В.И., Николаев Д.А. Региональная научно-практическая конференция «Вопросы исторического и экологического регионоведения» // Отечественные архивы. – 2021. – № 2. – С. 130–132.

СОЗДАНИЕ ОСНОВНЫХ СТРУКТУР НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1806–1807 ГГ.: ФОРМИРОВАНИЕ БАТАЛЬОНА СТРЕЛКОВ МИЛИЦИИ

Дмитрий Андреевич Николаев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, к.и.н., доцент

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей начального этапа формирования нижегородского ополчения 1806 г.: выявлению количества ополченцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора ополчения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографи-

ческих трудов выявлены общие и особенные черты местного ополченского корпуса на ранней стадии его формирования

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение 1806 г.; добровольческое движение; наполеоновские войны; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация.*

В 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12 928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись по своему значению и функциям комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им, ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

При этом необходимо помнить, что самый первый опыт формирования региональных ополчений России был получен гораздо ранее. Осенью 1806 г. образовалась очередная, 4-я по счету антинаполеоновская коалиция (в составе Англии, Пруссии, Швеции и России), но действия ее против Наполеона были неудачными: в октябре 1806 г. Пруссия потерпела тяжелые поражения, и ее территория была оккупирована, что напрямую угрожало границам Российской империи. Тридцатого ноября 1806 г. царь обратился к подданным с манифестом «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» [14, с. 894], согласно которому на территориях 31 губернии Российской империи создавалось семь т.н. «областных войск» общей численностью 612 000 чел. Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с губерниями Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16 500 ратников. Главнокомандующим (назначаемым «из особ, верностью, службою и достоинствами общественную доверенность приобретающих») над ополченской милицией VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В. Долгоруков; губернским же начальником милиции, или «ко-

мандующим в Нижегородской губернии земским войском», стал генерал-лейтенант И.С. Белавин [15, с. 71].

Список ратников земской милиции по уездам (по завершении первого этапа сбора ополчения) выглядел следующим образом: Нижегородский уезд – 1 792 ополченца, Ардатовский уезд – 1 459, Арзамасский уезд – 1 770, Балахнинский уезд – 1 474, Васильский уезд – 1 179, Горбатовский уезд – 1 368, Княгининский уезд – 1 540, Лукояновский уезд – 2 158, Макарьевский уезд – 1 130, Семеновский уезд – 1 073, Сергачский уезд – 1 557 чел. Всего насчитывалось, строго по положенному «областному» расписанию, 16 500 чел. [16, д. 57, л. 96]. Следует отметить, что успешный набор ратников в установленные сроки стал возможен не только благодаря действиям властей – административных и вотчинных – ратники, фактически, набирались «на бумаге», оставаясь, будучи записанными в ополчение, «в своих селениях» и выполняя прежние обязанности, изредка являясь, как правило, по воскресеньям, на военно-учебные сборы, без врачебного освидетельствования на пригодность к службе и при непостоянном военно-административном контроле.

Второй этап сбора ополчения начался 7 марта 1807 г., когда последовал указ императора об отборе из числа милицейских ратников тех, кто умеет хорошо обращаться с огнестрельным оружием и формировании в 18-ти губерниях России стрелковых батальонов из четырех рот, которые направлялись в определенные указом местности [17, с. 1039–1040]. На имя гражданского губернатора поступило «Примерное положение для батальона стрелков милиции из четырех рот состоящего», в котором были расписаны штаты батальона численностью 680 военнослужащих, из которых 600 составляли рядовые ратники. Согласно штатному расписанию, начальник батальона назначался из тысячных или пятисотенных ополченских чинов. Предполагалось наличие пяти сотенных начальников, 14-ти начальников пятидесятных (один из которых исполнял обязанности квартирмейстера и казначея, а другой – обязанности адъютанта) [16, д. 59, л. 124]. Унтер-офицерский состав батальона включал в себя 28 чел.: четыре старших унтер-офицера и 24 младших, из которых в должностях каптенармусов состояли четверо [16, д. 59, л. 124 об.]. В каждой роте «четырехротного батальона» наличествовало по 150 рядовых; в батальоне имелось пять барабанщиков (один батальонный и четыре ротных); среди нестроевых медицинских служителей насчитывалось по одному лекарю, фельдшеру, вагенмейстеру, «надзирателю больных» и четыре санитара («лазаретных служителя»); нестроевых же служащих прочих специальностей было: один батальонный писарь, один писарь «квартирмейстерский и казначейский», один ложник (*мастер, приводящий в исправность ружейные ложи – **Авт.***), один помощник ложника, один слесарь, один помощ-

ник слесаря, один кузнец, один помощник кузнеца, один плотник, один помощник плотника, семь фурлейтов (*возниц* – ***Авт.***) и один профос (*должностное лицо из нижних чинов, выполнявшее различные вспомогательные функции* – ***Авт.***) [16, д. 59, л. 124 об.].

В состав имущества обоза батальона входили 15 лошадей (восемь – для перевозки на колесах патронных ящиков; семь – к прочим повозкам); четыре колесных патронных ящика; повозки: «казначейская», медико-санитарная, а также «для инструментов и письменных дел» [16, д. 59, л. 124 об.]. На покупку лошадей, «как обоз готов будет», командиру батальона отпускал средства начальник губернской милиции [16, д. 59, л. 125].

Название новообразованному батальону было предписано иметь по названию губернии, «из коих они наряжены» («например, батальон стрелков московской милиции, батальон стрелков черниговской милиции и проч.» [16, д. 59, л. 124 об.]). В связи с этим новый батальон получил наименование «батальона стрелков нижегородской милиции» с соответствующими окладами жалованья всем его должностным лицам и провиантским обеспечением «против солдатских дач, а фураж для лошадей в положенное время из провиантского ведомства на счет той же, собранной для милиции, суммы» [16, д. 59, л. 124 об.]. За счет той же суммы должны были приобретаться и некоторые предметы вооружения и амуниции, «также кивера, шинели, кафтаны», а для нестроевых – сюртуки, панталоны, сапоги, рубашечный холст, галстуки; шанцевый и слесарно-плотничный инструмент; кремни, патронная бумага «по штатам егерских полков… и для письменных дел по 75 рублей в год из комиссариата» [16, д. 59, л. 125]. Порох и свинец для батальона поступал от Артиллерийского депо. «Мастеровых в баталионы определить знающих положенное ремесло, также и фурлейтов из записанных в милицию людей» [16, д. 59, л. 125].

О составе батальона известно, в частности, что, среди прочих ратников, в нем значились 96 «стрелков» Горбатовского уезда и 29 человек «Ардатовской округи» [16, д. 59, л. 149]; также есть сведения об одном добровольце, изъявившем желание вступить в стрелковый батальон – «Ельнинской волости деревни Апалиха (*Опалиха* – ***Авт.***) экономическом крестьянине Иване Игнатьеве Сонцове» [16, д. 59, л. 16].

Нижегородский батальон (окончательно сформированный 28 марта 1807 г.), командиром которого был назначен майор Е.С. Бабушкин, в составе сводного отряда таких же «именных» (по названиям губерний) батальонов VII областного войска был определен для командирования в Смоленскую губернию, т.е. ближе к местам возможных боевых действий. Командирами рот в батальоне были назначены: капитан И.Д. Кольчугин, штабс-капитан Я.Ф. Хоботов, гвардии поручик И.И. Пахомов, титулярный советник А.С. Климов [15, с. 73]. Пятидесятными начальниками в баталь-

оне состояли поручик П.А. Плешивцов, князь Ф.С. Дивеев, губернские секретари: Ф.С. Кастальский, П.Н. Стрюков, С.П. Сергеев, подпоручики: Н.И. Столица, Д.А. Бухвостов, И.Т. Киселев, прапорщик Я.Ф. Кузнецов, чиновники 14-го класса И.М. Корсаков, А.В. Бурдин, М.С. Рубанов (квартирмейстер и казначей) [18]. Второй этап формирования ополченских структур был завершен.

Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет убедительно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1806 г., так и прочих аспектов социально-политической и военной истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [19, с. 126; 20, с. 119; 21, с. 121; 22, с. 128; 23, с. 116; 24, с. 129; 25, с. 123; 26, с. 130].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58–62.

6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

7. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 39–43.

12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

14. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ) Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830.

15. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805–1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. – Н. Новгород, 2016. – Вып. 47–48. – С. 70–74.

16. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4.

17. О выборе стрелков из милиции // ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830.

18. Апухтин В.Р. Нижегородское Дворянское Ополчение 1812–1814 гг.: М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. – URL: http://www.adjudant.ru/1812militia/nn1812-05.htm (дата обращения: 17.12.2020).

19. Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

20. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.

21. Николаев Д.А., Грубов В.И. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

22. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

23. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.

24. Грубов В.И., Николаев Д.А. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

25. Грубов В.И., Николаев Д.А. Региональная научно-практическая конференция «Вопросы исторического и экологического регионоведения» // Отечественные архивы. – 2020. – № 1. – С. 123–126.

26. Грубов В.И., Николаев Д.А. Региональная научно-практическая конференция «Вопросы исторического и экологического регионоведения» // Отечественные архивы. – 2021. – № 2. – С. 130–132.

НИЖНИЙ НОВГОРОД В ВОСПРИЯТИИ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Александр Ростиславович Панов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
д.и.н., заведующий кафедрой истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: panov_alexandr@mail.ru

В статье дается обзор упоминаний о Нижнем Новгороде в австралийской прессе первой половины XIX века. На основе анализа этих публикаций выясняется, насколько осведомлены были австралийские колонисты того времени о Нижнем Новгороде.

Ключевые слова: *австралийские газеты; Нижний Новгород; Нижегородская ярмарка; XIX век.*

В современном мире средства массовой информации являются одним из главных механизмов управления общественным сознанием [см. 1], в том числе, путем формирования стереотипных представлений о том или ином объекте, которым может быть как отдельный человек, так и целая страна. Усиление влияния прессы на общественные представления было отчетливо заметно уже в первой половине XIX века, когда резкий рост количества изданий и их доступности создали основания для выделения «четвертой власти». Газеты и журналы того времени помещали на своих страницах самую разнообразную информацию, которая откладывалась в определенные образы в сознании читателей и расширяла их культурный кругозор. Так, колонисты Австралии из газет узнавали о том, что происходит в других странах, в том числе, и в России: к примеру, они вполне представляли себе общий ход Отечественной войны 1812 г. [2, с. 19–21]. На примере публиковавшихся в австралийских газетах сведений о Нижнем Новгороде можно проследить, что австралийцы первой половины XIX века могли знать о протекавшей на другом краю света российской провинциальной жизни, и насколько цельным и достоверным был предлагаемый местными журналистами образ Нижнего Новгорода.

Первая австралийская газета The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser начала издаваться в 1803 г. и носила характер, близкий к официальному, – инициатором ее создания был губернатор Нового Южного Уэльса Филип Гидли Кинг, который объяснял свой замысел государственному секретарю по вопросам войны и колоний лорду Хобарту следующим образом: «Поскольку желательно, чтобы поселенцы и жители получали пользу от распространения среди них полезной информации… я дал разрешение одному изобретательному человеку... еженедельно собирать материалы, которые, будучи проверены офицером, публикуются в виде еженедельной газеты» [3, p. 85]. Стоит отметить, что этим «изобретательным человеком» был Джордж Хоу – каторжник, что неудивительно, учитывая в каком качестве британское правительство использовало Ав-

стралию в конце XVIII – первой половине XIX века. В 1810 г. появилась еще одна австралийская газета (Derwent Star and Van Diemen's Land Intelligencer), и с течением времени их число стало увеличиваться все более возрастающими темпами, причем в колониальной Австралии процесс обретения определенной степени свободы прессы протекал даже быстрее, чем в других странах [4, p. 26]. Именно тогда возникла и старейшая издаваемая до сих пор газета Австралии Sydney Morning Herald, которая в первое десятилетие своего существования носила название Sydney Herald.

Уже отмеченная специфика австралийских колоний и отдаленность их от метрополии наложили свой отпечаток на роль газет в среде колонистов – в условиях информационного голода газеты зачастую являлись единственным источником новой информации о мире за пределами колоний. Один из современников, сам занимавшийся журналистикой, писал по этому поводу: «Газетная пресса представляет собой почти единственную литературу, издаваемую в австралийских колониях. Она монополизирует большую часть мысли. Газета занимает пространство всей литературы и перекрывает каналы поступления информации из всех других источников» [5, p. 323].

Разумеется, издатели сами испытывали проблемы с получением актуальных внешних новостей, которые достигали Австралии с большой задержкой и очень часто в виде газет метрополии или колоний, ближе к ней располагавшихся. (К примеру, сообщение о блестящей победе британского флота в Трафальгарском сражении, произошедшем 21 октября 1805 г., появилось в единственной на тот момент австралийской газете лишь спустя почти полгода – 13 апреля 1806 г. [6, p. 4]). Особенно большое значение для австралийских газетчиков в 1830–1840-х гг. имела англоязычная газета Canton Register, издававшаяся в Гуанчжоу – изначально единственном китайском порту, открытом для европейцев. Очевидно, что эта газета регулярно доставлялась в австралийские колонии и служила ценным источником информации для местных изданий, т.к. статьи со ссылкой на Canton Register попадаются довольно часто. Тем самым журналистам австралийских колоний нередко приходилось лишь перепечатывать то, что они сами узнавали из привезенных газет – правда, при этом для них оставалось возможным редактирование приводимой информации. Именно такими по своему характеру были первые заметки о Нижнем Новгороде в австралийской прессе.

Самые ранние упоминания о Нижнем Новгороде были связаны с проходившей там ярмаркой. Летом 1832 г. Sydney Herald со ссылкой на некую российскую газету сообщила своим читателям об итогах ярмарки: стоимость всех привезенных товаров была оценена в 130 млн. руб., в том числе, европейских и колониальных на сумму 14 млн. руб., китай-

ских – 11,5 млн. руб., бухарских – 0,5 млн. руб., персидских – около 2 млн. руб. и армянских – 9 млн. руб. [7, p. 4]. В тексте нет даже указаний на местоположение Нижнего Новгорода, и название заметки должно было наталкивать на мысль, что он находится в азиатской части России. Подобным же образом не сказано, ярмарка какого года имелась в виду, но скорее всего это данные по 1831 г. (В российском издании по ярмарке 1831 г. приводятся аналогичные показатели: стоимость всех товаров – 128 762 800 руб., из них европейских и колониальных – 14 116 825 руб., азиатских – 20 833 575 руб. [8, с. 241–242]).

Следующий рассказ о Нижнем Новгороде, причем в виде отдельной статьи, можно было прочитать в номере Sydney Herald от 5 ноября 1835 г. – это было описание Нижегородской ярмарки, которое добралось до австралийских читателей через третьи руки: текст был взят из мартовского номера Canton Register [9, p. 2], а оригинал принадлежал какой-то российской газете, о чем прямо сказано в заголовке, правда, без уточнения названия издания. О самом Нижнем Новгороде мало что сообщается – кроме того, что он расположен на слиянии Волги и Оки, но сведения о ярмарке достаточно подробные и явно ориентированные на торговцев – с описанием товаров, приведением цен и объемов торгов. Речь в заметке идет о ярмарке 1832 г., которая проходила в августе – начале сентября – в более поздние сроки, чем упоминаемая в тексте Макарьевская ярмарка. В статье приводится большое количество данных по ценам и объемам продаж основных товаров (металлы, чай, ткани, меха, сахар, кожи, вина и т.д.), и отмечается, что ярмарка 1832 г. по своему обороту существенно превзошла ярмарку предыдущего года [10, p. 4]. Ярмарка изображена как грандиозное место для торга, где при этом царил строгий порядок и спокойствие – указывается, что в торговле были задействованы 2 011 магазинов и 1 516 палаток [10, p. 4]. В ярмарочной торговле принимали участие выходцы из различных стран, включая и китайцев – по подсчетам современных исследователей, в середине XIX века торговля китайскими товарами доходила до 80% от всей ценности ярмарочного привоза азиатских товаров, и главное место среди них занимал чай [11, с. 147]. Вероятнее всего, именно через китайских торговцев в Гуанчжоу и попала русская газета с исходным текстом о ярмарке.

Сопоставление приводимых данных с официальными сведениями о Нижегородской ярмарке 1832 г., опубликованными в «Журнале Министерства внутренних дел», подтверждает надежность источника информации. Действительно, привоз товаров на ярмарку 1832 г. по сравнению с предшествующим годом был более значительным, и доход казны составил более 400 тыс. руб. (В «Журнале Министерства внутренних дел» приводится сумма 425 369 руб. на 21 августа [12, с. 355], в англоязычных газе-

тах – 400 058 руб. на 20 августа). Железа было привезено 1 900 000 пудов, чая – 28 000 цыбиков [12, с. 355], и в иностранных газетах даются примерно те же цифры (железа – около 2 млн. русских пудов (russian Pouds), чая Пеко – 28 000 ящиков (chests) [9, p. 2; 10, p. 4]). Перевалочным пунктом в чайной торговле выступала неоднократно упоминаемая в тексте Кяхта, через которую проходил Великий чайный путь XVIII–XIX вв. [13, с. 57–61].

Спустя год информация о Нижегородской ярмарке была опубликована в другой австралийской газете – The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser [14, p. 4], которая заимствовала эту заметку из только что вышедшей тогда книги «Путевые мысли и зарисовки по России и Польше (Travelling Opinions and Sketches in Russia and Poland)» [15]. Автором этого сочинения был англичанин Рейфорд Рэмбл, который, по его словам, посетил много стран. Судя по всему, какими-либо особенными достоинствами эта книга не обладала, затерявшись среди подобных описаний путешествий, которые были тогда в моде в Британии [16, с. 80]. В данном же случае ценность информации Рэмбла понижалась и в силу того, что само путешествие состоялось в 1819 г., а книга увидела свет 17 лет спустя. Журналист одного из английских изданий, специализировавшихся на литературных обзорах, высказывается по поводу этого труда кратко и предельно безжалостно: «Книга совершенно бесполезна» [17, p. 568]. Впрочем, австралийским колонистам выбирать было не из чего и приходилось довольствоваться выдержками хотя бы из этого сочинения. За основу публикации был взят материал главы книги Р. Рэмбла о его пребывании в Нижнем Новгороде. На тот момент (1819 г.) строительство ярмарочных сооружений в Нижнем Новгороде еще не было закончено, и сама ярмарка проводилась лишь второй раз, о чем Рэмбл упоминает, однако в газетной статье эта подробность опущена, и можно подумать, что речь идет о современном состоянии дел. Автор пишет о большом количестве палаток и казаках, охранявших порядок, о разнообразии товаров, включая доставленные из Китая, а также приводит рецепт приготовления русского чая – с лимоном вместо молока [14, p. 4]. Из любопытных подробностей можно отметить упоминание о торговле кошачьими шкурами [14, p. 4], и это, действительно, имело место – уже в первые годы существования Нижегородской ярмарки ежегодный их привоз достигал 500 тыс. штук, и спрос на кошку обуславливался, в первую очередь, меновой торговлей с Китаем [18, с. 209].

Следующая публикация в австралийской прессе о Нижнем Новгороде также касалась преимущественно ярмарки. Эта статья была дана со ссылкой на английскую газету Atlas, причем она была напечатана не только в австралийском издании Sydney Herald [19, p. 6], но и в изда-

вавшемся в Бостоне American Magazine of Useful and Entertaining Knowledge [20, p. 420]. Автор изображает Нижний Новгород как один из главных городов России: по его словам, «Москва – город знати старой закалки; Санкт-Петербург – средоточие русской цивилизации; Архангельск – кладезь северных богатств…, но город Нижний Новгород самый русский и самый важный из всех», это «древняя колыбель русских и современное хранилище их коммерческого богатства» [19, p. 6]. Здесь же приводятся и более конкретные данные – дарование императором новых привилегий ярмарке и оценка ее оборота в 1837 г. в 119 млн. руб. ассигнациями [19, p. 6]. В отчете о ярмарке 1837 г. дается близкий к этому показатель – стоимость проданных и обмененных товаров определяется суммой 125 567 881 руб. [21, с. 181], хотя сама ярмарка этого года была оценена московским фабрикантом Веретенниковым как довольно неудачная [22, с. 559].

Любопытная информация о России, а именно – о сельском хозяйстве, дается в Launceston Advertiser [23, p. 3], которая перепечатала эту статью из специализированного журнала Farmer's Magazine. Здесь дается описание основных сельскохозяйственный культур, выращиваемых в России, и наиболее плодородных областей, среди которых назван и Нижний Новгород как территория, богатая зерном.

В 1841 г. Нижний Новгород был упомянут в рамках описания широко освещенного в австралийской прессе маршрута Джорджа Симпсона – губернатора Компании Гудзонова залива [24, p. 4; 25, p. 4; 26, p. 4]. Помимо талантов управленца, Симпсон обладал страстью к путешествиям и в этом качестве получил мировую известность. В 1841 г. Симпсон приступил к реализации плана кругосветного путешествия с использованием разных средств передвижения. Он рассчитывал высадиться в Охотске и затем продолжать движение по Российской империи с востока на запад с посещением различных городов, включая Нижний Новгород. Забегая вперед, следует отметить, что ему удалось осуществить задуманное – осенью 1842 г. он вернулся в Лондон и позднее издал книгу о своем путешествии [27].

Несколько лет спустя Нижний Новгород оказался в поле зрения австралийской прессы вновь в рамках обзора сети сообщений – в этот раз речь шла о развитии железнодорожного транспорта [28, p. 4; 29, p. 4; 30, p. 6]. Статьи имеют между собой отличия и публиковались в разное время в пределах трех месяцев (конца 1845 – начала 1846 гг.), однако информация о Нижнем Новгороде идентична. В них сообщается об успехах строительства европейской линии железных дорог, к которой готова подключиться и Россия. Авторы пишут о намерении российского самодержца Николая I построить железную дорогу между двумя столицами России и продолжить ее до Нижнего Новгорода, который обозначен как торговый го-

род, «место встречи торговцев из Европы и Центральной Азии» [28, p. 4; 29, p. 4; 30, p. 6]. В это время в России полным ходом шло железнодорожное строительство: уже действовала Царскосельская железная дорога, и начала строиться магистраль Санкт-Петербург – Москва. Что касается железной дороги Москва – Нижний Новгород, то идея ее создания обсуждалась еще в 1830-х гг., однако первый обоснованный экономическими расчетами проект А.А. Вонляровского был рассмотрен и одобрен правительством только в 1847 г., а сами работы начались лишь во второй половине 1850-х гг. [31, с. 16–18].

В 1847 г. Нижний Новгород посетил видный английский политический деятель Ричард Кобден, о чем узнали и австралийские колонисты – разумеется, через несколько месяцев после этого визита [32, p. 3; 33, p. 4]. У себя на родине Кобден снискал славу оппозиционного политика, имевшего собственный и обычно критический взгляд на внешнеполитическую и внешнеэкономическую линию Великобритании. Кобден был одним из лидеров пацифистов и фритредеров, отстаивавших идею свободу торговли [34, p. 408, 421], и имел много сторонников в других странах. В 1847 г. он совершил своеобразное турне по государствам Европы, всюду приветствуемый своими последователями: он побывал во Франции, Испании, Италии, Германии и России, где его ожидал восторженный прием. Как сообщается в статье, приводимой в Sydney Chronicle и опубликованной полугодом ранее в Illustrated London News [35, p. 218], Р. Кобден прибыл в Москву из Нижнего Новгорода, где он был на ярмарке, разнообразие товаров которой и порядок на ней «превзошли его ожидания» [32, p. 3].

В 1850 г. в Sydney Morning Herald вышла обширная статья [36, p. 3–4], поводом для которой стало появление книги А. Палмера «Неизвестные страны Востока» [37], представляющая собой описание его путешествий по восточным странам. Аарон Палмер был советником Верховного Суда США, и, будучи знаком с Россией не понаслышке, он высказывал свои идеи в отношении развития американской внешней торговли в дальневосточном регионе (См. одно из его обращений, вышедшее отдельным изданием [38]). В статье приводятся сведения из книги Палмера, в основном, относящиеся к восточной части Российской империи (Сибирь и Дальний Восток): географическое положение, природные ресурсы, проживающие там народы и т.п., включая и указание на использование этих земель в качестве каторги. Особенно большое место уделяется характеристике русско-китайских торговых отношений. Если говорить о Нижнем Новгороде, то он упомянут лишь в контексте описания транспортной сети России: с одной стороны, сказано о пароходном судоходстве по Волге, с другой – заявляется о планах постройки железной дороги до Нижнего Новгорода [36, p. 4].

В целом, хотя австралийские колонисты в первой половине XIX века могли время от времени находить в местной прессе упоминания о Нижнем Новгороде, сама эта информация появлялась на страницах газет весьма редко, была обрывочной и доходила до адресата с большим опозданием. Нижний Новгород должен был целиком ассоциироваться с проводимой там ярмаркой, которая имела международный характер, и большинство заметок так или иначе связаны с темой ярмарки. Учитывая, что круг читателей газет был ограничен в силу их дороговизны и включал в себя людей обеспеченных [39, p. 5], в том числе торговцев и судовладельцев, эта информация могла иметь для них и определенный практический интерес. Кроме того, Нижний Новгород фигурировал в новостях, сообщавших о передвижении по России видных англичан – будь то путешественник Дж. Симпсон или политический деятель Р. Кобден. Что касается канала поступления новостей, то им для колонистов являлись только газеты и книги с приходивших в австралийские порты судов, среди которых, кстати, порой оказывались и российские корабли (Всего за 1803–1849 гг. австралийские порты посетило 15 российских кораблей [40, с. 47]).

Источники и литература

1. Кузнецов Д.В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания // Философия и общество. – 2004. – № 3(36). – С. 92–104.

2. Семыкин В.А. Война 1812 г. на страницах сиднейской газеты «The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser» // Клио. – 2013. – № 1. – С. 19–21.

3. Historical Records of Australia. Series I. Vol. IV. – Sydney, 1915.

4. Schultz J. Reviving the Fourth Estate Democracy, Accountability and the Media (Reshaping Australian Institutions). – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

5. McCombie T. A History of the Colony of Victoria from its Settlement to the Death of Sir Charles Hotham. – Melbourne: Sands & Kenny, 1858.

6. Postscript // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. – 1806. – 13 April. – P. 4.

7. Asiatic Russia // The Sydney Herald. – 1832. – 28 June. – P. 4.

8. О торговле, производившейся на значительнейших ярмарках. 1. Нижегородская ярмарка 1831 года // Журнал Министерства внутренних дел. Книжка шестая. – СПб., 1831. – С. 221–243.

9. The Fair of Nijni Novgorod, from a Russian paper // The Canton Register. – 1835. – Vol. 8. – № 12. – 24 March. – P. 2.

10. China. The Fair of Nijni Novgorod, from a Russian paper // The Sydney Herald. – 1835. – 5 November. – P. 4.

11. Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв. // Вопросы истории. – 2012. – № 4. – С. 146–151.

12. Сведения о Нижегородской ярмарке // Журнал Министерства внутренних дел. Часть IX. – СПб., 1833. – С. 351–355.

13. Фильшин Н.Г. Кяхта и северный маршрут Великого чайного пути // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2017. – № 2. – С. 57–61.

14. At Nizney-Novgorod there was a fair, which is thus described // The Sydney Gazette and New South Wales Advertiser. – 1836. – 8 December. – P. 4.

15. Ramble R. Travelling Opinions and Sketches in Russia and Poland. – London: Macrone, 1836.
16. Кулакова Е.А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию второй четверти XIX века // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 79–93.
17. Travelling Opinions and Sketches in Russia and Poland. By Rayford Ramble, Esq. Macrone. St. Petersburgh, Constantinople, and Napoli di Romania, in 1833 and 1834. By M. Von Tietz, Prussian Counsellor of Legation. 2 vols. Richter & Co // The Athenaeum. – 1836. – № 459. – P. 568.
18. Ледров С.М. Торговля мехами на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1. – С. 207–212.
19. A Fair in Russia // The Sydney Herald. – 1837. – 31 August. – P. 6.
20. A Russian Fair // The American Magazine of Useful and Entertaining Knowledge. Vol. III. – 1837. – August. – P. 420.
21. Ведомость о товарах, бывших в привозе на Нижегородскую ярмарку 1837 года // Журнал Министерства внутренних дел. Часть XXVI. – СПб., 1837. – С. 165–181.
22. О Нижегородской ярмарке 1837 года (Из письма московского фабриканта Веретенникова) // Журнал Министерства внутренних дел. Часть XXV. – СПб., 1837. – С. 558–562.
23. Russian Agriculture and Grain // Launceston Advertiser. – 1838. – 23 August. – P. 3.
24. America. A great traveler // The Hobart Town Advertiser. – 1841. – 19 October. – P. 4.
25. A great traveler // The Sydney Herald. – 1841. – 20 November. – P. 4.
26. A great traveler // South Australian Register. – 1841. – 27 November. – P. 4.
27. Simpson J. An overland journey round the world, during the years 1841 and 1842. – Philadelphia: Lea and Blanchard, 1847.
28. Great Vertebral Railway from Europe to Asia // Launceston Advertiser. – 1845. – 18 December. – P. 4.
29. British Extracts // The Maitland Mercury and Hunter River General Advertiser. – 1846. – 17 January. – P. 4.
30. Railway progress // South Australian Register. – 1846. – 21 February. – P. 6.
31. Халин А.А. Проекты и строительство железной дороги Москва – Нижний Новгород. К 150-летию открытия движения // Московский журнал. История государства Российского. – 2012. – № 8. – С. 14–27.
32. Mr. Cobden at Moscow // Sydney Chronicle. – 1848. – 3 February. – P. 3.
33. Russia // South Australian Register. – 1848. – 23 February. – P. 4.
34. Spall R.F. Free Trade, Foreign Relations, and the Anti-Corn-Law League // The International History Review. – 1988. – Vol. X. – № 3. – P. 405–432.
35. Mr. Cobden at Moscow // Illustrated London News. – 1847. – Vol. XI. – № 283. – P. 218.
36. The Unknown Countries of the East // The Sydney Morning Herald. – 1850. – 18 May. – P. 3–4.
37. Palmer A.H. The Unknown Countries of the East; Their Present State, Productions, and Capabilities for Commerce... Collected from the Latest and Most Authentic Sources, for the Use of the Treasury Department of the United States, and Intended as a Guide for American Commerce and Intercourse with the East. – New-York – London, 1847.
38. Palmer A.H. Letter to the Hon. John M. Clayton, Secretary of State, Enclosing a Paper, Geographical, Political, and Commercial, on the Independent Oriental Nations: And Submitting a Plan for Opening, Extending, and Protecting American Commerce in the East. – Washington: Gideon & Co, 1849.
39. Isaacs V., Kirkpatrick R. Two Hundred Years of Sydney Newspapers: A Short History. – New South Wales: Rural Press Ltd, 2003.
40. Тимошенко В.Н. Из истории российско-австралийских отношений в первой половине XIX века // История и культура Приамурья. – 2012. – № 1(11). – С. 46–49.

ДЕЯТЕЛИ «АРЗАМАСА» И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Аркадий Наумович Долгих
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
д.и.н, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории
Россия, Липецкая область, г. Липецк; e-mail: adonli@mail.ru

Данная статья посвящена взглядам по крестьянскому вопросу и последующей деятельности в данной сфере бывшим членам известного литературного общества «Арзамас». Рассматривается проблема воздействия членов этой организации на решение данной проблемы во второй половине эпохи правления Александра I и в период царствования Николая I.

Ключевые слова: *«Арзамас»; крестьянский вопрос; крепостное право; Александр I; Николай I; дворянство; владельческое крестьянство; дворовые.*

Известное литературное общество «Арзамас», в целом, ориентированное на новый русский язык, противостоявшее в свое время «Беседе» Г.Р. Державина и А.С. Шишкова, перефразируя известные слова М.Ю. Лермонтова из «Тамбовской казначейши», «на карте генеральной» России (и ее общественной мысли, и ее внутренней и политики) обозначился не только «слегка», но по полной программе [1], став гнездом, откуда вышел целый ряд политических и общественных деятелей, сыгравших важную, хотя и не всегда однозначную роль в жизни России, в частности в том или ином решении крестьянского вопроса, важнейшего вопроса всего существования тогдашней империи в период правления и Александра I, и Николая I. Действительно, настоящие интеллектуалы, можно сказать, интеллигентные люди (при всей необычности использования данного термина применительно к данной эпохе) оставили значительный след во всех сферах, несмотря на тот факт, что после фактического роспуска «Арзамаса» их пути разошлись, причем в особенности после событий 14 декабря 1825 г. и суда над декабристами, в сумрачную эпоху правления Николая I. Вот как об этом писал в свое время М.И. Гиллельсон: «Далеко, очень далеко разошлись дороги арзамасцев… Никита Муравьев отправлен на каторгу в Сибирь. Николай Тургенев, заочно приговоренный к смертной казни, лишился родины, стал политическим изгнанником. Михаила Орлова выслали на жительство в его имение. Пушкин, Вяземский, Денис Давыдов, Александр Тургенев были оставлены под подозрением. Карамзин скончался в мае 1826 года. Дмитриев и Василий Львович Пушкин доживали свой век в Москве. В гору пошли дипломаты – Блудов, Дашков, Уваров заняли министерские посты. Спокойно, без особых взлетов и падений, продолжали службу Полетика, Северин, Вигель, Жихарев. Неспокойно, постоянно заступаясь за жертв царских гонений, служил Жуковский». [2, с. 6–7].

Итак, разошлись пути всех, так или иначе прикосновенных к «Арзамасу»: кто оказался в ссылке в Сибири по декабристским делам, кто в фактической ссылке за границей, кто просто оказался не у дел по различным причинам, кто – на службе с разной степенью преуспевания, но прежняя «закваска», с нашей точки зрения, в них сохранилась. Действительно, нельзя представить не только политическую, но и интеллектуальную жизнь России позднейшего сорокалетия без признания их значительной роли в ней.

Между тем, серьезной попытки обобщить некие общие представления этого «арзамасского братства», по выражению Гиллельсона [2, с. 7], так и не было сделано. В этом отношении мало что было добавлено известной конференцией, проходившей в г. Арзамасе в 2015 г. Единственным объединяющим их фактором, выявленным исследователями, кроме всего прочего, литературного, по мнению современного исследователя М.В. Калашникова, было их некое «доктринерство» (несколько мутный термин, с нашей точки зрения), под чем понималось следование в восприятии тогдашней политики европейских государств неотъемлемой связи политики и нравственности, при этом исследователь включал в это число следующих «арзамасцев»: П.А. Вяземского, Д.В. Дашкова, Д.Н. Блудова, В.А. Жуковского, А.И. Тургенева, С.С. Уварова и А.С. Пушкина [3, с. 150-151].

Ясно, что они вышли из Н.М. Карамзина (добавим – и из В.А. Жуковского), которых нельзя назвать лицами, занятыми только литературой и оторванными от реалий общественно-политической жизни страны, в том числе и от жгучей тогдашней проблемы – начала процесса «эмансипации» крестьянства. Именно с рубежа веков – с изменения политики властей в отношении крепостного права со времен Павла I и его знаменитого манифеста об ограничении барщины 5 апреля 1797 г. (и ряда других мер в этом направлении) в сторону его смягчения и возвращения (при всех отступлениях от этой линии и при Павле, и при его преемниках) к нормам Соборного уложения 1649 г. (эта тенденция будет прервана после поражения в Крымской войне и оборвана отменой крепостного права в 1861 г.) [4]. С другой стороны, именно сентиментальная проповедь в печати Карамзина и Жуковского рубежа XVIII–XIX вв. в значительной степени способствовала появлению у российского дворянства примерно с начала XIX в. чувства «стыда» за сохранение крестьянского «рабства» [5, с. 150; 6, т. 1, с. 310]. Будучи оба умеренными в данном вопросе, они не разделяли крайних крепостнических взглядов, характерных и преобладавших для значительной части правящего сословия еще в конце XVIII столетия [7, с. 16–18]. В.А. Жуковский к тому же освободил своих дворовых и,

судя по всему, не имел крепостных вообще большую часть жизни, нескольких дворовых отпустил на волю и П.А. Вяземский [8, с. 339].

Мы возражаем против жесткого разделения «арзамасцев» даже по политическим направлениям, тем более применительно к социальной сфере, где они и тогда, и потом мало чем отличались друг от друга, при этом сохранив эти воззрения и в дальнейшей жизни. И этому, на деле, не так уж противоречат разошедшиеся их дороги. Вспомним у Пушкина: «Нас было много на челне… Я гимны прежние пою…». Заметим, кстати, что люди внутренне обычно мало меняются, и, если они поступают в дальнейшем не так, как следовало бы ожидать от них, исходя из их прежней деятельности или из их прежнего умонастроения, выраженного в том или ином виде, значит, истинное содержание их политической и нравственной программы было, по сути, иным, просто обстоятельства изменились в ту или иную сторону, и им стало легче или сложнее проявить свою истинную сущность. В свое время А.С. Пушкин в статье об А.Н. Радищеве писал по этому поводу, в принципе, здесь противореча самому себе: «Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу… Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют», но мы с ним не согласны [9, с. 154; 10, с. 356]. Но, впрочем, на сей счет имеются и иные мнения.

Например (пример, характерный для всех, в общем, даже для Н.М. Муравьева и его крайне умеренной программы Северного общества в данной сфере, и даже для Н.И. Тургенева, пусть тот и постоянно хлопотал о крестьянах, но своих тоже не освободил), А.С. Пушкин так и не стал «революционером» в сфере крестьянского вопроса, хотя именно он когда-то вопрошал в стихотворении «Деревня» 1819 г.: «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя…» Этому совсем не противоречат и его действия «в деревне», и его публицистика и александровского, и николаевского времени [7, с. 69–73; 11]. Речь может лишь идти о том или ином воззрении на политическую сферу империи, где некоторые изменения у этих деятелей все же происходили (особенно у П.А. Вяземского или «флюгера» С.С. Уварова) [12, с. 289–320; 13]. Но в социальной сфере все они были дворяне-помещики, и только, каковыми и остались в дальнейшем.

Если мы посмотрим на дальнейший путь «арзамасцев», то, хотя надо признать, что ни один из них не прославился освобождением массы своих крестьян (а многие из них были в этом отношении достаточно богаты, были владельцами «крещеной собственности»), тем не менее определенную роль в раскрепощении отдельных представителей владельческого крестьянства они сыграли. Так, в освобождении подававшего надежды

крестьянского поэта И.С. Сибирякова значимую роль сыграл П.А. Вяземский, а также братья Тургеневы и Жуковский [8, с. 343; 14, с. 127–129, 439–440; 15, с. 119–135]. Однако, в принципе, как, впрочем, и для большинства просвещенного дворянства, для них была характерна в этом отношении несколько сторонняя роль, так как в большинстве своем они и жили за счет эксплуатации своих крестьян, не желая изменить в той или иной степени эту ситуацию, несмотря на наличие вполне возможных к реализации указов 1803 г. о «вольных хлебопашцах» и 1842 г. об «обязанных крестьянах». Что есть, то есть, и в этом состоит один из «проклятых» вопросов отечественной истории первой половины XIX в. [16, с. 571; 17, т. 1, с. 394]. И все же в той или иной степени их интеллектуальные порывы, каждого – в своей сфере, объективно способствовали развитию просвещения в российском обществе (по крайней мере, в дворянском), постепенно дозревавшем до необходимости ликвидации крепостного права.

Отметим, что уже во второй половине правления Александра I, то есть уже после распада «Арзамаса», некоторые из «арзамасцев» – братья Тургеневы и П.А. Вяземский – стали участниками и даже инициаторами создания известного Общества 1820 г., созданного группой помещиков (включавшей М.С. Воронцова, А.С. Меншикова, возможно, «арзамасца» М.Ф. Орлова и др.) для освобождения принадлежавших им крестьян, чью инициативу, в конечном счете, не поддержал монарх [6, т. 2, с. 224–256; 12, с. 40-41]. А другие, сделавшие успешную карьеру – особенно С.С. Уваров и Д.Н. Блудов, сыграли определенную и часто важную роль в рассмотрении данного вопроса в николаевскую эпоху. Другое дело, что не они были в тот «сумрачный» период «толкачами» крестьянской реформы в этом отношении, уступая эту роль сначала В.П. Кочубею и М.М. Сперанскому, а затем П.Д. Киселеву [18, с. 43–241]. Тем не менее, их роль все же имела место. Наиболее ярко, с нашей точки зрения, это явление проявилось данную эпоху в записках, вышедших из-под пера министра народного просвещения С.С. Уварова, суть взглядов которого заключалась в необходимости в отделенном будущем фактически безземельного освобождения крестьян, то есть, примерно того, что было высказано еще в программе Северного общества декабристов, автором (или одним из авторов) которой был в свое время «арзамасец» Н.М. Муравьев [19; 20, с. 131–132].

Источники и литература

1. Долгих А.Н. Общество «Арзамас» в контексте александровской эпохи // Отмена крепостного права и судьбы русского крестьянства. Материалы областных историко-философских чтений, посвященных 140-летию отмены крепостного права. – Липецк, 2003. – С. 48-52.

2. Гиллельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. – Ленинград, 1977.

3. Калашников М.В. О принадлежности Д.Н. Блудову цитаты о Ж. де Сталь в статье А.С. Пушкина // Освободительное движение в России. – Вып. 20. –Саратов, 2003. – С. 147-157.

4. Долгих А.Н. О хронологических рамках и этапах развития крепостного права в России // История: факты и символы. Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал. – 2019. – № 3 (20). – С. 33-42.

5. Долгих А.Н. О роли Н.М. Карамзина в решении крестьянского вопроса в России в конце XVIII – начале XIX в. // Карамзин и его эпоха: материалы всероссийской научной конференции (Москва, 18-19 октября 2016 г.) /сост. Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов; отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. – Москва, 2017. – С. 144-151.

6. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки. В 2 т. Липецк, 2018.

7. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности /Предисл. А. Синявского. – Москва, 2011.

8. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. – Москва, 2003.

9. Пушкин А.С. Арион // Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 2-е. – Т. III. – Москва, 1963. – С. 15.

10. Пушкин А.С. Александр Радищев // Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 2-е. – Т. VII. Москва, 1964. – С. 349-365.

11. Долгих А.Н. А.С. Пушкин и крестьянский вопрос в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2016. – № 2 (64). – С. 66-70.

12. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. – Ленинград, 1969.

13. Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – Москва, 2003.

14. Вяземский П.А. Стихотворения. – Ленинград, 1958.

15. Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. – Москва, 2001.

16. Островский О.Б. Александр I и русская художественная культура. – Москва; Берлин, 2019.

17. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. – С.-Петербург, 1999.

18. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. – Москва; С.-Петербург, 2015.

19. Шевченко М.М. Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России (1830–1831) // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. – Москва, 2018. – С. 335-362.

20. История России XIX – начала XX века: Хрестоматия /Под ред. М.Д. Карпачева. – Воронеж, 2002.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ И ЕЕ РОЛИ В РАЗВИТИИ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ» АРЗАМАССКОГО КРАЯ

Олег Евгеньевич Андреев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры экономики, управления и информатики
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: andreevoe@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о влиянии деятельности Нижегородской губернской архивной ученой комиссии на формирование местной историографической традиции, развитие изучения исторического наследия Арзамасского края.

Ключевые слова: *Нижегородская губернская архивная ученая комиссия; источниковедение; местная история; провинциальная историография.*

По мнению отечественных исследователей, понятие «провинциальная историография», которое часто соотносится с представлением о локальной (местной) истории, применимо к изучению состояния российской исторической науки на местах, в губерниях, особый колорит которой окончательно сформировался во второй половине XIX века [1, 2].

При изучении вопроса о формировании местной историографической традиции в первую очередь необходимо обратиться к рассмотрению процессов становления историописания, а также собирания, систематизации и публикации источников по истории края (земли, губернии, уезда). В данном направлении следует учитывать факторы, способствующие развитию исторических исследований, источниковедения. Ключевым условием развития местного историописания, археографии и источниковедения во второй половине XIX века стала деятельность губернских ученых архивных комиссий. Инициатива их создания принадлежит директору Петербургского Археологического института Н. В. Калачеву

Обращаясь к вопросу о губернских ученых архивных комиссиях, отмечаем, что Нижегородская губернская архивная комиссия, образованная по указу Александра III 13 апреля 1884 г. фактически начала свою деятельность 17 октября 1887 г. Попечителем Комиссии стал нижегородский губернатор Н.М. Баранов, благодаря заботе и участию которого во многом определился характер исследований.

Как известно, главным организатором и первым председателем архивной комиссии стал А.С. Гациский, первое заседание НГУАК которой открылось 29 октября 1887 г. Он являлся секретарем Нижегородского губернского статистического комитета и показал историю первых действий комиссии в «Исторической записке» [3, с. 138–139].

Как отмечают исследователи, именно А.С. Гациский, выступавший также в качестве редактора «Нижегородских губернских ведомостей» про-

должил традиции, заложенные П.И. Мельниковым. В газете публикуются статьи и заметки по местной истории, основанные на различных источниках (в том числе преданиях и легендах)» [3, с. 139].

К 1902 г., когда деятельность Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) насчитывала уже 25 лет, в ее рядах состояло 330 действительных и почетных членов и членов-корреспондентов, в том числе – 176 иногородних участников.

В деле изучения истории Арзамасского края неоценима работа правителя дел архивной ученой комиссии В.И. Снежневского (1861 – 1907). Как писали о нем современники, коллеги, он был неутомимым архивистом-исследователем, всей душой отдавшимся работе и сгоревшим на ней. В течение всего пяти лет только им одним была осуществлена работа по разборке и составлению описей архивных дел за 1889 – 1894 гг. Объем работы составил 3000 дел из общей массы в 150000 дел [3, с. 140].

Деятельность В.И. Снежневского на исследовательском поприще была отмечена выдающимися современниками и коллегами А.С. Гациским, В.Г. Короленко. «Из всех журнальных работ В.И. Снежневского следует указать на статьи из истории нижегородского крестьянства во время крепостного права, а также эпизоды из времени освобождения крестьян, которые в свое время были замечены в исторической и общей прессе» – писал В.Короленко [4, с. 19].

Огромный интерес в изучении истории крепостного права на Арзамасской земле представляют документы, опубликованные Виктором Ивановичем Снежневским под названием «Опись делам Арзамасского уездного суда (1785 – 1803)» в издании «Действия НГУАК» [5]. Тогда же публиковалась «Опись делам», относящаяся к периоду с 1804 по 1847 гг.

Вспоминая жизнь и труды В.И. Снежневского, А. Звездин отмечал: «В частности в материалах по истории крепостного права он с особенной настойчивостью выделял вопрос о морально-правовом и экономическом положении крепостных людей, в особенности крестьянства, которое безропотно выносило на своих плечах крепостной гнет. И это не случайность. В предпочтительном выборе данных материалов и вопросов сказались не только личные взгляды и убеждения В<иктора> И<ванови>ча, но и его доброе, отзывчивое сострадательное сердце» [6, с. 24].

Картина быта крепостной России из документов Арзамасского уездного суда предстает во всех подробностях. Произвол помещиков в отношении крестьян является главной темой судебных разбирательств и показан с точки зрения местных властных органов. Рассмотрение дел о притеснении крестьян не всегда обращалось в пользу помещиков. Кроме помещичьих злоупотреблений, в приведенных в «Описи» документах сообщается о делах межевых, крестьянских выступлениях, многочисленных

случаях побегов, делах, связанных с незаконнорожденными, нарушением положения о солдатах и их семьях, о фактах неповиновения самих помещиков уездным и губернским властям и многих других.

В «Описи делам Арзамасского уездного суда (1785 – 1803)» содержится много фактов возмущения крепостных крестьян допущенными к ним со стороны помещиков различными притеснениями. Нередко возмущение доходило до открытого выступления против помещиков, которое заканчивалось применением силы и нападениями на них, их старост и дворовых людей. В этом отношении следует обратить внимание на дело 1801 г., значащееся в описи под № 142-17, «О шатовском крестьянине Федоре Егорове, в поколотии им той же деревни старосту Никиту Антонова в спину ножем» [7, с. 188–189]. Причиной такого поведения стало избиение Егорова по приказу помещика, который заподозрил его в растрате денег. Как видно из дела, крестьянин был привлечен к суду. Однако рассмотрение дела закончилось по просьбе самого помещика Авдеева. Подобные решения, вынесенные уездным Арзамасским судом, принимались нередко.

Серьезный оборот иной раз принимали межевые дела и споры между помещиками. Такие инциденты порой завершались открытыми столкновениями, и страдали при этом, главным образом, крестьяне. Под 1801 г., № 148-80 значится дело «О бурмистре с крестьянами госпожи Мелисиной, избивших крестьян госпожи Кондратьевой при осмотре последними спорных лесных дач этих помещиц» [7, с. 191]. Дело, как записано в источнике, «осталось нерешенным за уходом обвиняемых в Рыбинск на заработки».

Нередко помещики допускали злоупотребления в отношении казенных крестьян, с землями которых соседствовали их владения. В этой связи, можно привести дело 1803 г. № 167-2506 «О спорном села Выездной Слободы с селами Волчихою, Майданом и деревнею Вторусскою – хлеб» [7, с. 195], начатом против помещика г. Салтыкова. Помещик самовольно захватил крестьянские угодья и засеял их своим хлебом. По делу начался суд: «Выборный села Волчихи подал жалобу в уездный суд, в которой пишет, что производилось у них в сенате дело о спорных землях с Салтыковым; по решению сената Салтыкову отведена была земля, которою до решения дела владели крестьяне с. Волчихи; земля эта была засеяна озимым и яровым хлебом, “почему оный хлеб и принадлежит к снятию им, но крестьяне Выездной Слободы г. Салтыкова ржаной их хлеб сжали и увезли в домы свои, да и к снятию яроваго хлеба, по приспеянии, наглостию своею также намереваются их не допустить, чем и причиняют им крайнее раззорение, чрез которое могут они прийти в несостояние к платежу казенных податей”». Как видно из дела, тяжба приняла длительный характер и как сообщается в итоге «решения по данному делу нет».

Возмущение крепостных крестьян Арзамасского уезда своим тяжелым положением находило воплощение в желании «наказать», «поучить» своего барина, чтобы тот не злоупотреблял в отношении них телесными наказаниями. В 1840 г. под № 299-3697 рассматривалось дело «Об ударении подпоручика Владимира Бетлинг дворовыми его людьми дубинкою в лоб и в намерении убить его до смерти» [8, с. 291–292]. На такой поступок крестьян подтолкнули постоянные избиения и издевательства со стороны барина. Крестьяне подкараулили и напали на своего помещика, нанеся ему побои. Как сообщается в решении по делу «определением уголовной палаты виновные были приговорены к ссылке в каторжные работы без наказания кнутом и поставления знаков, на основании всемилостейшаго манифеста 16 апреля 1841 г., за исключением Григорья Андреянова, который, за малолетством, представлен к суждению совестному суду» [8, с. 292].

Историк-краевед В.И. Снежневский много внимания уделял делам, в которых показана нравственная сторона явления крепостничества. Одним из таких стало дело «О застрелившемся в 1828 г. ученике академика А.В Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове» [9, с. 154-156]. Историю этого дела в свое время описал в воспоминаниях Василиий Егорович Раев. Дело о самоубийстве Григория Мясникова, одного из самых талантливых учеников школы Александра Васильевича Ступина, как свидетельствовали современники, прекрасного художника, стало предметом широкой огласки и рассматривалось следствием. Причиной самоубийства, как было выяснено позже, стала несбывшаяся надежда Григория Мясникова на получение вольной от своего помещика.

История крепостного хозяйства в Нижегородской губернии, как говорилось выше, является основной темой в трудах В.И. Снежневского. В этой связи нельзя не упомянуть работы исследователя «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях» [10, с. 517]. Как отметил сам автор, «материалом для настоящего очерка послужили дела старых уездных судов Нижегородского округа, а потом губерний, находящиеся в историческом архиве Нижегородской ученой архивной комиссии».

В.И. Снежневский приводит дело о побеге в 1831 г. крестьянина Н. Шипова, уроженца села Выездное Арзамасского уезда, принадлежавшего помещику Салтыкову. Крестьянин долгое время скрывался не только на территории Российской империи, но и за ее пределами, в Турции. Как сообщается в деле, крестьянин был пойман сыщиком и переслан в 1838 г. в Арзамас. Дело затянулось надолго, но затем было передано в сенат и в 1845 г. по нему вынесено решение. Во время своего шестилетнего тюремного заключения Шипов не переставал бороться и осаждал суд проше-

ниями на Салтыкова. Но каждое прошение сопровождалось взятками и приказной волокитой. В конечном итоге, Н. Шипов был отдан в рекруты по приговору сената [10, с. 538–541].

Дел, подобных побегу крестьянина Шипова, было немного. Чаще всего, бежавшие крестьяне быстро попадались в руки властей, а затем силою возвращались своим помещикам. Немало крестьян сами, по своей воле возвращались к своим помещикам после побега. Как пишет В.И. Снежневский: «От помещика Трескина из арзамасского уезда бегут несколько человек дворовых, побуждаемые только желанием вольности (“захотя быть вольными”). Дошли до села Лыскова; несколько дней перебивались там поденною работою; но такая воля им скоро наскучила: только один старался, а прочие, “будучи угрызены совестью”, воротились (1816 г.)» [10, с. 554]. Эпизодов подобного поведения крестьян в труде В.И. Снежневского можно найти немало.

В данной статье освещена лишь небольшая часть материалов и работ В.И. Снежневского, относящихся к истории крепостного права в Нижегородском крае. Среди других публикаций, несомненно, следует отметить работу «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля 1861 г. и первые годы после нее», где изучаются особенности и характер крестьянского и помещичьего землевладения и хозяйства [11].

Изучение быта крепостной России на документальных материалах, собранных В.И. Снежневским, представляет большой интерес в деле постижения истории Арзамасского края и более обширно представлено в системной работе «Ярем барщины старинной… Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре» [12].

Вклад архивистов, ученых НГУАК в дело изучения Арзамасского края, работавших преимущественно на добровольных началах, создал условия для формирования и развития источниковой базы исследований, научный фундамент, опирающийся на разработанные источники, положил нчало историографической традиции. И можно с полной уверенностью утверждать о том, что именно деятельность НГУАК стала определяющей для развития арзамасского научного историописания, «местной истории», «провинциальной историографии».

Источники и литература

1. Берлинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.

2. Севастьянова А.А. История и историки в провинции и столицах: Сборник трудов по истории, историографии и регионоведению России XVIII–XX веков. – М.: Квадрига, 2020.

3. Каптерев Л. Страницы из нижегородской историографии/Открытый текст [Электронное периодическое издание]. – URL: http://opentextnn.ru/history/historiography/kapterev-l-stranicy-iz-nizhegorodskoj-istoriografii/

4. Короленко В.Г. Памяти Виктора Ивановича Снежневского // Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. – Н. Новгород, 1908.

5. Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда (1785-1803) // Действия НГУАК. Т. I. Вып.5. – Н.Новгород, 1889.

6. Звездин А. Памяти В.И. Снежневского // Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. – Н. Новгород, 1908.

7. Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда (1785-1803) // Действия НГУАК. Т. I. Вып.5. – Н.Новгород, 1889.

8. Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда (К заседанию 22 октября 1889 года, стр. 207) // Действия НГУАК. Т.1. – Н.Новгород, 1889.

9. Снежневский В.И. Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120) / Опись делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. – Н.Новгород, 1889

10. Снежневский В.И. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях // Нижегородский сборник. Т.X. – Н.Новгород, 1891.

11. Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля 1861 г. и первые годы после нее // Действия Нижегородской ГУАК. Т. 3. – Н. Новгород, 1898.

12. Ярем барщины старинной… Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2011.

АГРОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИЖЕГОРОДСКОГО ЗЕМСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА)

Сергей Александрович Зотов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: istagpi@mail.ru

В статье анализируется одно из важнейших направлений в деятельности земства на рубеже XIX-XX вв. – повышение агрокультуры в Нижегородской губернии. На основе делопроизводства Арзамасского уездного земства делается вывод о целенаправленной и результативной работе органов местного самоуправления в указанный период в агрокультурной сфере.

Ключевые слова: *земство; рубеж XIX – XX веков; агрокультура; Нижегородская губерния; Арзамасский уезд.*

Одним из приоритетов в работе земских органов самоуправления в Нижегородской губернии являлось повышение материального благополучия населения. Среди конкретных мероприятий земства в этом направлении ведущее место заняло с конца XIX века улучшение сельскохозяй-

ственного производства, в первую очередь, земледелия – одного из главных занятий экономической жизнедеятельности жителей.

В 1889 г. Нижегородское губернское земство учредило по инициативе гласного А.М. Ермолова склад земледельческих орудий и машин. Отмечалось, что большинство крестьян обрабатывали землю рутинным способом, им не хватало средств на приобретение инвентаря и механизмов, которые соответствовали современному агротехническому уровню. Создание склада или выставочного центра, как мы сказали бы сейчас, преследовало несколько целей: ознакомление населения с современной техникой, продажа земледельческого инвентаря на льготных условиях, при этом простейшие и недорогие орудия и машины предполагалось продавать по ценам ниже рыночных и с доставкой на дом. В перспективе планировалось, что ознакомление с фабричными орудиями труда могло вызвать у населения желание наладить их собственное производство, в итоге их удешевить и широко распространить [1, с. 20–24]. (В скобках отметим, что надежды земцев на инициативу местных кустарей оправдались, правда, несколько позже. Так, в 1900 г. мастера из с. Новый Усад Арзамасского уезда наладили производство веялок по типу земских образцов. Через Арзамасский сельскохозяйственный склад их было продано двадцать штук [2, д. 266, л. 51–52]). Губернские гласные предложили открыть подобные склады уездным земствам как находящимся ближе к населению. Однако большинство из них в 1890 г. отклонили проект (как показало время, отложили его реализацию). К примеру, Арзамасское уездное земство сослалось на финансовые затруднения: отсутствовали необходимые средства на устройство помещения и получение образцов орудий, предшествовавший неурожайный год не позволял увеличить сметные расходы [2, д. 125, л. 20].

В начале последнего десятилетия XIX века в Нижегородском крае разразился глубокий сельскохозяйственный кризис, вызванный несколькими неурожайными годами подряд (в Арзамасском уезде с 1889 по 1893 гг.). Кризис подтолкнул земство вплотную заняться проблемой повышения агрокультуры.

В 1893 г. в губернии учреждается агрономическая организация. Первым шагом к её формированию стало создание опытных полей. По коллективному проекту губернских гласных (среди которых снова оказался А.М. Ермолов) определялся минимальный размер показательного хозяйства в 50-60 десятин (54,5–65,4 гектар), куда входили все виды угодий такие, как пашня, луг, выгон и огород. Показательные поля были призваны, во-первых, выяснить меры и приёмы, которые могли поднять уровень сельского хозяйства в губернии, а во-вторых, убедить крестьян в необходимости серьёзных улучшений в земледелии. Именно благодаря

опытным полям в крае появились первые агрономы: для заведования ими были приглашены специалисты с высшим сельскохозяйственным образованием или со средним, но имевшие значительную практику. Первоначально обязанности агрономов заключались в постановке опытов для определения наилучших способов обработки почвы и наиболее подходящих орудий для этого, испытании различных минеральных удобрений и земледельческих машин [3, с. 195–198].

Системная деятельность земской агрономической организации развернулась с 1898 г., когда были введены должности районных агрономов. Арзамасский, Лукояновский и Ардатовский уезды вошли в район агронома с местожительством в Арзамасе. Первым специалистом стал В. Скалов. Круг его деятельности оказался необычайно широк не столько по территории, сколько по конкретной работе. Он заведовал сельскохозяйственным складом, наблюдал за агрономическими пунктами, следил за опытами в частных и опытных хозяйствах, вёл консультативную и просветительскую деятельность, изучал экономические, почвенные и климатические условия для проектирования мероприятий [4, с. 58–59].

После полугодовой работы Скалов представил Арзамасскому уездному земскому собранию отчёт о первых результатах. Начальный оборот Арзамасского склада земледельческих орудий составил три тысячи рублей. Земские цены были ниже рыночных при лучшем качестве товара. Агроном отметил высокий спрос на мелкие орудия (косы, серпы и плуги). Для распространения улучшенных орудий губернское земство кроме складов устроило агрономические пункты. Местному населению на прокат передавались несколько орудий и машин. За их эксплуатацию бралась плата: за веялку – две копейки с четверти сортированного зерна, за однолемешный плуг – пять копеек в день, за двухлемешный – пятнадцать. В 1898 г. в уезде было открыто семь прокатных пунктов (в таких крупных сёлах, как Мотовилово, Паново, Смирново, Собакино, Чернуха, Новый Усад и на Ваду). Агроном посетил их по два-три раза за лето. Широкое признание сельчан получили веялки. Однако первое внедрение железных плугов оказалось неудачным. Анализируя трёхпольную систему полеводства, Скалов подчеркнул ряд её особенностей: распашка почти всех пригодных пространств; возделывание исключительно зерновых культур, сильно истощавших почвы; восстановление плодородия главным образом паровой обработкой; крайне низкое состояние скотоводства. Был сделан вывод о хронических убытках трёхполья: нет приволья для скота, нет необходимого количества навоза, нет урожая, значит, нет дохода от всего хозяйства. Районный агроном обозначил два пути повышения плодородия земли: через внесение искусственных удобрений, но требовались значительные капиталы на строительство заводов по их производству, или

улучшение ведения скотоводства (для получения органического удобрения) через внедрение травосеяния и получение дешёвых кормов. Второй путь был более приемлем, агроном предложил проводить опыты с посевами различных культур (люцерны, клевера, костра, тимофеевки). Арзамасское земство поддержало это начинание. Первые собственные уездного земства расходы на агрономические мероприятия составили шестьсот рублей [4, с. 62–69, 283].

Намеченную программу начал реализовывать районный агроном А. Казаринов. Он поставил первые опыты с искусственными удобрениями и с посевами трав. Успеха удалось достичь при посеве тимофеевки в с. Водоватово и клевера в с. Мерлино [5, с. 226–228]. Но он, как предшественник, проработал всего год. В 1900-1902 гг. обязанности районного агронома выполнял Н.А. Александровский. Именно он реализовал в уезде практику показательных полей. В сёлах Панове, Собакине и Костянке были взяты в аренду по два душевых надела, на которых хозяйство велось с применением плужной пахоты, технических средств. Этот специалист ходатайствовал о введении должности уездного агронома для получения более эффективных результатов. Однако гласные отклонили это предложение, ассигновав дополнительные средства только на расширение сети опытных участков [2, д. 266, л. 39–40, 50–55].

В 1903 г. очередным районным агрономом стал П.В. Жилинский. С деятельностью этого человека связан мощный подъём в развитии агрокультуры в уезде. Сразу же ему удалось убедить земцев создать уездную агрономическую организацию и в пять раз увеличить её финансирование (с трёхсот до полутора тысяч рублей). Однако реализация этих инициатив была прервана в силу прохождения Жилинским службы в армии, летом 1905 г. уезд остался вообще без агронома, только в конце 1905 г. смогли временно пригласить агронома Горбатовского уезда. Возвращение в 1906 г. Жилинского на должность уездного агронома привело к появлению невиданной до того в Арзамасском крае агрономической деятельности, переданной губернскими гласными в 1904 г. в компетенцию уездных земств [2, д. 338, л. 261, 319]. После двухлетнего отсутствия первое, что он отметил, было заметное повышение активности крестьян. Прежде они неохотно соглашались даже на бесплатные опыты с плужной пашней или травосеянием, считали, что нововведения нужны были только помещикам. Далее агроном отметил продвижение вперёд по всем (кроме травосеяния) мероприятиям. Главное достижение – распространение одноконных плугов в трети селений уезда, в которых ожидалось вытеснение сохи и внедрение простейших сельхоз машин (особенно веялок и молотилок). Уездные гласные выразили благодарность Жилинскому за возобновлённую деятельность и, несмотря на ухудшение финансового положения земства

из-за неурожая и известных политических событий, повысили сметные расходы на агрономию с полутора до двух тысяч рублей [2, д. 487, л. 42, 79–86].

В следующем 1907 г. агроном сообщил земским уездным гласным о резком подъёме в развитии агрономического дела. Одной из причин стал предшествовавший неурожайный год. Те, кто применил новые методы, получили лучшие урожаи при одинаковых с остальными погодных условиях. Каждое нововведение привлекало массовый интерес и подражание. Крестьяне пристально стали следить за результатами различных опытов, особенно с искусственными удобрениями, которые дали наиболее сильный эффект на фоне неурожая. Другой показатель успеха – массовые, со всего уезда обращения крестьян за советами агронома. В то же время широкая консультативная работа сделала невозможным его поездки для личного контроля над поставленными опытами. Сообщая об этом, Жилинский явно дал понять о недостаточности одного специалиста в уезде. Далее подчёркивалось, что распространение железных плугов на селе шло полным ходом. Практика показала, что различные виды плугов применялись на всех почвах, и что выбор в пользу плуга стал более сознательным со стороны крестьян. Однако двухлемешные плуги были доступны только состоятельным хозяевам. При громадном перевесе однолошадных хозяйств именно однолемешный плуг, по прогнозам Жилинского, должен был войти в массы и сменить соху. В деле развития травосеяния наиболее положительные результаты (как корм и как средство повышения плодородия) дали посевы клевера и тимофеевки. Для широкого ознакомления и применения агроном бесплатно раздавал семена этих культур, а также специальную литературу. Но прогресс в этой области тормозился большими размерами сёл, в которых домохозяева не могли договориться о правильном испытании трав или отводили небольшие участки на худших землях. Поэтому приходилось пользоваться лишь теми случаями, когда крестьянин мог независимо от других посеять траву. Несомненный прорыв земской агрономии выразился в удвоении оборота сельхоз склада (с одиннадцати до двадцати тысяч рублей). Решающую роль в этом сыграло рядовое крестьянство, т.к. в объёме продаж большинство составили мелкие орудия, одноконные плуги, семена и удобрения. Однако реакции на возросший спрос не наблюдалось, как не оказалось чёткой отчётности по операциям. Агроном выступил за увеличение персонала и снятие с него обязанности заведующего складом. Он предложил также поставить дело на коммерческую основу (учёт спроса населения, повышение процента продаж в пользу земства с шести до восьми), которая дала бы возможность окупить расходы на содержание расширенного персонала, в перспективе – на открытие отделений склада в уезде [6, с. 89–105].

Уездные гласные, как и ранее, выразили признательность Жилинскому за обстоятельный доклад и успешные труды и назначили ему премию в триста рублей (по нашим наблюдениям крайне редкий случай в практике из-за постоянных финансовых затруднений земского бюджета). Все его предложения нашли поддержку, и земское собрание снова увеличило (на тысячу шестьсот рублей) ассигнования на агрономические мероприятия [6, с. 73, 195].

Благодаря активной деятельности агронома и её материальной поддержке Арзамасский уезд занял лидирующие позиции в деле продвижения в массы современных агрокультурных новаций в целом по губернии. Нижегородские губернские гласные отметили в 1908 г. «победное шествие плуга на нивах арзамасских крестьян» и разделили мнение Жилинского, что вытеснение сохи плугом – дело ближайших лет. Арзамасский склад в 1908 г. занял первое место в губернии по обороту (тридцать тысяч) и дал хорошую прибыль земству, хотя по платёжеспособности населения уезд признавался одним из беднейших в губернии. В 1909 г. расходы Арзамасского земства по сельскохозяйственной части составили восемь тысяч восемьсот рублей. Близки к этой сумме были лишь расходы Нижегородского и Балахнинского уездных земств (по восемь тысяч), в то время как ассигнования на агрономию остальных восьми земств в губернии были в пределах одной - двух тысяч рублей [2, д. 605, л. 433, 441–442]. На два года раньше, чем губернские гласные, арзамассцы запланировали ввести участковую агрономическую организацию и иметь в уезде четырёх агрономов (в Арзамасе, Смирнове, Шатках и Чернухе). Первым шагом по реализации намеченного плана стало приглашение в 1909 г. второго уездного агронома (им стал Б.Н. Кащеев) с местожительством в селе Смирнове и решение об открытии там же первого филиала сельскохозяйственного склада [2, д. 500, л. 55–59].

Однако не все земские мероприятия по модернизации полеводства имели полный успех. Травосеяние распространилось только на частных землях, собственники которых стали переходить к многопольному (четырёх- или восьмипольному) севообороту [2, д. 693, л. 714]. Арзамасское земство заказывало многие виды сельхоз орудий и машин в кредит, но выплата фирмам-кредиторам затруднялась из-за слабого поступления средств от населения в оплату ссуд склада. Из сорокадвухтысячного оборота склада в 1911 г. почти две трети составил кредит тридцати двух фирм-изготовителей. Наиболее крупными кредиторами оказались товарищество «Работник Самары» (восемь с половиной тысяч рублей) и акционерное общество «Эккерт» (пять с половиной тысяч) [2, д. 723, л. 10]. Чтобы вовремя расплатиться по счетам, Арзамасскому земству приходилось взыскивать в судебном порядке долги с неисправных плательщиков за отпуска-

емые в мелкий кредит орудия, семена и удобрения. Земским представителем в судебных инстанциях стал агроном Жилинский [2, д. 604, л. 66]. Он неоднократно отмечал в своих отчётах, что основным тормозом земских агрокультурных мероприятий являлось отсутствие долгосрочного кредита на приобретение сельскохозяйственных товаров (плугов, машин, семян, удобрений). По его мнению, решить проблему можно было через организацию кооперативных обществ из крестьян-собственников и крестьян-общинников. К такому же выводу пришёл представитель землеустроительной комиссии (учреждена в Арзамасском уезде в 1906 г.), который подчеркнул, что Арзамасское земство не в состоянии предоставить широкий кредит населению и расширить в дальнейшем агрономическую организацию. Но был указан иной путь решения финансовой проблемы – материальная помощь со стороны государства [2, д. 605, л. 378].

В 1912 г. начался новый этап в развитии земской агрономии. По решению губернских гласных в Нижегородском крае введена участковая агрономическая организация. Функционал деятельности агрономов был расширен. К прежнему кругу обязанностей (реализация намеченных земством мероприятий и консультативно-просветительская деятельность) прибавились меры по организации и содействию кооперативному движению, а также развитие таких отраслей сельского хозяйства, как садоводство и огородничество. Второе важнейшее постановление губернского земского собрания касалось источников финансирования агрономии: половину средств должно было выделять Министерство земледелия, по одной четвёртой – губернское и уездное земства [2, д. 693, л. 685].

Агрокультурные преобразования в Арзамасском уезде тем самым получили новый импульс. Все четыре участковых агронома поддержали и реализовывали идеи П.В. Жилинского (который с октября 1911 г. перешёл на должность правительственного специалиста по сельскохозяйственной части в Нижегородской губернии). Приоритетными направлениями их деятельности стали: улучшение техники полеводства (плужная пашня, многопольный севооборот), совершенствование зерновой системы (сортировка семян, внедрение улучшенных сортов), развитие скотоводства (травосеяние, выращивание корнеплодов). Несомненно, расширению земской агрокультурной деятельности способствовала государственная поддержка, хотя размер отпускаемых правительством средств был далёк от запланированных масштабов. В 1912 г. государственные затраты на агрономию в Арзамасском уезде составили десять тысяч рублей, в то же время уездное земство потратило двенадцать тысяч [7, с. 328, 386].

Весной 1913 г. при участии Государственного банка и Арзамасского уездного земства была открыта касса мелкого кредита. В связи с предоставлением льготных условий по кредитованию заметно возрос объём

продаж земского сельскохозяйственного склада и трёх его отделений (кроме филиала в Смирнове, в 1912 г. они были открыты в Чернухе и Шатках). По-прежнему наибольший процент в торговом обороте составляли плуги и семена [8, с. 779].

Подводя итоги, следует отметить, что в начале второго десятилетия прошлого века, буквально накануне мировой войны в Арзамасском уезде началось массовое, по крайней мере, значительное внедрение передовых способов в ведение земледелия, от уровня которого зависело благосостояние большинства населения. Этот процесс являлся бесспорной заслугой земских учреждений, результатом их систематичных и долговременных усилий.

Источники и литература

1. Книга XXVI очередного Нижегородского губернского земского собрания. – Н.Новгород, 1891.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.

3. Сборник постановлений Нижегородских губернских земских собраний за 1887-1893 гг. Т. 2. – Н. Новгород, 1895.

4. Производство XXXIV очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1899.

5. Производство XXXV очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1900.

6. Производство XXXXIII очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1908.

7. Производство XXXXVIII очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1913.

8. Производство XXXXIX очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1914.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Анна Сергеевна Кудряшова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: kudryashova.annet@gmail.com

В статье на примере Нижегородской губернии рассматриваются особенности жизни крестьянской общины на рубеже XIX–XX вв. Отмечены причины ее существования в указанный период. Представлены материалы о системе управления. Основной же акцент сделан на административных и хозяйственных функциях сельского общества.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; крестьянская община; сельский сход; земельные переделы; чересполосица; круговая порука; крестьяне-собственники.*

Истоки русской сельской общины, ставшей предметом особого внимания исследователей с середины XIX века, когда ее открыл для науки

немецкий путешественник барон Август Гакстгаузен, теряются в веках. Но даже в конце XIX – начале XX вв., когда в Российской империи наблюдалось бурное развитие капитализма, традиционные формы общинной жизни у крестьян сохранялись. Общиной к этому времени был накоплен огромный практический опыт взаимоотношений ее членов, созданы обычаи, законы, регулирующие повседневное поведение крестьянского населения и т.д.

Среди причин, поддерживавших существование крестьянской общины, следует выделить традиции, и, в первую очередь, традицию жить коллективно, сообща решать все важные вопросы, насущные проблемы и иметь связь с государством не напрямую, а через выборных руководителей.

Поддерживала жизнеспособность общины и консервативная позиция большинства в правительстве Александра III в крестьянском вопросе. Его политика была направлена на то, чтобы закрепить надельные земли как государственную собственность, а крестьян превратить исключительно в пользователей земли. Так, закон 1886 г. затруднил семейный раздел наделов. В 1889 г. была введена особая должность земского начальника и расширена власть волостных судов. В 1893 г. правительство установило обязательный 12-летний срок общих переделов и ввело норму, по которой выкупать общественную землю разрешалось только с согласия общины; кроме того, ограничивались права крестьян в распоряжении уже выкупленной надельной землей [1, с. 53].

Но были и те, кто пытался обосновать выгоды и прогрессивность индивидуального крестьянского хозяйства. В связи в 1893 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново создал специальную Комиссию по крестьянскому вопросу, но результаты ее работы эффекта не принесли [1, с. 54].

В 1902 г., уже при Николае II, вопрос о крестьянстве вновь встал в центре внимания. По инициативе главы финансового ведомства С.Ю. Витте и министра внутренних дел Д.С. Сипягина 14 января было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте. На основе собранных совещанием материалов он составил свою Записку, где выражалась либеральная точка зрения на решение крестьянского вопроса. Предполагалось, наконец, уравнять крестьян в правах с другими сословиями и отменить сословный суд, телесные наказания, ввести свободу передвижения, ограничить власть администрации. Кроме того, считалось необходимым разрешить выход из общины с участком земли и с последующим его превращением в частную собственность домохозяина.

В апреле 1902 г. министром внутренних дел стал один из представителей консервативных кругов – В.К. фон Плеве, и министерство вновь ста-

ло придерживаться охранительного направления в вопросе о крестьянской общине. Но и оно постепенно приспосабливалось к реалиям. Так, в манифесте от 26 февраля 1903 г. провозглашалась «неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения», но указывалось на необходимость облегчения выхода из общины отдельным крестьянам, наиболее богатым, и принятие безотлагательных мер «к отмене стеснительной круговой поруки» [1, с. 55].

В марте 1903 г. был издан закон об отмене круговой поруки, и одновременно началась подготовка реформы, которая должна была стать продолжением преобразований 1861 г. Все это было связано с развитием капиталистических отношений в стране и усилением несоответствия между сельским социально-экономическим укладом и общим развитием государства. Ну а далее, в соответствии с указом от 9 ноября 1906 г., крестьянам было даровано право свободного выхода из общины с укреплением в личную собственность надельной земли с последующим отводом ее к одному месту.

В целом, вплоть до Столыпинской реформы крестьянская община в Нижегородской губернии жила единым «миром». По реформе 1861 г. она получила статус сельского общества, которое состояло из отдельных домохозяйств, которые сообща пользовались общинными угодьями. Руководствуясь традиционным распорядком, сельское общество назначало общественные работы, «судило и рядило», устанавливало опеку над сиротами и престарелыми, вмешивалось в семейные распорядки и т.д.

Управлялось сельское общество сельским сходом, состоявшим из домохозяйств и возглавляемым старостой (избирался на три года, не должен был иметь судимость и не проходить в суде на данный момент). На сельских сходах избирались представители в волостное правление (позже, собравшись вместе, они избирали из своей среды волостного старшину, в сферу полномочий которого входила целая волость) и другие должностные лица, составлялись раскладочные и учетные приговоры, а также решались вопросы, касающиеся различных сторон общественно-хозяйственной жизни общества: о разделе семей, принятия новых крестьянских семейств. Так, 13 марта 1899 г. крестьяне 1-го общества села Лукакова Пановской волости Арзамасского уезда, состоявшего из 78 домохозяйств, «имели суждение по разным общественным делам, куда явясь к нам крестьянин Сергей Яковлев Антошин на жительство в наше общество из деревни Ратмаковой и просил нас о наделении его землею… Постановили: принять в свое общество Антошина с семейством и наделить его землею, лугами и восьми угодьями на равных с нами, притом же наделом на две души снять ее с крестьянина…, который добровольно отказался

от земельного двух душевого надела и передать этот надел для использования ему, Антошину» [2, д. 36, л. 41].

Для записи приговоров сельских сходов существовала должность писаря, но, в отличие от всех остальных общественных деятелей, его нанимали, так как среди крестьян было мало грамотных людей, способных вести запись.

Сельская община являлась низшей административной организацией и экономическим объединением. Как административная единица, община по закону должна была нести налоговые и полицейские обязательства. Подати и повинности, за исключением выкупных платежей, распределялись в ней особыми «раскладочными единицами», заключавшими в себе определенное количество душ. Молодые крестьяне (от 18 до 21 года) платили «заполовину тягла», а взрослые (от 21 до 60) – «заполное тягло» [2, д. 204, л. 2], причем вне зависимости от того, была ли у них земля, вели они хозяйство или нет. Податное и налоговое бремя было для большей части нижегородских крестьян непосильным. Следствием этого стали недоимки, которые уже к 1905 г. достигли невиданных размеров.

Кроме налогов, существовали платы сельскому старосте, писарю, различным сторожам (лесному, полевому, церковному, сельскому), на содержание причта, школы, дорог, мостов, колодцев, плата пастуху и т.д. [3, с. 208].

По-прежнему существовала круговая порука. Менее состоятельным общинникам было выгодно ее сохранение, а вот зажиточным, особо предприимчивым – нет, но им трудно было порвать с общиной, их просто не отпускали.

Полицейские функции на селе исполнял сельский староста, который, как уже говорилось ранее, председательствовал в сельском сходе. Обычно это происходило следующим образом: он писал рапорт на имя волостного старшины о проступках крестьян и предлагал меры наказания по своему усмотрению; если старшина подтверждал рапорт, то крестьянина отправляли «для острастки» под арест, срок которого составлял 2–3 суток. На такой срок можно было попасть за любое правонарушение. Так, сельский староста села Панова Арзамасского уезда Овчинников просил волостное правление «выдержать над арестом одни сутки за пьянство и буянство крестьянина Ивана Михайлова Казенного» [2, д. 35, л. 4.]. Иногда содержание под арестом заменялось наказанием палками. Причем данный вариант больше устраивал крестьян, поскольку не отнимал столько времени как арест.

Экономическую сторону сельской общины составляли мероприятия по распределению и эксплуатации земельного надела: передел полей и лугов, использование пастбищ и лесов.

Распределение земли между домохозяйствами велось по различным правилам. Так, во многих общинах земля распределялась по числу мужчин. Если в семье умирал мужчина, общество отнимало его надел. Если рождался мальчик – отдавало. Такие «скидки-накидки» происходили постоянно и назывались частными переделами. Существовали также общие (или казенные) переделы. Они должны были проходить через 6, 9 или 12 лет, но как показала практика, после отмены крепостного права до начала XX века в значительном количестве нижегородских сельских общин передел проводился всего один–два раза, в среднем раз за 25–30 лет [3, с 199]. Ведь частые переделы давали беднякам шанс получить землю, удобренную прежним зажиточным хозяином.

Предварительно все изменения в землепользовании обсуждались на сельских сходах, приговоры которых утверждались на уровне уезда. Некоторые общины вообще не производили переделов – ни общих, ни частных. В таких общинах распределение земли было очень неравномерным. Но ряд неурожайных лет, поставивших на повестку дня вопрос о физическом выживании многих крестьян, заставил их возобновить переделы. Причем появился самый уравнительный вид распределения – по едокам.

Землей в общине крестьяне владели чересполосно. Поля делились сначала на несколько больших кусков, по степени удаленности их от селения и по качеству почвы, а потом в каждом из этих кусков отводились полосы отдельным домохозяевам, которым доставалось, таким образом, иногда по несколько десятков разбросанных узких полос. Понятно, что такой способ землепользования, хоть и давал возможность получить средний урожай, но был сильным тормозом сельскохозяйственного прогресса, поскольку требовал единых, принудительных севооборотов, применения однотипной техники, единовременного проведения уборочных работ, чтобы до очередного сева ранние поля могли послужить общинным пастбищем и т.п.

Отказаться от надела было нельзя. Окончательно покинуть деревню разрешалось только с согласия общины. Получить же его можно было лишь в случае, если членам общины было выгодно, отпустив одного из своих, использовать его землю и платить за нее. Поэтому многим крестьянам приходилось, даже забросив земледелие, продолжать выплачивать за землю.

В общине всегда существовал определенный процент хозяйств, не получивших земли при переделе. Например, крестьянам, которые выкупили свои наделы и уже не несли выкупных платежей, считаясь полными собственниками, землю старались больше не давать. Такие крестьяне, потерявшие поземельные связи с общиной после укрепления земли в личную собственность, сохраняли с ней связи административные. Они про-

должали нести почти все мирские повинности, за некоторым исключением: не оплачивали наем общественного пастуха, если не участвовали в общем табуне, устройство колодцев, если ими не пользовались и т.д.

В целом, средний размер подобного крестьянского землевладения был относительно невелик. Так, личная земельная собственность крестьян в северных уездах, где была невысокой степень доходности земли и маленькая плотность населения, составляла 70–100 десятин. В южных же и юго-восточных уездах, густонаселенных, средний размер составлял: в Лукояновском – почти 28 десятин, в Княгининском – 17,5, в Васильском – около 12, в Ардатовском – 5. Выделялся среди них Арзамасский уезд, где средний размер личной земельной собственности крестьян составлял 63,6 десятины на двор.

Важно отметить, что вообще спрос на личную земельную собственность среди крестьян Нижегородской губернии был довольно высок, но реализовать его многим не давали низкие финансовые возможности.

К числу безнадельной части общины также относились ремесленники, потомки дворовых людей (бывших в услужении у помещиков и не занимавшихся крестьянским трудом), незаконнорожденные крестьяне, прибывшие из других мест [4, с. 45]. Община старалась лишать наделов и крестьян, которые покидали деревню на длительный срок. Конечно, при возвращении они могли эти наделы отсудить, если хватало терпения.

Также существовала доля крестьян, которые не пользовались своим наделом, поскольку либо он был слишком мал, чтобы прокормить семью, либо ощущался недостаток рабочих рук и семян [5, д. 229, л. 7]. Они сдавали его в аренду другим крестьянам за определенную плату – денежную или натуральную. Такие крестьяне условно назывались «бесхозными». К 1890-м гг. они составляли 10,6 дворов на 100 наделов, при этом наивысший их процент приходился на окрестности больших городов и на крупные сельские торгово-промышленные центры [6, с. 105]. Эта десятая часть крестьян постепенно отрывалась от земли и теряла связь с сельскохозяйственным производством, начав поиск иных заработков.

Нередко к аренде прибегала и община для лучшего использования своего земельного фонда. Но на общинный способ землепользования она оказывала неоднозначное влияние. Внутринадельная аренда на длительный срок вызывала со стороны крестьян-арендаторов противодействие земельным переделам в общине. А это приводило, в свою очередь, к снижению уровня жизни среди той части общинников, которые нуждались в увеличение надела, но не могли осилить долгосрочную аренду. Краткосрочная аренда внутри общины не несла с собой подобных проблем, но была менее выгодна, чем долгосрочная, так как ее нужно было возобновлять. Наиболее же перспективной являлась вненадельная аренда земли

всей общиной, поскольку она способствовала увеличению ее земельного фонда в целом, но это не всегда удавалось осуществить.

Кроме того, возрастала и доля непосредственно купленной земли. Покупали землю не только общины, но и товарищества отдельных крестьян. Так, в 1900 г. в Ардатовском, Арзамасском и Васильском уездах крестьянские объединения совершили 60–80%, а в Сергачском – 100% покупок [1, с. 33]. И если в 1892 г. крестьяне губернии имели 218 403 десятин купчей удобной земли, то в 1905 г. в собственности общин и товариществ находилось уже 329049 десятин, что составляло 22,3% от всех частных земель.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв., в период бурного роста капиталистических отношений, в нижегородской деревне по-прежнему были сильны традиции общинного житья. Община сочетала в себе административные и хозяйственные функции. Однако, увеличивалось и количество частных землевладельцев, сумевших порвать с ней хотя бы поземельные связи. А это значит, что имели место быть две тенденции одновременно: сохранение коллективных форм жизнедеятельности и землепользования, с одной стороны, и создание капиталистических отношений, постепенное разрушение общины – с другой, причем первая пока еще не уступала своих позиций.

Источники и литература

1. Максимов С.В. Столыпинское землеустройство (1906–1916 гг.). – Арзамас, 1999.
2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 4. Оп. 1.
3. Сборник циркуляров нижегородского губернатора по губернскому присутствию (1890–1914 гг.). – Н. Новгород, 1914.
4. Попов Г.О столыпинской реформе // Наука и жизнь. – 1997. – № 1. – С. 44-52.
5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 179. Оп. 1.
6. Нижегородская губерния по исследования губернского земства. – СПб., 1896.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРЗАМАСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ирина Николаевна Балахонова
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя школа №7 им. А.П. Гайдара»,
к.и.н., учитель истории и обществознания
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: ibalahonova@mail.ru

В статье рассматриваются причины экономического упадка города Арзамаса во второй половине XIX века, открытие железнодорожного движения через Арзамас и его последствия для города в начале XX века.

Ключевые слова: *тракты; железная дорога; «Золотой век Арзамаса»; «Арзамасское лихолетье».*

«Есть время славы, и есть время бесславия», – гласит библейская ветхозаветная книга [1, с. 212]. Эти слова очень точно отражают экономическое развитие Арзамаса на протяжении XIX века.

В середине XIX столетия закончился «Золотой век Арзамаса», как его определил Н.М. Щегольков. «Был он сравнительно очень недолго, всего 75 лет, но он вполне заслуживает название золотого: Арзамас за это время приобрёл всероссийскую известность, богатство текло в него рекой, но, что всего важнее, в нём процветало тогда на всё полезное благочестие» [2, с. 104].

Во многом этому способствовало удобное географическое положение города, через который по разным направлениям круглый год двигались обозы с разными товарами. «В России немного и губернских городов, которые имели бы такое счастливое местоположение», – отмечал П.И. Мельников-Печерский [3, с. 47].

Однако с развитием пароходства на Волге и постройкой Московско-Нижегородской железной дороги в 1862 г. тракты, проходившие через Арзамас, постепенно потеряли своё значение. Грузовой поток через Арзамас сократился в шесть раз. [4, с. 34–37]. «Южно-русское купечество поехало на Нижегородскую ярмарку по железным дорогам и на пароходах на Волге, минуя Арзамас с его грубыми и несносными ямщиками. Товары повезли на ярмарку водой по Волге и Оке и по той же железной дороге. Особенно заметно было это в летнюю пору, зимой ещё шли обозы с рыбой, мясами и проч.» [2, с. 219].

В 1870 г. открылись железные дороги до Саратова, Сызрани, а затем и до Оренбурга, вследствие чего товар стал отправляться в Москву по железным дорогам. «Украинские товары, табак, чернослив, сахар, которые ранее шли зимой в Казань, Вятку и в Сибирь обыкновенно с перевалкой в Арзамасе также направлялись новыми путями. Дошло до того, что товары, принадлежавшие арзамасским купцам, уже не попадали в Арзамас: они покупались на чужой стороне и для продажи отправлялись кратчайшим путём, возить их в Арзамас было бы убыточно. Дошло, наконец, и до того, что весь товар в Арзамас и из Арзамаса везли через Нижний, где были ближайшая пристань и станция железной дороги» [2, с. 219].

О выгодности использования железной дороги говорили и цифры: выручка от перевозки товаров и пассажиров возросли [7, с. 179] (таб. 1).

Таблица 1

Перевозки по Нижегородско-Московской железной дороге

Выручка на версту дороги в рублях	**1895 год**	**1900 год**
от перевозки товаров	17 687	18 475
от перевозки пассажиров	3 980	4 360

В это время в Арзамасе осуществлялось производство строительной и потниковой кошмы, кожевенных изделий, в том числе подмёток, вытяжек для сапог и готовой обуви. В 1899 г. в городе было 33 завода войлочного, кожевенного и сапожного производства, перерабатывавших сырья на 500 тыс. руб. [5, с. 78; 6, с. 31]. Чтобы выделать на арзамасских заводах кожу, меха, войлоки, сырьё отправляли через Нижний Новгород, а выделанный товар опять везли до губернского центра на лошадях, чтобы сдать на пароход или железную дорогу. «Приходилось платить лишнего на каждый пуд товара не менее 40 коп., кроме расходов на покрышу и траты времени на провоз в два конца от 10 до 14 дней. А это иногда был расход в 10% на стоимость товара» [2, с. 219].

Эти обстоятельства заставили арзамасцев хлопотать о железной дороге, проходящей через Арзамас. Дорогу от Москвы до Нижнего строило частное акционерное общество – Главное общество Российских железных дорог. К сооружению Московско-Нижегородской железной дороги на участке от Москвы до Владимира (176 вёрст) приступили весной 1858 г., а на участке между Владимиром и Нижним Новгородом (233 версты) – в 1859 г. Полностью дорога вступила в строй 2 августа 1862 г., а в 1894 г. дорога перешла в собственность государства и была объединена с Московско-Курской железной дорогой. Далее Нижнего Новгорода продлять её не планировали, считая это преждевременным [7, с. 179].

Н.М. Щегольков, торговавший в Арзамасе мехами, вспоминал, что в 1880-х гг. ему приходилось по торговым делам ежегодно путешествовать в Сибирь из Арзамаса через Нижний Новгород, Москву, иногда Тулу, Моршанск, Пензу, Сызрань, Самару и Уфу, т.е. вместо того, чтобы ехать прямо, он объезжал Арзамас кругом на большом расстоянии. В такой же ситуации находились и другие арзамасские купцы и промышленники. Поэтому они не раз ходатайствовали о проведении через Арзамас железной дороги. Арзамасское городское общество даже обещало отдать под железную дорогу даром городскую землю, но и это не помогло [2, с. 219].

За это время многие арзамасские купцы разорились, почти все отрасли арзамасской торговли и промышленности пришли в упадок. Особенно это коснулось кожевенных заводов, мехового производства, кошмовального дела [3, с. 68; 2, с. 269].

Период 1885–1900 гг., по свидетельству Н.М. Щеголькова, вошёл в историю как «Арзамасское лихолетье»: «Опустели и поросли быльём все сходившиеся в Арзамасе тракты. Незачем стало ездить в Арзамас и иногородним людям… Дошло до того, что появление на базаре или в Гостином ряду приезжего человека становилось событием…» [2, с. 269].

Сократилась местная торговля: в Гостином ряду более 20 лавок стояли пустые, в Мучном ряду – около 10 [8, д. 17, л. 14 (об)].

Новых отраслей торговли и промышленности за это время не возникло, но то, что арзамасские купцы всё ещё вывозили в другие губернии России и за границу (войлок, юфть) продолжало пользоваться спросом, хотя и намного сократившимся. Арзамасские товары славились качеством, но внешне были грубоваты [9, д. 519, л. 9–21].

Ситуация стала меняться в лучшую сторону для Арзамаса с началом XX столетия. В апреле 1900 г. было начато строительство железнодорожной линии от Нижнего Новгорода до Ромоданова частным акционерным обществом – Обществом Московско-Казанской железной дороги. А в сентябре 1901 г. было открыто движение на участке от Арзамаса до Ромоданова, связавшего Арзамас с Нижним Новгородом и Тимирязевым. В июле 1903 г. было открыто движение по всей линии. Эта железнодорожная линия оживила капиталистическое развитие Нижегородского, Арзамасского и Лукояновского уездов [7, с. 179].

В сентябре 1901 г. началось регулярное движение поездов от станции Арзамас I до Тимирязева. Этому событию была посвящена заметка в газете «Нижегородские Губернские ведомости»: «Наконец мы можем считать себя связанными рельсовым путём с Тимирязевым. С 5 сентября началось правильное отправление поездов по этому направлению.

В этот день в 12 ч. 30 мин. прибыл первый почтово-пассажирский поезд. Ещё задолго до прихода поезда потянулись к вокзалу массы публики как на лошадях, так и пешком. День был ясный, солнечный, тёплый» [10, с. 2].

Новый вокзал был убран зеленью снаружи и внутри. Из ближайшей Софийской церкви прибыло духовенство с иконами. На платформе и в вокзале собрались местные чиновники всех ведомств и самая разнообразная публика, среди которой преобладала местная интеллигенция и местное купечество с семьями.

«В 11 ч. 30 мин. раздался первый звонок из колокола, возвестивший о выходе ожидаемого поезда со станции Шатки. Вдали за Тёшей показался дымок поезда, который через четверть часа подошёл к платформе Арзамасского вокзала. Поезд состоял из одного почтового и пяти пассажирских вагонов. Вслед за тем в зале первого класса начался молебен с водосвятием, после которого вокзал был окроплён “Святой водой”. С поездом, отходящим отсюда, собираются совершить прогулку до Тимирязева многие жители Арзамаса» [10, с. 2].

«Нижегородские Губернские ведомости» отмечали, что движение до Тимирязева не обещало быть значительным, но оно до некоторой степени должно было оживить сонный Арзамас и избавить его жителей от крайне утомительного и дорогого путешествия на лошадях [10, с. 2].

Инициатором строительства железной дороги, проходящей через Арзамас, был арзамасец Василий Александрович Хотянцев. В строительстве принимали участие жители близлежащих деревень – Хватовки, Костылихи, Пешелани и др.

С открытием в 1901 г. железнодорожного движения на Москву, Нижний Новгород, Тимирязево встал вопрос о строительстве станции Арзамас II для организации сообщения на Казань. Но это будет позже – в 1915–1916 гг. [11, с. 2].

В мае 1903 г. Общество Московско-Казанской дороги получило концессию на строительство линии Москва (Люберцы) – Арзамас – Шихраны. Строительство первой очереди (Люберцы – Арзамас) было начато в апреле 1910 г. и завершено в октябре 1912 г., когда было открыто движение на этом участке. Строительство второй очереди (Арзамас – Шихраны) было отложено и осуществилось уже после Октябрьской революции [7, с. 179].

Проведение через Арзамас железнодорожных путей имело важное значение для последующей истории города. Железные дороги связали Арзамас с развитыми районами фабрично-заводской промышленности Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода и источниками сырья в Поволжье, на Дону и Урале. Это, в свою очередь, вызвало развитие фабрично-заводского производства в Арзамасе и Арзамасском уезде [3, с. 68, 70] (таб. 2).

Таблица 2

Показатели по арзамасским предприятиям

	1899 год	**1914 год**
количество заводов	33	36
число рабочих	459	1 000
объём перерабатываемого сырья в рублях	500 тыс.	2 млн.

Возросло и значение арзамасского рынка. В городе ежегодно с мая по август проходили четыре многолюдные ярмарки, на которые съезжались купцы и промышленники Нижнего Новгорода, Казани, Саранска и других городов [3, с. 71].

В начале XX века Арзамас значительно вырос, стал первым из уездных городов Нижегородской губернии по населению и торгово-промышленной деятельности. С 1901 по 1911 гг. возросла численность населения Арзамаса – с 10 тыс. чел. до 15 тыс. чел. К началу Первой мировой войны в Арзамасе проживало: цеховых – 1 984 чел., крестьян – 9 350, мещан – 3 821, духовенства белого – 497 и монашествующего – 1 863, дворян – 524, купцов – 195 [3, с. 72].

Всё это свидетельствовало о новом экономическом подъёме, который после 15 лет лихолетья вновь стал переживать Арзамас. «Арзамас … действительно ожил, на виду у всех», – свидетельствовал Н.М. Щегольков [2, с. 273]. И, хотя начавшаяся вскоре Первая мировая война, а затем революция 1917 г. и Гражданская война, приостановили этот экономический подъём, но наличие железнодорожных путей окончательно поставило Арзамас в ряд экономически развитых центров Нижегородской губернии.

Источники и литература

1. Библия. Ветхий Завет: Книга Екклесиаста. – М.: АСТ, 2021.
2. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Ярославль: «Периодика», 1992.
3. Очерки истории Арзамаса / под ред. Б.П. Голованова. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981.
4. Нижегородское губернское земское собрание 1890 г. Отделение 1. – Н. Новгород: типография П.И. Конышева, 1891.
5. Нижегородское губернское земское собрание 1890 г. Отделение 3. – Н. Новгород: типография П.И. Конышева, 1891.
6. Приложение к отчёту о состоянии Нижегородской губернии. – Н. Новгород: типография губернского правления, 1900.
7. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. Хрестоматия / под ред. Е.В. Кузнецова. – М.: ГИУС, 1992.
8. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 33. Оп. 1.
9. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 61. Оп. 216.
10. Нижегородские Губернские ведомости. – 1901. – 12 сентября.
11. Голубев Г. 100 лет назад в Арзамас прибыл первый пассажирский поезд // Арзамасская правда. – 2001. – 4 сентября.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ АРЗАМАСА
(опыт источниковедческого анализа)

Ольга Николаевна Коннова

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
главный хранитель фондов
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: konnovaolga8@yandex.ru

В статье сделана попытка проследить историю одного домовладения г. Арзамаса, располагавшегося по адресу: ул. Свободы (Алексеевская), д. 12. На основе анализа архивных документов, источников из фондов музея, а также археологической коллекции, поступившей в музей с раскопок по данному адресу, устанавливаются владельцы дома, даты его постройки и дальнейших перестроек, а также учреждения, занимавшие здание до 1917 г.

Ключевые слова: *культурный слой г. Арзамаса; домовладение; улица Алексеевская; Ермоловы; археологические находки.*

История малых провинциальных городов не всегда однозначна: она может удивлять туристов тайнами и загадками, может разочаровывать своей обыденностью, но никогда не оставит равнодушным. Таковым явля-

ется и Арзамас – старинный русский город, основанный в середине XVI века на землях, принадлежавших мордовскому племени эрзя. Первоначальные страницы истории города до сих пор вызывают споры многих исследователей и краеведов. Причастен ли к основанию города царь Иван Грозный? Имеет ли под собой основание легенда о двух мордовских братьях, якобы давших свои имена городу? Когда же появился Арзамас: в XVI веке или может намного раньше, в XIII веке, о чем пишет в своих «Исторических сведениях о городе Арзамасе» Н.М. Щегольков (1856–1919), ссылаясь на летопись горожанина Мерлушкина [1, с. 9]?

Одним из важнейших источников по первоначальной истории города и земель вокруг него являются археологические изыскания. Более 30 лет исследованием арзамасской земли занимался археолог, к.и.н., профессор Владимир Николаевич Мартьянов (1934–2015). Но его работы проводились, в основном, в Арзамасском и соседних с ним районах – Ардатовском, Первомайском, Шатковском. Степень археологической изученности культурного слоя самого г. Арзамаса и сегодня остается слабой. Масштабных археологических раскопок исторической части города официально не проводилось, лишь небольшие шурфы закладывались на территории Соборной площади, Ленинского садика, в Мучном ряду, на улице К. Маркса и др.

С 2015 г. археологические работы регулярно стали проводиться на небольших участках земли под строительство различных объектов жилых и производственных зданий, расположенных в исторической части города [2, с. 33]. В том же 2015 г. состоялись первые официальные археологические изыскания в пределах Арзамаса. В июле–сентябре экспедиция ООО «Нижнеокское историко-археологическое бюро “Артефакт”» проводила спасательные археологические раскопки на территории объекта (археологического) наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» на участке под строительство по ул. Свободы, д. 12, на площади 288 м^2. И пусть эта экспедиция имела своего рода принудительный характер (участок планировался под строительство многоквартирного жилого дома), данное обстоятельство нисколько не умаляет значения и итогов этого события.

Коллекция археологических находок с раскопок по ул. Свободы поступила в арзамасский историко-художественный музей летом 2016 г. Она стала своеобразным поводом для научно-исследовательской работы по истории данного участка городской земли.

В соответствии с постановлением Законодательного Собрания Нижегородской области от 02.06.1998 г. № 38 территория культурного слоя г. Арзамаса является памятником археологии местного (областного) значения, ограничена и разделена на две зоны – «А» и «Б». Интересующий

нас участок городской земли находится в северо-западной части исторического центра города Арзамаса, вблизи границы зоны «А», в самом начале ул. Свободы (до 1917 г. – Алексеевской). Через дорогу, на нечетной стороне улицы, располагалась южная часть огороженного Алексеевского Новодевичьего монастыря [2, с. 33].

Первое документальное упоминание застройки данного участка городской земли относится к 1852 г. В Центральном архиве Нижегородской области находится документ «Фасад и план на постройку дома штаб-ротмистру Ермолову Н.Н. (ул. Алексеевская)» на двух листах, датированный 25 июля 1852 г. Документ содержит чертеж части генерального плана г. Арзамаса с обозначением на нем места под строительство, а также чертеж фасада и плана готовящегося к постройке дома ***(Приложение 5, илл. 1)***.

Место под строительство располагается по ул. Алексеевской под № 304, имеет вид неправильного квадрата с углублением внутрь квартала и выходом на параллельную улицу. Напротив, через дорогу, на чертеже отмечены крестиками четыре здания церковного назначения – вероятно, Алексеевский Новодевичий женский монастырь [3, с. 1].

Разрешение на постройку дома просит некто штаб-ротмистр Николай Николаевич Ермолов. Больше никаких сведений о владельце участка документ не содержит. Исходя из указанного, можно предположить, что Н.Н. Ермолов находился на военной службе. Штаб-ротмистр являлся младшим офицерским чином в некоторых родах войск Российской империи с 1797 по 1917 год.

Документ содержит также чертеж фасада и плана дома, который Н.Н. Ермолов планирует построить на данном участке городской земли. Дом указан как «деревянный на каменном фундаменте», в семь окон по фасаду, с мезонином в три окна и балконом, выходящим во двор. На рисунке можно увидеть два входа по обеим сторонам дома, шесть комнат на первом этаже и два длинных коридора, две комнаты в мезонине. Общая протяженность дома, исходя из указанного на чертеже масштаба, по фасаду должна была составить чуть более 22 м, вглубь двора – около 15 м [3, с. 2].

Строительство дома было одобрено Нижегородской Губернской Строительной и Дорожной комиссией, рассмотревшей проект 25 июля 1852 г. и признавшей его «…как в общем, так и в частном виде вполне удовлетворительным и цели своей соответствующим…». Данная запись в документе была закреплена подписью вице-губернатора М.М. Панова [3, с. 1–2].

Про данную комиссию известно, что она была учреждена 1 мая 1833 г., а в июне 1849 г. слилась с губернской Дорожной комиссией. В ее обя-

занности входили «постройка, переделка, ремонт, надзор за исправным содержанием всех в губернии казенных и общественных губернского ведомства зданий, благоустройство входящих в состав губернии городов, наблюдение за сохранностью зданий древности, устройство и наблюдение за содержанием в исправности дорог, мостов, переправ и всего, что относилось к улучшению губернского сообщения» [4].

Из документов ГАНО, г. Арзамас стало ясно, что уже в 1869 г. по адресу ул. Алексеевская, 12 располагался большой дом, который принадлежал дворянке Александре Гавриловне Ермоловой. Таким образом, дом был построен между 1852 и 1869 гг. Собственником была семья Ермоловых, хотя прямого наследства между Николаем Николаевичем Ермоловым, просившим разрешения на строительство дома, и владевшей им спустя полтора десятка лет Александрой Гавриловной Ермоловой по отчеству не прослеживается. Однако фамильное родство скорее всего было. Выяснить это по документам архива пока не удалось. Хотя в отдельных судебных делах упоминается некто Гаврила Петрович Ермолов, никакой связи с домовладением и его хозяйкой к настоящему времени не установлено.

В «Раскладке налога с недвижимых имуществ» за 1869 г. домовладение описывается так: «Деревянный одноэтажный, на каменном фундаменте дом, на дворе кухня, два амбара, ледник, погреб, конюшня, каретный сарай и при нем обширное место, на котором растут вязья, липы и акации». Относительная стоимость имущества составляла 1 350 руб. [5, д. 490, л. 11–12].

В «Алфавитном списке частных построек разными лицами г. Арзамаса с 1872 г.» существует запись № 130 от 6 мая 1874 г. о том, что «дворянской девицей Александрой Гавриловной Ермоловой в Алексеевской улице получено разрешение на перестройку фундамента при доме, по обоим сторонам дома террасы и паратное крыльцо на улицу, на дворе поставить амбар, каретный сарай и заборы по лицу улицы» [6, д. 120, л. 95–96].

Кроме данных двух записей, обнаружена запись о владении дворянской девицей Александрой Гавриловной Ермоловой землей в Арзамасском уезде. Ей принадлежали сёла Шадрино (218 десятин земли) и Бритово (226 десятин земли). В обоих владениях числились господский дом, сад, пашни, лес и луга [7, д. 4, л. 49–50].

В 1897 г. «8 октября состоялось открытие церковно-приходской второклассной женской школы для приготовления учительниц в сельские школы грамоты и церковно-приходские школы. Для этой школы куплен и приспособлен дом Ермолова, близ Алексеевской общины». Такие сведения сообщает известный арзамасский историк, краевед, общественный деятель Н.М. Щегольков в своей книге «Исторические сведения о городе Арзамасе», изданной в 1911 г. [1, с. 266]. Таким образом, можно проследить пере-

ход данного домовладения от дворян Ермоловых в ведение Нижегородской епархии.

В «Раскладочной ведомости Арзамасской городской управы» на 1898 г. по адресу ул. Алексеевская, 12 значится «деревянный дом с надворными строениями», в котором располагается Арзамасское уездное отделение Нижегородского Епархиального Училищного Совета [6, д. 44, л. 241]. Данный Совет действовал при Братстве Святого Благоверного Великого князя Георгия Всеволодовича в Нижнем Новгороде с 1884 г. и своей целью имел развитие народного образования в епархии на началах православной веры. Для этого предполагалось открытие церковно-приходских школ и училищ, а при них и библиотек [8, с. 452–453].

Таким образом, в Арзамасе действовало свое уездное отделение данного заведения, появившееся ранее 1897 г. Известно, что 1 августа 1895 г. исполняющим обязанности председателя Арзамасского уездного отделения Нижегородского Епархиального Училищного Совета, а с 24 августа 1896 г. – постоянно действующим председателем в данном заведении, был назначен отец будущего патриарха Московского и Всея Руси Сергия (Страгородского) – протоиерей Николай Иванович. Жила семья Страгородских неподалеку, в доме № 2 по ул. Алексеевской. Однако в феврале месяце следующего, 1897 г., по его прошению он был освобожден от этой должности [9, с. 37].

В архивных документах никаких сведений о сделках с данным домовладением найти пока не удалось, поэтому назвать точную дату перехода дома к Нижегородской епархии пока не представляется возможным, так же, как и проследить дальнейшую судьбу самого училищного совета. По крайней мере, в 1907–1912 гг., по данным Раскладочных ведомостей из фондов Арзамасского историко-художественного музея, Совет еще располагался в этом «деревянном доме с надворным строением и флигелем», стоимость которого для взимания городских и земских сборов оценивалась в 1 000 руб. [10, с. 128; 11, с. 92].

По воспоминаниям местных жителей, уже в 1920–1930-е гг. в доме располагался странноприимный дом, в котором находили себе кров монашки из располагавшегося по соседству и уже закрытого к тому времени Алексеевского женского монастыря.

Археологические раскопки, проводимые историко-археологическим бюро «Артефакт» по адресу ул. Свободы, 12 практически точно подтверждают данные, собранные в архивных и музейных фондах. Обнаруженный фундамент дома, датированный концом XIX века, идентичен по расположению, площади и плану домовладения по архивным документам, как и нахождение на участке хозяйственных и дворовых построек [12, с. 19–20].

Материал, поступивший с раскопок по ул. Свободы, д. 12 в историко-художественный музей, характеризует быт городского населения XVIII–XIX вв. Среди находок – фрагменты глиняных, стеклянных, фаянсовых и металлических изделий. Из новинок, которых не было в фондах музея – помадные (косметические, аптечные) банки. И это совсем не случайно, ведь это находки поздних культурных слоев русских городов. Учитывая тот факт, что масштабные раскопки на территории города проводились впервые, появление таких экспонатов не удивляет.

Таким образом, первые довольно крупные археологические изыскания, проводимые на объекте «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» по адресу ул. Свободы, 12, имели своим результатом не просто пополнение музейного фонда, но дали начало довольно масштабной научно-исследовательской работе по изучению истории отдельного участка городской земли. Обнаруженные сведения и материалы могут быть использованы в описании и характеристике жизни и быта горожан конца XIX – начала XX века.

Источники и литература

1. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. – Арзамас, 1911.

2. Егошин А.Л. Хозяйство и быт арзамасцев в XVIII–XIX вв. (по материалам археологических исследований) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Вып. XII / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 32–36.

3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 5. Оп. 3.

4. Фонды учреждений по строительству и благоустройству. – URL: http://opentextnn.ru/old/archives/nn/afnn/gano/dorev/index.html@id=563 (дата обращения 16.04.2021).

5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 33. Оп. 2.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.

7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.

8. Адрес-календарь Нижегородской Епархии (губернии) на 1889 г. / Сост. А. Снежницкий. – Н. Новгород, 1889.

9. Рожденный на Земле Нижегородской. Патриарх Сергий / Архимандрит Тихон (Затекин), О.В. Дёгтева. – Н. Новгород: Изд-во «Ридо», 2007.

10. Раскладочная ведомость налога с недвижимых имуществ города Арзамаса Нижегородской губернии на 1907 г. – Арзамас, типография Н. Доброхотова, 1907.

11. Раскладочная ведомость налога с недвижимых имуществ города Арзамаса Нижегородской губернии на 1912 г. – Арзамас, типография Н. Доброхотова, 1912.

12. Бейлекчи В.В. Отчет о проведении археологических раскопок на участке строительства в г. Арзамасе Нижегородской области по ул. Свободы, д. 12 в 2015 году. Кн. 1. – Муром, 2016 // Фонды МБУК ИХМ ГАНО.

КРАТКИЙ ОБЗОР ГРУППЫ ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Илья Вячеславович Чиркунов
Историко-художественный музей г. Арзамас Нижегородской области,
к.и.н., научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: iliya_chirkunov@mail.ru

Изменения в сфере нормативно-правовой базы экономической системы Российской империи привели к появлению новых форм хозяйствования. Появлялись официально зарегистрированные промысловые заведения, связанные не только с производством, но и с торговлей. Арзамасский уезд, на основании исследований, считался развитым производящим регионом Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Несмотря на это, распространение здесь также получили и группы заведений, которые были ориентированы в первую очередь на торговлю.

Ключевые слова: *торговля; заведение; промыслово-торговый; экономика; налог; государство.*

Глобальные изменения в сфере нормативно-правовой базы Российской империи, происходившие в конце XIX – начала XX века привели к формированию нового сектора, который включал в себя не только промышленные предприятия, но и заведения, связанные с торгом. Эти группы необходимо рассматривать вместе, так как для легальной работы и промышленных и торговых заведений, по пунктам введенного Положения о государственном промысловом налоге, было необходимо получать промысловое свидетельство. Несмотря на неразрывность рассматриваемого сектора, есть необходимость его групповой дифференциации для более детального рассмотрения интересующего нас промыслово-торгового сектора. Цель данной статьи рассмотреть складывающийся в начале XX века промыслово-торговый сектор Арзамасского уезда. Задачи – изучить промыслово-торговый сектор уезда, выделить в его рамках группы заведений, дать краткую характеристику крупных торговых заведений.

Итак, после введения в оборот новой нормативно-правовой базы стало необходимо регистрировать промысловые промышленные и торговые заведения. Благодаря получаемым промысловым свидетельствам заведение, в буквальном смысле, получало право на свою деятельность. В зависимости от места расположения и денежного оборота каждое из заведений обкладывалось нефиксированным налогом [1, с. 489].

Введение Положения о государственном промысловом налоге, с нашей точки зрения, являлось неоднозначным документом, так как усложняло жизнь владельцам небольших заведений. С другой стороны, благодаря сохранившимся промысловым свидетельствам сегодня представляется возможным проследить состояние промыслового сектора, в данном случае, интересующего нас Арзамасского уезда в начале XX века.

Официально зарегистрированные промысловые торговые заведения необходимо поделить на группы.

К первой группе представленных в Арзамасском уезде заведений следует отнести заведения по реализации алкогольной продукции. Сюда входили, например, таверны, постоялые дворы и прочее. В уезде данная группа была представлена по большей части винными лавками. В Арзамасе, винных лавок не находилось, так как они были разбросаны по волостям уезда. Ни одно из заведений рассматриваемой группы не находилось в прямой собственности. В промысловых свидетельствах имеется информация о наличии арендной платы, которая напрямую зависела от площади заведения. Общий налоговый сбор относительно развернутых площадей составлял 3698 руб. при чистой прибыли заведений в 1073 руб. 50 коп. В пример можно привести винную лавку, которая принадлежала обществу крестьян с. Вад. Она облагалась налогом в размере 333 руб., при доходности в 83 руб. 25 коп [2, л. 30]. Трактирные заведения являлись менее распространенными. В Арзамасском уезде их насчитывалось всего семь. В отличие от винных лавок, часть существовавших трактирных заведений не облагалась налогом. Общая сумма сбора с облагаемых трактиров равнялась 1226 руб. при прибыльности в 513 руб. 03 коп. Здесь в пример можно привести крупное заведение, которым владел крестьянин с. Вад. При доходности в 200 руб. платился налог в размере 800 руб. [3, л. 33]. Наконец, в Арзамасском уезде располагались пивные лавки – всего девять заведений. Как и в случае с трактирными заведениями, не все пивные лавки облагались налогом. Сумму налогового сбора в размере 565 руб. платили лишь пять заведений из имевшихся, при чистом доходе в 417 руб. 35 коп. В с. Паново Пановской волости крупное заведение принадлежало братьям Лапаевым. Доходность их заведения составляла 98 руб. [3, л. 34].

Вторая группа торговых заведений была связана с реализацией волокнистых материалов и животных продуктов. В данном случае в уезде находились лишь кожевенные лавки. Это было связано с большим количеством мелкотоварных заведений по производству изделий из кожи. Что касается торговых заведений, то они располагались преимущественно в Выездной слободе, всего их было девять с общей доходностью в 444 руб. 20 коп. Наиболее крупными владели Е.Н. Болотова и М.Л. Лелекин с доходностью в 56 [3, л. 55] и 105 [3, л. 56] руб. соответственно.

Третья группа – заведения, владельцы которых были заняты продажей продуктов питания. Данную группу, в рамках описываемого региона, можно считать наиболее распространенной. Всего насчитывалось 421 заведение с общей суммой налогообложения в 4458 руб. 90 коп. Владельцами наиболее крупных заведений по реализации продуктов питания являлись крестьянин П.П. Калабанов [3, л. 10], Д.Т. Ермаков [3, л. 14],

Я.С. Кучин [3, л. 16], М.С. Шаров [3, л. 16]. Заведения представляли из себя одноэтажные и двухэтажные постройки из камня и дерева.

В меньшем количестве были представлены булочные или, как они проходили по документам в Арзамасском уезде, калачные заведения. Они сосредотачивались в трех волостях уезда – Вадской, Смирновской и Хиринской. Суммарная прибыль исходя из документов составляла 387 руб. К крупным можно отнести заведение, владел которым крестьянин с. Вад Вадской волости А.С. Ефимов с чистой прибылью, подлежащей налогообложению в 112 руб. Были заведения и меньше, например булочная крестьянина с. Смирново Смирновской волости В.И. Воронцова с доходность в 60 руб.

Располагались в Арзамасском уезде и так называемые чайные заведения, располагавшиеся в пределах Аратской, Вадской, Собакинской, Хиринской и Чернухинской волостях. Их общая доходность равнялась 753 руб. 50 коп. Одним из владельцев крупного чайного заведения являлся уже упоминаемый нами ранее крестьянин с. Вад Вадской волости А.С. Ефимов. Прибыль его промыслово-торгового занятия составляла 226 руб. 80 коп [3, л. 60].

Наконец, последняя группа, которая была представлена в рамках исследуемого региона, относилась к заведениями смешанного типа. Если мы говорим о мануфактурных лавках, то в Арзамасском уезде они не были широко распространены.

Иная ситуация обстояла с заведениями, владельцы которых были связаны с торговлей складским товаром. Географически все 42 заведения указанного типа находились в Красносельской волости. Суммарная прибыль равнялась 1074 руб. 10 коп. Владельцами крупных заведений подобного типа являлись А.С. Стулов и И.С. Мельников с прибылью, облагаемой налогом, в 63 [3, л. 27] и 56 [3, л. 28] руб. соответственно.

Таким образом, можно убедиться, что Арзамасский уезд обладал не только рядом заведений, которые были связаны с производством, но и заведениями торгового плана, на которые было получено требуемое промысловое свидетельство. Всего в начале XX века в Арзамасском уезде официально было зарегистрировано 528 заведений, которые относились к описываемым выше группам. Наиболее распространенными здесь можно считать промыслово-торговые заведения, связанные с реализацией продуктов питания. Следом шла торговля товарами смешанного типа, заведения по реализации алкогольной продукции и реализации волокнистых материалов и животных продуктов. Небольшое количество торговых заведений последней группы не характерно для Арзамасского уезда, так как здесь располагался крупный промышленный сектор, связанный с обработкой кожи. Это можно объяснить тем, что реализация готового товара

из кожи происходила на местах, без передачи посредникам, которыми в данном случае могли выступать лавки из указанной группы.

Несмотря на развитие промыслового-торгового сектора в рамках исследуемой местности, можно говорить о том, что Арзамасский уезд в начале XX века продолжал оставаться местностью преимущественно производящей, а не торговой. Однако, небольшое количество торговых заведений, в сравнении с производственными, не являлось отрицательным моментом и положительно сказывалось на общем экономическом развитии местности.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913: в 48 т. Т. 18. – СПб., 1885-1916. – С. 489. № 15601.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 158. Оп. 2. Д. 494.

3. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1. Д. 807.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ДИАСПОРЫ АССИРИЙЦЕВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Сергей Сергеевич Михайлов

Независимый исследователь, историк, этнолог, член Союза писателей России
Россия, Москва, e-mail: mesherdkray@mail.ru

В статье автор касается темы истории формирования в XX столетии небольшой ассирийской диаспоры в Нижнем Новгороде. В этом регионе предки современных ассирийцев, в качестве миссионеров Церкви Востока, могли оказаться еще в домонгольское время, однако о том периоде сохранились лишь редкие косвенные свидетельства. Ассирийцы – уроженцы юго-восточной Турции и северо-западного Ирана начали проникать в качестве отходников в города Европейской части России после 1820-х гг., богатый и торговый Нижний Новгород также входил в зону их интересов. Автор полагает, что основы будущей диаспоры стали закладываться именно в тот период. Большинство же предков современных нижегородских ассирийцев попали в нашу страну во время Первой Мировой войны, спасаясь от геноцида, развязанного турецкими властями в отношении христианского населения. Нынешняя городская община нижегородских ассирийцев состоит из семей, перебравшихся в город преимущественно в конце 1920 – 1930-х гг.

Ключевые слова: *ассирийцы; диаспора; Нижний Новгород; переселенцы; племя; локальная группа.*

В истории и культуре крупных российских городов, особенно связанных с торговлей, на протяжении многих столетий играли важную и интересную роль не только представители русского большинства, но и выходцы из других этнических групп, как представляющих коренное население того или иного края (в Поволжье – татары, мордва, чуваши, марийцы и др.), так и диаспоры народов, места традиционного проживания которых расположены в других регионах, или же вообще за границами России. Од-

ним из таких сообществ-диаспор, имя которого звучит несколько экзотично для Центральной России, представленным в XX столетии в Нижнем Новгороде (в 1932 – 1990 гг. – Горьком), являются ассирийцы, хотя их численность в рассматриваемом городе никогда не превышала пятидесяти семей (несколько сотен человек), они не одно десятилетие были ярким элементом городского культурного ландшафта.

Представители этого древнего народа, в старой русской традиции часто именовавшегося «сирийцами», «сиро-халдеями», «несторианами», а также нередко встречающиеся в литературе, в том числе научной, под этнонимом «айсоры», вполне могли бывать в Нижегородском Поволжье в домонгольское время, поскольку в качестве миссионеров Церкви Востока (сейчас – Ассирийская Церковь Востока). Последняя весьма активно работала на Азиатском континенте, создав множество общин и некоторое число епархий вплоть до Китая и Японии, и присутствовала в кочевническом мире, включая и его части, соприкасавшиеся с Древней Русью. По Волге и другим крупным рекам, вместе с купцами, миссионеры могла попадать далеко на север. Одним из, к сожалению, редких подтверждений этому может служить литургическое блюдо несторианского происхождения, которое в 1898 г. было обнаружено возле деревни Григоровское, напротив города Соликамска, почти в сотне километров выше по Каме, нежели расположена Пермь [1, с. 213–214; 2, с. I–II]. Если миссионеры смогли забраться так далеко выше по крупному волжскому притоку, то они вполне могли попадать и в место слияния Оки и Волги, туда, где сейчас стоит Нижний Новгород. Не исключено, что некоторым наследием древних христианских общин несторианского толка, созданных из местных новообращенных, не без помощи административного ресурса затем обращенных в византийский вариант православия, является более позднее старообрядчество Заволжья. В древний период Церковь Востока совершала крестное знамение двумя перстами, что, видимо, еще хорошо помнили к моменту никоновской церковной реформы потомки не по своей воле обращенных в православие «несториан» - историческая память, особенно касавшаяся негативных моментов, в прошлом сохранялась на протяжении столетий. Скорее всего именно из поволжских старообрядческих регионов, сформировавшихся в местах древней миссии Церкви Востока, включая и Нижегородский край, пошел вариант легенды о благочестивой стране Беловодье, согласно которому таковая располагалась на Японских островах, где существовали благочестивые церкви (упомянуто 179), во главе которых был целый патриарх «антиохийского поставления». Там же насчитывалось до сорока «российских» церквей «тоже имеют митрополита и епископов, асирского поставления» [3, с. 214]. Здесь надо вспомнить, что древние миссионеры добирались и до Японии, где были созданы сообще-

ства из местных обращенных, об истории которых ныне мы почти ничего не знаем [4, с. 31–51]. Также есть и еще весьма важный момент – в старообрядческой среде, особенно в период поиска поповцами иерархии, неоднократно звучала персидская тема – там также якобы существовало благочестивое старообрядческое царство [3, с. 546]. Здесь надо вспомнить, что Церковь Востока, основным этническим ядром которой всегда были предки нынешних ассирийцев (восточные сирийцы), формировалась как патриархат Селевкии-Ктезифона именно на персидской территории, и «персидской» (по территориальному, а не по этническому признаку), а также «Сиро-Персидской» ее именовали внешние источники еще весьма долго [4, с. 16–30]. Однако, моменты, связанные с древним посещением предками ассирийцев Нижегородского края, следы деятельности Церкви Востока – отдельная, почти не исследованная тема, которая требует особого рассмотрения. Нас в данном повествовании более интересует период, когда была сформирована община нижегородских ассирийцев, которая существует до настоящего времени. Он же начинается только в XIX столетии.

К сожалению, история ассирийцев на территории Центральной России, включая и интересующий нас Нижний Новгород, в XIX – начале XX в., а также в 1920 – 1930-х гг., так и останется во многом для нас «белым пятном». Мы можем узнать только те весьма редкие упоминания, которые хранят можно найти в архивных документах или публикациях, появившихся в том случае, когда факт пребывания того или иного ассирийца с территории Турции или Персии, отходника или переселенца, становился известным лицам, их оставившим. В ранний советский период, когда в нашей стране оказалось большое число ассирийских беженцев, когда вроде бы весьма активно работал «Союз ассирийцев», пытавшийся контролировать ситуацию с соплеменниками на местах, на страницы документов этой организации попадали сведения лишь о тех региональных сообществах, семьях или персоналиях, в которых что-то происходило и т.п. Ассирийцы-горцы, происходившие из Турции, особенно не стремились вступать в «Союз…», которому не особенно доверяли, тем более, что немалый процент находившихся в российских городах ассирийцев-беженцев смотрели на нашу страну как на место вынужденного и временного пребывания и особо не хотели как-то закрепляться здесь. Многие семьи, пожив лишь немного в интересующем нас городе, достаточно быстро выезжали в Иран. О таких семьях иногда можно услышать отрывочные сведения от нынешних старожилов. но, чаще всего, такие сведения уже утрачены – они ушли с представителями более старших поколений членов диаспор, если таковые заставали в городе

В 2020 г. вышла книга «Верхневолжская Ассирия», написанная автором этих строк, посвященная диаспорам рассматриваемого народа на

территории Тверской, Ярославской, Костромской и Ивановской областей [5]. Включать в это описание Нижегородскую область я умышленно не стал, поскольку, на наш взгляд, этот регион, а, в особенности, диаспора областного центра, является темой отдельного исследования и ему должна в дальнейшем быть посвящена отдельная монография. Темы же нижегородских ассирийцев пока автор коснулся лишь один раз, в публикации, посвященной городскому некрополю данного народа [6, с. 324–333].

Теперь о том. когда впервые становится известно о появлении ассирийцев на территории Центральной России, включая и Нижегородский регион. В резолюциях московского митрополита Филарета за 1822 г. есть упоминание о разрешении сбора денежных средств «…Урмыжскому жителю из греков Лазарю Васильеву для сбора на пропитание и искупление плененных жены, сестры и двух сыновей его взятых Персиянами…» [7, с. 225]. «Урмыжскому» – урмийскому, т.е. выходцу из района Урмия на северо-западе Ирана, то, что фигурант назван в документе «греком», не должно смущать нас в плане этнической идентификации человека – греческого населения в Урмии не было, а получить разрешение на сбор средств в России среди православного люда назвавших представителем иной христианской конфессии, было весьма проблематично. Иное дело грек, который в русском сознании однозначно ассоциировался с православием. К сожалению, о том, в каких городах производил сбор средств Л. Васильев, нам не известно.

Поначалу, вскоре после проникновения Российской Империи в Закавказье и ее приближения к местам проживания ассирийцев, представители рассматриваемого народа приезжали вглубь нашей страны собирать средства на нужды, подобные указанной выше. Однако, быстро появились и лица, которые стали собирать деньги на свои нужды, но прикрываясь при этом нуждами Христианского Востока, т.е. занимавшиеся откровенным мошенничеством. Параллельно в России появляются и другие отходники, зарабатывавшие мелкой торговлей, неквалифицированным трудом. Ассирийцы-отходники из северо-западного Ирана и соседних горных областей Турции однозначно регулярно бывали в таком важном центре Поволжья, каковым был Нижний Новгород уже к середине XIX в. В 2020 г. архимандрит Стефан (Садо) сообщил автору сведения, касающиеся 1862 г., которые он обнаружил в делах, касающихся московского митрополита Филарета. Там сообщается о прибывшем в Москву по железной дороге из Нижнего Новгорода с целью сбора пожертвований «архимандрите Харлампиева монастыря Петросе Давиде-оглу», который оказался «несторианином». Данный священнослужитель (скорее всего самозваный) предъявлял свидетельство, выписанное ему неким епископом Сергием, возможно, Мар-Саргизом, возглавлявшим епархию Джилу [информация

получена автором от архимандрита Стефана (Садо) в 2020 г.]. По словам о. Стефана, подобных дел в региональных архивах может храниться достаточно большое число, однако, этот пласт еще пока не исследован, только часть этих сведений, чаще всего случайно, попадается исследователям, работающим по иным темам. Ассирийцы-сборщики, выманивавшие деньги у русского православного населения на поддержание святынь Востока, стали обычным явлением.

Комментируя вышеприведенный прецедент, нам хотелось бы обратить внимание на то, что только в том же 1862 г. Московско-Нижегородская железная дорога, которой воспользовался «архимандрит Харлампиева монастыря» только была сдана в эксплуатацию. Получается, только пошли пассажирские составы между двумя крупными городами, как ими начали путешествовать ассирийцы, занимавшиеся в России сбором денег. Данный факт свидетельствует о том, что к началу 1860-х торговый Нижний Новгород, где была крупнейшая ярмарка, на который выходили связи со многими другими городами и регионами России, был хорошо знаком ассирийцам. Изначально они могли попадать сюда по Волге, со стороны Астрахани, куда легко было попасть через Закавказье и города Северного Кавказа, т.е. через регионы, наиболее близкие к местам их традиционного проживания. Явно в XIX веке нижегородская ассирийская история была достаточно насыщенной, пусть и касавшейся большей частью не оседавших в городе на более-менее долгое жительство, а лишь временных его гостей. Наверняка кто-то из турецких и иранских ассирийцев мог оседать в Нижнем Новгороде надолго, а, возможно, и на постоянное проживание. К сожалению, сейчас проблематично найти об этом информацию – на страницы архивных документов попало крайне мало сведений, чаще всего ассирийцы могли фигурировать по русифицированными именами и фамилиями, как тот же Лазарь Васильев, основной массив сведений мог быть получен от лиц, знавших этих переселенцев, но с тех пор сменилось не одно поколение.

В своей книге, посвященной описанию Ванского и Битлисского вилайетов Турции, русский вице-консул в г. Ван, В.Т. Маевский, давая характеристику аширетным (независимым) ассирийцам-горцам, упоминает, что ими во многих крупных городах мира, куда они наведывались в качестве отходников, устраивались своеобразные неофициальные «подворья», при которых существовали даже церкви (разумеется, «несторианские»). Маевский из таких городов в России называет только Москву и Санкт-Петербург, но, мы можем предположить, что нечто подобное могло быть и в Нижнем [8, Приложения, с.85]. Возможно, учитывая более позднюю нижегородскую ассирийскую историю, которая явно корнями отчасти уходила в предыдущую эпоху, такое «подворье» могло находиться в од-

ном из уголков города, где компактно селились семьи беженцев времен Первой Мировой войны. Мы упомянем о их немного ниже. Одним из наиболее вероятных вариантов может быть район Почаинки, поскольку на той же Большой Покровской ул. до 1917 г. отходники из Турции вряд ли могли найти себе какой-то дом (или часть дома) в силу социальной специфики данного места. Одним из аргументов в пользу выдвинутой нами «почаинской» версии может служить и то, что самым старым из известных нам мест погребения ассирийцев является Бугровское кладбище.

В таком крупном торговом ярмарочном городе ассирийское отходническое «подворье» могло быть не одно – как и в Москве, у разных племен (или групп племен) могли быть свои подобные места. Поскольку в более позднее время самый крупный горьковский ассирийский анклав находился на другом берегу Оки – в Канавинском район, в поселке Володарского, мы можем предположить, что у него также могла быть ранняя предыстория. Канавино располагалось вблизи комплекса Нижегородской ярмарки, которая, не трудно догадаться, являлась едва ли не главным объектом, привлекавшим ассирийских отходников. Какая-то их группа могла устроить свое «подворье» здесь, на одном берегу с этим центром притяжения, вблизи ярмарки. К сожалению, тех представителей диаспоры, кто что-то мог бы рассказать о причинах появления того или иного городского анклава, о его привязке к местам, где жили или просто останавливались, родственники, односельчане или просто соплеменники, оказывавшиеся в Нижнем Новгороде до 1914 г.

Поскольку ассирийцы, оказавшиеся в нашей стране и до начала XX века включительно, и в большом числе во время Первой Мировой войны в качестве беженцев-христиан, спасавшихся во время геноцида, делились на порядка двух десятков локальных групп, племен, то при описании истории формирования городских диаспор этого народа необходимо учитывать, из каких племенных и сельских групп таковые складывались. Далее, вкратце мы рассмотрим этот момент касательно Нижнего Новгорода.

Впервые автор познакомился с нижегородскими ассирийцами во время своей полевой поездки еще осенью 1994 г., через два года после начала своего изучения истории и культуры данного этнического сообщества на территории Центральной России. В то время в городе еще можно было найти людей, кто помнил и довоенную жизнь диаспоры, и мог дать немало важных сведений о ее жизни. Тогда главным информантом стал Давид Васильевич Багзо (1911 г.р., умер в 1998 г, на памятнике на кладбище Красная Этна отчество показано как «Азисович»), являвшийся старейшим на тот момент представителем сообщества, родившимся еще в «гу-Атра», т.е. на родине.

Согласно записанным в 1994-м воспоминаниям, ассирийцы стали селиться в Нижнем Новгороде в 1919–1920 гг. Изначально городская диаспора формировалась представителями двух горских аширетных племен – джильвая (область Джилу, маликства Джилу Горта и Джилу Сорта) и дизная (область-маликство Диз). Помимо них в городе обосновалось небольшое число семей выходцев из иранской Урмии (ассирийцы-урмижная). Даже примерную численность сообщества на тот момент, сколько именно семей каждой группы проживало, информанты назвать не могли. Также мне не назвали населенные пункты маликства Диз, а также района Урмия, откуда сюда попали беженцы. С джильвая несколько проще – большинство представителей данного племени, попавшие в Нижний, происходили из с. Алсан (локальная группа, «кабиле», аласная), из маликства Джилу Горта (Большая Джилу). Когда автор второй раз приезжал в город для бесед со старожилами диаспоры, из джильвайских локальных сельских групп также называли уроженцев сел Самсики и Серпель, входивших в маликство Джилу Сорта (Малая Джилу). Аласная, оказавшиеся в России в достаточно большом числе, создали две крупные общины в Москве и Казани (по несколько десятков семей каждая), а также группами по несколько семей расселились еще по двум с половиной десяткам городов. Жители этого села до 1914 г. достаточно хорошо знали Центральную Россию, некоторые беженцы, как мы видим из следственных дел, изученных о. Стефаном (Садо) и использованных при написании его труда, после пересечения границы в 1915 г. сразу же направлялись в некоторые крупные торговые города. где явно им было где остановиться, где жили родственники или односельчане – Орел, Рыбинск, Тверь, Владимир. В 1916 г., перейдя российскую границу, в Нижний Новгород направились представители семьи Геворгиз, которые в дальнейшем переселяются в Казань, где их и застают репрессии 1938 г. [9, с. 258–259]. Нынешние потомки данного семейства помнят, что интересующий нас город играл какую-то роль в истории их предков, однако ничего не смогли рассказать о нем в плане подробностей появления и жизни здесь старших поколений.

В 1994 г. старожилы также утверждали, что в 1920-х гг. в Нижнем Новгороде проживало небольшое число, всего по несколько семей каждого, представителей горских аширетных племен базная (область-маликство Баз), тхумная (область-маликство Тхума) и тьяра (маликства Верхнее Тьяри и Нижнее Тьяри). Уже к 1930-м гг. все они покинули город, выехав, судя по всему, в Иран. По крайней мере каких-то их потомков или родственников в других городах России нам найти не удалось. Базная в нашей стране представлены несколькими семьями одного клана в Москве (семья Балло), тьярая также в 1920-х гг. числом одного десятка семейств обитали в Москве, преимущественно в районе Тверского бульвара, тхумная, также

небольшим числом семей, известны в Москве, Туле, а также, на определенном этапе, в Рязани. Если с селениями российских базная и тьяра нам неясно (по крайней мере одно московское семейство последних происходило из с. Герамул), то уроженцы Тхумы, попавшие в Россию и Грузию, происходили большей частью из с. Мязра (группа мазерная). Скорее всего к ним относились и те нижегородские семьи, о которых рассказывали автору.

Скорее всего, племенной состав раннего нижегородского ассирийского сообщества свидетельствует о том, из каких ассирийских горских областей город посещали отходники до 1914 г., группы же, которые впервые появляются в более позднее время, т.е. открывшие для себя Нижний Новгород, ставший уже Горьким, только к 1930-м гг., возможно, также бывали здесь отходниками, однако, в отличие от джильвая, базная, дизная, тхумная и тьяра, крепких позиций здесь не имели.

В 1930-х гг. в город, уже переименованный в Горький, переселяются семьи представителей племен барварная (область Барвар), нудызная (Нудыз, преимущественно происходили из с. Марванан), ваная (жившие вблизи озера Ван) и ханса (Хананис), которые, после отъезда большинства семей ранних групп, и начинают составлять основное ядро сообщества интересующего нас города. Барварная, в основном, выходцы из с. Севин (локальная группа севиная), попали в Горький преимущественно из Москвы. Явно с последней связано расселение нудызная из Марванана (небольшое их сообщество жило в районе Таганки). Ханса переселялись с юга России, преимущественно из городов Краснодарского края. Отдельные переселения в Горький ассирийцев продолжались и после Великой Отечественной войны. Сюда перебирались как представители уже известных нам групп, так и некоторых других, например, гяварная (равнинные ассирийцы района Гявар, Ванского вилайета Турции), шапатная (область Тергевер, в Иране, на границе с Турцией).

Особо нам хотелось бы поговорить о горьковских дизная, которые попадали в город и после отъезда их соплеменников. участвовавших в формировании диаспоры в 1919–1920 гг. Как мы уже упомянули выше, о том, из каких селений маликства Диз происходили наиболее ранние поселенцы из данной группы, неизвестно. Если пытаться искать аналогии в других городах России, где с 1920-х гг. живут представители данного племени, то, к примеру, в той же Москве, где, как сообщали автору информанты еще в 1992 г., дизная впервые появляются не позднее 1918 г., и становятся одной из четырех крупнейших старых городских ассирийских сообществ, то в ней представлены уроженцы деревень: Чиричара, Курсы (Курсин), Мадис (Мадес), Сова, Гулюзар, Омра, Макатон, Раббан-Дадышу, Акосе, Шемаши. Выходцы из перечисленных населенных пунктов также

известны и в ряде городов, окружавших столицу – Калуга, Наро-Фоминск, Александров, Торжок, Ржев, Рязань и др. Наверняка в Нижнем Новгороде также были уроженцы какого-то из этих сел. Мои информанты 1994 г. принадлежали к другим ассирийским племенам и никаких подробностей о чужой группе не знали. Потомков или родственников дизная 1919–1920-х гг. ни в интересующем нас городе, ни в других местах встретить пока не удалось, а основной объем конкретики может быть получен исключительно от них. Д.В. Багзо рассказал в 1994 г., что примерно в 1929–1930 гг. в город, из Александрова (Владимирская обл.) перебралось примерно 6-7-8 семей дизная, также не идентифицированные им по принадлежности к сельским группам. Потомков этих семей нам застать уже не удалось – в течении последующих десятилетий они постепенно выехали из Горького. По материалу, зафиксированному в других городских диаспорах, автору известно, что на определенном этапе в Александрове жили выходцы из сел Чиричара (группа черье) и Курсы (курисная). Возможно, Багзо включил в это число александровских уроженцев Диза и семьи ассирийцев-дизная, которые к началу 1930-х гг. обосновались в Горьком, но которые до этого, согласно сведениям, выявленным архимандритом Стефаном (Садо), в 1920–1930-х гг. упоминаются в подмосковных Наро-Фоминске, Коломне и Егорьевске – семьи Ахтиаровых, Леван, Ядидо [сведения, предоставленные автору архимандритом Стефаном (Садо) в 2018–2020 гг.], происходящие исключительно из жителей с. Шемаши. К сожалению, во время беседы начала 2020 г., нынешние потомки семьи Леван со слов представителей более старших поколений, лишь смутно что-то слышали о Коломне. Информанты сообщили, что в Горький указанные три семьи попали через города Северного Кавказа, куда они, видимо, переселились после небольшого подмосковного периода своей истории. Про Александров они не смогли мне сообщить ничего, равно как и о других соплеменниках-дизная, каковые жили в городе на более раннем этапе.

В 1994 г. старожилы ассирийской диаспоры рассказали автору, что на раннем этапе представители интересующего нас народа компактно проживали в трех местах. Два анклава находились в Верхнем городе, на Большой Покровской ул., а также на Почаинке – Краснофлотская (ныне – снова Ильинская) ул. д.3. Как мы уже упоминали выше, в первом месте выходцы из Ванского вилайета Турции могли устроить свое подворье не позднее началу XX в. Учитывая прежний преимущественно дворянский характер Большой Покровской (в советское время – ул. Свердлова), беженцы могли поселиться здесь только после 1917 г. К сожалению, племенного состава ассирийцев данного анклава информанты сообщить не могли, благо местные семьи довольно рано покинули город, однако, мы можем предположить, что здесь обитали представители горских групп, происхо-

дивших из независимых («аширетных») маликств. К сведению, в материалах о репрессированных ассирийцах по состоянию на 1938 г. попадаются адреса на улицах Дзержинского (Алексеевская) [9, с. 247] и Ульянова [9, с. 155], расположенных неподалеку от Большой Покровской и Краснофлотской-Ильинской. Информанты о тех местах ни в 1994, ни в более поздние приезды автора, ничего не упоминали. Возможно, те адреса появились у арестованных несколько позже – часто семьи, несколько разбогатев на заливке калош и сопутствующей торговле обувным товаром, приобретали себе более хорошее жилье. Покидая полуподвалы, которые были предоставлены им при переселении в город. Здесь нам что-то могли бы сказать только потомки репрессированных.

Третий нижегородский анклав ассирийцев появился в Нижней части города, в Канавинском районе, в поселке Володарского, на нескольких улицах. К сведению, в послевоенный период большая часть «стоянок» чистильщиков обуви, на которых трудилось старшее поколение ассирийских семей, находилась неподалеку от этого места – возле железнодорожного Московского вокзала и на соседнем рынке (на жаргоне потомков местных семей – «базар-вокзал»). Подробный рассказ о расселении в городе ассирийских семей и об анклавах различных племен – тема отдельного исследования.

Одним из важнейших источников по истории нижегородской ассирийской диаспоры 1920 – 1930-х гг. и более позднего периода, являются материалы по репрессированным соплеменникам, собранные архимандритом Стефаном (Садо). Часть выявленной им в результате работы со следственными делами информации в 2017 г. была опубликована в книге «Мартиролог ассирийцев СССР» [9], однако, поскольку указанный исследователь продолжает свою работу, к настоящему времени у него появилось гораздо больше информации, как по уже известным персоналиям, так и по прежде неизвестным лицам. Надеемся, что в недалеком будущем о. Стефан издаст второе издание «Мартиролога…», на страницах которого окажутся все его новые находки.

Помимо самого Нижнего Новгорода (Горького), согласно выявленным сведениям о пострадавших в годы репрессий, ассирийцы упоминаются в таких городах, как Бор, Арзамас, Павлово, Семенов, Лукоянов, Выкса, а также Балахна и Сергач. Работающий над темой соплеменников, пострадавших в 1938 г., архимандрит Стефан (Садо) на данный момент собрал сведения из следственных дел порядка 65 человек, большинство из которых было арестовано в самом областном центре. Полное описание нижегородской ассирийской истории – дело отдельного большого разговора, который можно будет вести после максимального выявления возможной сохранившейся информации.

Источники и литература

1. Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // Советская археология. – 1974. – №2. – С.213-222.

2. Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. – СПб., 1899.

3. Мельников-Печерский П.И. Очерки поповщины. // Собрание сочинений в восьми томах. Т.7. – М.: «Правда», 1976. – С.191-555.

4. Селезнев Н.Н. Ассирийская Церковь Востока. исторический очерк. – М., 2001.

5. Михайлов С.С. Верхневолжская Ассирия. История формирования ассирийских городских диаспор в 1920-1930-х гг. – М.: «Квадрига», 2020.

6. Михайлов С.С. К изучению нижегородского ассирийского некрополя // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников II региональной научно-практической конференции, 11 февраля 2021 года. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – С.324-333.

7. Полное собрание резолюций Филарета митрополита Московского. Издание редакции «Душеполезного чтения». Т.1. – М., 1903. – 632 с.

8. Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. –Тифлис: Штаб Кавказского военного округа, 1904.

9. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920-1950-е годы). – СПб., 2017.

Раздел III.
НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ В XX ВЕКЕ

ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ДАЛЕКОГО 1917 ГОДА. ПОГРОМЫ БЕЗ ГРАНИЦ

Наталья Алексеевна Пакшина
Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева,
к.т.н., доцент кафедры прикладной математики
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: nataliapakshina@mail.ru

В статье рассматриваются события осени 1917 г., происходившие на границе Нижегородской и Пензенской губерний. Акцент сделан на такую форму аграрного крестьянского движения, как грабеж состоятельной части сельского населения, прежде всего крупных землевладельцев. Говорится также о кризисе властей на местах накануне установления советской власти.

Ключевые слова: *грабежи; погромы; Нижегородская и Пензенская губернии; комиссары Временного правительства.*

Как известно, в октябре–ноябре 1917 г. в Нижегородской губернии и смежных с ней территориях происходили страшные беспорядки. Разные авторы, в зависимости от их политических пристрастий и времени опубликования работ, при описании этих событий употребляли разные слова. Например, в одном из учебников советского периода мы прочтем слова «революционное движение» и «выступления крестьян» [1, с. 117]. В последние годы процессы, происходившие в то страшное время, называют «аграрно-крестьянским движением» [2, с. 8].

Очень часто исследователи, а особенно краеведы, описывают события тех лет с привязкой к местности. При подобном подходе нередко вне пределов рассмотрения оказываются пограничные области. Анализ архивных документов показал, что наиболее часто грабительским нападениям подвергались хозяйства, расположенные непосредственно на границах волостей, уездов, а в ряде случаев и губерний. Эту особенность отметил саранский историк С.В. Кистанов. Он писал: «Аграрное движение в Саранском уезде вспыхнуло с новой силой в связи с крестьянским движением в соседнем Лукояновском уезде Нижегородской губернии, причем документы саранского уездного комиссара прямо говорят о “перекатывании” погромной волны из одного уезда в другой» [3, с. 64].

Для рассмотрения вопроса попробуем обратиться к документам более чем вековой давности, к телеграммам, которые непрерывно, ежедневно передавались с мест событий и были адресованы комиссарам Временного правительства, и их ответным приказам. В этих сообщениях мы чаще можем встретить непривычные для современного читателя сокращения «Гу-

ком» и «Узком». Первое означает Губернский комиссар Временного правительства. В 1917 г. после Февральской революции они заменили губернаторов. А второе – уездный комиссар, это должностные лица, находившиеся в непосредственном подчинении гукомов [4, с. 37]. А еще в качестве адресатов или отправителей нередко встречается слово «милиционер». Напомним, что в феврале–марте 1917 г. органы полиции были упразднены и заменены структурой губернской милиции при Временном правительстве России.

В данной статье подробно остановимся только на событиях, которые происходили на самой границе Нижегородской и Пензенской губерний. Там беспорядки в виде грабежей начались несколько раньше, чем в самих уездах. Узнать об этом удалось благодаря сохранившимся телеграммам в Арзамасском архиве (далее – ГАНО, г. Арзамас) [5, д. 13]. Рассмотрим достаточно короткий период 1917 г., начиная с 11 октября по 11 декабря. Процитируем некоторые телеграммы. В большинстве документов отсутствуют знаки препинания, тем не менее, позволяют представить суть происходящего.

Например, 11 октября 1917 г. Саранский комиссар телеграфирует как Лукояновскому уездному комиссару, так и в Нижний Новгород губернскому. В телеграммах говорится: «Граждане села Протасово Лукояновского уезда вооружены ружьями выгнали около ста человек, произвели нападение экономию Борисова деревне Грабовке Саранского уезда увезли сто мешков около пятисот пудов россыпной ржи, принадлежащей Саранской ПродУправе. Прошу принять меры задержать грабителей. Тчк. **Нет сил что-нибудь сделать, помогите**, давайте солдат, **пожар готов охватить весь уезд** (*выделено нами – **Авт.***). Тчк. Сегодня ожидается погром Белецкого хутора. Не спокойно Болдинской волости» [5, д. 13, л. 133, 135].

В газете «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» № 57 от 29 октября 1917 г. появилось объявление следующего содержания: «Погромное движение в губернии с каждым днем разрастается, охватывая решительно все уезды. Мы получили сведения, что в последнее время в Саранском уезде разграблено крупное имение г. Юрлова и находящийся в нем конный завод высокой ценности» [6].

Конный завод, принадлежащий землевладельцу Георгию Ивановичу Юрлову, находился в деревне Старая Карачиха Богородицко-Голицынской волости Саранского уезда, на самой границе Нижегородской и Пензенской губерний ***(Приложение 6, илл. 1)***. Кстати, Г.И. Юрлов в период с 1893 по 1901 год являлся предводителем дворянства в Саранском уезде.

Этот конный завод подвергся нападению 19 октября [3, с. 64]. Какая связь с Нижегородской губернией? Судя по обнаруженной переписке,

в разграблении завода Юрлова принимали участие крестьяне опять того же села Протасова Лукояновского уезда ***(Приложение 6, илл. 2)***.

Как видно по карте, Протасово находилось от границы уезда и губернии приблизительно в трех верстах, а от мест разграблений в четырех–пяти, соответственно. В ГАНО, г. Арзамас сохранилось несколько телеграмм за ноябрь месяц, в которых говорится не о самом разграблении, а о ликвидации последствий нападения на этот конезавод.

Одна из них датирована 14 ноября 1917 г. и отправлена из города Саранска Пензенской губернии Лукояновскому уездному комиссару. В ней сообщалось о том, что «…20–22 октября сего года был разграблен конезавод землевладельца Г.И. Юрлова… Почти всех лошадей удалось отобрать от громивших крестьян и передать их владельцу. В настоящее время остались не отобранными две матки, являющиеся очень редкими экземплярами рысистой породы. В виду того, что лошади завода Юрлова являются громадной ценностью для Государственного коневодства, возвращение этих маток безусловно желательно для целей коневодства прошу оказать возможное содействие к отобранию их от похитителей по справкам лошади находятся у крестьян села Протасово Лукояновского уезда Василия и Федора Измайловых. Одна темно-сивой масти, другая серой.

Уездный Комиссар » [5, д. 13, л. 4–4 об.].

Буквально на следующий день, 15 ноября, было отправлено распоряжение начальнику милиции 4-го участка Лукояновского уезда: «…Прошу принять всевозможные меры к отобранию от крестьян села Протасово указанных двух лошадей и передачи их Г.И. Юрлову или его доверенному» [5, д. 13, л. 3].

А 25 ноября 1917 г. Лукояновский Уездный Комиссар М.И. Самохвалов получил следующее донесение: «Представляя настоящую переписку доношу, кобылы от жителей отобраны и переданы Юрлову». Его подписал начальник милиции 4-го участка Лукояновского уезда Г. Горбунов [5, д. 13, л. 2].

Что касается лошадей, то 22 из них действительно были возвращены, а вот реквизированное продовольствие крестьяне отказывались возвращать помещику Юрлову, а это ни много ни мало – 496 пудов ржи, 225 пудов овса, 28 пудов муки, 2 мешка гороха [3, с. 65; 7, д. 2, л. 7].

Судя по текстам телеграмм, погромы продолжались и в декабре. В качестве примера приведем еще одну депешу, касающуюся попыток остановить произвол. В ней говорится о том, что «Из Нижнего Новгорода прибыла 11-го декабря команда в количестве 21 гусара и 10 человек пехотинцев. Кавалерия находится в Вашем распоряжении для восстановления порядка в г. Починки и окрестностях…» [5, д. 13, л. 27]. А это позволяет

утверждать, что в первой половине декабря крестьянские волнения еще продолжались.

Любопытно, что окончание деятельности М.И. Сумгина в качестве губернского комиссара относится к 11 декабря 1917 г. Именно этим числом датирован первый официальный документ, подписанный представителем Советской власти [8, с. 106]. Уже будучи предупрежденным о передаче полномочий, гуком в последние дни своей службы продолжал отдавать приказания, направленные на поддержание порядка на территории губернии.

Итак, в Государственном архиве Нижегородской области, г. Арзамас было обнаружено дело, состоящее из большого количества телеграмм за 1917 год в адрес комиссаров Временного правительства, как уездных, так и губернских.

В данном исследовании мы остановились только на происшествиях, имевших место на юге Нижегородской и севере Пензенской губерний. На фоне других событий, таких как убийства, насилия, сожжения имений помещиков и хуторов зажиточных крестьян, ежедневно происходивших в страшную осень 1917 г. в этих губерниях, описанные в данной статье события не кажутся из ряда вон выходящими. Ограбление экономии, конного завода – наиболее характерные, типичные проявления крестьянских выступлений накануне установления советской власти. Нужно признать, что комиссары Временного правительства оперативно реагировали на сигналы с мест и принимали самые активные меры по прекращению беспорядков в этом регионе. Тем не менее, волна разграблений накрыла все Поволжье. И коснулось это, в первую очередь, пограничных населенных пунктов.

Источники и литература

1. Чемоданов Л.А. История Горьковской области: учебное пособие. – Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1975. – 200 с.

2. Кистанов С.В. Уездные органы власти и милиция в борьбе с аграрно-крестьянским движением в Саранском уезде осенью 1917 г. // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 1 (4). – С. 8–19.

3. Кистанов С.В. Аграрное движение в Саранском уезде в октябре-ноябре 1917 г. // Экономическая история. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 60–71.

4. Пакшина Н.А. Тревожная осень 1917 года на юге Нижегородской губернии // Вопросы истории и археологии: сборник научных статей, ООО НИЦ «АБСОЛЮТ». Выпуск 1. – 2021. – С. 36–43.

5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас). Ф. 236. Оп. 1.

6. Известия рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – 1917. – 29 октября. – URL: http://arhiv-pnz.ru/action/100let/november1917-1

7. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-13. Оп. 1.

8. Давыдова Е.А., Субботина И.А. Личность в революционных событиях 1917 г. в Нижегородской губернии: М.И. Сумгин // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XV Региональной научно-практической конференции / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 104–107.

Автор благодарит работников читального зала ГАНО, г. Арзамас за помощь в поиске материалов.

КРЕСТЬЯНСКИЙ МЯТЕЖ В ДЕРЕВНЕ СЕМЕНОВСКАЯ СЕРГАЧСКОГО УЕЗДА В 1919 Г.: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЕ

Олег Владимирович Ефимов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru

В статье на основе местного конкретно-исторического материала раскрываются причины крестьянского мятежа и реакция органов власти на выступление граждан деревни Семеновская Сергачского уезда.

Ключевые слова: *восстание; мятеж; репрессии; конфискация; контрибуция; крестьяне; революция; продотряд; трибунал.*

Гражданская война – более страшная катастрофа, чем противостояние с внешним противником. Она раскалывает общество, народы, семьи и даже саму личность человека, носит тотальный характер, разрушает всю систему общественных отношений и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго предопределяют жизнь социума и государства. В гражданской войне нет тыла, она разрушает всю систему хозяйства, весь общественный уклад и жизнеустройство.

После Февральской революции, когда произошел слом старой государственной системы, по Нижегородской губернии, как и по всей России, стала «расползаться» вялотекущая гражданская война. Пришедшая к власти либеральная буржуазия оказалась неспособной решать важнейшие социальные проблемы.

Во всех уездах началась разгромная волна помещичьих усадеб. Крестьянство делило землю, инвентарь, имущество, уничтожало все, что связано с помещичьим землевладением. Вырубался лес, угоняли скот, уничтожались хозяйственные постройки. Нижегородскую губернию охватила анархия. Временное правительство оказалось неспособным подавить общественный хаос, что привело к разрушению хозяйственного потенциала губернии, следствием чего стал голод, эпидемии, гибель людей.

Пришедшие к власти большевики поняли, что важнейшей задачей перед их правительством является предотвращение разраставшегося бунта.

Он был намного опасней любой другой угрозы, так как его разрушающая сила несла гибель любой власти, государству и обществу. В условиях хаоса нельзя совершить важнейшие социальные преобразования, которые устранят социальные противоречия, ставшие причиной революционных потрясений. Советское правительство понимало необходимость восстановить порядок, государственную систему, действующую в интересах большинства и дающую возможность обществу жить и развиваться.

Поэтому советские структуры власти параллельно с социальными преобразованиями и строительством новой государственности жестко подавляли силы анархии и силы, сопротивляющиеся этим преобразованиям.

Необходимо сделать важную оговорку: рассматривать и анализировать социальные конфликты масштаба революции с позиции абстрактного гуманизма в лучшем случае некорректно. Отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к минимуму страданий и крови, а не к их отсутствию. Власть в экстремальной ситуации вынуждена принимать непопулярные карательные меры, а такие действия ведут к гораздо меньшим жертвам, чем бездействие властей.

Без сомнения, в процессе репрессий погибали и невинные люди, не имеющие никакого отношения к антигосударственным акциям. Это связано с тем, что губернские и уездные ЧК создавались уже в обстановке войны, и в их «молекулярных» делах было много эксцессов, произвола и преступлений. Правовая система только-только формировалась, местные органы власти, в том числе, ревтрибуналы руководствовались «классовым чутьем».

Такая несправедливость со стороны властей приводила к дополнительным конфликтам с обществом. В Нижегородской губернии из-за превышения властями своих полномочий произошло четыре крупных восстания: два выступления крестьян в Сергачском уезде, мятежи в Макарьевском и Васильском уездах [1, с. 136].

Многое определялось обстановкой, многое – кадрами. Во время любого общественного потрясения со дна поднимается множество ущербных, обиженных и злобных людей, которые тянутся к власти и, особенно, к карательным органам – там они отводят душу. Более того, к Советской власти примкнуло огромное число людей, этой власти органически враждебных. В Нижегородской губернии большевики не обладали достаточным количеством проверенных кадров, чтобы ими заполнить самые ответственные посты.

В Сергачском уезде произвол со стороны органов власти принял еще более трагические последствия. Деятельность комбедов и коммунистических ячеек в конце 1918 г. в деревне Семеновская в борьбе с кулачеством принимало самые грубые формы, что настраивало население против Советской власти. Отборы продуктов и вещей не только у зажиточных граждан, но и у середняков стали заурядным явлением. Производились обыски без соблюдения установленных правил. Отобранные вещи не всегда поступали по назначению. Все это возмущало население, и 13 января недовольство вылилось в форму открытого выступления в татарской деревне Семеновская той же волости [2, с. 162].

Надо сделать общую оговорку: нельзя воспринимать отбор продуктов и вещей как естественное и закономерное событие. В 1918 г. Советское правительство в связи с угрозой голода и сложившейся чрезвычайной ситуацией ввело законы о «хлебной монополии и продразверстке». Отменялись рыночные отношения, все излишки продовольствия сдавались государству для равномерного распределения среди жителей городов и армии. Это мероприятие правительства было непопулярным. Поэтому власть очень рисковала, вводя эти законы. Однако в условиях экстремальной ситуации отмена рыночных отношений и переход на уравнительное распределение является мерой общепринятой. Такие законы издавали царское и Временное правительства. Но реализовать их они не смогли, что стало одной из причин свержения последних. Подобные меры были введены во всех ведущих странах Европы во время Первой мировой войны. Правительства требовали изъятия излишков продовольствия и вещей, чтобы передать остро нуждающемуся населению. К сожалению, и очень часто исполнительные органы на местах использовали конфискации и изъятия с нарушением законов, что приводило к социальным конфликтам.

Накануне конфликта в деревне Семеновская, 12 января, в село Пошатово, которое находилось в двух верстах от Семеновской, приехал комиссар по обыскам спрятанных излишков продовольствия. С ним были четыре коммуниста. Получив необходимые документы для реквизиций, 13 января 1919 г. они прибыли в деревню Семеновская. Проходя по дорогам, они встретили обучающуюся военному делу молодежь. В адрес продотряда с их стороны раздались оскорбительные крики: «Вот идет Чрезвычайка грабить нас! Дармоеды приехали!» На следующий день после занятий они разошлись по домам и через некоторое время, в 5 часов вечера, стали группами собираться на улицах деревни Семеновской с песнями, играя на гармонях. Некоторые молодые люди были в нетрезвом состоянии. Толпа направилась вдоль улицы. В это время комиссар Вогатов с четырьмя коммунистами производил обыск у зажиточных граждан села. Подойдя к месту обысков, толпа окружила обыскивающих и вступила с ними в пе-

репалку на повышенных тонах. Словесный конфликт перешел в драку, в результате четыре коммуниста были убиты с особой жестокостью, а пятый, Бердников, ранен. Возбужденная толпа направилась к зданию волостного Совета, намереваясь грабить его. Однако стали раздаваться голоса, что этого делать не надо, поскольку могут быть применены карательные меры со стороны органов власти. Об угрожающем поведении толпы еще ранее было сообщено в окрестную деревню, откуда вскоре появился продотряд, бывший в Пошатове, и несколько отрядов коммунистов. Прибывший в Семеновскую продотряд произвел несколько выстрелов в воздух, которыми толпа была разогнана. Вскоре появился член учрезвычкома Алеев из Уразовки с большим отрядом красногвардейцев [3, д. 5, л. 317].

Трагические события быстро дошли до губернского Иногороднего отдела и губернской Чрезвычайной комиссии. Убийство четырех коммунистов при исполнении должностных обязанностей в условиях военного положения и гражданской войны считалось тяжким преступлением.

В Семеновскую был направлен член учрезвычкома Алеев из Уразовки с большим отрядом, и по указанию председателя волостного Совета Алимова стал разыскивать виновных. Однако никаких следственных мероприятий Алеев проводить не стал, действовал по принципу «революционной целесообразности». Его отряд без разбора начал расправы над жителями деревни. Людей арестовывали, изымали имущество и без суда расстреливали. По свидетельству очевидцев, Алеев встретил на улице двух арестованных и, узнав, что один из них мулла, тут же его застрелил. К девяти часам вечера из Сергача в Семеновскую прибыл «летучий» (быстрого реагирования) отряд Михельсона. Деревня и волость находились на военном положении, там ввели комендантский час, расставили посты, начали патрулирование. Было объявлено о розыске виновных. Алеев составил списки подозреваемых, в которые попало много граждан, не имеющих отношения к убийству членов продотряда. В помещение волостного Совета согласно списку приводились жители деревни и без спроса, без снятия показаний расстреливались Михельсоном. В течение ночи с 13 на 14 января было расстреляно 30 человек. Перед расстрелом арестованных обыскивали; деньги и драгоценности отбирали, одежда тут же снималась. 14 января Михельсон и Алеев для обеспечения семей убитых работников продотряда наложили на жителей контрибуцию и штрафы. У людей отбирали деньги и личные вещи. Если граждане села не могли заплатить, то они подлежали расстрелу. В результате бесчинства отрядов Алеева и Михельсона в деревне Семеновской было расстреляно 50 человек [3, д. 5, л. 318].

Однако власть расценила (и справедливо) действия своих исполнительных и карающих органов как преступление по отношению к населе-

нию. Была создана специальная комиссия при ЧК и революционный трибунал, проведено расследование всех действий Михельсона и Алеева. Крестьяне деревни Семеновской дали подробные свидетельские показания о произошедшем преступлении. Тот факт, что крестьянство не испугалось, подробно ответило на вопросы следственной группы и раскрыло злодеяния карателей, говорит о доверии населения к власти, о вере в то, что власть способна прекратить несправедливость и наказать виновных.

Михельсон и Алеев были признаны виновными по пяти пунктам: «1. Прибыв с отрядами в Семеновскую, они расстреляли пятьдесят человек, чья вина не установлена. 2. Незаконно наложили штрафы. 3. Не приняли мер к устранению грабежей. 4. Неугодных для себя лиц выдали как участников восстания. 5. Конфискованные вещи оставили у себя» [3, д. 5, л. 318].

По приговору Военного революционного трибунала Михельсону и Алееву была вынесена высшая мера наказания – расстрел [3, д. 5, л. 318].

Власть беспощадно вела борьбу как в судебном порядке, так и с использованием вооруженной силы со «своими», которые самочинно затягивали конфликт. В Нижегородском архиве сохранилось очень большое количество документов ВЧК, ревтрибуналов и других ведомственных распоряжений и постановлений, где выносились взыскания, судебные и трибунальные постановления к должностным лицам, превысившим свои полномочия и нарушившим законы.

Способности подняться над схваткой, «презирая страдания своих», не имела в тот период ни одна из существующих в России политических сил – только большевики. Но это и есть инстинкт государственности.

Источники и литература

1. Ефимов О.В. Аграрные отношения в 1917–1920 гг. (На материале Нижегородской губернии): монография. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019.

2. Революционные события в Нижегородской губернии (1917–1920 гг.): хрестоматия / сост.: О.В. Ефимов; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас, 2018.

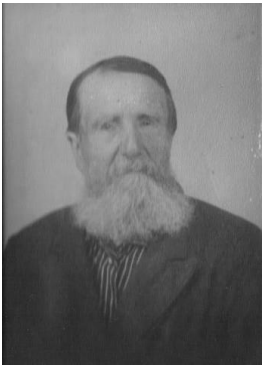
3. Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-168. Оп. 5.

СОЛОВЬЁВ ФАДЕЙ ПАНКРАТЬЕВИЧ: ВЕХИ ЖИЗНИ

Светлана Владимировна Завьялова[1], Александра Арефьевна Завьялова[2]
[1] Филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Новгороде, к.и.н., преподаватель
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: zavyalova_sv@mail.ru;
[2] МБОУ «Школа 60», учитель истории
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: zavialova_a@mail.ru

В статье рассказывается о судьбе Фадея Панкратьевича Соловьёва, в которой отразилась история страны первой половины XX века.

Ключевые слова: *Фадей Панкратьевич Соловьёв; гражданская война; коллективизация; Великая Отечественная война.*


Ф.П. Соловьёв

Фадей Панкратьевич Соловьёв родился 3 сентября 1890 г. Родители: отец – Панкрат Харизанович, мать – Василиса Агафоновна [1]. Панкрат Харизанович – умный, здоровый, красивый; Василиса Агафоновна, родом из деревни Яковлево Карповской волости Варнавинского уезда Костромской губернии, по тем временам считалась грамотной, окончила гимназию. В их семье было трое детей: Устинья, Фадей и Иван.

В начале XX века Панкрат Харизанович в поисках лучшей доли «ходил» на реку Лена на Алданские золотые прииски, взяв с собой при этом 9-летнего тогда Фадея. Тонкинцы и жители других деревень, начиная с конца XIX века, по обыкновению выезжали в Сибирь на Ленские золотые прииски, где вступали в артели и нанимались на работу к хозяину-золотопромышленнику [2, с. 8].

Ближайшей железнодорожной станцией от села Тонкино Варнавинского уезда Костромской губернии была станция Шарья (северной железной дороги) [2, с. 8].

К тому времени была построена Транссибирская железнодорожная магистраль, по которой они и добирались до золотых приисков на Лене. Три года Пакрат Харизанович и Фадей пробыли в Сибири, искали золото, но не нашли. Кормили там их плохо, они голодали, спали в холодных бараках, приехали домой простуженные, в одних лохмотьях. Однажды Василиса Агафоновна пошла вечером по воду на колодец и увидела под березой две тени, подбежала, а это стояли вернувшиеся с золотых приисков муж и сын.

В 1912 г. Фадей Панкратьевич женился, взяв в жены Анну Нестеровну Думину из деревни Малое Долгополово Варнавинского уезда Костромской губернии. Вообще жениться он хотел на ее младшей сестре, 16-летней Марии, которую любил. Но, когда Фадей приехал к ее отцу –

Нестору Аксеновичу Думину – сватать Марию, Нестор распорядился отдать в жены Фадею старшую Анну со словами: «Мария у нас еще в куклы играет, у нас старшая Анна, бери ее замуж». В те времена считалось зазорным, неприличным, если жених посватался, а ему отказали в невесте. И Фадею ничего не оставалось, как взять в жены Анну Нестеровну. Она была старше Фадея на четыре года, рукодельница, неграмотная, но отличалась крепкой памятью на имена, фамилии и даты. В семье Фадея и Анны и Фадея родились Фекла 1915 г.р., Павел 1916 г.гр., Анна 1921 г.р., Александра 1927 г.р., Арефий 1928 г.р., Николай 1936 г.р.

Родители и подраставшие дети работали в поле, на огороде: пахали, сеяли, убирали урожай. Кроме того, в долгие зимние вечера Фадей плел лапти и шил лукошки, а Анна их продавала.

В годы Первой мировой войны Фадей Панкратьевич был призван на фронт, но на фронте был недолго, приехал с войны в хороших сапогах. Сохранилась его фотография в военной форме.

После Первой мировой войны началась война гражданская, расколовшая общество на «белых», «красных» и «зеленых». Уренское восстание крестьян, сопротивлявшихся продовольственной диктатуре Советской власти в 1918 г., было подавлено. Многие из примкнувших к этому восстанию были расстреляны, в том числе, родной брат Фадея – Иван Панкратьевич Горячкин.

Многие повстанцы не сложили оружия. Вместо открытого сопротивления Советской власти они перешли к формированию антисоветских группировок (их члены называли себя «зелеными», а власть и население – «бандитскими группами») и скрывались в глухих лесах Поветлужья [3, с. 165].

У Фадея Панкратьевича из деревни Катайское «бандиты» увели корову, «накинув на рога лямочку». «Бандиты» оставляли записки с требованиями о том, что и куда необходимо им доставить. Фадея Панкратьевича заставили привезти в перелесок к починку Викуловский Карповской волости Варнавинского уезда Костромской губернии мешок муки, сотню яиц, четверть самогона, масло. Анна Нестеровна по требованию «бандитов» возила к лесу за деревню Полянское этой же волости корзину яиц и топленое масло. Около трех лет Соловьёвы жили в страхе, ночевали у тетушки Матрены Александровны и Максима Яковлевича Виноградовых, которые жили через дорогу [4].

На улицу вечером нельзя было выйти, были убийства. В селениях были так называемые «матки», которые поддерживали связь с «бандитами», подговаривали их расправиться с неугодным им человеком. Так случилось и с Фадеем Панкратьевичем. Как-то ночью в дом к Соловьёвым пришли «бандиты». Стали бить нагайками Анну Нестеровну. Босоногого

Фадея три человека повели из дома в полночь на расстрел к оврагу. Это были полянские бандиты, один из них – Петр Горячкин по прозвищу «Трепень» [4].

Стояла осень, было холодно. Деревня была опахана канавами на случай пожара. «Бандиты» стали закуривать, а Фадею на левое ухо как будто кто-то шепнул: «Беги». Фадей прыгнул через канаву, конвоиры выстрелили, но пули попали в стенку канавы, и «бандиты» «захлебнулись» пылью, Фадей убежал в дом к Алексею Орехову и его жене Марье, по желобу спустился в сарай. Хозяева спрятали его в карниз над двором. В деревнях было неспокойно.

Утром Фадей с односельчанами пошел по деревне домой с криком: «Люди добрые, ночью были “бандиты”». Он думал, что семью расстреляли. Пришли в дом. Василиса Агафоновна, потерявшая после подавления Уренского восстания младшего сына Ивана, упала с печи, увидев живым старшего из сыновей – Фадея. После того, как Фадея увели на расстрел, мать, встав на колени перед иконами, молила Бога о помощи и пощаде.

В целом с «зелеными» удалось покончить только в 1922 г., но их отдельные организованные нападения отмечались вплоть до 1924 г. [5].

Пришли годы коллективизации. В 1931 г. в числе отказавшихся вступать в колхоз жителей деревни Катайское Тонкинского района Нижегородского края оказался и Ф.П. Соловьёв.

«Наступил 1931 год. Этот год у многих людей остался в памяти. В этот год началось разорение нашего народа – раскулачивание. В это несчастное время попали и мои родители Соловьёв Фадей Панкратьевич и Соловьёва Анна Нестеровна. Осенью 1931 г. нас вывели из своего дома, подошел милиционер и повесил на двери наших домов замок. Мы сидели на дороге и смотрели, как повели двух коней, красавца Воронка и красавца Серко. Забрали дом небольшой новый и большой, уже не новый, он был предназначен для лета; двор, крытый тесом, новенький амбар, баню, погреб, выездную сбрую для лошадей, кошовочку для поездок на лошадях зимой, тарантас, телегу, сани, срубы 12 на 12, овин с повершкой для сушки снопов, машину-жатку (ее возили кони Воронок и Серко во время жатвы), сеялку, веялку, швейную машинку, тюк шерсти, шубы-барчатки отца и матери, самовар с чайной посудой, “новины” (тюки ткани из льна, изготовленные на ткацком стане), сундук большой деревянный. В сундук побросали кур, нас заставляли кур ловить, они улетали. Со двора вывели двух коров, годовалого бычка, 16 овец, 16 гусей, увезли картофель, заготовленный на зиму. Маму ругали и обзывали, она стояла вся в слезах и причитала, повторяя: “За что, за что”? А когда тащили самовар с чайной посудой, бабушка Василиса Агафоновна говорила, что совести нет, мелочники. До того озорничали, что срубили яблони» [6].

Фадей Панкратьевич был обложен сельскохозяйственным индивидуальным налогом за недоимку. Мотивировалось это тем, что в 1926–1929 гг. он занимался выработкой мочала якобы с применением наемного труда, арендовал землю на кабальных условиях в 1918–1921 гг. и в эти годы спекулировал хлебом. На основании этого имущество Ф.П. Соловьёва, его дом подлежали изъятию, а сам он был лишен избирательных прав. Сроки для ликвидации недоимок были установлены кратчайшие: 16 сентября 1931 г. Ф.П. Соловьёв обложен сельхозналогом в индивидуальном порядке, а в конце 1931 г. его хозяйство было уже ликвидировано, хозяин посажен в тюрьму.

В тюрьме к Фадею присмотрелся судья: ему нужен был человек, который работал бы по дому и нянчил ребенка. В Фадее он увидел человека мягкого, доброго, трудолюбивого. Жена у судьи работала прокурором. Фадея взяли в дом этой семьи. Фадей вспоминал об этом периоде жизни в доме судьи: «Жил как в царстве небесном». Фадей Панкратьевич готовил еду, гладил белье, занимался с мальчиком, его почитали в доме как отца.

Анна Нестеровна искала мужа, ездила в город Горький на подножке вагонов. Его отпустили из тюрьмы, оправдали. В 1932 г. глухой ночью Фадей возвратился в деревню Малое Долгополово, спрятался в бане у тестя. Анна Нестеровна вернулась с подарками от семьи судьи, привезла мешок с валенками, штиблетами; подушки, белые сайки, булки. В 1934 г. Фадей был восстановлен в избирательных правах, его признали середняком, а не кулаком.

В 1936 г. Ф.П. Соловьёв обратился в Краевое финансовое управление с заявлением о возвращении ему изъятого у него дома и имущества. Пятнадцатого марта 1936 г. бюро жалоб краевого финансового управления г. Нижнего Новгорода перенаправило это заявление Уренскому РАЙФО с предложением «проверить обстоятельства, изложенные в жалобе с учетом его заявления с тем, что якобы индивидуальное обложение снято, и жалобщик в избирательных правах восстановлен. Если индивидуальное обложение снято, то в этом случае за изъятый дом следует жалобщику возвратить деньги по страховой стоимости дома. Если индивидуальное обложение не снято, то и дом возвращению не подлежит, а также нет основания и к компенсации, тот самый факт восстановления в избирательных правах не может служить основанием возвращения дома». Краевое финуправление г. Нижнего Новгорода рекомендовало Ф.П. Соловьёву со всеми справками обращаться непосредственно в Уренское РАЙФО [7].

В крестьянском сознании труженика, пахаря-земледельца не находилось объяснения несправедливым действиям власти по ликвидации его хозяйства, более того, заключения в тюрьму. «Хождение по мукам», мытарства человека, пострадавшего от власти за свой труд, продолжались;

дом и имущество возвращены не были. Приходилось начинать жить с нуля, при этом семья была немаленькой, на иждивении была еще и старушка-мать Василиса Агафоновна. Менталитет человека того времени был устроен так, что он не представлял себе дальнейшей жизни без родимых мест, родной земли, родного гнезда, родного дома, в котором жили его родители, в котором он сам родился и появились на свет его дети.

Только в 2000 г. Фадей Панкратьевич благодаря стараниям его дочери – Александры Фадеевны Синцовой – был реабилитирован [8].

Так, в результате раскулачивания Соловьёвым пришлось расстаться с родными местами. После изъятия дома и хозяйства Соловьёвы переехали жить на Перевоз Уренского района Нижегородкого края (место, где находился перевоз через реку Уста, около деревни Красный Яр Уренского района Нижегородской области).

На Перевозе было лесное хозяйство: рубили лес, толкали его в реку. Начальником леспромхоза был некто Воробейчик. Он уважал Фадея Панкратьевича за трудолюбие. Ф.П. Соловьёва объявили стахановцем, лучшим рабочим, делающим по две нормы в день. В леспромхозе трудились и Павел Фадеевич – на гусеничном тракторе, и Фекла Фадеевна – вместе с отцом в лесу, и Анна Фадеевна – на разметке деревьев, и Анна Нестеровна – банщицей. Зарабатывали хорошо. За работу выдавали деньги на руки и материал (сатин). Однажды выдали 10 метров красного сатина, из которого сшили рубахи; в другой раз выдали сатин голубого цвета.

Со временем построили еще один большой барак на 22 комнаты с длинным коридором, на каждой стороне которого было по 11 комнат. Соловьёвы получили комнату в новом бараке, и к ним опять приехала бабушка Василиса Агафоновна, она уже плохо ходила и плохо видела. На Перевоз приехало много работников, всех разместили в этот барак, а рядом построили еще один барак для холостяков. Мужчины валили лес. Фадей Панкратьевич работал лесорубом, Павел Фадеевич – трактористом. По выходным дням и вечерами Соловьёвы выполняли другую работу, толкали лес в реку, за работу также выдавали деньги на руки. Потом в деревне Красный Яр построили пекарню, там переселенцы покупали хлеб. В бараке в одной из комнат был магазин, в нем продавали конфеты, печенье, водку, мыло, спички, но мало продуктов. Хлеб был очень вкусный, белый хлеб ели с чаем, на Перевозе дети узнали, что такое пряники, конфеты. Потом построили магазин в деревне Красный Яр.

Около 1936 г. Н.А. Думин приехал к дочери и зятю на Перевоз и сказал: «Фадей Панкратьевич, Анна Нестеровна, не пора ли вам с Перевоза уезжать? Будет страшная война».

В 1940 г. Соловьевы возвратились жить в деревню Катайское Тонкинского района Горьковской области. Здесь в старой избе Соловьёвых

жила Аграфена Мироновна Ершова (двоюродная сестра Фадея Панкратьевича), а Соловьёвы стали жить в новой. Соловьёвым были возвращены деньги по страховой стоимости дома (по словам старожилов, небольшая сумма).

Великая Отечественная война принесла горе в семью Соловьёвых. С фронта не вернулся Павел Фадеевич. Получив в бою смертельное ранение, он умер 9 февраля 1944 г. в киевском госпитале.

В войну и после Великой Отечественной войны в доме Соловьёвых размещалась школа.

После войны колхозами возвращалась земля, незаконно занятая предприятиями, учреждениями и отдельными колхозниками, приусадебные участки которых превышали установленные нормы. В 1947 г. приусадебный участок Ф.П. Соловьёва был урезан наполовину. Крестьянин, вся жизнь которого была связана с землей, не мог смириться с решением правления колхоза «Свободный труд» об ограничении его в землепользовании; с ним проживал его сын Арефий 1928 г.р., в семье воспитывался внук Владимир Дмитриевич Соколов 1941 г.р., в одной с ним деревне проживала дочь Анна Фадеевна Карасева. Земля помогала выжить в трудные голодные годы, «кормила» и семью, и домашний скот, расстаться с нею было немыслимо. Фадей Панкратьевич обратился с жалобой в исполком Горьковского областного совета депутатов трудящихся. Областной исполком 31 июля 1948 г. направил председателю Тонкинского райисполкома С.С. Минееву (копия – Ф.П. Соловьёву) следующее разъяснение: «Направляется Вам жалоба престарелого гражданина Соловьёва Ф.П. из колхоза “Свободный труд” о самовольной отрезке половины его приусадебного участка.

По существу данной жалобы разъясняем, что престарелые члены колхоза имеют право на сохранение ранее закрепленного за ними усадебного участка, к тому же изменять размер усадебного участка без утверждения райисполкома правление колхоза не может.

Облисполком поручает Вам разобраться с данной жалобой, проверить положение на месте и принять соответствующие меры. О принятых мерах сообщите заявителю.

Срок исполнения 15 дней…» [9].

Третьего августа 1948 г. состоялось общее собрание сельхозартели «Свободный труд». На основании выписки из протокола этого собрания известно, что на нем разбирали заявление Ф.П. Соловьёва о восстановлении ему приусадебного участка до 0,5 га. По сути заявления выступил Агафон Семенович Виноградов со словами, что надо восстановить приусадебный участок до 0,5 га Ф.П. Соловьёву как добросовестно работающему колхознику, так как он убывал из колхоза по

решению исполкома райсовета. Колхозники Е.Л. Субботин, Н.В. Комаров, Ф.И. Большакова также поддержали это предложение А.С. Виноградова. Общее собрание единогласно постановило восстановить Ф.П. Соловьёву приусадебный участок. до 0,5 га как колхознику, честно работающему на общественных работах в колхозе, ежегодно перевыполняющему установленный годовой минимум трудодня [10]. Таким образом, размеры приусадебного участка Ф.П. Соловьёва были восстановлены.

По поводу назначения пенсии Фадею Панкратьевичу опять пришлось хлопотать. Сохранилось его письмо К.С. Ворошилову (в 1953–1960 гг. он являлся председателем Президиума Верховного Совета СССР). Дата на письме отсутствует.

«Письмо товарищу Ворошилову Климентию Ефремовичу от колхозника Соловьёва Фадея Панкратьевича Горьковской области Тонкинского района Полянского сельсовета деревня Катайское в том, что мой сын Соловьёв Павел Фадеевич убит в Отечественную войну. Документы все есть в райсобесе. Я, Соловьёв Фадей Панкратьев, подавал заявления в счет пенсии. Но мне Соловьёву отказали, районное гособеспечение поставило протест, что якобы, когда взяли моего сына в ряды Красной Армии, мы с ним работали в Устанском мехлесопункте. Взяли сына в армию в 1939 г., сын работал в качестве тракториста, а я, его отец, лесорубом. Мой заработок 280 рублей в месяц. Районное гособеспечение поставило протест, что якобы я, Соловьёв, его отец, находился не на его иждивении. Но я, конечно, не на его иждивении был, когда я был молодой. Но теперь прошу, товарищ Ворошилов, выделить мне хотя бы небольшой паек, так что я уже собирать милостыню не могу. Мне, мой год рождения 1890, живем мы со старухой двое. Старуха получает 227 рублей ежемесячно, документы все в районном гособеспечении. Мне их не дают, хотя бы похлопотать. Мое старое дело, я ходить не могу, это все, товарищ Ворошилов, действительно, но ведь когда я был молодой, я кормился сам. Но теперь прошу выделить паек, я не хочу позора такого, чтобы просить милостыню, это позор, чтобы отцы убитых детей сидели без хлеба. К сему Соловьёв» [11].

А.Н. Соловьёвой с 18 июля 1954 г. была назначена пенсия за погибшего сына в размере 112 рублей.

Одиннадцатого февраля 1965 г. Ф.П. Соловьёву было выдано пенсионное удостоверение члена колхоза «Ленинский путь» Тонкинского района Горьковской области. Пенсия по старости была назначена пожизненно с 9 января 1965 г. в размере 12 рублей [12].

Фадей Панкратьевич был любителем ходить за грибами, Анна Нестеровна слыла очень экономной, бережливой хозяйкой, у нее все ценное в хозяйстве находилось под замочком. Долгими осенними

и зимними вечерами Анна Нестеровна ходила к соседке Киликее Павловне Виноградовой побеседовать, узнать деревенские новости; Фадей Панкратьевич оставался дома, он любил жарить на печке-буржуйке картофельные пластинки, а летом наводил себе квас с толченым в ступе зеленым луком [13].

Весной возле их дома цвели яблони, черемухи. Соловьёвы после Великой Отечественной войны в своем хозяйстве, кроме домашнего скота, держали пчел, у них были ульи.

В марте 1962 г. семья сына Соловьёвых, Арефия Фадеевича, переехала на новое место жительства – станцию Тоншаево Тоншаевского района Горьковской области. Фадей Панкратьевич и Анна Нестеровна теперь редко могли видеть своих любимых внуков, а после долгожданных встреч расставания были особенно тяжелыми, со слезами и причитаниями. Бабушка и дедушка, опершись на палочку, провожали детей за околицей деревни долгим взглядом, пока внуки не скроются из глаз.

Фадея Панкратьевича не стало 18 октября 1966 г., Анны Нестеровны – 24 ноября 1973 г. Гигантская энергия, заложенная родителями, неустанное трудолюбие, идущее от земли, от крестьян проявились и в их сыне Арефии Фадеевиче…

Источники и литература

1. Соловьев Фадей Панкратьевич. Свидетельство о рождении // Хранится в личном архиве А.А. Завьяловой.

2. Зуйков М.С. История возникновения (машинописный текст) // Администрация Тонкинского района Нижегородской области. Тонкино. С. 8.

3. Завьялова С.В. Крестьянское восстание в Поветлужье 1918 г.: монография. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014.

4. Воспоминания А.Ф. Карасевой, А.Ф. Синцовой, записанные А.А. Завьяловой 14.08.2012 г., 08.08.2011 г. // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

5. Зуйков М. Ларионовская трагедия // Красное знамя (Тонкино). – 1978. – 18 марта.

6. Воспоминания А.Ф. Соловьёвой (Синцовой) (рукопись, 2002 г.) // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

7. Копия ответа гражданину Соловьеву Ф.П. д. Катайское из краевого финансового управления 15.03.1936 г. // Хранится в семейном архиве Завьяловых.

8. Справка из ГУВД Нижегородской области от 19.04.2000 г. № 7/6390 // Хранится в семейном архиве В.Н. Синцова.

9. Копия ответа Исполнительного комитета Горьковского областного Совета депутатов трудящихся 31.07.1948 г. № 3524 председателю Тонкинского райисполкома тов. Минееву С.С., копия гр. Соловьеву Ф.П., дер. Катайское Тонкинского района Вахрамеевского сельского совета // Хранится в семейном архиве Завьяловых.

10. Выписка из протокола общего собрания членов сельхозартели «Свободный труд» Вахрамеевского сельского совета Тонкинского района Горьковской области № 26 от 03.08.1948 г. // Хранится в семейном архиве Завьяловых.

11. Письмо К.Е. Ворошилову от колхозника Соловьева Ф.П. Горьковская область Тонкинский район, Полянский сельский совет, дер. Катайское (рукописный текст) // Хранится в семейном архиве Завьяловых.

12. Пенсионное удостоверение Ф.П. Соловьёва // Хранится в семейном архиве Завьяловых.

13. Воспоминания Л.А. Лебедевой (Соловьёвой), записанные А.А. Завьяловой 01.08.2016 г. // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ ФРОНТОВЫХ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ БРИГАД НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(на материалах Горьковской области)

Евгений Ильич Подрепный[1], Дарья Сергеевна Бажанова[2]

[1]Сочинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории

Россия, Краснодарский край, г. Сочи, e-mail: podrepnyy@yandex.ru;

[2]Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Школа № 54» г. Нижний Новгород, учитель истории и обществознания

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород

e-mail: dashkabazhanova@mail.ru

В 2021 г. исполнилось 80 лет движению фронтовых комсомольско-молодежных бригад на предприятиях Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Советская историография трактовала это движение как проявление советского патриотизма, новую форму социалистического соревнования. Патриотическое движение комсомольско-молодежных бригад возникло в октябре 1941 г. по инициативе В.Ф. Шубина на Горьковском автозаводе и бригады М.Ф. Попова с Уральского машиностроительного завода. Движение фронтовых бригад получило широкое распространение на предприятиях промышленности Горьковской области. В настоящей статье сделана попытка раскрыть некоторые проблемы становления фронтовых комсомольско-молодежных бригад на основе анализа современной историографии и рассекреченных архивных документов.

Ключевые слова: *бригада; война; движение; молодежь; производство; соревнование.*

В историю Великой Отечественной войны прочно вошел термин «фронтовая комсомольско-молодежная бригада». Фронтовая комсомольско-молодежная бригада – звание, присваиваемое в годы войны рабочей бригаде, систематически выполнявшей производственные задания на 150–200 и более процентов, добивавшейся высокой квалификации всех членов, являвшейся образцом на производстве и в быту. Патриотическое движение комсомольско-молодежных бригад возникло в октябре 1941 г. по инициативе В.Ф. Шубина на Горьковском автозаводе и бригады М.Ф. Попова с Уральского машиностроительного завода. Под девизом «В труде, как в бою!» к ноябрю 1943 г. на предприятиях промышленности и транспорта страны трудилось около 36 тыс., а к концу 1944 г. – более 145 тыс. комсомольско-молодежных бригад. Звание фронтовых бригад к ноябрю 1943 г. завоевали свыше 17 тыс., а к концу 1944 г. – около 52 тыс. бригад. Всего в комсомольско-молодежных бригадах к 1944 г. состояло 400 тыс. юношей

и девушек. К августу 1945 г. в стране насчитывалось 154 тыс. комсомольско-молодежных бригад, объединявших свыше 1 млн. юношей и девушек [1, с. 311–312].

Движение фронтовых комсомольско-молодежных бригад получило широкое распространение на предприятиях промышленности и транспорта Горьковской области.

В настоящей статье сделана попытка раскрыть некоторые проблемы развития движения фронтовых комсомольско-молодежных бригад на основе современной историографии и рассекреченных архивных документов.

В историографии проблемы можно выделить два основных периода: советский и постсоветский.

В советской историографии движение фронтовых комсомольско-молодежных бригад подавалось как проявление советского патриотизма, *новая форма социалистического соревнования* (курсив наш – ***Авт.***). Именно так писали о новом патриотическом движении авторы коллективного труда по истории Горьковского автозавода [2, с. 64]. Трактовка термина фронтовая бригада как формы социалистического соревнования, в авангарде которого шли коммунисты, укоренилась и в советской историографии нижегородской и кировской промышленности [См.: 3, с. 89; 8, с. 98–99]. Так, Н.М. Шушунова называет фронтовые бригады «более высокой степенью развития соревнования», «формой коллективной стахановской работы» [4, с. 73].

Той же точки зрения придерживается А.А. Гордин в монографии по истории Горьковского автозавода [5, с. 116–117]. Отметим, что авторы зачастую используют одни те же мемуарные источники по проблеме, например, Г.В. Серебрянская [6] и В.А. Харламов [7]. Из них наглядно видна мотивация тех, кто первыми стал организовывать бригады, получившие название фронтовых. В условиях дефицита профессиональных кадров плавильщики-стахановцы Горьковского автозавода бригады А.В. Харламова приняли решение не снижать повседневную бригадную выработку, работая за себя и за товарищей, ушедших на войну.

Из постсоветской историографии видна важнейшая причина появления этого движения: кадровый дефицит на предприятиях, невозможность выполнять программы военного времени рабочими, вновь пришедшими взамен мобилизованных. Казалось бы, опыт и знания позволяли им выполнить поставленную задачу, а смекалки и настойчивости было не занимать. Но труд литейщиков всех категорий в итоге определялся физическими возможностями человека. Поэтому бригада постановила не уходить домой из цеха, не выполнив задания [7, с. 54].

Движение фронтовых бригад возникло на базе опыта организации труда в военное время. С началом войны получили широкое распространение почины, которые в чрезвычайных условиях войны компенсировали кадровый дефицит. Среди них – движения «двухсотников», «трехсотников», «пятисотников», «тысячников», многостаночников и др. В основе всех этих движений лежали инициативы, которые шли от самих трудящихся. Власть через партийные органы, профсоюзы, комсомол поддерживала эти начинания [8, с. 95; 2, с. 64]. Здесь едины авторы советской эпохи и постсоветского периода. Так, в труде по истории горьковского завода «Двигатель революции» приводится призыв заводской многотиражки: «На фронте воюет боец за троих, и ты за троих налегай на работу!» «Опыт двухсотников должен стать достоянием всех!» – под таким лозунгом прошла в конце 1941 г. конференция двухсотников в Горьком [3, с. 88].

Деятельность фронтовых бригад предприятий Горьковской области нашла отражение в диссертациях, защищенных в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в последние годы [9, с. 35–36; 7, с. 24].

Анализ историографии показывает, что критерии присвоения трудовым коллективам звания фронтовых бригад был выработаны практически одновременно на многих предприятиях Горьковской области. Руководство Горьковского автозавода приняло решение: звание фронтового коллектива присваивать только той бригаде, которая работает без брака, выполняет нормы минимум на 120%, и добивается быстрейшего освоения норм новыми рабочими [6, с. 162].

Работа фронтовых бригад регулярно освещалась заводскими газетами [см. например: 10, с. 1; 11, с. 2; 12, с. 2].

Бригады, не соответствовавшие этим требованиям, распускались администрацией предприятий. Так, 25 июля 1942 г. вышло распоряжение по Горьковскому автозаводу о роспуске фронтовых бригад механических цехов № 2 и 3, литейного цеха № 1, члены которых допустили прогулы. Было также принято решение о выдаче личных книжек «стахановцев фронтовых бригад» и прикрепительных талонов к спецмагазину только тем бригадам, которые проработали не менее месяца после своей организации и практической работой показали патриотические образцы труда [3, с. 69].

На Выксунском заводе дробильно-размольного оборудования Горьковской области (во время войны завод № 177 Наркомата танковой промышленности – НКТП) лучшей комсомольско-молодежной бригаде присваивалось звание «Фронтовик». При выполнении срочных заданий, когда бригады не уходили из цехов по несколько суток, забота об отдыхе, питании была заботой комитета комсомола предприятия [13, с. 106].

Работа фронтовых бригад внимательно и детально анализировалась партийными комитетами заводов. В принятых решениях подчеркивалась необходимость создания для участников фронтовых бригад всех необходимых условий на производстве, обеспечения гласности результатов соревнования, широкой пропаганды и распространения передового опыта [12, с. 73].

Начало движения фронтовых бригад по времени совпало с наступлением гитлеровцев на Москву. Именно в то время была создана первая фронтовая бригада на участке сварки и сборки минометов завода «Двигатель революции» кузнецом Иваном Владимировичем Суховым, зачинателем стахановского движения на предприятии [1, с. 89]. Таким образом, к началу нового патриотического почина предприятия региона располагали необходимыми кадрами, которые могли его возглавить. Движение фронтовых бригад выдвигало в руководители способных работников и работниц. Так, на заводе «Красное Сормово» в 1942 г. молодые девушки Слепнева и Родина, 1942 года рождения, поступили на завод во время войны, освоили токарное дело и были выдвинуты на должность бригадиров фронтовых бригад [14, д. 2640, л. 66].

На Горьковском автозаводе в 1942 г. женщины заняли достойное место в рядах фронтовых бригад. Так, А.В. Захарова, станочница моторного цеха № 1 ГАЗ, член фронтовой бригады, достигла летом 1942 г. благодаря совмещению операций, средней выработки 343%. Бригадир фронтовой бригады, состоявшей из женщин, М.Ф. Капустина (термическое отделение механический цех № 3), добилась овладения работницами «мужскими» профессиями. Выработка бригады, работавшей строго по графику, составляла 200% [14, д. 2640, л. 39–40].

Таким образом, проблема фронтовых бригад заняла прочное место в историографии Великой Отечественной войны в региональном аспекте.

Из документов видно, что работа фронтовых бригад была призвана компенсировать массовые потери рабочего времени.

Так, на Мордовщиковском судомостовом заводе № 342 НКСП (ныне – «Окская судоверфь») в 1941 г. простои оборудования составили по организационно-техническим причинам 46 976 станко-часов; из-за отсутствия рабочих – 79 430; из-за отсутствия работы – 27 786 станко-часов [14, д. 2640, л. 30]. На заводе «Красное Сормово» в 1942 г. простои оборудования по механическим цехам составили в среднем 11,4% к фонду времени работавшего оборудования, причем 7% из них падало на «неувязки в работе (отсутствие материалов, энергии, рабочей силы и др.») [15, д. 183, л. 17].

Простои рабочей силы по тем же причинам составили 3,67% к отработанным урочным часам или 172,7% к 1941 г., в том числе 168 тыс. часов

неиспользованных [16, д. 21, л. 24]. На Шиморском судоремонтном заводе весной 1942 г. только в котельном цехе отмечалось по 600–700 часов простоев [17, д. 29, л. 9].

На заводе № 177 НКТП за 1943 г. простои выразились в количестве 107,1 тысяч человеко-часов, из которых по причине отсутствия и ограничений в подаче электроэнергии было потеряно 39,4 тысяч [18, д. 24, л. 134].

Обратим внимание на то, что авторы, как правило, давали общее количество фронтовых бригад на предприятиях и в областях [12, с. 76], но не показывали удельный вес их участников в общем числе работавших. А эти цифры красноречивы. Так, на заводе № 342 из числа соревнующихся 1 301 рабочих, 154 инженерно-технических работников и 57 СКП, участники фронтовых бригад на 1 января 1943 г. составляли всего 204 чел. [16, д. 28, л. 8].

К концу 1943 г. на Мордовщиковском заводе № 342 работало 40 комсомольско-молодежных бригад с охватом 166 чел. То есть, динамика их развития не всегда была положительной [16, д. 36, л. 12].

В партийных документах отмечалось, что цифры участников фронтовых бригад не всегда являются точными. Так, в справке отдела танковой промышленности Горьковского обкома ВКП (б) о работе с кадрами на металлургическом заводе № 178 в Кулебаках (июнь 1942 г.) отмечается: «Фронтовых бригад в течение 3-х последних месяцев значится 26 с охватом 184 человека. По существу же, это только цифры, а в большинстве этих бригад не существует. Например, по сведениям отдела организации труда в транспортном цехе числится 15 фронтовых бригад, а секретарь партбюро т. Борисов заявляет, что фронтовых бригад только 6, да и те работают не по-фронтовому.

Например, бригадир паровозной бригады тов. Жариков говорит, что его слушали, как бригадира фронтовой бригады, а он и его бригада не знали, что являются фронтовой бригадой.

Фронтовые бригады организационно не оформляются. Из беседы с начальником транспортного отдела т. Медведевым можно установить, что фронтовыми бригадами они считают любую паровозную бригаду, работающую без аварий» [14, д. 2638, л. 29–30].

Таким образом, ряд аспектов проблемы остаются малоизученными. Это говорит о том, что изучение движения фронтовых бригад на предприятиях Горьковской области в 1941–1945 гг. по-прежнему является актуальным.

Источники и литература

1. Горьковский дизельный: Очерки истории з-да «Двигатель революции» / Ю.Г. Беленко, З.П. Корнешук, С.А. Малофеев и др. – М.: Мысль, 1985. – 238 с.

2. Горьковский автомобильный / Редкол.: И.И. Киселев, В.Я. Доброхотов, А.В. Новиков и др.; Науч. ред. В.Я. Доброхотов. – М.: Мысль, 1981. – 303 с.

3. Горьковский автомобильный завод. 1929–2006. Люди. События. Факты. / Авт.-сост. В.А. Белов. – Н. Новгород: Кварц, 2006. – 608 с.

4. Шушунова Н.М. Трудовые подвиги женщин-работниц в годы Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской и Кировской областных партийных организаций) // Формы и методы укрепления советского тыла в годы Великой Отечественной войны. Межвузовский сборник. – Горький: ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1984. – С. 69–78.

5. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. – 320 с.

6. Серебрянская Г.В. Фронтовая комсомольско-молодежная бригада А.В. Харламова на Горьковском автозаводе // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет. Материалы научно-практической конференции (18–19 апреля). Часть II. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1995. – С. 100–103.

7. Харламов В.А. «Завод как фронт» (Из воспоминаний литейщика А.В. Харламова) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / НГТУ им. Р.Е Алексеева, 2016. – 63–69.

8. Гордин А.А., Дорожнова И.Л., Сухонина Ю.В. Завод «Красный Якорь»: 120 лет истории. – Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2018. – 288 с.

9. Калмыков И.А. Трудовые коллективы авиастроительного комплекса Горьковской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. … кандидата исторических наук. – Н. Новгород, 2019. – 45 с.

10. Отличники социалистического соревнования // Автогигант. – 1942. – 18 апреля. – № 66 (3455). – С. 1.

11. Приказ по государственному ордену Ленина автомобильному заводу имени Молотова // Автогигант. – 1942. – 4 июля. – № 81 (3476). – С. 2.

12. Штенников Ф. Фронтовая работа конструкторов // Автогигант. – 1942. – 8 апреля. – № 55 (3450). – С. 2.

13. Горынцев А.П. Выксунские машиностроители – фронту // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет. Материалы научно-практической конференции (18–19 апреля). Часть II. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1995. – С. 103–110.

14. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. Р-3. Оп. 1.

15. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 15. Оп. 4.

16. ЦАНО. Ф. 5881. Оп. 1.

17. ГОПАНО. Ф. 627. Оп. 2.

18. ЦАНО. Ф. 2288. Оп. 1.

К ВОПРОСУ О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ПОТЕРЯХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И БОРЬБЕ С НИМИ

(на материалах танкостроительных заводов Горьковской области)

Евгений Ильич Подрепный[1], Иван Алексеевич Калмыков[2]

[1] Сочинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории

Россия, Краснодарский край, г. Сочи; e-mail podrepnyy@yandex.ru;

[2] АНО ДПО «Корпоративный университет Правительства Нижегородской области», к.и.н., руководитель проектного отдела

Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: kalmykov@kupnokreml.ru

Среди слабоизученных в современной историографии Великой Отечественной войны можно назвать проблему непроизводительного расходования материальных ресурсов. В частности, речь идет о потерях металла и горюче-смазочных материалов в советской экономике военного времени. Рассекречивание архивных документов, особенно партийных, промышленных предприятий и заводских комитетов ВКП (б), раскрывает богатые возможности для исследования данной проблемы. Значительную информацию по проблеме дают публикации в заводских многотиражных газетах военного времени.

Разработка проблемы сохранности ресурсов представляется перспективной в научном плане, а также в использовании этого опыта для экономики России в условиях внедрения бережливых технологий для повышения производительности труда.

В настоящей статье в порядке постановки проблемы сделана попытка рассмотреть вопросы непроизводительного расходования материальных ресурсов в 1941–1945 гг. на материалах танкостроительных заводов Горьковской области.

***Ключевые слова**: завод; коллектив; организация; производство; расход; экономия.*

Начало Великой Отечественной войны означало переход промышленных предприятий на новый режим работы, который включал в себя ужесточение их охраны. Так, 26 июня 1941 г. вышел приказ по Горьковскому автозаводу (ГАЗ) о караульной службе и пропускном режиме [1, с. 49].

16 июля 1941 г. бюро Автозаводского райкома ВКП (б) г. Горького предупредило всех секретарей парторганизаций ГАЗ, что они наравне с хозяйственным руководством несут персональную ответственность за сохранность предприятия и его противопожарное состояние [1, с. 51]. Здесь можно видеть стремление государства предотвратить акты саботажа и желание уменьшить число хищений социалистической собственности в военное время. Это подтверждается материалами энциклопедического справочника «Горьковский автомобильный завод. 1929–2006». Так, 7 июля 1941 г. произошел пожар в отделении сборки и испытаний моторов МЦ-2 [1, с. 49].

28 июля 1941 г. в цеху № 5 завода «Красное Сормово» имело место возгорание. Первого августа загорелся кран, в ночь с 2 на 3 августа был перекрыт воздух, следствием чего был 40-минутный простой цеха;

4-го августа при погрузке на платформу было разбито два станка, а также имело место «загорание тряпок». Бюро Сормовского райкома ВКП (б) сделало вывод, что эти чрезвычайные происшествия были не случайны [2, д. 1616, л. 63].

Чрезвычайные происшествия с материальными потерями случались на заводах и в дальнейшем. Так, 29–30 ноября 1942 г. случился пожар на крыше заводской лаборатории ГАЗ [1, с. 76]; 5-6 ноября 1943 г. произошел ночной пожар в кузнечном корпусе автозавода [1, с. 87]; 14 января 1944 г. возник пожар в мехлесопункте, сгорели сушильные камеры [1, с. 90].

Восьмого апреля 1945 г. пожар в бытовых помещениях испытательной станции готовых машин ОТК уничтожил металлическую кровлю площадью 100 м^2 и деревянные перекрытия площадью 72 м^2 на территории колесного цеха [1, с. 107].

На охрану предприятий обращали внимание граждан региона органы НКВД г. Горького. Например, вахтер выдал пропуск мужчине, предъявившему паспорт на имя женщины. В другом месте был пропущен человек с пропуском уволенного рабочего [3, с. 1].

Восьмого августа 1941 г. вышел приказ по заводу № 112 об упорядочении охраны завода, которым все охранные структуры предприятия в оперативном отношении подчинялись командиру охраняющей части войск НКВД и командиру подразделения, непосредственно несущего охрану завода, за исключением специальной службы, выполняемой военизированной пожарной охраной (ВПО) [4, д. 106, л. 13]. Командиру охраны Егорцеву приказали отобрать «способных, честных и преданных товарищей» для тщательной проверки пропусков на контрольно-пропускных пунктах.

Из состава вахтеров создавалась группа сопровождающих по разовым пропускам, маршруты их следования проходили в удалении от специальных цехов и готовой продукции. Пропуск в завод лиц с разовыми пропусками отныне производился во всех случаях с сопровождением вахтера. Выдача таких пропусков сокращалась до минимума. Категорически запрещался проход рабочих в неохраняемые цеха без соответствующих пропусков [4, д. 106, л. 13].

Пропускной режим неоднократно регулировался в зависимости от обстановки на предприятии [1, с. 82–83, 86, 94].

Одновременно укреплялся режим секретности на предприятии. И.о. директора завода № 112 Кузьмин в приказе № 73с отметил халатное отношение исполнителей, допущенных к секретной работе. За небрежное хранение секретных документов работник отдела снабжения Лифшиц был отстранен от секретной работы. С этим приказом ознакомили всех сотруд-

ников, допущенных к секретным документам. Их предупредили об ответственности за утрату документов «вплоть до отдачи под суд» [4, д. 106, л. 14].

В октябре 1942 г. в конструкторско-экспериментальном отделе ГАЗ был организован секретный отдел с подчинением главному конструктору А.А. Липгарту [1, с. 75].

С хранением секретных документов на горьковских предприятиях проблемы имелись в течение всего военного периода. Так, проверка бригадой партийного комитета 23 отделов и цехов ГАЗ в марте 1944 г. установила, что в хранении секретной, технической и отчетной документации в ряде цехов и отделов «проявляется полная безответственность и распущенность» [5, д. 40, л. 201–203]. Результаты реализации решения парткома Горьковского автозавода по данному вопросу от 28 марта 1944 г. в партийных документах обнаружить не удалось.

Семнадцатого сентября 1941 г. бюро Сормовского райкома партии рассмотрел вопрос о состоянии охраны на заводе «Красное Сормово». Состояние охраны предприятия было признано неудовлетворительным. Одной из причин было названо наличие четырех видов охраны: военная, ВОХРа, вахтерская и сторожевая. Отсутствие единого руководства охраной снижало боеспособность охраны завода и создавало неразбериху в ее работе. Охрана не была полностью укомплектована. Значительная часть работников охраны не проходила военной подготовки. За два месяца было выявлено семь случаев сна на посту, пять случаев прогула и восемь других нарушений. Двенадцать человек было отдано под суд, восемь бойцов получили выговоры. Дислокация постов охраны не соответствовала требованиям военного времени [2, д. 1616, л. 116].

Проблема охраны предприятий была актуальной в течение всей войны. Так, 8 января 1944 г. вышел приказ по автозаводу, в котором отмечались участившиеся случаи сговора отдельных стрелков и командиров ВОХР с рабочими завода. Было принято решение об обновлении («чистке») 2-го сводного отряда ВОХР от «жуликов и проходимцев, недостойных охранять социалистическую собственность». Например, постовой стрелок Бородавко выпустил с завода машину «Шевроле» с материальными ценностями без необходимого пропуска. Приказано направить в охрану 70 женщин-комсомолок, изменить систему формирования караулов, организовать в воротах № 1, 2, 4 бюро материальных ценностей [1, с. 89].

В результате принятых мер за семь месяцев 1944 г. было задержано 1 860 чел. с похищенными ценностями, из них: по автозаводу – 1 118, по заводу № 466 – 749, военных – 93 [1, с. 96].

Бдительность охраны не оставалась без внимания администрации. Двенадцатого мая 1944 г. вышел приказ по заводу о премировании в сумме

300 руб. красноармейца 150-го полка НКВД М.П. Крыночкина за задержание воров со 107 листами оцинкованного железа [1, с. 93]. В октябре 1944 г. премированы бойцы Я.И. Фефелов и И.Д. Ивакин (по 500 руб. каждому) за предотвращение хищения импортных шин начальником транспортного отдела завода № 215 Петренко и шофером за взятку в сумме 2 тыс. руб. [1, с. 101]. За усиление охраны автозавода в предпраздничные и праздничные дни 27-й годовщины Октябрьской революции премировали командиров и бойцов 150-го полка войск НКВД, 2-го сводного отряда ВОХР, бойцов военизированной пожарной охраны [1, с. 102].

Можно выделить первое направление работы по сохранению материальных ценностей на промышленных предприятиях – *укрепление охранных структур.*

Вторым направлением этой политики можно назвать организацию *правильного учета и хранения* материальных ценностей на заводах. Так, 28 февраля 1942 г. вышел приказ по Горьковскому автомобильному заводу о выявлении всех имеющихся отходов и неликвидов в цехах производства завода [1, с. 61]. Однако положение менялось медленно. На пленуме Автозаводского райкома ВКП (б) в марте 1942 г. отмечалось, что тонны металла лежат под снегом, и даже неизвестно, каких марок этот металл [6, с. 1]. Поэтому принимались административные меры воздействия.

Одновременно поощрялось использование производственных отходов металла и других материалов. Так, в марте 1943 г. путем организационно-технических мероприятий в прессовом цехе ГАЗ было сэкономлено 334 тонны металла, в кузовном цехе – 273 тонны, в Газснабе (использование неликвидов) – 267 тонн [7, с. 2]. На заводе № 177 (г. Выкса) в 1944 г. были установлен строгий порядок ежемесячного лимита выдачи металла и контроля его расходования [8, д. 2, л. 4 об.].

Второго февраля 1945 г. был снят с работы начальник ГАЗснаба Н.С. Гражданинов за сокрытие фактического наличия металла на заводе и предоставление в вышестоящие инстанции неправильных сведений [1, с. 104].

Проблемой было рациональное расходование и сохранение топлива. Так, на заводе № 178 (г. Кулебаки) из топок паровозов выбрасывался несгоревший уголь, по всем железнодорожным путям был разбросан каменноугольный кокс [9, д. 119, л. 27]. Показателем важности проблемы стало создание ГАЗснаба со складами самостоятельного отдела топлива [1, с. 71].

Причиной материальных потерь зачастую была бесхозяйственность, которая граничила с преступной халатностью. Так, 21 марта 1944 г. партком Горьковского автозавода рассмотрел вопрос о хищениях, использовании не по назначению импортных автомашин и оборудования к автома-

шинам на заводе. Партком констатировал, что хранение заводских иномарок и запчастей к ним на заводе находится в хаотическом состоянии. Сошедшие с конвейера и поставленные на дефектную площадку 81 автомашины иномарок в течение четырех месяцев приводились в негодное состояние, оборудование с них безнаказанно расхищалось. С двух машин были сняты моторы, с многих похищены раздаточные коробки, динамо, стартеры, коробки скоростей, реле, рули. Со всех машин было расхищено электрооборудование, вырезались спинки сидений, ремни, щитки. Приборы были разбиты и приведены в негодность. По всей территории валялись в снегу размонтированные баллоны, камеры с которых были расхищены.

Кроме импортных автомашин, на территории около цехов в беспорядке было разбросано импортное имущество, которое также расхищалось. Расхищены и приведены в полную негодность 12 моторов, камеры из 362 импортных баллонов, автомобильное оборудование (генераторы, карбюраторы, реле и т.д.) были свалены в кучу, расхищались при отсутствии какой-либо охраны [5, д. 40, л. 180–181].

На территории ГАЗ валялись в беспорядке и без надзора 204 кабины, большое количество шасси и собранных импортных автомашин. Все это варварски расхищалось и приводилось в негодное состояние. Партком сделал вывод о том, что учет импортного автомобильного имущества на автозаводе находится в запущенном состоянии [5, д. 40, л. 181]. Видимо, не без влияния этого 22 марта 1945 г. приказом по заводу был снят с работы и отдан под суд начальник цеха импортных машин (ЦИМ-6) Д.Г. Гурьев за развал работы, пьянство и нецелевое использование цехового транспорта. Был освобожден от работы начальника отдела импортных машин Л.М. Матюшенко, как «не обеспечивший руководство» [1, с. 107].

С проблемой сохранности материальных ценностей непосредственно связана культура производства. Так, газета «Автогигант» сообщала, что на дороге между цехами моторов № 2 и литейным № 1 были втоптаны в грязь десятки алюминиевых поршней [10, с. 2]. В мастерских механосборочного цеха были «исключительно захламлены» рабочие места сборщиков. Детали втаптывались в грязь, а руководство цеха не обращало на ситуацию никакого внимания [11, с. 2]. Эти явления наблюдались и в дальнейшем, например, в моторном цехе № 1. Здесь из-за грязи, захламленности преждевременно изнашивалось оборудование, создавались простои [12, с. 2].

Можно сделать определенные ***выводы.*** Проблемы сохранности ресурсов, в частности, металла и горюче-смазочных материалов, является малоизученной в отечественной историографии. Ее разработка представляется перспективной, как в научном плане, так и с позиции внедрения бережливых технологий на современных российских предприятиях. Зна-

чительную ценность представляют публикации в многотиражных газетах военного времени. Рассекречивание архивных документов, особенно партийных, промышленных предприятий и заводских комитетов ВКП (б) 1941–1945 гг., раскрывает богатые возможности для исследования данной проблемы.

Источники и литература

1. Горьковский автомобильный завод. 1929–2006. Люди. События. Факты. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. В.А. Белов. – Н. Новгород: Кварц, 2006. – 608 с.

2. Государственный Общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 34. Оп. 1.

3. Журавлев М., старший майор государственной безопасности. Уничтожать фашистских шпионов и диверсантов // Красный сормович. – 1941. – 15 сентября. – № 153 (2154). – С. 1.

4. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 15. Оп. 4.

5. ГОПАНО. Ф. 39. Оп. 3.

6. Пленум Автозаводского райкома ВКП (б) // Автогигант. – 1942. – 13 марта. – № 40 (3435). – С. 1.

7. Премии за экономию металла // Автогигант. – 1943. – 25 марта. – № 37 (3574). – С. 2.

8. ГОПАНО. Ф. 2993. Оп. 1.

9. ГОПАНО. Ф. 721. Оп. 15.

10. Башарин В.А. Цветной металл втаптывается в грязь // Автогигант. – 1943. – 22 апреля. – № 49 (3560). – С. 2.

11. Шилин И. Захламленность // Автогигант. – 1943. 27 мая. – № 64 (3601). – С. 2.

12. Кочунов И. Грязь и захламленность //Автогигант. 1944. – 27 апреля. – № 51 (3745). – С. 2.

МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(на материалах авиационных и танковых заводов)

Евгений Ильич Подрепный[1], Евгений Павлович Титков[2]

[1] Сочинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Россия, Краснодарский край, г. Сочи; e-mail podrepnyy@yandex.ru;

[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, д.и.н., профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: istcentr@mail.ru

Великая Отечественная война заставила перестроить массово-политическую работу партийных организаций страны и Горьковской области. Если в ее начале идеологическая работа с тружениками тыла шла по линии изучения основ марксизма-ленинизма, «Краткого курса истории ВКП (б)», то к осени 1941 г. в работе партийных организаций акцент массово-политической работы переместился на решение актуальных задач военного времени. Перестройка массово-политической работы заняла примерно полгода. В статье

сделана попытка анализа пропаганды и агитации партийных организаций военных заводов Горьковской области на основе архивных документов 1941–1942 гг.

Материал статьи показывает, что в 1942 г. массово-политическая работа на оборонных предприятиях Горьковской области была, в основном, перестроена на решение задач выпуска продукции для фронта.

Ключевые слова: *агитация; идеология; коллектив; методы; работа; формы.*

Великая Отечественная война заставила перестроить массово-политическую работу партийных организаций страны и Горьковской области. В настоящей статье сделана попытка анализа пропаганды и агитации партийных организаций военных заводов Горьковской области на основе архивных документов 1941–1942 гг., публикаций, освещающих наиболее трудный период Великой Отечественной войны – с 22 июня 1941 г. по ноябрь 1942 г.

С началом войны возможности для массово-политической работы партийных организаций, особенно материальные, начали сокращаться. В первую очередь, речь идет о печати. Так, 28 июня 1941 г. было прекращено издание журнала «Автостроитель» в соответствии с решением ЦК ВКП (б) «О местных газетах и журналах» до особого указания Горьковского обкома партии [1, с. 49]. Изменился формат заводских многотиражных газет. Нарастали и кадровые проблемы. Так, 30 июля 1941 г. Автозаводский райком ВКП (б) рассмотрел вопрос о направлении коммунистов и комсомольцев на партийно-политическую работу в Красную Армию в количестве 55 чел. [1, с. 52].

Документы показывают, что партийные организации оборонных предприятий оказались слабо подготовленными для ведения агитационно-массовой работы в военное время. Двадцать четвертого августа 1941 г. вопрос о пропаганде и агитации рассматривался на общезаводском закрытом партийном собрании завода воздушных винтов № 467 Наркомата авиапромышленности (Павлово-на-Оке). Так, группа электромонтеров отказалась от работы, а в цехе № 9-12 бригада слесарей (пять человек) не вышла на сверхурочные работы. Это было следствием отсутствия агитационно-массовой работы среди рабочих [2, д. 1, л. 39]. Собрание констатировало неудовлетворительное состояние пропаганды на заводе. Партбюро намеревалось решать проблемы массово-политической работы путем помощи изучающим историю ВКП (б), организации теоретических лекций, в том числе платных, для рабочих завода. Было решено создать при партбюро группу лекторов из 10–15 чел., организовать наглядную агитацию, выпуск стенных газет на каждом производственном участке [2, д. 1, л. 40–41]. Можно сделать *вывод,* что партийная организация завода № 467 оказалась неподготовленной к ведению массово-политической работы в условиях военного времени.

Партийные организации широко использовали такую форму массово-политической работы, как митинги. Так, 5 октября 1941 г. был проведен антифашистский митинг молодежи Автозаводского района г. Горького [1, с. 54].

Печать стала *важнейшим средством* проведения массово-политической работы. Это видно на примере газеты «Красный сормович» [3, с. 15]. Она пропагандировала донорство [4, с. 2; 5, с. 4; 6, с. 3], запись в народное ополчение. Например, в конструкторском отделе завода «Красное Сормово» в народное ополчение записались почти все сотрудники [7, с. 1; 8, с. 3]. Газета освещала также обучение подразделений ополчения [9, с. 4; 10, с. 4].

Перестройка массово-политической работы на предприятиях Горьковской области на военный лад шла медленно. Это подтверждают партийные документы. Так, на горьковском заводе фрезерных станков (завод № 113 НКТП – Наркомата танковой промышленности) партийно-массовая работа начала перестраиваться на основе речи И.В. 3 июля 1941 г. Были проведены два митинга. Речь, размноженную редакцией газеты «Станкогигант» в количестве 2 тыс. экземпляров, распространили среди рабочих. Во всех цехах были проведены ее читки.

Партийным кабинетом завода был разработан план агитационно-массовой работы, на основе которого составлялись планы цеховых парторганизаций. Было проведено три семинара агитаторов с вопросами: 1. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии. 2. Страны Западной Европы под игом фашистской Германии. 3. Разгром немецких оккупантов в 1918 г. 4. О донорстве. 5. Сигналы ПВХО и задачи населения [11, д. 154, л. 45].

Лозунги были привязаны к профилю цехов, отделов, участков, отражали экономические показатели. Во всех цехах имелись доски показателей, витрины, в которых вывешивалась газета «Горьковская коммуна». Однако, были цеха, в которых эта работа не велась.

На избирательных участках на поселке завода были проведены четыре массовых беседы с охватом 750–850 чел. с вопросами: 1. Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии. 2. Речь товарища Сталина по радио 3 июля 1941 г. 3. ПВХО. 4. Религия на службе фашизма.

Для работы на избирательных участках было выделено 127 агитаторов. Они провели два массовых выхода на участки с вопросами: 1. Речь товарища Сталина по радио 3 июля 1941 г. и подготовка населения к ПВХО. 2. Сигналы противовоздушной обороны и задачи населения, сбор металлолома [11, д. 154, л. 45].

Массово-политическая работа дала некоторые результаты. Было подано 150 заявлений о призыве в ряды действующей армии, 1 500 рабочих и служащих просили зачислить их в ряды народного ополчения. Выросли ряды доноров. Так, во втором сборочным цехе имелось 23 донора, в модельном цехе – 10 [11, д. 154, л. 46].

Имелись и факты иного рода. Некоторые рабочие завода фрезерных станков при первом же налете немецких самолетов на г. Горький бросили рабочие места до того, как была объявлена воздушная тревога, и не возвратились в цеха после отбоя тревоги [11, д. 154, л. 73].

В котельно-кузнечном цехе металлургического завода им. С.М. Кирова (завод № 178 НКТП, г. Кулебаки) в сентябре 1941 г. отсутствовали лозунги и плакаты на военную тематику, а за весь 1941 г. был выпущен один номер стенгазеты. Агитационная работа в устной форме с рабочими не велась [12, д. 86, л. 1–2].

В цехе № 9-12 завода № 467 за четыре месяца войны был выпущен лишь один номер стенгазеты. По цеху было сдано в Фонд обороны страны на 135 руб. облигаций, а теплых вещей не сдано вообще [2, д. 1, л. 67].

К концу 1941 г. успешно применялись такие формы массово-политической работы, как беседы о текущем моменте, встречи с фронтовиками. Устная пропаганда несла отпечаток времени, Так, проводились беседы «Героическая оборона Царицына под руководство товарища Сталина», «Товарищ Сталин – великий вождь и организатор борьбы с немецкими оккупантами». Появились и патриотическая тематика, например, «Великий русский полководец Суворов» [11, л. 154, л. 81 об].

Создавались новые печатные органы предприятий. Например, в марте 1942 г. партбюро завода № 467 обратилось в Горьковский обком ВКП (б) с просьбой о разрешении выпуска многотиражки с выходом два раза в неделю [2, д. 3, л. 28].

В 1942 г. важным событием стало празднование 24-й годовщины Красной Армии. Кроме традиционных форм пропагандистской работы (читки газет, сводок Совинформбюро, лекции, витрины, выставки), стали привлекаться члены фронтовых бригад. Эта дата использовалась и для стимулирования социалистического соревнования [2, д. 3, л. 10–11].

В апреле 1942 г. в СССР был размещен государственный военный заем. Мероприятие сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Так, 14 апреля 1942 г. газета «Автогигант» вышла под девизом «Долг каждого советского патриота быть в первых рядах подписчиков на государственный военный заем 1942 года». Ниже был размещен лозунг «Дадим наши трудовые рубли для разгрома гитлеровских захватчиков». На первой полосе имелись статьи «Условия выпуска займа», «Порядок размещения займа» [13, с. 1]. Газета рассказала, как проходит подписка на заем. Так,

стахановка сборочного цеха Ф.И. Ситникова, работающая на участке окраски, при месячном заработке в 340 руб., подписалась на 700 руб. и тут же внесла их наличными [14, с. 1].

Газета поместила заметки активных подписчиков, например, конструктора Л. Косткина, подписавшегося на 150 своего месячного оклада [15, с. 2]. Охарактеризовав подписку, как важнейшую политическую кампанию, «Автогигант» давал картину хода подписки по цехам и отделам ГАЗ [16].

Итоги подписки на военный заем обсуждались на партбюро предприятий. Так, партбюро завода № 467 отметило, что кампания «помогла нам узнать больше людей», что «мы очень мало занимаемся людьми» [2, д. 3, л. 39]. Кампания вскрыла недостатки в массово-политической работе на заводе в Павлово-на-Оке, особенно в устной пропаганде, показе лучших людей коллектива [2, д. 3, л. 40].

Важным этапом в развитии массово-политической работы на оборонных заводах стал первомайский приказ И.В. Сталина. Так, на собрании партийного актива Сормовского района 20 мая 1942 г. рассматривался вопрос «О задачах парторганизаций района, вытекающих из Приказа тов. Сталина от 1 мая 1942 года за № 130». С докладом выступил секретарь райкома К.М. Серов. Важное место в ходе дискуссии отводилось развитию социалистического соревнования. При этом отмечалось, что массово-политическая работа должна обеспечивать выполнение производственной программы, особенно по танкам [17, д. 1643, л. 1–6].

Таким образом, массово-политическая работа *стала тесно увязываться с производством,* жизнью трудового коллектива предприятия. Эта работа стала предметом рассмотрения партийных комитетов разного уровня. Например, в марте 1942 г. в отдел танковой промышленности Горьковского обкома ВКП (б) поступила справка о работе парторганизации цеха № 4 завода № 112. В ней упоминалось, что партийной организацией цеха выделено 19 агитаторов. «Самым плохим агитатором является т. Смагур, который плохо относится к занятиям». Агитаторы занимаются читкой газет и сообщений «В последний час». Семинаров для агитаторов и обмена опытом их работы не проводят. Иногда агитаторы посещают собрания в райкоме ВКП (б). «Этим и ограничивается руководство агитаторами, что явно недостаточно» [18, д. 2638, л. 10].

В мае 1942 г. новая справка отмечала, что на каждом производственном участке имеется агитатор, всего в цехе 22 агитатора. Однако политическая работа запущена, отмечает инструктор танкового обкома ВКП (б). Большинство рабочих цеха не обслуживается политической информацией. На участке сборки танков Т-34 за апрель 1942 г. было проведено две беседы (о военном займе и о соцсоревновании) и три читки мате-

риала из газет, «причем агитатор Свешников не мог назвать, какой материал он читал», так как записей в дневнике он не ведет [18, д. 2638, л. 13–14].

Все агитаторы заявляли, что политическую работу в цехе срывает работа столовой, поскольку все беседы и читки проводились в обеденный перерыв. Таким образом, большинство рабочих в цехе не в курсе материалов, публикуемых в газетах [18, д. 2638, л. 14]. В то же время, работа с идеологическим активом (агитаторами) обрела структуру, райком, партком и партбюро стали оказывать активу методическую помощь. Например, агитаторы слушали лекции, доклады о текущем моменте. Агитаторы не всегда были удовлетворены помощью. Они просили оказать им оперативную поддержку материалами по отдельным странам, об экономических ресурсах воюющих государств, их политическом положении, например, «О Германии», «Об Италии». Недостатком было отсутствие обратной связи между агитаторами и партийными органами [18, д. 2638, л. 17–20]. К осени 1942 г. наметился окончательный поворот идеологической работы в сторону обеспечения работы предприятий по фронтовым заказам. Примером служит обсуждение вопроса о режиме экономии на собрании партактива сормовской организации ВКП (б) 17 сентября 1942 г. Выступивший на нем редактор газеты «Красный сормович» Смирнов дал краткий анализ работы печати в области экономии ресурсов на предприятии. Он обратил внимание на то, что вопросы, которые поднимались печатью, например, использование внутризаводского транспорта, не находили отклика со стороны администрации завода [18, д. 2638, л. 11].

Вышеприведенный материал позволяет утверждать, что в 1942 г. массово-политическая работа на оборонных предприятиях Горьковской области была в основном перестроена на решение их производственных задач.

Источники и литература

1. Горьковский автомобильный завод. 1929–2006. Люди. События. Факты. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. В.А. Белов. – Н. Новгород: Кварц, 2006. – 608 с.

2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 4387. Оп. 1.

3. См.: Пустырев П.В. История развертывания производства танка Т-34 на предприятиях Горьковской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. … кандидата исторических наук. – Н. Новгород, 2020. – 39 с.

4. Гуревич Р.М. Стране нужны доноры // Красный сормович. – 1941. – 5 июля. – № 103 (2104). – С. 1.

5. Иванова М. В конструкторском отделе записываются в число доноров // Красный сормович. – 1941. – 9 июля. – № 104 (2105). – С. 4.

6. Горшенов М. Кровь – для раненых бойцов // Красный сормович. – 1941. – 12 июля. – № 105 (2106). – С. 4.

7. Мунина М. В народное ополчение // Красный сормович. – 1941. – 9 июля. – № 104 (2105). – С. 1.

8. Малышев А.Ф. Вступаю в ряды народного ополчения // Красный сормович. – 1941. – 18 июля. – № 106 (2107). – С. 3.

9. Карякин М. Боевой резерв Красной Армии // Красный сормович. – 1941. – 23 июля. – № 108 (2109). – С. 4.

10. Отряды народного ополчения // Красный сормович. – 1941. – 30 июля. – № 110 (2111). – С. 4.

11. ГОПАНО. Ф. 1335. Оп. 2.

12. ГОПАНО. Ф. 721. Оп. 15.

13. Автогигант. – 1942. – 14 апреля. – № 58 (3453).

14. Чмонин. Патриотический поступок // Автогигант. – 1942. – 14 апреля. – № 58 (3453). – С. 1.

15. Косткин Л. К дальнейшему усилению мощи Красной Армии // Автогигант. – 1942. – 14 апреля. – № 58 (3453). – С. 2.

16. См.: Важнейшая политическая кампания // Автогигант. – 1942. – 15 апреля. – № 59 (3454). – С. 1; Ход подписки на Государственный Военный Заем 1942 года // Автогигант. – 1942. – 15 апреля. – № 59 (3454). – С. 1; Серебрякова Е. Подписка закончена // Автогигант. – 1942. – 15 апреля. – № 59 (3454). – С. 1; 200 процентов заработка // Автогигант. – 1942. – 15 апреля. – № 59 (3454). – С. 1; Ни одного автозаводца без облигаций Военного Займа. Хроника подписки // Автогигант. – 1942. – 18 апреля. – № 60 (3455). – С. 1.

17. ГОПАНО. Ф. 34. Оп. 1.

18. ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ТАНКОВ НА НЕПРОФИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дмитрий Петрович Капьятец

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, институт аспирантуры и докторантуры,
соискатель ученой степени кандидата исторических наук
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: kapyatets@yandex.ru

В конце 30-х – начале 40-х годов XX века, когда в мире отмечалась напряженная обстановка, связанная с агрессивной внешней политикой фашисткой Германии и ее союзников, руководство СССР приняло неотложные меры по реорганизации, перевооружению и переподготовке вооруженных сил, а также укреплению материально-технической базы. До 1941 г. Горьковская область не была задействована в изготовлении танков. Во время войны город Горький стал одним из мощных центров массового производства танков – в кратчайшие сроки удалось организовать на предприятиях непрофильного производства серийный выпуск средних танков Т-34 и легких танков Т-60 и Т-70.

Рассекреченные документы Центрального архива Министерства обороны РФ, нижегородских архивов позволяют детально рассмотреть проблемы становления технологического процесса по производству танков на непрофильных предприятиях Горьковской области.

Ключевые слова: *военное производство; танкостроительный комплекс; танк; Горьковская область.*

Первые сражения Великой Отечественной войны привели к огромным потерям в живой силе и вооружении Красной Армии. В июне – сентябре 1941 г. наши войска потеряли более 10 тыс. танков [1, с. 74]. Количественное превосходство в средствах вооруженной борьбы временно перешло к Вермахту. В этот период времени на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 23 августа 1941 г. производится формирование 120 танковых бригад к 1 января 1942 г. В штате каждой такой бригады должно было быть по 91 танку, включая семь танков КВ, 20 танков Т-34 и 64 танка Т-60 [2, с. 332]. То есть, помимо восполнения потерь в ходе боевых действий в действующих частях Красной Армии, танковой промышленности за очень короткий промежуток времени необходимо было выпустить еще более 10 тыс. танков для вновь формируемых частей.

Для восстановления боеспособности и формирования танковых войск необходимо было максимально расширить производственные возможности танковой промышленности. Выполнить эту задачу было возможно только за счет других отраслей. Предстояло продолжить мобилизацию промышленности и подключить к выпуску танков новые заводы.

Начало войны ускорило процесс мобилизации промышленности. Уже 25 июня было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об увеличении выпуска танков КВ, Т-34 и Т-50, артиллерийских тягачей и танковых дизелей на III и IV кварталы 1941 г.» [3, с. 16].

Для увеличения производства танков нарком среднего машиностроения В.А. Малышев обратился к руководству страны с предложением, как еще повысить производство танков (в частности, он предложил использовать для производства танков завод № 112 «Красное Сормово»). Согласно постановлению ГКО № 1-сс от 1 июля 1941 г. «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе “Красное Сормово”» [3, с. 17], коллектив судостроительного предприятия в кооперации более чем с десятью заводами области должен был в кратчайшие сроки наладить их сборку.

К танкостроению также был привлечен и гигант отечественного машиностроения того времени – Горьковский автомобильный завод, не входивший в систему НКТП. В годы войны завод производил автомобильную технику, авиационные двигатели, легкие танки и самоходки, в которых широко применялись автомобильные агрегаты.

Превращение в новый центр танкостроения заводов «Красное Сормово» и Горьковского автомобильного был новым, не запланированным ранее и не подготовленным шагом. До Великой Отечественной войны завод № 112 являлся в основном заводом оборонного морского и гражданского судостроения, а Горьковский автомобильный завод выпускал автомобильную продукцию для нужд армии и сельского хозяйства, в конце

второй пятилетки завод им. Молотова производил 68,3% всех выпускаемых в стране автомобилей [4, с. 42].

Переключение заводов на серийное производство танков потребовало в сжатые сроки произвести реконструкцию имевшихся цехов, построить новые цеха, оснастить цеха новыми приспособлениями и инструментом, обучить и переквалифицировать кадры заводов на выпуск новой серийной продукции, организовать сложную внешнюю кооперацию.

Для организации технологического процесса по производству танков руководству предприятий на начальном периоде необходимо было решить следующие проблемы:

– отсутствие технической документации на выпускаемую продукцию;

– отсутствие станочного оборудования, приспособлений и инструмента;

– отсутствие специалистов по производству танков;

– задержки поставок комплектующих от смежных предприятий.

К моменту перехода на танковое производство завод № 112 не имел необходимой технической документации и соответствующего станочного оборудования для производства танков.

Согласно донесению от 12 августа 1941 г., направленного в бронетанковое управление Красной Армии военным инженером I ранга С.М. Беловым, видно, что на завод № 112 «...полный комплект чертежей привезли только 5 августа, из которых на 1 200 необходимо будет разработать технологию, главным образом по деталям, связанным с заменой двигателя с В-2 на М-17». Далее С.М. Белов пишет, что для производства танков без учета Термического цеха необходимо станочное оборудование в количестве 436 ед., на заводе имеется 417 ед., но только 203 ед. станков используются для производства танка Т-34 [5, д. 1343, л. 71].

Крайне медленно происходило изготовление необходимых приспособлений и инструмента. Так, в докладе директора завода «Красное Сормово» № 68/3151с от 13 сентября 1941 г. на имя военного представителя Главного автобронетанкового Управления на заводе № 112 С.М. Белова указано, что из 2 741 чертежа приспособлений, поступивших на завод, изготовлено 603 или 22%, в том числе необходимых в первую очередь 240 или 49%. Для изготовления инструмента по состоянию на 10 сентября 1941 г. спущено 4 019 чертежей, выполнено 1 045 [5, д. 1343, л. 102].

Производственная база Горьковского автомобильного завода из-за применения автомобильных узлов и агрегатов в производстве легких танков благоприятствовала развертыванию на нем производства легкого танка Т-60. Однако созданная без детальной проработки конструкция танка была во всех отношениях еще крайне сырой. Все операции по доработке образ-

ца бронетанкового вооружения осуществлялись на заводе им. Молотова под руководством А.А. Липгарта Н.А. Астрова [6, с. 110].

Согласно справке № 268/с от 30 июля 1941 г. «О выполнении заказа по Т-60», на Горьковском автомобильном заводе работы по изготовлению деталей проходят неудовлетворительно. Детали изготавливаются вне основной технологии, т.е. полукустарно [7, д. 2096, л. 165]. Очень медленно решался вопрос с оснасткой (инструментом, штампами, приспособлениями), которые в итоге разрабатывались конструкторским отделом при отделе главного технолога завода [7, д. 2096, л. 167].

В условиях военного времени резко возросла потребность в квалифицированной рабочей силе, которая была усугублена высокой текучестью кадров. На предприятиях изыскивались, прежде всего, внутренние ресурсы и возможности увеличения производительности труда. Одним из них было совмещение профессий [4, с. 59].

Тем не менее, потребность в кадрах в связи с мобилизацией на фронт увеличивалась. Одним из источников пополнения некомплекта рабочей силы в промышленности было использование труда заключенных. При автозаводе в период войны имелась исправительно-трудовая колония (ИТК) № 3. Заключенные полностью заменили рабочих в цехах: колесном, кузнечном и запасных частей [8, с. 43–44].

В период нехватки рабочей силы на предприятиях танковой промышленности необходимо также отметить опыт НКТП, когда в организацию технического процесса по сборке танков привлекались курсанты танковых училищ [9, с. 211]. Это позволило выполнить сразу две задачи. Первая – это практическое изучение материальной части танка экипажем, под руководством высококвалифицированных специалистов, а вторая задача – обеспечение завода недостающей рабочей силой для проведения простых монтажных и регулировочных работ, но данная практика характерна для более позднего периода Великой Отечественной войны.

Основными видами подготовки кадров в годы войны оставались повышение квалификации, переквалификация рабочих и инженерно-технического состава, подготовка новых рабочих и стахановские школы. Подготовка рабочих проводилась преимущественно по линии производственного обучения через прикрепление к квалифицированным рабочим, инструкторам и мастерам.

Так, на завод № 112 для оказания технологической помощи по отливке качественной стали и производству брони на первое время были присланы опытные мартеновцы Кулебакского и Мариупольского заводов [10, д. 661, л. 21].

На основании тщательного анализа была установлена прямая зависимость от степени квалификации сварщиков и качества сварки корпусов

(трещинообразованием), что привело к переаттестации сварщиков на право сварки бронеконструкций [10, д. 661, л. 51].

Наиболее важным вопросом в условиях начавшейся войны было налаживание внешней кооперации между заводами.

В кооперации по производству танков с заводами «Красное Сормово» и ГАЗ им. Молотова участвовало большое количество смежных предприятий. Так, для завода № 112 их было 13 [5, д. 1343, л. 73]. Такое большое количество смежных предприятий требовало со стороны руководства завода дополнительного контроля за своевременной поставкой готовой продукции по кооперации. Нередко комплекты готовых монтажных деталей прибывали на завод с отставанием от установленных сроков, а также с недостающими наименованиями деталей [5, д. 1343, л. 70]. В итоге заводам «Красное Сормово» и Горьковскому автомобильному в августе – сентябре 1941 г. так и не удалось выполнить поставленный план по выпуску танков (табл. 1).

Таблица 1

План выпуска танков на предприятиях Горьковской области

Наименование предприятия (марка выпускаемого танка)	**август 1941 г.**		**сентябрь 1941 г.**	
	по плану	**фактич.**	**по плану**	**фактич.**
Горьковский автомобильный завод (Т-60)*	50 ед.	0	300 ед.	3 ед.
Красное Сормово (Т-34)**	10 ед.	0	75 ед.	5 ед.

*Пашолок Ю. Т-60 и машины на его базе. – С. 9, 35.

** ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11355. Д. 235. Л. 3.; Ф. 38. Оп. 11599. Д. 1343. Л. 83.

Горьковский автомобильный завод помимо выпуска автомобильной техники легких танков, также являлся смежным предприятием по производству двигателей М-17 и ряда комплектующих частей для завода № 112. Из 334 переданных ему наименований завод принял на изготовление лишь 173. От изготовления 161 наименований отказался, ссылаясь на загруженность более сложными заданиями [5, д. 1343, л. 74].

Несмотря на перечисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться руководству заводов Горьковской области по запуску в серийное производство танков Т-34 и Т-60 в исключительно сжатые сроки, предприятия области сыграли важную роль по обеспечению Красной Армии танками в битве за Москву, что несколько снизило напряжение с бронетанковым вооружением на фронте.

В начале 1942 г. руководство страны отдало предпочтение производству танка Т-34, в том числе и на заводе «Красное Сормово», когда события на советско-германском фронте изменились в пользу Красной Армии. И это был правильный выбор, оказавший огромное влияние на успешное ведение войны.

Источники и литература

1. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.
2. Гланц Д.М. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 640 с.
3. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Оружие Великой Победы. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 480 с.
4. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Нижегородские машиностроители – Красной Армии (1941–1945 гг.). – Арзамас: АГПИ, 2010. – 313 с.
5. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 11599.
6. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. – 320 с.
7. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2096.
8. Герасимов В.И. Из записок лагерного чекиста. – Н. Новгород, 2003. – 211 с.
9. Браткин А. Танкисты: новое интервью. – М.: Яуза-пресс, 2019. – 384 с.
10. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11355.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МОЕЙ СЕМЬЕ

Алексей Витальевич Гусак[1], Александра Арефьевна Завьялова[2]

[1] МБОУ «Школа 60», обучающийся
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
[2] МБОУ «Школа 60», учитель истории
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: zavialova_a@mail.ru

В статье рассказывается о вкладе в Победу родственников семьи Гусак.

***Ключевые слова**: Великая Отечественная война; награды; военные операции; блокада Ленинграда; родственники; герои.*

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой, и глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят…», – слова песни, написанной Е.Д. Аграновичем для фильма «Офицеры», определяют важность исторической правды и исторической памяти о событиях 1941–1945 гг. Война отразилась на судьбе не только всей страны, но и каждой семьи в отдельности, не обойдя стороной ни одну. Каков вклад нашей семьи в дело Победы?

Отдельные события, наиболее значимые факты биографии некоторых моих родственников во время Великой Отечественной войны, отра-

женные в их воспоминаниях, а также сведения об их участии в войне, подтвержденные документально, послужили мотивом для написания данной работы.

В Великой Отечественной войне принимали участие **27** моих родственников (из них 6 – по отцовской и 13 – по материнской линии). Социальный состав участников: крестьяне, рабочие, интеллигенция; по отношению к командному составу: офицеры, сержанты, старшины, рядовые; по национальному признаку: русские, украинцы; по характеру вклада в Победу: служащие действующей армии, партизаны, блокадники и защитники Ленинграда, тыловики. Среди родственников есть раненые, погибшие на полях сражений и расстрелянные гитлеровцами, умершие от голода в блокаду Ленинграда, а также пропавшие без вести.

Независимо от национальной, социальной, возрастной принадлежности каждый на фронте и в тылу стремился помочь делу Победы.

Мой прадед **Антон Андреевич Курбатов** (19.08.1921 – 07.06.1998) происходил из бедной крестьянской семьи. Он рано осиротел. С юных лет тянулся к знаниям, закончил Ленинградское военно-медицинское училище им. Щорса, а после войны – Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова, был членом ВКП (б) с 1943 г., в армии с 1938 г. Участвовал в советско-финской войне. В тяжелейшей героической борьбе в годы Великой Отечественной войны особую роль выполняли стрелковые дивизии. 254-я стрелковая дивизия была сформирована в кратчайшие сроки за девять суток. В состав ее входил 933-й стрелковый полк, где санитарным взводом командовал мой прадед. В Великую Отечественную вместе с однополчанами 254-й стрелковой Черкасской дивизии и 1-й Ударной армии А.А. Курбатов воевал под Старой Руссой, освобождал Украину, Румынию, Чехословакию. Войну закончил капитаном, дослужился до подполковника. Он был ранен в руку осколками «шального снаряда», прервавшего жизни его друзей-сослуживцев во время привала и награжден тремя орденами (в том числе, двумя орденами Красной Звезды), 17 медалями (в том числе, «За оборону Москвы») и девятью знаками. Лучше всего о профессиональных и человеческих качествах прадеда говорят строчки из наградного листа: «…Показал себя опытным и чутким медицинским работником»; «…Под ураганным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем противника… за недостатком санитаров, за время наступательных боев сам лично вынес с поля боя 28 раненых бойцов и командиров с их оружием…» [1]. Храбрости, самопожертвованию, профессионализму, чуткости и преданности врачебному делу можно поучиться у этого в прошлом простого паренька-сироты из далекой уральской деревни [2]. Следует отметить, что, по воспоминаниям родственников и дру-

зей, с годами перечисленные качества моего прадеда проявлялись все сильнее.

Его супруга, моя прабабушка **Надежда Ивановна Курбатова**, в девичестве **Смирнова** (12.10.1922 – 11.02.2014), во время войны, будучи младшей медсестрой в 1-й Ударной армии, выносила раненых с поля боя. Впоследствии служила операционной сестрой в полевом госпитале. Рассказ ее о военном времени остался у меня в памяти: фашисты разбомбили госпиталь, требовалось срочно эвакуировать раненых. Одного из тяжелораненых, крупного солдата, она – хрупкая медсестра – пыталась поднять, чтобы переместить в безопасное место, но сил не хватало, и помочь было некому. Она, собравшись, из последних сил оттянула его в сторону, и в это время нависшая над ними бетонная балка рухнула рядом. Они чудом остались живы. Н.И. Курбатова награждена орденом, 14 медалями, шестью знаками. До 1970 г. Надежда Ивановна работала медицинской сестрой в Каунасском полку ВДВ. Будучи пенсионером, она продолжала трудиться медицинской сестрой в детском учреждении № 104 Автозаводского района г. Горького, а затем диспетчером на подстанции скорой помощи. Старший сержант, ветеран труда Надежда Ивановна Курбатова, воспитавшая троих детей, продолжала участвовать в воспитании пяти внуков, десяти правнуков вплоть до самого преклонного возраста. Она учила нас уважать семейные ценности, любить Родину и труд, всей своей жизнью показывая лучший тому пример [2; 3].

Моя прапрабабушка **Анна Ивановна Смирнова**, в девичестве **Гитарова** (11.11.1895 – 17.07.1985), была крестьянкой в двух поколениях и жила в деревне Демидово Сусанинского района Костромской области. В 18-летнем возрасте прапрабабушке посчастливилось 19 мая 1913 г. присутствовать на встрече императора Николая II с семьей возле Ипатьевского монастыря в Костроме. У Анны Ивановны было шестеро детей. Во время войны она работала в военкомате техническим работником. Награждена тремя медалями. Передаваемую из поколения в поколение любовь к простому труду Анна Ивановна пронесла до последних своих дней, подавая окружающим пример трудолюбия и жизненного оптимизма [2].

Мой двоюродный прапрадед **Евгений Иванович Гитаров** (14.02.1915 – 12.11.1942), уроженец деревни Починок Судиславского района Костромской области, был крестьянином, в 1936 г. призван в армию. Он был кандидатом в члены ВКП (б). С первых дней Великой Отечественной войны воевал в 222-м стрелковом полку 49-й стрелковой дивизии и первоначально считался пропавшим без вести. Однако, в соответствии с приказом Министерства обороны от 08.05.2007 г. № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» удалось выяс-

нить судьбу Гитарова. Четвертого июля 1941 г. он попал в плен во время боя в Волоховском районе и находился в лагере шталаг (стационарный лагерь для рядового и сержантского состава) 1УН (304) лагерный № 14608 на территории Германии. Е.И. Гитаров умер в лагере военнопленных 12 ноября 1942 г., захоронен на кладбище военнопленных Цшепа (бывшее кладбище русских, участок 58) [2; 6].

Мой двоюродный прапрадед **Константин Иванович Гитаров**, 1922 г.р., крестьянин, Судиславским РВК был призван в Красную Армию 8 июля 1941 г. Он был наводчиком 120-мм миномета 546-го стрелкового полка 1-го Украинского фронта. Пятнадцатого марта 1945 г. в бою за прямоугольную рощу, что западнее высотки 250 градусов ОА минометным огнем уничтожил пулеметную точку и до 15 солдат противника, тем самым дал возможность наступавшей пехоте продвинуться вперед и овладеть рощей. В наградном листе значится: «Смелый, бесстрашный, решительный…». Он был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Также К.И. Гитаров был награжден медалью «За отвагу» [2; 6].

Мой двоюродный прапрадед **Садовников Фёдор Васильевич** (25.11.1911 – 10.05.1988), происходивший из крестьянской семьи, на фронт ушел по мобилизации во второй день войны. Гвардии ефрейтор, стрелок 17-й отдельной роты охраны Полевого Управления 9-й Гвардейской армии Садовников был награжден медалью «За боевые заслуги». Лучшей характеристикой прадеду будут строки наградного листа: «…дисциплинированный, требовательный к себе… безотказный и четкий в исполнении приказаний … заслужил авторитет и уважение среди личного состава…» [4]. Его супруга **Елена Ивановна Садовникова**, в девичестве **Валова** (25.01.1922 – 17.05.2008) в годы войны помогала фронту в тылу [2].

Блокада Ленинграда – одна из самых трагических и, в то же время, героических страниц Великой Отечественной войны. Восьмого сентября 1941 г. немецко-фашистские дивизии замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда. 900 страшных дней и ночей оборонялся осажденный город. Ни постоянные бомбардировки и варварские артиллерийские обстрелы, ни голод и холод не сломили волю жителей Ленинграда. Город жил и сражался. Человеческие жизни – вот цена битвы за Ленинград. Более половины погибших в этой борьбе – мирные жители: старики, женщины, дети. Мой прапрадед по линии отца **Василий Павлович Ванюшкин** (1896–1956) проживал в Ленинграде. Призванный в Красную Армию еще до Великой Отечественной войны, он принимал участие в советско-финской войне, где получил ранение и лишился части ноги, из армии был комиссован. С началом Великой Отечественной войны находился в ополчении до окончания блокады Ленинграда [2].

Его жена, моя прапрабабушка **Марфа Ивановна Ванюшкина** (1910 – 09.08.1973) работала гардеробщицей в Военной Академии на Васильевском острове. Во время Великой Отечественной войны работала практически круглосуточно на хлебозаводе на выпечке хлеба для фронта и ленинградцев [2].

Моя прабабушка **Анна Васильевна Валягина** (07.07.1928 – 09.10.1992), в девичестве **Ванюшкина**, войну встретила в 13-летнем возрасте. Однако, несмотря на молодость, она дежурила вместе с одноклассниками, и во время бомбежек сбрасывала с крыш домов «фугаски», чтобы избежать пожара. Она смотрела за младшим братом, делилась с ним своей нормой хлеба, так как он постоянно просил кушать. Мебель, имевшаяся в квартире, книги – все шло на растопку для поддержания тепла в зимний период. От холода, голода, грязи 9-летний брат умер. Весной 1943 г. по Дороге Жизни она вместе со своей матерью Марфой Ивановной Ванюшкиной была вывезена из блокадного Ленинграда сначала на Урал, затем в Мордовию. В дальнейшем Анна Васильевна, получив среднее специальное медицинское образование, проживала в г. Горьком, после окончания войны долгое время трудилась в больнице № 23 Автозаводского района. Она воспитала двух дочерей, впоследствии помогала в воспитании внуков. А.В. Валягина награждена медалями и знаком «Житель блокадного Ленинграда» [2].

Мой двоюродный прадед **Иван Васильевич Ванюшкин** (1933 – 1942) вместе с родителями проживал в Ленинграде. Когда город оказался в блокаде, наступил настоящий голод, который за 900 дней блокады с сентября 1941 г. по январь 1944 г. унес не менее 800 тысяч жизней. Нормы хлеба урезались пять раз – с 400 г до 125 г на ребенка. Зимой 1942 г. Иван умер от голода. И.В. Ванюшкин похоронен на ленинградском Пискаревском кладбище, его имя высечено на Стене Памяти [2; 5].

Мой двоюродный прапрадед **Валягин Степан Тимофеевич** (1895 – ?) в годы Великой Отечественной войны был рядовым, воевал на Западном фронте с 12 июня 1942 г. Он, будучи связистом 1210-го стрелкового полка Западного фронта, в боях за г. Орел при наступлении 19 июня 1943 г. был ранен осколками мины в левую руку. За смелость, исполнительность, находчивость в годы войны был награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» [2; 6].

Члены каждой семьи нашего общества обязаны бережно хранить и по мере возможности пополнять память о своем роде вообще и историю их участия в Великой Отечественной войне, их вклада в дело Великой Победы, в частности. Это позволит сохранить неразрывную связующую нить поколений. Именно в трудностях раскрывались и формировались характеры и лучшие людские качества, проявлялась человечность, доброта в про-

тивовес бесчеловечному нацизму. Опыт, приобретенный народом нашей страны, а также каждой ячейки нашего общества – семьи, не должен быть забыт.

Патриотизм, отраженный в лучших примерах отдельных представителей прошлых поколений, может стать опорой нынешнему поколению.

Наше воспитание, воспитание будущих поколений должно основываться на героических примерах участников Великой Отечественной войны, их любви к Родине, мужестве, чуткости к людям, верности нравственным принципам, непримиримости к самому понятию нацизма и любым его проявлениям.

Источники и литература

1. Курбатов Антон Андреевич // Память народа – Интернет-портал подлинных документов о Второй мировой 1939–1945 и Великой Отечественной войне 1941–1945. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial (дата обращения: 04.09.2021 г.).

2. Воспоминания Е.А. Шальновой // Хранятся в семейном архиве Шальновых

3. Курбатова Надежда Ивановна // Память народа – Интернет-портал подлинных документов о Второй мировой 1939–1945 и Великой Отечественной войне 1941–1945. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial (дата обращения: 04.09.2021 г.).

4. Память народа – Интернет-портал подлинных документов о Второй мировой 1939–1945 и Великой Отечественной войне 1941–1945. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial (дата обращения: 06.09.2021 г.).

5. Возвращенные имена. Книги памяти России [Электронный ресурс]. – URL: visz.nlr.ru›Поиск›show/1492984 (дата обращения: 06.09.2021 г.).

6. Память народа – Интернет-портал подлинных документов о Второй мировой 1939–1945 и Великой Отечественной войне 1941–1945. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial (дата обращения: 15.09.2021 г.).

БЕССТРАШНЫЙ КОМАНДИР «КАТЮШ»
(к 100-летию со дня рождения И.С. Варганова)

Екатерина Ивановна Маслова[1], Алексей Иванович Щетинин[2]

[1] независимый исследователь
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
e-mail: schetinina.katerina@yandex.ru;
[2] независимый исследователь
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

Статья посвящена личности участника Великой Отечественной войны капитана Ивана Сергеевича Варганова, дважды удостоенного ордена Александра Невского. На основе архивных документов, военной литературы, воспоминаний прослеживается его боевой путь, рассматриваются подвиги и награды.

Ключевые слова: *Варганов Иван Сергеевич; война; подвиг; награда.*

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения нашего достойного земляка, участника Великой Отечественной войны, удостоенного двух

орденов Александра Невского, и председателя крупнейшего в Арзамасского районе колхоза «Красный пахарь» Ивана Сергеевича Варганова. К этой юбилейной дате авторами данной статьи издана книга «Знатный председатель».

Иван Сергеевич родился 18 августа 1921 г. в селе Виняево Арзамасского района в крестьянской семье Сергея Михайловича и Ольги Яковлевны Варгановых. Детство пришлось на трудный период в истории страны, связанный с первыми годами Советской власти и образованием коллективных хозяйств во всех селах и деревнях.

В 1929 г. он поступил в Виняевскую начальную школу, потом продолжил учиться в Слизневской школе. В 1938 г. вступил в ряды ВЛКСМ. Следующей ступенью обучения был выбран Арзамасский педрабфак, который являлся основой для поступления в педагогический институт. Однако после окончания педрабфака планы юноши изменились – в марте 1941 г. Иван Сергеевич уехал в Магнитогорск, где старший брат работал слесарем на металлургическом комбинате им. И.В. Сталина. Там И.С. Варганов получил должность контролера отдела технического контроля. Мирный труд оказался недолгим, началась Великая Отечественная война.

Иван Варганов был призван 1 июля 1941 г. по мобилизации ЦК ВЛКСМ. После краткосрочных военных сборов его в качестве политбойца направили в одну из экспериментальных минометных частей. Они имели на вооружении пусковые установки БМ-13 для реактивных снарядов, навсегда вошедшие в историю под названием «Катюши». Данное оружие было секретным, и спустя годы И.С. Варганов вспоминал, как бойцы всегда возили с собой запалы, чтобы в случае окружения врагом подорвать себя вместе с машинами.

Первым боевым опытом для молодого политбойца Варганова стала оборона г. Орла. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, город был взят, и немцы продвигались к Туле и Москве.

34-й Гвардейский минометный дивизион, где Иван Сергеевич служил установщиком орудия, был переброшен в Тулу 31 октября 1941 г. В тот же день дивизион вступил в бой. Он выполнял обстрелы целей противника в населенных пунктах и окрестностях Ново-Басово, Ивановские дачи, Варваровка, Рудаково, Сергиевское, Судаково, Ямны, Мыза, Ратово, Пирово, Косая Гора, Скуратово, Татьево, Харино, Новоселки, Демидовка, Высокое, Дорофеевка, Федоровка, Алексеевка, Маслово, Юрьево, Торхово, Щепилово, Демидово.

«Бойцы и командиры дивизии сражались с фашистами мужественно и стойко, – рассказывал позднее И.С. Варганов о боях под Тулой. – Вражеские части вышли к Ясной Поляне, а затем в район Косой Горы – Скурато-

во. К исходу дня на обороняющихся бойцов и ополченцев немцы бросили более 200 танков» [1, с. 317].

Затем последовали тяжелые бои. Благодаря слаженной работе минометных частей на подступах к городу залпами «Катюш» было уничтожено 32 танка противника и более трех батальонов живой силы. В результате гитлеровские войска, понеся значительные потери, так и не смогли с ходу овладеть Тулой.

За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, И.С. Варганов получил свою первую награду. Командир дивизиона старший лейтенант П.И. Франченко, представляя его к медали «За боевые заслуги», писал:

«Товарищ Варганов, молодой, но храбрый, бесстрашный боец, работая установщиком, отлично приготовлял орудие к бою. Их расчет неоднократно громил врага под г. Мценском и Тулой в октябре и ноябре месяце, выводя из строя десятки танков и сотни солдат противника. Член ВЛКСМ. Служит примером в расчете орудия. Достоин правительственной награды» [2, д. 235, л. 136].

Верховное командование посчитало, что храбрый политбоец достоин более высокой награды и приказом Военного Совета Западного фронта № 415 от 22.12.1941 г. вручило ему орден Красной Звезды.

Благодаря героическим усилиям защитников Тулы, наступление врага удалось приостановить. Тем не менее, уже скоро он снова начал подбираться к Москве, поэтому минометные части были переброшены на защиту столицы.

О битве под Москвой много написано книг и снято фильмов, поэтому отметим лишь, что и здесь боевые машины «Катюши» сыграли значительную роль в разгроме немецких войск, а на груди И.С. Варганова появилась медаль «За оборону Москвы».

В мае 1942 г. И.С. Варганова как опытного и уже показавшего себя бойца направили в 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище им. Л.Б. Красина, где готовили командный состав легендарных «Катюш». Он проучился там до октября 1942 г., и в звании гвардии младшего лейтенанта снова был направлен в ряды Красной Армии, где принял должность командира батареи 2-й Гвардейской минометной бригады ***(Приложение 7, фото 1)***.

Следующим направлением в боевом пути И.С. Варганова стал Северо-Западный фронт. С декабря 1942 г. его бригада поддерживала наступление 380-й стрелковой дивизии, а с февраля 1943 г. – 241-й стрелковой дивизии. Перед соединениями стояла задача прорвать оборону противника и окружить Демьянскую немецкую группировку, действовавшую вблизи бассейна реки Ловать. Эта местность, покрытая сплошными лесными массивами, очень болотистая, создавала тяжелые условия для про-

движения минометных частей. Солдатам месяцами приходилось жить в лесу, испытывая трудности в доставке продуктов и боеприпасов. За грамотное командование и работу с личным составом И.С. Варганов 25 июня 1943 г. был повышен в звании до гвардии лейтенанта, а чуть раньше, в апреле 1943 г., принят в члены ВКП (б).

В июне 1943 г. 2-я Гвардейская минометная бригада получила приказ выдвинуться в расположение командующего Ленинградским фронтом. 28 июня после длительного марша бойцы и вся техника погружены в эшелоны. Благополучно проскочив по железной дороге, бригада прибыла на место 2 июля и расположилась в районе Синявинских болот.

Уже 5 июля 1943 г. минометные соединения вступают в бой, поддерживая наступление 43-й стрелковой дивизии. Перед ними стояла цель сломить оборону противника и захватить важнейшие в тактическом отношении рубежи, тем самым обеспечив свободную и беспрепятственную доставку продуктов и материалов в Ленинград.

Во время этих сражений И.С. Варганов был ранен в первый раз. Он вспоминал: «Корректировку местности с молодым командиром взвода делали – выбирали позицию – он взял пять метров в сторону и подорвался на мине – ноги оторвало. Жалко мне его было, стал тянуть и сам подорвался». Произошло это 11 июля 1943 г., гвардии лейтенанта Варганова доставили в госпиталь № 925, который находился в селе Большая Ижора Ленинградской области. Согласно истории болезни, он получил слепое минно-осколочное ранение мягких тканей левой стопы и области левого коленного сустава. Седьмого октября 1943 г. выписан из госпиталя и направлен в батальон выздоравливающих.

Бригада, где служил Варганов, тем временем дислоцировалась в Лесном – пригороде Ленинграда. Всю осень и начало зимы бойцы готовились к предстоящему наступлению. С 15 января 1944 г. начались боевые действия в районе Пушкина, Пулково и Урицка с целью ликвидации блокады Ленинграда и освобождения всей области от фашистов. В районе Гатчины минометные соединения поддерживали наступление 129-й и 291-й стрелковых дивизий. Блокада Ленинграда была снята в ходе Ленинградско-Новгородской операции, когда мощным наступлением Советской армии немецкие войска удалось отбросить на расстояние 60-100 км. Двадцать седьмое января 1944 г. стало днем полного освобождения от блокады. В этот день в городе дали праздничный салют.

В письме к матери И.С. Варганов писал: «Мы так ждали этого дня. Мы всегда верили, что этот день наступит. Мы были уверены в этом в самые черные месяцы обороны Москвы. Мы чернели и опухали от голода и холода, валились от слабости с ног на истерзанных врагом улицах, и только вера в то, что день освобождения придет, поддерживала нас.

И каждый, глядя в лицо смерти, трудился во имя обороны, во имя жизни города русской революционной славы, и каждый из нас знал, что день расплаты настанет, что мы обязательно прорвем мучительную блокаду» [1, с. 324].

За героические усилия по освобождению Ленинграда многие солдаты и офицеры награждались орденами и медалями. И.С. Варганов был удостоен медали «За оборону Ленинграда». Позднее (5 июля 1944 г.) приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за отличные боевые действия по освобождению от блокады Ленинграда 2-й Гвардейской минометной бригаде было присвоено почетное наименование «Ленинградская».

Несмотря на долгожданное радостное событие, война продолжалась. Уже в начале февраля минометчики совершили 120-километровый марш, выйдя на территорию Эстонской ССР, с целью сломить оборону противника на восточном берегу реки Нарва и освободить Эстонию от фашистских захватчиков. Здесь советские войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление сильно укрепившегося врага. Решающую роль вновь сыграли «Катюши».

Все лето 1944 г. 2-я Гвардейская минометная бригада располагалась в лесу. Это время было занято боевой и политической подготовкой, уходом за техникой и вооружением, а также восстановлением разрушенного войной хозяйства. Так, бойцы бригады принимали участие в строительстве дороги Низы – Усть-Жердянка, по которой перевозили раненых солдат.

С 9 июля минометные соединения поддерживали наступление 117-го стрелкового корпуса в районе железнодорожной станции Аувере в Эстонии. Ее захват был одной из главных задач советского наступления. Он позволил бы окружить нарвскую группировку немцев, прервав ее сообщение с Таллином и остальной Эстонией. Здесь солдатам пришлось столкнуться не только с боевой мощью противника, но и с крайне тяжелыми погодными условиями. Очевидцы тех событий писали, что местность напоминала скорее болото. Пришлось сооружать деревянные срубы, устраивать огневые позиции над землей. Раскисли дороги, техника не могла пройти. Саперным войскам пришлось настилать гати и даже строить специальные деревянные колейные дороги для грузовиков. Солдаты, обслуживавшие «Катюши», ходили по колено в грязи за снарядами почти за 15 км к Нарове и столько же – назад. У реки каждый брал себе на спину снаряд и шел с ним по болоту к своим установкам. Итого почти 30 км, половину из которых с тяжелым грузом за спиной [3].

Во время боев 3 августа 1944 г. И.С. Варганов был ранен второй раз – слепое осколочное ранение мягких тканей средней трети левого бедра. Первоначально его доставили в эвакогоспиталь № 1970 в городе Кинги-

сепп Ленинградской области, а оттуда 6 августа перевели в Ленинградский госпиталь № 2704, где он пролечился до 18 августа и снова возвратился в строй.

Тогда же был награжден вторым орденом Красной Звезды. В его наградном листе указано: «Гвардии лейтенант Варганов И.С., работая командиром батареи и участвуя в боях за освобождение Социалистической Родины от немецких захватчиков, проявляет отвагу и мужество. Умело руководит вверенной ему батареей в бою. Его батарея является лучшей в дивизионе. Все поставленные перед нею боевые задачи выполняет отлично. В боях за освобождение Советской Эстонии товарищ Варганов показал образцы умелого руководства в бою, мужество и отвагу, добившись слаженности и быстроты работы личного состава при подготовке батареи к бою и стопроцентного схода мин при стрельбе.

За отвагу и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками, и умелое руководство вверенным ему подразделением в бою товарищ Варганов И.С. достоин правительственной награды ордена Красной Звезды» [4, д. 3281, л. 157].

Советские войска продолжали наступление в Эстонии. Были освобождены Нарва, Тарту, Таллин, остров Муху. За бои в Эстонии Иван Сергеевич получил еще одну награду – орден Отечественной войны II степени. В наградном листе, составленном командиром 1-го дивизиона 2-й Гвардейской минометной бригады гвардии майором И.С. Бондаренко, отмечено:

«Гвардии старший лейтенант Варганов Иван Сергеевич в боях за освобождение Ленинградской области и Советской Эстонии от немецких захватчиков проявляет образцы отваги и мужества. В сложных условиях наступательных боев умело руководит батареей. Личным примером воодушевляет бойцов батареи на отличное выполнение боевых задач.

18.11.1944 г. при подготовке к залпу батарея попала под сильный минометный обстрел противника. Прямой наводкой противник поджег боевую установку, которая преградила путь на огневую позицию. Товарищ Варганов, рискуя жизнью, под обстрелом разрядил горящую машину, чем спас ее от взрыва, а остальные машины провел и быстро изготовил к бою. Залпы его батареи способствовали успешному продвижению пехоты» [5, д. 6051, л. 256].

Как видно из этого документа, И.С. Варганов к тому времени уже служил в звании гвардии старшего лейтенанта. Приказ о его повышении за № 884 вышел 21 июня 1944 г.

В декабре 1944 г. 2-я Гвардейская минометная бригада была переброшена на 1-й Белорусский фронт и с января 1945 г. снова участвовала в боях. Здесь минометчики наступали на Сандомирском плацдарме в рам-

ках масштабной Висло-Одерской операции по освобождению Польши. Одним из центральных событий стало освобождение Варшавы, в котором принимал участие и И.С. Варганов.

Войска 1-го Белорусского фронта, которым тогда командовал маршал Г.К. Жуков, перешли во внезапную атаку утром 14 января и уже в течение часа продвинулись на два–три километра. В ходе четырехдневного наступления удалось нанести поражение главным силам 9-й немецкой армии. Прорыв вражеской обороны, начавшийся на трех направлениях, к 17 января слился в единый удар на всем 270-километровом участке фронта. Первый этап Висло-Одерской операции, в ходе которого была освобождена польская столица – Варшава, успешно завершился. Остатки разгромленных немецких частей спешно отходили на запад – к границам Германии. За освобождение польской столицы позднее была учреждена специальная награда – медаль «За освобождение Варшавы». Среди награжденных значился и И.С. Варганов, который к тому же был удостоен Благодарности от Верховного Главнокомандующего за ликвидацию плацдарма на Одере.

Благодаря успешной операции советские войска вступили непосредственно на территорию Германии. Чем ближе Красная Армия подходила к Берлину, тем более ожесточенными становились бои. Каждый населенный пункт, даже самый малый, приходилось захватывать ценой неимоверных усилий. В середине марта минометчики 2-й Гвардейской бригады участвовали в штурме Альтдамма – крупного промышленного центра, где производились самолеты, торпеды и авиамоторы для немецкой армии. Целый час не смолкали залпы советских орудий, ведущих артиллерийскую подготовку к наступлению. Город и его окрестности были в огне пожаров. В небо поднимались столбы густого дыма. Под прикрытием огневого вала пехота пошла на штурм вражеских позиций. Двадцатого марта город смогли полностью очистить от гитлеровцев.

Тогда гвардии старший лейтенант Варганов был представлен к награждению орденом Александра Невского. В наградном листе его подвиги описываются так: «Гвардии старший лейтенант Варганов И.С., работая командиром батареи, в боях с немецкими захватчиками проявляет образцы отваги и мужества.

В боях при прорыве обороны противника товарищ Варганов, получив задачу вывести батарею на передний край, под обстрелом противника построил поврежденную переправу и своевременно открыл огонь, обеспечив наступающую пехоту мощным огнем, уничтожающим укрепления и живую силу противника.

В боях за овладение городом Штутгардт, товарищ Варганов, совмещая работу командира батареи, выбывшего начальника штаба дивизиона,

сумел организовать правильное огневое взаимодействие дивизиона с пехотными частями.

В боях за овладение городом Альтдамм, товарищ Варганов, находясь на самых трудных участках, умело руководил батареей, мощным огнем прокладывая путь наступающей пехоте» [5, д. 5409, л. 140].

Завершающим событием войны стало взятие германской столицы. На подступах к Берлину развернулись невероятные бои.

«В апреле 1945 года, – вспоминал Иван Сергеевич, – часть гвардейских минометов сосредоточили в восточном пригороде Берлина, на подступах небольшого, но очень укрепленного городка Эркнера. Именно в Эркнере были два моста – шоссейный и железнодорожный, которыми нужно было овладеть, чтобы двигаться вперед» [1, с. 326].

Отдельный разведбатальон, которому поручили штурмовать городок, усилили ротой танков, дивизионом самоходок САУ-100 и четырьмя «Катюшами». Именно этими переданными батальону «Катюшами» и командовал гвардии старший лейтенант И.С. Варганов.

Когда план операции был расписан по минутам, 16 апреля в 2 часа ночи отряд двинулся к Эркнеру. Со стороны Берлина то и дело доносились глухие взрывы, местность пылала, зарево пожаров виднелось даже в лесу. Шли колонной без особой маскировки, каждый уголок прочесывали шквальным огнем пулеметов и орудий. Несколько раз нарывались на засады с минометами и «фаустниками» – их уничтожали, а завал растаскивали танками. Двадцать километров отряд пробирался около шести часов.

После операция вступила в свою решающую фазу – захват мостов. Согласно разработанному плану, к железнодорожному мосту устремилась танковая рота с автоматчиками на броне, к шоссейному – рота мотоциклистов. Самоходки и «Катюши» оставались на опушке леса, готовые в любую минуту оказать поддержку огнем ворвавшимся в город ротам.

И вдруг один из мостов взлетел на воздух, когда штурмующие автоматчики были от него в нескольких десятках метров. К этому времени на противоположном берегу реки показались немецкие тяжелые танки – «Пантеры» и «Тигры». Мощный огневой налет подразделения «Катюш», произведенный по приказу командира батареи И.С. Варганова, буквально накрыл несколько вражеских машин, и они вспыхнули ярким пламенем. Минутного замешательства на том берегу было достаточно, чтобы советские танкисты проскочили через мост. А еще через некоторое время, поддержанные опять же огнем «Катюш» и самоходок, через мост устремились и остальные силы штурмового отряда.

В бою за Эркнер было захвачено более 7 тысяч пленных гитлеровцев, уничтожены десятки танков и самоходных орудий и сотни единиц другой техники. Советский боевой отряд потерял около 30% танков и бро-

нетранспортеров, столько же в живой силе, но не было ни одной подбитой «Катюши».

К апрелю 1945 г. военно-стратегическое положение Германии стало безнадежным. Советские войска вышли к центральным районам Германии и были всего в 60 км от Берлина. Минометчики на «Катюшах» постоянно находились в самой гуще событий. И.С. Варганов был на передовых позициях как командующий ведущей 1-й батареей. Семнадцатого апреля 1945 г. залпом батареи Варганова подбит один средний танк, разрушено три блиндажа, в которых разбито четыре пулемета и одно орудие противника. После залпа советская пехота стала быстро продвигаться вперед.

По приказу командующего 1-м Белорусским фронтом 2-я Гвардейская минометная бригада 25 апреля 1945 г. переправилась через реку Шпрее и вошла в Берлин. Именно здесь, на улицах Берлина, и окончилась война для Ивана Сергеевича. Он вспоминал: «Все шло очень быстро, так, что трудно было сразу сориентироваться. Нас обстреляли, подожгли головную машину. Батарея остановилась. Когда я вышел из своей машины, меня ранило в руку и что было дальше, я уже не помню». Однако сохранившиеся документы свидетельствуют, что и после сквозного пулевого ранения левого предплечья он оставался со своей батареей. Командир дивизиона гвардии майор Бондаренко сообщал о подвиге И.С. Варганова: «25 апреля 1945 г. выполняя боевую задачу, провел и установил свою батарею на прямую наводку по улице Берлина. Будучи тяжело ранен, под сильным обстрелом противника организовал тушение пожара на боевой установке, подожженной при обстреле противником, и не ушел с поля боя до тех пор, пока поставленная боевая задача не была полностью выполнена» [5, д. 4080, л. 277].

В ходе Берлинской операции Красная Армия поставила победную точку в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне на европейском театре. О капитуляции Германии и окончании войны И.С. Варганов узнал уже в госпитале № 1069 в г. Бузулук Чкаловской (Оренбургской) области. Тогда же пришло ему известие и о награждении за бои в Берлине вторым орденом Александра Невского. Таким образом, он стал двукратным кавалером данного ордена. Всего за время войны было произведено более 42 тысяч награждений орденом Александра Невского, но только около 100 человек удостоились этой чести дважды. Также за успешный прорыв обороны Берлина Иван Сергеевич получил Благодарность от Верховного Главнокомандующего, а приказом Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 0454 от 8 июня 1945 г. И.С. Варганову присвоено звание гвардии капитан.

Два месяца он пролечился в госпитале, после чего военно-врачебной комиссией 15 июня 1945 г. был признан негодным к военным

службе вследствие резкого ограничения движений в левом лучезапястном суставе и пальцах кисти после огнестрельного ранения. Двадцать седьмого июня демобилизован по болезни и вернулся в родное село. И уже в Арзамасском военкомате, где Иван Сергеевич состоял на воинском учете, ему были вручены медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [6, д. 27, л. 93].

Так, Иван Сергеевич Варганов прошел путь от красноармейца до капитана – командира батареи. Ему довелось воевать в составе прославленного соединения «Катюш», наводивших ужас на немцев и навсегда оставшихся в сердцах советских людей. Он принимал участие в ключевых военных операциях – обороне Москвы, прорыве блокады Ленинграда и штурме Берлина. Среди наград значились два ордена Александра Невского, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, ряд медалей. В 1985 г. по случаю 40-летия Победы И.С. Варганов был награжден орденом Отечественной войны I степени ***(Приложение 7, фото 2)***.

Иван Сергеевич всегда помнил о той страшной войне, через которую пришлось пройти ему и всей стране. Многих друзей и сослуживцев он потерял. Ежегодно 9 мая приходил к памятнику погибшим воинам в Виняеве, чтобы почтить память не вернувшихся с войны. Он принимал активное участие во всех мероприятиях, ездил на Парад Победы в Москву, неоднократно встречался с фронтовиками и поддерживал письменную связь с однополчанами, начальником штаба и командиром батареи.

Трудовую деятельность в мирное время И. С. Варганов всегда вел в должностях, требующих максимальной ответственности – депутат сельского Совета, председатель исполкома сельского Совета, секретарь парткома, председатель колхоза. Где бы ни трудился, везде отличался преданностью своему делу, любовью к родной земле. Огромное трудолюбие и целеустремленность приносили свои плоды. Под руководством И.С. Варганова колхоз «Красный пахарь» стал одним из передовых хозяйств в Арзамасском районе, занимал лидирующие позиции по многим показателям и неоднократно выходил победителем различных соревнований.

Умер И.С. Варганов на 76-м году жизни, 31 мая 1997 г., похоронен на кладбище в родном селе Виняево.

Двадцать второго февраля 1998 г., в канун 80-летия Красной Армии, решением администрации Арзамасского района центральная улица села Виняево была переименована в улицу имени кавалера ордена Александра Невского Ивана Сергеевича Варганова (улица Варганова). А позднее в Арзамасе на городской аллее Славы установлен его портрет как участника Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Демочкин А.П. Под лязг танковых гусениц: очерки об арзамасских танкистах, участниках Великой Отечественной войны / под общ. ред. В.В. Бочковского. – Арзамас: АГПИ, 2005.

2. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682524.

3. Санкт-Петербургские ведомости. – 2019. – 24 июля.

4. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306.

5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196.

6. ЦАМО РФ. Ф. 12734. Оп. 2.

Раздел IV.
ИЗ ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА, ГДЕ УЧИЛСЯ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ХУДОЖНИК ВАСИЛИЙ ПЕРОВ

Андрей Вячеславович Малышев

Независимый исследователь, г. Нижний Новгород; e-mail: m10530@yandex.ru

В статье на основе архивных документов восстанавливается история строительства здания Арзамасского уездного училища – памятника градостроительства и архитектуры федерального значения. Впервые приводятся документы, доказывающие учебу в училище художника Василия Перова.

Ключевые слова: *Арзамас; уездное училище; архитектор Леер; художник Василий Перов; академик Ступин.*

В городе Арзамасе на Соборной площади в доме 14 находится здание бывшего уездного училища – объект культурного наследия Нижегородской области, памятник градостроительства и архитектуры федерального значения, № 521510273270006 в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). В книге «Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры» указаны две даты постройки здания – 1809 г. и 1835 г. [1, с. 376]. Первая – это когда было поставлено одноэтажное строение, и вторая – двухэтажное. В издании предполагается, что постройка 1809 г. осуществлена по проекту архитектора М.П. Коринфского, архитектор двухэтажного здания не указан.

Но в 1809 г. М.П. Коринфский (1782–1851) – еще резчик иконостасов, ни дня не проучившийся на архитектора [2, с. 110]. Ошибочна и дата 1835 г.– это дата не окончания строительства двухэтажного здания, а его начала. Коринфский вернулся из Санкт-Петербурга в Арзамас весной 1813 г. [3, с. 56]. Первой его работой в Арзамасе стала перестройка дома академика А.В. Ступина, а не возведение всего здания, что утверждается в упомянутой книге [1, с. 26]. Как сообщает сам заказчик, необходимо было «из конюшен и каретного сарая сделать картинную и античскую галлереи и внизу кладовыя» [4, с. 403]. Была составлена смета на 1 000 руб., а реальные расходы на перестройку составили 2 000 руб. Эта ошибка со сметой в два раза дорого обошлась Коринфскому, сведя на нет частные заказы в Арзамасе. Неудача постигла его и на строительстве Арзамасского Воскресенского собора. Он опять ошибся с расчетами, и собранных на строительство денег не хватило. И Коринфский с позором покидает Арзамас

в 1820 г. И уже без него была закончена каменная кладка собора, сделано перекрытие, возведены купола [3, с. 58].

В 1823 г. нижегородский гражданский губернатор А.С. Крюков пожелал удостовериться, «соблюдена ли правильность и прочность в сооружении строящегося в городе Арзамасе собора». Губернскому архитектору И.Е. Ефимову было предписано «отправиться в Арзамас и освидетельствовать помянутое здание» [3, с. 58]. После осмотра собора Ефимов написал рапорт для губернатора, где, в частности, сообщил, «что хоть общее расположение оного собора и согласно с утвержденным планом и материалов не щадили употребить на сооружение онаго храма, но не опытное и вовсе не искусное исполнение против плану равно и весьма небрежное производство работ, сделало что сей храм не только не соответствует правильности приличной сему великолепному зданию, но даже имеются и повреждения». Далее он перечисляет ошибки в строительстве и повреждения и предлагает меры по их устранению. Полный текст рапорта мы опубликовали в 2019 г. [3, с. 59, 60].

Выполнению работ по замечаниям Ефимова помешал большой пожар в Арзамасе, произошедший в 1823 г., а также трещина, обнаруженная в столпе собора. Заделали ее только в 1826 г. [3, с. 60].

Для устранения замечаний Ефимова и восстановления города от пожара был приглашен из Воронежа в 1827 г. С.И. Соколов, ставший первым городовым архитектором Арзамаса. В книге «Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников…» почти каждое упоминание Семена Ивановича Соколова сопровождается припиской: «Выпускник Императорской академии художеств» [1, с. 24, 75, 201, 242, 380]. Один раз даже указывается год окончания учебы – 1824 [1, с. 380]. Но учебы в академии не было. В чем легко убедиться, например, по изданию: Кондаков С.Н. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – СПб., 1915. Здесь же можно узнать, что Коринфский так и не стал академиком архитектуры, а был так называемым «назначенным» [2, с. 107] за проект Троицкого собора в Симбирске. Между прочим, в тот день, когда Коринфский стал «назначенным», И.Е. Ефимов получил звание академика архитектуры [3, с. 60], но о звании Ефимова нет упоминания в книге «Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников…», как и не встретите имени архитектора здания Арзамасского уездного училища.

Восстановим историю строительства здания Арзамасского уездного училища, опираясь на архивные источники.

В 1787 г. в Арзамасе было открыто малое народное училище, 15 марта 1808 г. оно было преобразовано в уездное [5, д. 461, л. 14], для которого в 1809г. арзамасский градской глава Иван Попов на собственные средства построил каменное одноэтажное здание.

О благотворительности Попова в декабре 1809 г. попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский доложил министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому: «Арзамасский купец Градской Глава Попов, руководствуясь усердием из пользы общественной, пожертвовал из имения своего, по засвидетельствованию Г. Гражданского Губернатора более девяти тысяч рублей на устроение в Арзамасе пристойного здания для уездного училища. Здание сие состоит из каменного одноэтажного дома покрытого железом и разделенного на четыре большие покоя для классов и других помещений; для жительства трем учителям построен особливый флигель на каменном фундаменте, при коем сделана особо довольно просторная кухня с сеньми; отделено от флигеля выстроены два сарая с двумя погребами и баня. Что все построено им прошедшего лета и минувшего октября 14-го числа принято в училищное ведомство. В следствие сего отдавая должную справедливость толико благонамеренному подвигу и столь значущему пожертвованию, употребленному упомянутым купцом Поповым на пользу училищную, я долгом своим поставляю донесть о том Вашему сиятельству и вкупе покорнейше представить, не благоугодно ли будет обратить Ваше начальственное внимание исходатайствовать ему какое-либо высокомонаршее благоволение по благоусмотрению Вашему.

Степан Румовской 9 декабря 1809-го года. Получено 13 декабря 1809 года

К докладу 5 февраля 1810 года» [6, д. 88, л. 5, 5 об.].

16 февраля 1810 г. в газете «Северная почта или Новая Санктпетербургская Газета» была напечатана заметка.

«Из АРЗАМАСА, от 4 февраля.

Здешний Градский Глава, первой гильдии Купец Иван Попов, построил здесь каменный дом в один этаж со всеми принадлежностями, для помещения в оном уезднаго училища, вместе с учителями и прислугою. Употребленныя на сие построение издержки простираются до девяти тысяч семидесяти двух рублей. Сверх того он подарил ещё в пользу нашего города каменный двухэтажный дом для пристанища бедных, обязавшись при том снабдевать оный от себя на сто человек пристойным одеянием и прочими необходимыми для богадельни потребностями, и в течении одного года доставлять им пищу, а после того о содержании их будет иметь попечение Градская Полиция обще с Думою.

По представлению Начальства о таковом благотворении г. Попова, который и прежде сего значущими пожертвованиями ознаменовал усердие свое к пользе Отечества, Государь Император Всемилостивейше пожаловал ему Золотую медаль на красной ленте, с надписью *за полезное*» [7].

Уже в 1828 г. здание училища пришло «в ветхость», и правление Казанского университета обратилось к попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину «с представлением о перестройке дома Арзамасского уездного училища» [6, д. 88, л. 13].

Представление Мусиным-Пушкиным было приостановлено до определения в Нижегородскую гимназию директора, которому и было поручено «сообразить сию постройку» [6, д. 88. л. 13]. Подготовленный план не был принят – Мусин-Пушкин потребовал привести его в соответствие с новыми высочайше утвержденными 2 января 1830 г. планами и фасадами для домов уездных училищ.

28 июля 1832 г. М.Н. Мусин-Пушкин представил смету, планы и фасады, «прожектированные Архитектором Леером», министру народного просвещения и просил о финансировании по смете 40 116 рублей 95¾ копейки ассигнациями на перестройку каменного дома Арзамасского уездного училища с тремя деревянными флигелями [6, д. 88, л. 13 об.].

Министерство подключило к рассмотрению данного проекта архитектора департамента народного просвещения Щедрина, который предложил «новую пристройку можно сократить на два окна», отчего уменьшится смета [6, д. 88, л. 18].

Министр предписал попечителю Казанского учебного округа М.П. Мусину-Пушкину представить, согласно мнению архитектора Щедрина, новые сметы, планы и фасады. Мусин-Пушкин поручил архитектору Казанского университета М.П. Коринфскому составить планы, фасады и разрез для перестройки Арзамасского училищного дома сообразно замечаниям, сделанным архитектором Щедриным. Таким образом, планы и фасады Коринфского представляли собой планы и фасады, сочиненные архитектором Антоном Леером и уменьшенные на два окна по предложению архитектора А.Ф. Щедрина.

Мусин-Пушкин переслал чертежи к новому проекту исправляющему должность директора Нижегородских училищ для составления сметы по справочным ценам, утвержденным тогда в Арзамасе.

Архитектор Леер подготовил четыре документа для отправки в Казань [6, д. 88, л. 25].

На листе № 1 были представлены план, фасад и разрез постройкам училищного дома в Арзамасе с описанием и с выкопировкою из городского плана.

На листе № 2 были прежние планы и фасады для сличения.

На листе № 3 смета на перестройку и пристройку каменного дома длиною 10, шириною 8 и «вышиною» 4⅔ сажени с двумя деревянными флигелями на каменных фундаментах для уездного училища [6, д. 88, л. 39].

На листе № 4 ведомость о справочных ценах на материалы и работы в городе Арзамасе на 1833 год.

По правилам, утвержденным в 1831 г., смета и чертежи на постройку зданий для гражданских ведомств должны были проверяться сторонним архитектором с выездом на место строительства.

В нашем случае им стал архитектор конторы Нижегородского ярмарочного гостиного двора Иван Межецкий.

Антон Лаврентьевич Леер на тот момент – архитектор Нижегородской губернской строительной комиссии, уже построивший здание нижегородской семинарии, ныне один из корпусов Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (пл. Минина и Пожарского, 7).

Полученные из Нижнего Новгорода документы Мусин-Пушкин переправил в Санкт-Петербург в министерство народного просвещения для утверждения планов, фасадов и сметы, а также для получения разрешения на перестройку и пристройку Арзамасского уездного училищного дома.

Министерство народного просвещения передало чертежи и смету в министерство внутренних дел на проверку 13 июня 1833 г. Строительный комитет МВД рассмотрел и одобрил план и смету. Смета составила 37 961 руб. 34 коп. ассигнациями. На материалы предлагалось потратить 24 114 руб. 12 коп., на работы – 12 039 руб. 54 коп., и 1/20 часть в сумме 1 807 руб. 68 коп. на непредвиденные расходы [6, д. 88, л. 51].

В 1833 г. состоялось присоединение строительного комитета МВД к Главному управлению путей сообщения и публичных зданий, где в комиссии проектов и смет документы были одобрены 8 декабря 1833 г. Смету подписали полковник Зеге фон Лауренберг, архитекторы Иосиф Шарлемань и Висконти 2-й [6, д. 88, л. 51 об.].

Уже после утвержденной сметы, 3 июня 1834 г. директор Нижегородских училищ «обозревал каменный дом Арзамасского уездного училища, предполагаемый к перестройке и надкладке над оным верхнего этажа, нашел, что капитальная стена дома, обращенная на Север, отстоящая от соседнего строения не более двух аршин, от сырости непрочна, ибо от самого цоколя до фундамента можно выбирать из неё кирпичи простыми руками и разламывать на мелкие части, между тем сие упущено из виду при смете сделанной на перестройку сказанного дома. Посему он по совещании соотнесся к архитектору для освидетельствования сих ветхостей. Но дабы на будущее время отклонить порчу стены, директор предложил штатному смотрителю озаботиться о приобретении соседнего строения с местом. Штатный смотритель донес, что он находит приобретение сказанного места необходимым по следующим причинам: во-первых, к училищному дому от мещанина Пережогина пристроены службы разстоянием

между стенами на полтора аршина, а от крыши тех служб до стены училищной на 9-ть вершков. Такое близкое разстояние подвергает училищной дом неминуемой опасности в случае пожара, тем ещё более, что в тех службах мещанина Пережогина устроена стряпущая изба. Во-вторых, по Высочайше разрешенной перестройке училищного дома, в отделении нижнего этажа онаго, обращенном к означенным службам мещанина Пережогина, помещена квартира для одного из чиновников училища. По такому же близкому разстоянию между сим по необходимости будет необыкновенная темнота, а особливо зимою. И банное отделение сие освещается почти только из окон на Восток и Запад обращенных, а назначенная квартира, по причине предполагаемого устроения по сторонам сих входов во 2-й этаж лишена будет сего освещения и потому к проживанию не представляет никакой удобности. Приобретение соседнего места мещанина Пережогина отклонит выше прописанные неудобства, а сверх того на вновь купленном месте можно удобные устроить училищные ворота, поелику теперь существующий въезд чрезвычайно тесен. Мещанин Пережогин за место сие с находящимся на нем деревянным домом с лицевым забором, заключающее в себе земли поперечь: по передней 12 саж. 7 четв. по средней 13 саж. 2 четв. и по задней огородной межам 14 саж., а в длину двора и огорода 16 саж., назначает решительную цену 3000 руб. ассигнациями. Дом сей может служить в последствие времени помещением для приходского Крестовоздвиженского училища, так как для онаго во вновь устроенном доме уездного училища помещение не назначено» [6, д. 88, л. 152–153 об.].

«Архитектор Леер, по освидетельствовании дома Арзамасского уездного училища предполагаемого к перестройке уведомил Директора, что стена сего дома, обращенная к месту мещанина Пережогина, хотя и может выдержать накладку над онаго, но как соседнее строение слишком близко к ней, то за прочность ее нельзя ручаться, хотя бы она и была исправлена или вновь переложена. Почему для отвращения сего он полагает приобретение соседнего места необходимым» [6, д. 88, л. 153 об., 154].

17 сентября 1834 г. в Арзамасе был учрежден Строительный комитет для постройки уездного училища под председательством почетного смотрителя училища уездного предводителя дворянства Чемоданова и членов: городничего Баева, градского главы купца Подсосова и штатного смотрителя училища Гневашева; первое заседание Комитета произошло 9 февраля 1835 г. и именно эта дата считалась в документах началом стройки [6, д. 88, л. 53, 65].

Подсосов, Чемоданов и Баев купили у мещанина Пережогина соседний участок со строением за свои деньги.

В марте 1835 г. Главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий генерал-адъютант граф К.Ф. Толь выдал предписание Нижегородской

губернской строительной комиссии о наблюдении за строительством дома Арзамасского уездного училища.

16 апреля 1835 г. Комитет дал указание приступить к сломке училищного дома.

1 мая 1835 г. Арзамасское уездное и приходское Крестовоздвиженское училища перемещены в нанятый дом Мольиных с оплатой 500 руб. [6, д. 88, л. 71].

В первый год строительства был произведен значительный объем работ. Перечислим большинство и назовем подрядчиков.

Сломал старую крышу со стропилами крестьянин села Выездная Слобода Александр Умнов.

Вырыл землю под фундамент под главный дом и флигеля крестьянин села Выездная Слобода Николай Шутов.

Были выломаны внутренние стены, оказавшиеся ненужными, и лицевая средняя стена с фронтонами и колоннами.

Уложен бут в новый фундамент и под печи главного корпуса, и под два флигеля.

Положен кирпич и белый камень как в доме, так и в фундаментах флигелей.

За каменные работы отвечал из села Хирино крестьянин Василий Пурков и Филипп Рещиков [5, д. 534, л. 343 об.–344]. Кладка была закончена к концу 1835 г. Были сломаны старые печи и сложены десять голландских и три русских печи.

Почти вся плотницкая работа досталась крестьянину Николаю Мошенцову из деревни Озерки Арзамасского уезда [5, д. 534, л. 344 об.–345].

Столярная работа была произведена дворовыми Андреем Серебряковым и Василием Жериковым. По плану необходимо было изготовить и установить в главный корпус 20 оконных двойных рам на каждый этаж, семь одинарных на первый этаж и восемь – на второй [5, д. 534, л. 346 об.–347].

Семен Усанов из Выездной Слободы покрыл крышу железом и два раза ее покрасил, изготовил желоба, водосточные трубы [5, д. 534, л. 345 об.–346].

Кузнечная работа сделана была арзамасскими мещанами Михаилом Даниловым и Иваном Цыбышевым.

Николай Мошенцов и Семен Усанов работали также на строительстве Арзамасского Воскресенского собора [3, с. 61, 62].

Архитектор Леер за составление планов и сметы получил 200 руб., а за присмотр за работами – еще 800 руб. [5, д. 534, л. 347 об.–348].

В дальнейшем стройка несколько замедлилась. Вот что написал в апреле 1837 г. инспектор казенных училищ: «Главный каменный корпус окончательно возведен, покрыт, оштукатурен снаружи и внутри, полы

настланы, печи складены, двери навешены, кроме двух, оконные рамы и стекла для них заготовлены; два корпуса деревянных служб на каменном фундаменте совершенно окончены. Затем для исполнения проэкта остается сделать балюстрад на крыльцах, парадную лестницу, которой положено только каменное основание, перегородку от нижнего коридора к парадной лестнице, вставить рамы и устроить отхожие места» [6, д. 88, л. 80, 80 об].

В марте 1838 г. уволился почетный смотритель училища Чемоданов, и так как он был председателем в Комитете о постройке Арзамасского уездного училища, то в председатели был предложен Арзамасский городничий [6, д. 88, л. 81].

Попечитель Казанского учебного округа Мусин-Пушкин предписал директору училищ Нижегородской области принять каменный дом и прочие строения Арзамасского уездного училища в учебное ведомство.

25 ноября 1838 г. постройки училища были освидетельствованы директором Нижегородских училищ М. Грацинским, инженер-капитаном Дмитриевым, Арзамасским городничим Требицким и штатным смотрителем Кориандровым. По свидетельству оказалось, что для окончательного приема строений в учебное ведомство необходимо сделать некоторые мелочные поделки и починки и произвести небольшие постройки [6, д. 88, л. 88, 88 об.].

Но все же Арзамасское уездное училище 6 декабря 1838 г. было переведено во вновь построенный для него каменный дом [6, д. 88, л. 91].

В декабре 1838 г. запланировали достроить вокруг всех строений на каменных столбах ограду, калитку и решетчатый забор, а при заднем крыльце главного дома – деревянные стены, железную на них крышу и сделать внутреннее обустройство [6, д. 88, л. 85]. Была составлена дополнительная смета архитектором Казанского учебного округа Безсоновым, но она была забракована комиссией проектов и смет; новую составил уже архитектор Леер.

Датой окончания строительства считается 28 сентября 1840 г.

7 декабря 1840 г. для освидетельствования вновь построенного дома и прочих зданий для Арзамасского уездного училища прибыли: старший учитель Нижегородской гимназии Александр Кученев, городничий Сидамонов, купец Алексей Подсосов и штатный смотритель Яков Кориандров.

«По освидетельствовании оказалось, что предложенные постройки по главной и дополнительной сметам окончательно все произведены надлежащим образом; неисправности, оказавшиеся при свидетельстве 25 ноября 1838 года устранены. Все здания находятся точно в таком состоянии и все принадлежности к оным в такой исправности и целости, как означено в представленной для сдачи дома описи.

Определено: по означенной описи, вновь выстроенный дом уездного училища с прочими при нем зданиями и строениями, сдать в учебное ведомство под росписку штатного смотрителя» [6, д. 88, л. 105].

За время строительства было сэкономлено 4 133 руб. 64 ½ коп. ассигнациями или 1 181 руб. 4 ¼ коп. серебром, что стало поводом попечителю Казанского учебного округа Мусину-Пушкину написать министру народного просвещения ходатайство о награждении.

«К доставлению такой значительной в пользу казны экономии и вообще к успешному ходу работ, более всех из членов комитета содействовал Арзамасский 2-й гильдии купец Алексей Иванов Подсосов, который и по выбытии из должности градского главы, согласно желанию его и с разрешения Вашего от 27 февраля 1837 года, оставаясь членом Комитета, был одним из деятельнейших и полезнейших и об усердии его, в котором я лично удостоверился. Сверх того Подсосов: 1. участвовал в покупке для Арзамасского уездного училища места и дома на свой счет вместе с гг. Почетным Смотрителем Чемодановым и Городничем Баевым за 1000 руб., как Ваше Высокопревосходительство из донесения моего от 8-го октября 1835 года знать изволите. 2. Служил по выборам градского общества с 1825 по 1828 год в городовом Магистрате первым Бургомистром, с 1834 по 1837 год Градским главою, с ходатайствовать пред Вашим Высокопревосходительством о награждении купца Подсосова золотою медалью на Аннинской ленте с надписью за полезное» [6, д. 88, л. 107, 107 об.].

Не забыл Мусин-Пушкин отметить, что «для окончательного устройства дома Арзамасского уездного училища недостает при нем тротуаров и столбов с фонарями, постройки флигеля на каменных столбах для отхожих мест, скотного хлева и для складки дров, а равно и приличной мебели, на что, по поручению моему, составлены сметы, которые я буду иметь честь представить» [6, д. 88, л. 108 об.].

На этом хронологию строительства Арзамасского уездного училища мы окончим и приступим к ответу на второй, заявленный в заголовке вопрос: учился ли в Арзамасском уездном училище Василий Перов, в будущем великий русский художник? Вопрос правомерный, ибо до сего дня не было опубликовано ни одного документа, доказывающего этот факт, как не было до 2019 г. и свидетельств его учебы в Арзамасской школе живописи академика Ступина. Поиском доказательств учебы Перова занималась бывший директор Государственного архива Нижегородской области в Арзамасе В.М. Чараева, но безуспешно [8, с. 51]. Первым, кто сообщил об учебе В. Перова в Арзамасском училище и в школе Ступина, стал его биограф Н.П. Собко, указывая годы учебы в училище с 1843 по 1846 [9, стб. 79].

В Центральном архиве Нижегородской области хранится «Ведомость об успехах и поведении учеников Арзамасского уездного училища за вторую

половину 1844/1845 года». Как и было предусмотрено «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских… 1828 года», в Арзамасском уездном училище было три класса. К слову, по «Уставу учебных заведений, подведомых университетам 1804 года», в уездных училищах было два класса. Откуда почерпнули авторы книги «Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников…» сведения, что в Арзамасе было четырехклассное уездное училище, неизвестно [1, с. 376]. Ошибочно и название «здание гимназии», под которым наш объект числится в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) под № 521510273270006. Гимназии были только в губернских городах.

Учебный год продлился с 3 сентября 1844 г. по 20 июля 1845 г.

Учеников в течение года было 79 человек, в том числе детей дворян и чиновников – 16, купцов и мещан – 51, разночинцев – 12.

Выбыло по разным причинам 24.

К испытаниям, которые проводились с 10 по 15 июля 1845 г., были допущены: в 1-м классе 38 учеников, во 2-м классе – 10 учеников, в 3-м – семь.

По результатам испытаний, закончили училище семь человек, переведены в 3-й класс шесть учеников, переведены во 2-й класс 17 учеников [5, д. 658, л. 32].

Среди учеников 1-го класса числился Василий Перов, по окончании учебного года получивший следующие оценки по «сложной аттестации»: способности – 4, прилежание – 4, успехи – 4, поведение – 5 [5, д. 658, л. 25 об.].

В 1-м классе ученики изучили: «Из Священной Истории: С падения царства Израильского, пройдено до Рождества Христова, пройдена вся история Нового Завета и краткий Катехизис. Из русского языка: Вся первая часть грамматики. Словопроизведение. Из арифметики: Вся 1-я часть. Из Всеобщей географии: Общее обозрение всех частей света. По части искусства: рисуют полулица и части лица; чертят пирамиды, пишут прописи» [5, д. 658, л. 25 об.–26].

Василий Перов по результатам испытаний был переведен во 2-й класс, а 20 июля на торжественном акте, как и трое его одноклассников, получил похвальный лист [5, д. 658, л. 32 об.].

В биографии Перова написано, что он окончил все три класса училища, но произошла ошибка, вероятно за давностью лет, в годах обучения. Реально он обучался в училище с 1844 по 1847 год.

С 1847-го по 1849-й, а возможно, и несколько позже, Перов обучался в школе живописи академика А.В. Ступина, в воспоминаниях он упоминает товарищей по учебе: Ивановского и Гусева. Нам удалось выяснить, что это реальные ученики школы Ступина: арзамасский мещанин Федор Николаевич

Ивановский и купеческий сын Михаил Константинович Гусев [3, с. 66], что, безусловно доказывает факт обучения Перова у Ступина.

В дополнение. В 1838 г. архитектор Антон Леер по просьбе ректора Нижегородской семинарии архимандрита Иннокентия разработал план и смету на перестройку и достройку второго этажа корпуса уездного духовного училища с бурсою (общежитием) при Спасском монастыре в Арзамасе [10, д. 441, л. 1, 2]. Но история его строительства – это, возможно, уже тема другого доклада.

Источники и литература

1. Арзамас: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [отв. ред. А.Л. Гельфонд]. – Н. Новгород: Кварц, 2013. – 528 с. (Объекты культурного наследия Нижегородской области).

2. Малышев А.В. Архитектор Михаил Петрович Коринфский (1782–1851). Домыслы и факты биографии, 1782–1814 гг. // Нижегородский край в истории России (Памяти профессора Н.Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 года. – Н. Новгород: Изд-во Pixel-print, 2015. – С. 105–116.

3. Малышев А.В. Об архитекторах, строителях и художниках Арзамасского Воскресенского собора // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2018 г.). Вып. XV / отв. ред. В.И. Грубов, науч. ред. А.А. Исаков, Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 49–69.

4. Собственноручные записки о жизни академика А. В. Ступина // Щукинский сборник. Вып. III. – М., 1904. – С. 369–482.

5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 505. Оп. 407.

6. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 39.

7. Из Арзамаса, от 4 февраля // Северная почта или Новая Санктпетербургская Газета. – 1810. – № 31.

8. Чараева В.М. Василий Григорьевич Перов: страницы биографии (по документам архивов Арзамаса, Нижнего Новгорода, Москвы) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (7 декабря 2007 г.). Выпуск IV / Под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНО № 2 г. Арзамас. – Арзамас: АГПИ, 2008. – С. 49–53.

9. Собко Н.П. Словарь русских художников… Т. 1–3. – СПб., 1893–1899. – 3 т.; Вып. 1. – П: (700 имен). – 1899.

10. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 318.

Автор выражает благодарность сотруднице ГАНО, г. Арзамас И.Г. Потороевой за содействие в написании данной статьи.

ВЫПУСКНИЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО МАРИИНСКОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ. ДВЕ СУДЬБЫ

Наталья Алексеевна Пакшина
Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева
к.т.н., доцент кафедры прикладной математики
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: nataliapakshina@mail.ru

В статье рассматривается Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в разные периоды его существования. Предпринята попытка развенчать миф о неприспособленности к жизни воспитанниц подобных учебных заведений. Подробно рассказывается о жизни двух выпускниц 1903 г. Особое внимание уделено вопросам получения дальнейшего образования и профессионального становления женщин-медиков в начале XX века.

Ключевые слова: *Нижегородский Мариинский институт; XX век; Елена Ивановна Пискунова; Елена Андреевна Михайлова; медицина.*

У большинства наших современников при словах «Мариинский институт благородных девиц» возникают ассоциации, такие как «кисейные барышни», «дворянки», «оторванность от жизни», «символ русской дворянской культуры». Все это так, но только отчасти. А в нашем случае неверно совсем, поскольку мы собираемся рассказать о том, как сложилась жизнь двух выпускниц 1903 г.

Дело в том, что Нижегородский Мариинский дворянский институт был открыт в 1852 г., одновременно с большинством подобных учебных заведений в Российской империи, а окончательно закрыт в 1918 г. Состояние женского образования в Российской империи за годы существования института сильно менялось, и не один раз.

Поначалу Мариинский институт являлся закрытым перворазрядным учебным заведением, преимущественно для дочерей потомственных дворян и военных чинов не ниже штаб-офицерского, а также для дочерей купечества 1-й и 2-й гильдии. Девочки принимались в Институт в возрасте 10–12 лет, обучение длилось шесть лет. Воспитанницы были практически полностью изолированы от внешнего мира. Им запрещалось покидать стены института. Даже для посещения церкви, которая находилась недалеко, практически через дорогу, – воспитанниц сопровождал эскорт из пристава и трех городовых. По мнению историка В.В. Пономаревой, даже во второй половине XIX века «подобные учебные заведения многим казались отжившими свой век. В эти годы на страницах периодической печати нередко встречались безапелляционные утверждения о «ненормальности <…> институтов, в смысле закрытых женских заведений» [1, с. 55, 56].

Первые двадцать лет существования Нижегородского института характеризовались достаточно слабым спросом на институтское образование. По этой причине было начато преобразование его из замкнутого учебного заведения в полуоткрытое. В 1875 г. впервые появились полупансионерки и так называемые приходящие. И сразу количество желаю-

щих поступить значительно увеличилось, прием проводили уже на конкурсной основе [2, с. 79]. В это время был совершен переход на семилетние обучение. Другими словами, никак нельзя сравнивать институт в первые двадцать три года существования с последующим периодом.

Следует отметить, что не всем поступившим по тем или иным причинам (высокие требования к качеству знаний, значительная плата за обучение, состояние здоровья) удавалось окончить институт. Например, за первые 50 лет со дня открытия, т.е. за период с момента основания в 1852 г. до юбилейных торжеств в 1902 г., полный курс окончило только 64,4% от 1 607 поступивших [2, с. 94].

Вернемся, однако, к заявленной теме и расскажем, как сложилась дальнейшая жизнь двух одноклассниц, медалисток выпуска 1903 г. Наш рассказ пойдет о двух Еленах: Елене Ивановне Пискуновой ***(Приложение 8, фото 1)*** и Елене Андреевне Михайловой ***(Приложение 8, фото 2)***.

Елена Пискунова родилась 4 июля 1886 г. в семье землемера Ивана Алексеевича Пискунова и его супруги Александры Николаевны. Многодетная семья Пискуновых переехала в Нижний Новгород из Харькова. У Елены была сестра Клавдия, три старших брата Александр, Петр и Флегонт и младший брат Павел [3].

Между детьми была большая разница в возрасте. Например, Лена в детстве не так часто видела брата Александра (1870−1924), поскольку, когда до 1890 г. он учился в Нижегородском Дворянском институте, она в то время была совсем маленькой. В 1894 г. он поступил сначала в Московский, а потом в Казанский университет, какое-то время служил в армии и вернулся в Нижний Новгород уже женатым, взрослым человеком только весной 1900 г. и поначалу устроился делопроизводителем в Городскую управу [4]. Впоследствии стал известным революционером.

Учиться Елену определили в Нижегородский Мариинский институт благородных девиц поначалу полупансионеркой. Обучение в институте в то время длилось семь лет, причем классы нумеровались в обратном порядке, т.е. самый младший – седьмой, а старший – первый. О том, как протекали годы учебы, мы можем прочесть в дневниках ее одноклассницы и самой близкой подруги Анны Аллендорф. Приведем несколько выдержек из дневниковых записей за март–сентябрь 1900 г. Эти записи позволяют отчетливо представить взаимоотношения девочек [5].

В этих записях Аня часто называет Лену «Лелей» или «Лелькой».

13 марта 1900 г.: «Мы с Лелькой вели очень интересные разговоры про наши книги и про масленицу».

20 марта: «Прихожу в институт и, о ужас, Лёлька П. не пришла, так, что мне не с кем сидеть… Лёлька П. прислала мне в институт письмо

с просьбой написать ей уроки и, вообще, все происшествия, случившиеся у нас...».

24 марта: «Мы пошли домой Лёлька П., Лена Ш., Наташа М. и я. Лёлька очень скоро нас оставила, потому, что живёт близко от института, а мы 3 пошли дальше».

Адрес не указан, но сомневаться не приходится, поскольку сейчас, на доме по адресу ул. Минина (бывшая Жуковская), 25, что на углу с Провиантской, установлена мраморная мемориальная доска, на которой можно прочесть «В этом доме В.И. Ленин встречался с А.И. Пискуновым весной 1900 года». Беседа между Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным) и Александром Ивановичем Пискуновым длилась полтора часа и оказала огромное влияние на брата Елены. После этой встречи, произошедшей ранней весной 1900 г., как пишет сам А.И. Пискунов, «он был крепко сбит со своих позиций» − остатков взглядов экономизма и заразился революционными идеями [4]. В.И. Ульянов заезжал в Нижний Новгород, возвращаясь из сибирской ссылки.

В этом деревянном на каменном полуэтаже доме, принадлежавшем музыканту В.Ю. Виллуану, в то время на верхнем этаже жили сами хозяева, а на нижнем снимал квартиру чиновник Иван Алексеевич Пискунов с семьей.

13 апреля: «Мы очень весело провели время: болтали глупости, хохотали. Потом Лена держала экзамен, ей 12 и мне тоже».

В этом учебном заведении была в ходу 12-балльная система отметок, при этом 12 – это был высший балл, а 6 – первый неудовлетворительный.

9 сентября: «Звоню, мне открывает сама Лёлька и тащит меня в свою комнату. Живут они всё-таки довольно бедно, комнаты маленькие. Мы с ней, конечно, болтали о разных разностях… Лёля заводила граммофон, он мне больше нравится, чем фонограф, звук гораздо ясней и без шипения. Читала она мне свой дневник, это было ужасно интересно. Какой у неё дневник. В сравнении с моим, один восторг…

…Лёля Пискунова, вот моя настоящая подруга!!!!!!» [4].

За успехи в предыдущем учебном году в сентябре воспитанницы обычно награждались книгами, причем разными, поскольку администрация и преподаватели старались учесть наклонности учениц. Например, в 1900 г. Елена Пискунова получила альбом картин по географии; видимо, уже тогда, в начале третьего класса, была заметна ее тяга к естественнонаучным дисциплинам.

Мариинский институт Елена Пискунова окончила в 1903 г., получив при этом золотую медаль. Но, как и в каждой большой семье, события приятные и тяжелые непрерывно чередуются между собой. В этот самый

1903 г. старшего брата, служащего Городской Думы Александра Ивановича Пискунова трижды арестовывают, заключают в острог и, в конечном счете, ссылают в Курск, и вскоре он покинет родной город. Пискуновы неоднократно меняли съемные квартиры, например, по свидетельству внучки Елены Ивановны, «…с 1908 г. семья жила на ул. Мининской, д. 13 (ныне – ул. Невзоровых)» [3].

Елена Пискунова (рис. 1) продолжила свое образование на Московских женских высших курсах (МЖВК) профессора В.И. Герье. Назывались они по имени основателя, но с 1905 г. директором Московских высших женских курсов стал знаменитый математик и инженер Сергей Алексеевич Чаплыгин [6]. К началу XX века эти курсы уже не были частным учебным заведением, они относились к Министерству народного просвещения.

Е.И. Пискунова училась на медицинском факультете, открытом в 1906 г. Она закончила его в 1913 г., таким образом попав во Второй выпуск врачей МЖВК [3].

Получив медицинское образование, Елена вернулась в Нижегородские края. До нас дошли свидетельства, что в 1915 г. Е.И. Пискунова служила земским врачом приемного покоя в Рожнове – волостном центре Семеновского уезда [7, с. 172]. Это был небольшой населенный пункт, насчитывавший 34 двора и находившийся к югу от Семенова на низменном побережье Волги. Кроме него, в состав участка входили ближайшие небольшие селения и хутора, т.е. к ней за помощью обращались больные со всей округи [8 с. 156]. Некоторое время Е.И. Пискунова также работала в Балахне [3].

В последующий период Елена Ивановна стала специализироваться как гинеколог в Нижнем Новгороде. Вышла замуж за врача-терапевта Виктора Александровича Введенского, происходившего из семьи церковных служителей. У них родилась дочь Марина, которая пошла по стопам родителей, т.е. связала свою жизнь с медициной. Марина Викторовна (в замужестве Зильберг) стала, как и отец, врачом-терапевтом и всю жизнь проработала в клинической больнице № 5.

Елена Ивановна Пискунова прожила долгую и насыщенную жизнь. За выдающиеся заслуги в области народного здравоохранения 12 октября 1948 г. ей было присвоено почетное звание Заслуженного врача РСФСР ***(Приложение 8, фото 3)***.

Она принимала участие в общественной жизни города. Когда в 1970 г. библиотеке № 8 Советского района было присвоено имя Александра Ивановича Пискунова, то Елена Ивановна вместе с младшим братом Павлом Ивановичем подарили библиотеке 140 экземпляров книг и стали частыми гостями на мероприятиях библиотеки тех времен [9]. Нужно отметить, что именем старшего брата А.И. Пискунова – одного из

активных деятелей революционного движения, человека, возглавившего первый Нижегородский комитет РСДРП – названа не только библиотека, но и улица в Нижегородском районе. Младший брат Павел Иванович (1890−1988) занимался строительством, являлся крупным специалистом по водоснабжению, был заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, профессором.

Внучка Елены Ивановны О.К. Гуляева так вспоминала свою бабушку: «Она была очень внимательной, заботливой, доброй, интеллигентной, правильной. Любимое занятие – чтение. **Время учебы в институте благородных девиц наложило отпечаток на всю ее жизнь** (*выделено нами – **Авт.***). Она читала, сидя всегда за столом, держа спину прямо. Хорошо знала французский и немецкий языки» [3].

Умерла Елена Ивановна 24 апреля 1974 г. на 88-м году жизни. Сейчас в Нижнем Новгороде проживают потомки выпускницы Мариинского института благородных девиц 1903 г. Е.И. Пискуновой – ее внучка Ольга Константиновна Гуляева и правнук Дмитрий.

Теперь обратимся к другой выпускнице, Елене Андреевне Михайловой.

Родилась Елена Андреевна в 1887 г. в Нижнем Новгороде в семье подпоручика в отставке Андрея Петровича Михайлова (1842−1932) и его жены Александры Сергеевны Михайловой (урожденной Шебуевой). Ее отец происходил из нижегородских дворян. Он окончил II Петербургский кадетский корпус и некоторое время служил в Х-м стрелковом батальоне. В 1865 г. «по болезни» вышел в отставку без мундира и пенсии, поскольку был совсем молодым и не выслужил необходимый срок. Он вернулся на родину в Кремницкое (Княгининский уезд Нижегородской губернии). В 1871 г. дворянство Княгининского уезда выбрало его мировым посредником, а в 1872 г. – мировым судьей [10, с. 122].

А.П. Михайлов женился на Александре Сергеевне Шебуевой, принадлежавшей к дворянскому роду, известному в Нижегородской губернии, и в их семье один за другим появляются дети: Петр, Сергей, Софья, Мария, Николай, Василий, Елена, Владимир, Борис [11, д. 9026, л. 1, 6, 7, 10; 11, д. 9027, л. 1, 5, 5 об.].

В декабре 1882 г. А.П. Михайлов был избран в Нижегородскую губернскую земскую управу, в 1893 г. возглавил ее и стал членом учетного комитета Нижегородского отделения Госбанка по выдаче ссуд землевладельцам [10, с. 122].

Семья переезжает в Нижний Новгород, и вскоре отставной подпоручик А.П. Михайлов становится весьма заметной фигурой в Нижнем Новгороде. Он состоял членом попечительского совета Мариинской женской гимназии и совета Дворянского приюта, а также «Нижегородского

местного управления Российского общества Красного Креста» [12, с. 27, 47, 84]. В 1897 г. отца Елены избирают заведующим Александровским дворянским банком, а в 1901 г. назначают одним из директоров.

Начиная с 1883 по 1903 год, семья живет в своем доме в историческом центре Нижнего Новгорода по адресу ул. Алексеевская, 20. В адрес-календарях за некоторые годы про проживание Михайловых можно прочесть: Алексеевская, 22. По всей видимости, за это время имела место незначительная перенумерация [13, с. 9, 95]. Дом располагался на территории старой усадьбы, некогда принадлежавшей князю Г.А. Грузинскому и его потомкам. К дому примыкал сад. Этот деревянный одноэтажный дом с мезонином на каменном фундаменте был обшит тесом, имел деревянный накладной декор строгого «академического» характера [14].

Здесь Лена родилась и прожила все свои детские и юношеские годы. Елена Михайлова появилась на свет 20 июня 1886 г. Елену крестили в церкви Алексея Митрополита, что была расположена у кремля на центральной площади Нижнего Новгорода и недалеко от дома Михайловых. Ее восприемниками стали старший брат Петр, в то время кадет Аракчеевского корпуса, сестра Мария, домашняя учительница Зинаида Павловна Племянникова, а также известный писатель Александр Константинович Шеллер [11, д. 9027, л. 5]. С последним связана довольно интересная история, но она требует отдельного рассмотрения и никак не может вместиться в рамки данной статьи.

А летние месяцы семья Михайловых проводит в Кремницком Княгининского уезда. Елену отдали учиться в Мариинский институт. О ее учебе мы знаем совсем немного. О ней упомянула ее одноклассница Анна Аллендорф в своем дневнике, где отметила чуткость Лены Михайловой и готовность поддержать в трудной ситуации. Аня рассказывала о случае, когда после неудачного ответа на уроке истории, она села и заплакала, а «Л. Михайлова сидела со мной и старалась меня утешить» [5]. Училась Елена Михайлова хорошо, и была при окончании института в 1903 г. награждена серебряной медалью [15, д. 145, л. 3].

Окончила Елена Мариинский институт, будучи совсем юной, ей едва исполнилось 17 лет. Первые годы после выпуска она жила с семьей своей старшей сестры Марии, которая вышла замуж за сергачского помещика Николая Петровича Приклонского (1871−1927) [11, д. 9726, л. 8 об., 9]. Усадьба Приклонских в Старинском находилось в живописном месте Сергачского уезда Нижегородской губернии. С тем, как она выглядела, мы можем познакомиться во многом благодаря замечательному альбому В.В. Краснова «Нижегородская усадьба в подлинных фотографиях. Усадьба Приклонских в Старинском» [18].

Усадьба в Старинском располагалась на возвышенном месте, откуда открывались панорамные виды на бескрайние поля и леса. Автору этой статьи в 2021 г. удалось побывать в Старинском на территории бывшей усадьбы Приклонских. Здание Казанской церкви мы можем созерцать и сейчас, но, к сожалению, красавица-церковь полуразрушена. И вообще, от всей усадьбы сейчас осталось только одно деревянное здание, предположительно дом управляющего.

В Старинском Елена помогала сестре воспитывать племянников: Петра, появившегося на свет в 1901 г., а позже и Георгия (Юрия), который родился в 1904 г. Она вместе с сестрой Софьей занималась с мальчиками. Одной из причин переезда в усадьбу Приклонских было то, что в 1904 г. в связи с началом русско-японской войны мужа Марии Андреевны призвали по мобилизации в Киевский гренадерский батальон, и только в январе 1906 г. Николай Петрович вновь уволен в запас и вернулся к семье [11, д. 9726, л. 6а].

Елена Михайлова продолжила свое образование на медицинском факультете Высших женских курсов в Москве (МЖВК). Популярность курсов во многом объяснялась авторитетным преподавательским составом: это были лучшие ученые России [6]. К началу 1912 г. число преподавателей курсов выросло до 227. Из них 83 педагога имели степени докторов или магистров наук. Лекции читали профессора Императорского Московского университета.

Елена Андреевна училась на курсах одновременно с Еленой Ивановной Пискуновой, своей одноклассницей по Нижегородскому Мариинскому институту. В период учебы в Москве две Елены тесно общались, о чем рассказала внучка Е.И. Пискуновой Ольга Константиновна Гуляева: «Я помню по рассказам моей бабушки Елены Ивановны Пискуновой, что она дружила с Еленой Андреевной Чачиной, и что они учились примерно в одно время» [3]. Могли ли тогда девушки предполагать, что вскоре породнятся? У Елены Пискуновой был родной брат, известный революционер Александр Пискунов, жена которого Елена Ивановна являлась родной сестрой будущего супруга Елены Михайловой – Николая Чачина.

Окончив с отличием медицинские курсы в 1914 г., Елена Андреевна Михайлова стала служить в селе Воскресенском Макарьевского уезда, в одном из самых глухих мест северо-востока Нижегородской губернии. Вся окрестная территория Воскресенского была покрыта лесами, а сообщение осуществлялось преимущественно по рекам. Там к тому времени уже работал земским врачом ее будущий муж Николай Иванович Чачин (1884−1934).

Н.И. Чачин после Нижегородской губернской гимназии получил медицинское образование, окончив медицинский факультет Московского

университета [17, с. 371]. Молодые люди поженились и продолжали работать в земстве. В гражданскую войну Н.И. Чачин служил врачом 27-й стрелковой дивизии, по окончании войны он некоторое время трудился в Княгининском уезде. Позже его пригласили в село Лысково, где при районной больнице было открыто прекрасно оборудованное хирургическое отделение. Приехав в Лысково и ознакомившись с новым подразделением, он согласился здесь работать.

Вместе с женой и племянницей жены, хирургической сестрой Кирой Сергеевной Михайловой, они переехали в Лысково в 1926 г. В этой больнице Н.И. Чачин первым в районе начал делать операции по удалению аппендицита, щитовидной железы и разных опухолей, а также операции на желудке и даже костные операции…. Чагин умер рано, в 1934 г. [17, с. 371].

После его смерти Елена Андреевна возглавила хирургическое отделение и проработала там с 1934 по 1965 год (до возраста 79 лет!). В годы Великой Отечественной войны она была единственным хирургом в районе. В 1943 г. ей было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». За самоотверженный труд в военный период награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войн 1941−1945 гг.». В 1946 г. Елена Андреевна была занесена в «Книгу почета работников здравоохранения», а в 1951 г. награждена орденом Ленина. За годы работы в Лысковской больнице Е.А. Чачина сделала свыше восьми тысяч операций. Как отличного специалиста и человека ее очень уважали лысковчане. В 1967 г. ей было присвоено звание «Почетный гражданин г. Лысково» [18].

Жившие с ней племянницы, дочери ее братьев Сергея и Владимира, также посвятили себя медицине. Кира Сергеевна Михайлова (1901−1997) работала хирургической сестрой до самого выхода на пенсию и была награждена медалью за «Трудовое отличие». Другая племянница, Ирина Владимировна Михайлова (1915−1995) окончила в 1942 г. Горьковский институт, после чего ее сразу направили на фронт. Началась для нее война под Ржевом, потом были Белоруссия, Польша, Германия. И.В. Михайлова была награждена медалью «За боевые заслуги». После войны она также работала в Лысковской больнице [17, с. 372]. Похоронены все четверо близких людей рядом на Старом городском кладбище Лыскова. И не случайно на камне над могилами четырех медиков мы кроме православного креста видим сосуд Гигиеи − современный символ медицины.

Итак, мы рассмотрели краткие биографии двух замечательных женщин, выпускниц Нижегородского Мариинского дворянского института – Елены Ивановны Пискуновой и Елены Андреевны Михайловой. Они не

только получили медицинское образование, но и состоялись в своей профессии.

Их жизнь совсем не похожа на судьбы большинства выпускниц этого учебного заведения за первый период существования института. В XIX веке воспитанницы после окончания чаще всего служили учительницами, преподавателями, классными дамами, воспитательницами или домашними наставницами. Если они выходили замуж, то, как правило, их деятельность ограничивалась исключительно семьей. Возможности воспитанниц первых выпусков были ограничены тем, что высших учебных заведений для продолжения своего образования на родине просто не было.

В конце XIX века и тем более в XX-м, учебных заведений, где это можно было сделать, появилось уже немало. Во многом этим фактором и определись судьбы многих девушек. Медицинское поприще было избрано не только Е.И. Пискуновой и Е.А. Михайловой (в замужестве Чачиной).

Например, две воспитанницы Мариинского института – сестры Гейнце Елена Александровна и Мария Александровна – продолжили свою учебу в Петрограде. М.А. Гейнце поступила в Военно-медицинскую академию и по окончании работала хирургом [19, с. 72, 76]. Е.А. Гейнце окончила Первый Ленинградский медицинский институт, позднее стала микробиологом и в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию [20].

В целом хотелось бы отметить, что в Мариинском институте воспитанницы получали достаточно основательное и разностороннее базовое образование, позволявшее им заниматься далее не только педагогикой и гуманитарными науками.

Источники и литература

1. Пономарева В.В. Воспоминания институток XIX – начала XX в. как исторический источник // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. − 2015. − № 2. − С. 54−69.

2. Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. 1852–1902 гг. – Н. Новгород: Типография У.А. Скирмунт, 1902.

3. Письма О.К. Гуляевой к Н.А. Пакшиной от 22.09.2021, 27.09.2021, 10.10.2021 (на правах рукописи).

4. Пискунов А.И. // Нижегородские мемориалы. − URL: https://niznov-memorial.ucoz.ru/index/0-569

5. Аллендорф А.А. Дневник // Электронный корпус «Прожито». − URL: https://prozhito.org/notes?date=%221900-01-01%22&diaries=%5B249%5D

6. Музей МПГУ // Сайт «Мел». − URL: https://mel.fm/zhizn/istorii/239651-women_courses

7. Справочная книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии на 1915 год. – Н. Новгород: Типография Губернского Правления, 1915.

8. Нижегородский ежегодник 1911 г. Иллюстрированный литературный календарь-справочник / Под. ред. Г.И. Сергеева и В.Е. Чешихина. – Н. Новгород: Тип. Г. Искольдского, 1911.

9. Гуляева О.К., Крацер Е.А., Деречинская Е.Л. Учительский марафон Константина Зильберга // Открытый текст. − URL: http://opentextnn.ru/old/history/familisarchives/note/37/index.html@id=4577

10. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 639. Оп. 126.
11. Макаров И.А. Нижний Новгород. Имена из архивных папок 1227–1917 гг.: Биографический справочник. – Н. Новгород: НОВО, 2011.
12. Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1894 год. − Н. Новгород: Типография губернского правления, 1893.
13. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1890 год / сост. под ред. А.П. Мельникова. − Н. Новгород: Типография губернского правления, 1890.
14. Давыдов А.И. Дом № 20 по улице Алексеевской – всё, что осталось от усадьбы князя Грузинского // Открытый текст. − URL: http://opentextnn.ru/space/nn/dom/davydov-a-i-dom-20-po-ulice-alekseevskoj-vsjo-chto-ostalos-ot-usadby-knjazja-gruzinskogo/
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 58.
16. Краснов В.В. Нижегородская усадьба в подлинных фотографиях. Усадьба Приклонских в Старинском: Фотоальбом. – Н. Новгород: Кварц, 2020.
17. Мясникова А. Это знаменитое село Лысково. 2-е изд. – Н. Новгород: изд-во «Книги», 2010.
18. Чачина Елена Андреевна // Нижегородский некрополь. − URL: https://svb1969.ucoz.net/index/chachina_e_a/0-43
19. Бочарова И.А. «Молекула» в биографии М. Горького (письма М.А. Гейнце Горькому) // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 14. − М.: ИМЛИ РАН, 2018. − С. 55–100.
20. Кафедра микробиологии и вирусологии с курсом иммунологии // Сайт Тверского государственного медицинского института. – URL: https://tvgmu.ru/kaf/p1173/s1175/

Автор благодарит Ольгу Константиновну Гуляеву за предоставленные фотоматериалы из семейного архива.

СРЕДНЕЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Татьяна Борисовна Сорокина
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: sorok-tat@yandex.ru

В статье даётся характеристика организации среднего и высшего образования в России начала XX века на материалах Нижегородской губернии. Автор анализирует общую структуру образования и характеризует различные типы учебных заведений средней и высшей школы, опираясь на архивные данные.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; структура образования; учебные заведения среднего и высшего образования.*

История развития системы образования относится к разряду тем, которые всегда имеют не только научный, но и немалый практический интерес. Сегодня велико общественное внимание ко всему, что связано с нашими культурными традициями, историческим опытом, накопленным за длительный период дореволюционного развития. В свете современных преобразований в системе образования вполне закономерен рост интереса к вопросам теории и практики дореволюционного воспитания и обучения,

специфики отдельных учебных заведений, взаимосвязи разных уровней образования, тем более, что ко времени, непосредственно предшествовавшему революции 1917 г., сложилась совершенно уникальная, единственная в мире картина неимоверного разнообразия типов учебных заведений.

Сложность и многоукладность системы образования своеобразно отражала сложность и многоукладность российской жизни. С одной стороны, государство в силу централистических, бюрократических традиций было заинтересовано в определённой унификации системы образования, с другой стороны, сословная, национальная, религиозная политика самодержавия вели к намеренному дроблению образования, к разобщению его отдельных элементов.

Структурная характеристика среднего и высшего образования в Нижегородской губернии в дореволюционный период даёт возможность выявить достоинства и недостатки организации не только провинциальной образовательной системы, но и общероссийской.

Учебные заведения среднего образования, подчинявшиеся ведомству министерства народного просвещения, накануне октябрьской революции были представлены в Нижегородской губернии следующими типами:

1. Мужские правительственные гимназии. Нижегородский дворянский институт также относился к разряду гимназий.

2. Мужские прогимназии. В Нижнем Новгороде существовали две прогимназии – А.В. Раевской и Б.П. Троицкова.

3. Реальные училища. Их представляли Арзамасское реальное училище и два Нижегородских.

4. Учительский институт был открыт в Нижнем Новгороде в 1911 г.

5. Учительские семинарии. Одна – в Нижнем Новгороде и три уездных – в Арзамасе, Павлове, Лыскове.

6. Женские гимназии. Их было шесть в Нижнем Новгороде и две в уездах – в Ардатове и Арзамасе.

7. Женские прогимназии. Четыре в уездных городах.

По части министерства торговли и промышленности в Нижнем Новгороде существовало восьмиклассное коммерческое училище. По ведомству учреждений Императрицы Марии – Нижегородский Мариинский институт. Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус представлял военное ведомство [1, с. 48]. Нижегородская духовная семинария входила в ведомство Святейшего Синода.

Таким образом, образовательные заведения, находились, главным образом, в подчинении министерства народного просвещения, ведомства православного исповедания и ведомства императрицы Марии. Остальные министерства и ведомства создавали собственные школы и училища. Ве-

лика была и частная инициатива в создании многочисленных школ разных уровней.

Ярким примером сословной школы в Нижнем Новгороде был Нижегородский дворянский институт Императора Александра II. Этот институт подчинялся ведомству министерства народного просвещения и классифицировался как классическая мужская гимназия с одним древним языком (латинским). В 1837 г. институт был открыт в виде благородного пансиона при мужской гимназии, а в 1844 г. преобразован в самостоятельное учебное заведение. Своё громкое название институт получил благодаря узкосословной ориентации. Правда, с 1862 г., в свете проводимых в то время повсеместных реформ институт был объявлен бессословным, хотя сохранялось предпочтение при поступлении дворянам Нижегородской губернии (вовсе не принимались лица нехристианского вероисповедания) [2, д. 1053, л. 6]. Общее число воспитанников восьмиклассного института не превышало 300 человек. В состоящий при институте пансион принимались дети всех сословий не более 80 человек. По социальному происхождению более 70% состава учащихся составляли дети дворян и чиновников, 13% – купцы и мещане, 4% – крестьяне [2, д. 951, л. 65]. Таким образом, по сути своей институт оставался сословным учебным заведением, ориентировавшим своих выпускников на продолжение образования в вузах.

Число обязательных дисциплин, преподаваемых в институте, полностью совпадало с гимназическим курсом, но были предусмотрены и «необязательные» предметы – пение, музыка, фехтование, черчение, английский язык. Плата за обучение была достаточно велика – 125 рублей, а для детей дворян Нижегородской губернии – 90 рублей [2, д. 1244, л. 69].

В преподавательский состав включались 6–7 воспитателей. На 1914 г. число преподавателей составляло 26 человек [1, с. 49]. Все они имели высшее университетское образование, значительный опыт работы, массу титулов и званий. Штатное жалованье их не отличалось от жалования учителя мужской гимназии.

Нижегородский Мариинский институт состоял в ведомстве учреждений Императрицы Марии и определялся как среднее женское учебное заведение. Количество воспитанниц не превышало 250. В семи классах института работали 18 преподавателей общеобразовательных дисциплин и 8 учителей «необязательных» предметов – гимнастики, рукоделия, танцев и др. [3, д. 280, л. 2]. На каждый класс приходилось по две классных дамы, выполнявших функции воспитательниц. Они получали очень скромное жалование – 300 рублей в год. Образовательный уровень преподавателей Мариинского института был ниже, чем в мужском Дворянском институте. И здесь сказывалось серьёзное различие в подходах к женскому и мужскому образованию в России.

Цель женских учебных заведений традиционно сводилась к тому, чтобы «сообщить ученицам то религиозно-нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности от будущей супруги и матери семейства» [4, с. 85].

Нижегородская губерния, входившая в состав Московского учебного округа, до начала XX века не имела специальных педагогических учебных заведений. В 1908 г. была открыта Арзамасская мужская учительская семинария. С 1912 по 1917 г. в Нижегородской губернии начали функционировать ещё три женские учительские семинарии: в Павлове с 1912 г., в Нижнем Новгороде и в Лыскове с 1917 г. Годичный выпуск семинарий не превышал 25 человек. Между тем количество начальных классов быстро росло, и педагогические учебные заведения не могли удовлетворять возросшую потребность школ в квалифицированных учителях. Учителями работали люди без педагогического образования, окончившие второклассные школы, прогимназии, городские училища или сдавшие экзамены на звание учителя. Ещё хуже было поставлено дело с подготовкой учителей для школ повышенного типа – высших начальных училищ. А потребность в таких учителях была огромной не только в Нижегородской, но и в соседних губерниях.

Только с открытием в Нижнем Новгороде учительского института началась подготовка учителей для высших начальных училищ Нижегородской и соседней с ней губерний. К 1912 г. по всей России уже действовало 20 учительских институтов, первые из которых были открыты в 1872 г. в Петербурге, Москве и Тбилиси.

Курс обучения в учительском институте был рассчитан на три года. Обычно число воспитанников института в Нижнем Новгороде составляло 75. Для 60 были предусмотрены стипендии в размере 166 рублей в год. Остальные 15 человек могли получать стипендии других ведомств. Те воспитанники, которые не входили в число казённых стипендиатов, платили за обучение 60 рублей в год. По окончании института те, кто получал казённую стипендию, были обязаны отработать в качестве учителей высших начальных училищ шесть лет. Те из стипендиатов, кто не желал служить по два года за каждый год казённого содержания, возвращали всю сумму по 195 рублей в год [5, с. 5–7].

В требованиях об условиях приёма в институт говорилось следующее: «В институт могут поступать молодые люди православного вероисповедания всех званий и состояний от 16 лет, здорового телосложения и хорошей нравственности, по выдержании испытаний по программе из курса четырёхклассного городского (по Положению 1872 года) училища [6, с. 8]. Имели право на поступление также окончившие учительские семинарии, проработавшие не менее двух лет учителями начальных школ,

но с условием проработать по окончании института сверх шести лет дополнительное время. Имеющие аттестаты об успешном окончании курса «при одобрительном поведении» в гимназиях, духовных семинариях и других средних учебных заведениях принимались при отсутствии конкурса без экзаменов. При наличии конкурса все поступающие в институт независимо от их образовательного ценза обязаны были держать вступительные экзамены по всем дисциплинам в объёме программ, предназначенных для высших начальных училищ.

Обучались в институте исключительно мужчины. Только в марте 1917 г. был поставлен вопрос о допущении в Нижегородский учительский институт в качестве учащихся женщин, окончивших семь классов женской гимназии или «имеющих за собою учительскую практику в начальной школе» [7, д. 126, л. 65].

В 1911 г. при Нижегородском учительском институте было открыто и высшее начальное училище, где должны были проходить педагогическую практику воспитанники старших классов учительского института.

В учительский институт поступали дети преимущественно крестьян и мещан, выходцы из Нижегородской, Костромской и Владимирской губерний, окончившие учительские семинарии и высшие начальные училища. Были единичные случаи, когда в институт попадали и лица, окончившие гимназии, духовные семинарии, технические учебные заведения или лица с неоконченным высшим образованием [7, д. 126, л. 25].

Нижегородский учительский институт был укомплектован квалифицированными преподавателями, имевшими, как правило, солидный педагогический стаж работы. Все основные работники института имели университетское образование, двое из них были кандидатами наук [6, с. 11].

В связи с тем, что штаты, учебные планы и программы учительских институтов устарели, неоднократно ставился вопрос об их пересмотре. Были также требования о преобразовании учительских институтов в вузы. Предполагалось продлить в учительских институтах срок обучения до четырёх лет, ввести специализацию путём создания на старшем курсе отделений: литературно-исторического, физико-математического и естественно-исторического. Накануне революции Временное правительство приняло решение об учреждении в учительских институтах факультетной формы обучения. Но старые учебные планы не отменялись, не были решены вопросы о расширении штатов и об увеличении сроков обучения.

Учебные заведения разряда высшей школы были представлены в Нижегородской губернии гораздо скромнее. Такое положение вещей в области высшего образования было характерно для всей провинциальной России того времени. Сказывалась противоречивая политика царского правительства в области высшего образования. Общее количество вузов

в России к 1914 г. достигло 105 [8, с. 7]. Однако среди них были несравнимые величины: знаменитые университеты – центры российской науки – и малые учебные заведения специального профиля; полноправные государственные вузы и частные, не дававшие выпускникам никаких прав; старые и недавно основанные, не имевшие ещё ни истории, ни статистики. Царское правительство вынуждено было расширять сеть высших учебных заведений, недостаточную для нужд огромной страны, но одновременно ограничивало и тормозило их появление. На новые университеты постоянно не хватало средств. Эвакуация во время войны нескольких вузов с западных окраин в центральную часть России была, можно сказать, даром судьбы для тех городов, в которые они попали.

В Нижнем Новгороде, крупнейшем промышленном центре страны, первый технический вуз появился только в 1916 г. Это был Варшавский политехнический институт. Основанный ещё в 1898 г. в целях русификации Польши, он в связи с военными неудачами царизма был эвакуирован в Нижний Новгород.

После Февральской революции институт был переименован в Нижегородский политехнический [9, д. 108, л. 45]. Обучение в институте велось на русском языке, подавляющее число преподавателей были русские. Вуз имел четыре отделения – механическое, химическое, инженерно-строительное и горное, на которых обучалось около тысячи студентов [10, с. 8].

1916 г. явился годом основания в Нижнем Новгороде ещё одного высшего учебного заведения – Нижегородского городского народного университета. С его открытием исполнилось давнее желание нижегородской интеллигенции и широких общественных кругов Нижнего Новгорода.

Ещё в 1905 г. городская Дума Нижнего Новгорода решает взять в свои руки осуществление мысли о народном университете. Но по чисто случайным обстоятельствам проект народного университета не получил практического осуществления. В 1906 г. в министерстве народного просвещения поднимается вопрос о переводе в Нижний Новгород не функционировавшего в то время Варшавского университета. Городская дума в связи с этим решает вопрос о передаче ассигнованных фонду народного университета 100 тысяч рублей на основание Варшавского университета. Таким образом, дело народного университета затормозилось и оставалось без движения до 1912 г. Вопрос же о правительственном университете был решён в пользу Саратова.

В 1912 г. умирает Е.Р. Ермолаева, которая в память своего мужа А.Ф. Ермолаева – старейшего гласного Нижегородской Государственной

Думы – завещала своё имущество в пользу народного университета в Нижнем Новгороде [11, с. 3].

В период с 1912 по 1916 гг. разными правительственными организациями и местными общественными деятелями принимаются меры для того, чтобы ускорить открытие народного университета.

Образованная городской Думой комиссия для выработки Положения о народном университете остановилась на необходимости под народным университетом понимать «такой рассадник высшего образования, который был бы доступен по возможности всем классам населения, как по плате за слушание лекций, так и по отсутствию ограничительных правил для поступления слушателей по вероисповеданию, национальности, полу, образовательному цензу и др.» [12, с. 3].

Полный курс университета определялся четырьмя годами, из которых первые два года готовили слушателей до уровня среднего образования, а последние два курса давали образование в объёме высшей школы по факультетам.

На первом курсе были открыты два отделения – гуманитарное и естественно-математическое; третий курс делился на три отделения-факультета: литературный, экономический и исторический.

Хозяевами народного университета являлись городская Дума и город. Свои права городская Дума осуществляла через Попечительный Совет народного университета, состоявший из десяти гласных городской Думы, председателя правления университета, четырёх представителей университетского учёного совета и представителя министерства народного просвещения.

Всей ученой и учебной частью университета руководил и заведовал университетский совет, состоявший из всех наличных преподавателей университета. Председателем этого совета по уставу могло быть избрано только лицо, имеющее учёную степень, то есть имеющее право быть профессором высшего учебного заведения.

Интересно проанализировать состав слушателей народного университета.

В первый год на первом курсе было около 250 человек, на третьем – 150. Причём на первом курсе преобладали мужчины, а на третьем – женщины. Всего женщины в университете составляли 56% слушателей. Основную массу слушателей первого курса составляли служащие различных государственных, общественных и частных учреждений. По образованию почти половина обладала познаниями не ниже высшего начального училища. Главным контингентом слушателей третьего курса являлись служащие, учителя и учительницы. 80% из них имели образование не ниже среднего [11, с. 37–41].

В обстановке начавшейся гражданской войны, крайней разрухи народного хозяйства существование вузов было поставлено под угрозу. Острая нехватка преподавательских кадров, узость материальной базы, отсутствие необходимых источников финансирования почти парализовали их работу. Единственным выходом из создавшегося положения было объединение в один универсальный вуз. 25 июня 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет СНК РСФСР о закрытии в Нижнем Новгороде политехнического института и образовании Нижегородского государственного университета [10, с. 8], который должен был объединить все высшие учебные заведения города.

Таким образом, система среднего и высшего образования с точки зрения отдельных типов учебных заведений в Нижегородской губернии была представлена достаточно широко. Существовали практически все типы учебных заведений средней школы. Высшая школа была представлена гораздо скромнее, но это объясняется общим положением дел с высшим образованием в России в количественном отношении. Но рост потребностей капиталистического хозяйства страны в специалистах всё более стимулировал расширение сети высших учебных заведений. Как новый шаг в развитии педагогической теории и практики необходимо отметить появление «вольной высшей школы», ярким представителем которой стал Нижегородский городской народный университет.

Децентрализация в системе дореволюционного образования в целом не устраняла тяжеловесности и бюрократизма в организации работы учебных заведений. Частные и общественные школы, менее скованные казёнными программами и методами, имели больше возможностей в поисках форм и методов обучения. Недаром широкие массы педагогической общественности добивались всемерного расширения частной инициативы в деле народного образования.

Жизнь настойчиво требовала реформы, в первую очередь, средней школы. Её активно критиковали за многоукладность структуры, отсутствие преемственности, существование многих пережитков и наслоений, казарменный режим и другие существенные недостатки. Однако было бы несправедливо отрицать положительные стороны в системе дореволюционного образования. Надо отдать должное уровню подготовки выпускников этой школы. Высокий уровень и престиж образования того времени во многом определяли преподавательские кадры средней и высшей школы.

Источники и литература

1. Календарь для учителей на 1914-1916 учебный год. – СПб, 1914.

2. ЦАНО. Ф. 522. Нижегородский Александровский дворянский институт (им. императора Александра Второго). Оп. 459.

3. ЦАНО. Ф. 565. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. Оп. 461.

4. Буслаева Л.П. История развития просвещения и школы народов СССР с X века по Октябрь 1917 года. – Горький, 1974.
5. Нижегородский учительский институт. Историческая записка об открытии и жизни за 1911-1912 уч. год. – Нижний Новгород, 1912.
6. Зеленцов В.Д. и др. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк. – Горький, 1961.
7. ЦАНО. Ф. 527. Нижегородский учительский институт. Оп.1.
8. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. – М.,1981.
9. ЦАНО. Ф. 2082. Варшавский политехнический институт (г. Н. Новгород). Оп.1.
10. Кузница инженерных кадров: к 50-летию Гоьков. политехн. ин-та им. А.А. Жданова, 1930-1980. – Горький, 1981.
11. Нижегородский городской народный университет. История открытия и отчёт за весенний семестр 1916 года. – Нижний Новгород, 1916.
12. Доклад Комиссии для выработки Положения о Народном Университете. – Нижний Новгород, б/г.

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ АРЗАМАССКОГО ГОРОДСКОГО УЧИЛИЩА

Алексей Александрович Исаков
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: blauer-reiter@yandex.ru

Статья посвящена одному из аспектов истории старейшего учебного заведения города – Арзамасского городского училища. Автор прослеживает роль благотворительности в его развитии на разных этапах существования. Основной вывод статьи – ограниченность возможностей принятой в дореволюционной России системы попечительства в области основного образования.

Ключевые слова: *Арзамас; городское учительство; попечитель; попечительный совет.*

Одной из главных особенностей дореволюционной системы образования было своеобразное социальное партнерство – открыть и содержать учебное заведение государство помогало только в том случае, если в его финансировании активно участвовало местное общество. Поэтому наиболее видные представители дворянства, купечества, мещанства и даже крестьянства неизбежно становились инициаторами создания школ разного уровня. Наша статья как раз и посвящена влиянию благотворительности на развитие старейшего учебного заведения нашего города – уездного (позже – городского) училища, исторической преемницей которой является современная школа №2.

Малое народное училище было открыто в 1787 г., в 1809 г. оно стало уездным. В середине 30-х годов XIX века оно реформируется по Уставу 1828 г. усилиями энергичного штатного смотрителя (говоря современным

языком – директора) Гневашева. На момент преобразования в нем было 53 ученика в трех классах. Преобразование училища потребовало расширения его площадей. Для этого почетный смотритель училища (аналог попечителя) Чемоданов, городничий Баев и городской голова Подсосов в октябре 1836 г. приобрели на свой счет участок земли около старого здания училища. А в 1838 г. почетным смотрителем новоотстроенного училища стал чиновник самого младшего, четырнадцатого, класса по фамилии Алексеев [1, 1835, декабрь, отд.3, с. 568; 1836, ноябрь, отд.1, с. 62; 1838, ноябрь, отд. 1., с 41].

Следующий виток событий относится к эпохе Великих реформ. В то время штатным смотрителем уездного училища был Александр Раевский, а почетным смотрителем – коллежский регистратор Александр Петров. При них училище стало одним из центров развития педагогики в Нижегородском крае [2, с. 15–17], 23 декабря 1866 г. оба смотрителя получили за свои труды ордена св. Анны 3-й степени, а Раевский три года спустя стал инспектором народных училищ Нижегородской губернии [1, 1867, январь, с. 14; 1869, сентябрь, с. 13]. Поэтому, когда правительство задумалось о реформе уездных училищ, Арзамасскому училищу прочили более светлое будущее, нежели прочим: «Уездные училища Нижегородской дирекции находятся на пути к улучшениям, но далеки ещё от желаемого усовершенствования, да едва ли и возможно привести их в нормальное положение. А потому справедливо было бы часть из этих училищ преобразовать в двухклассные приходские, а другие, именно Нижегородское, Арзамасское и Васильское (с переводом последнего в село Лысково) в прогимназии. Несостоятельность уездных училищ особенно выражается тем, что значительное число из учеников приходских училищ обыкновенно переходят в I класс уездного училища, но из перешедших доходят до II класса уже не более половины, а в III едва остаётся 5-я часть. Сверх того, для учеников уездных училищ, поступающих в гимназии, время учения их в училище пропадает почти даром, потому что они могут быть приняты только в I класс» [1, 1866, май].

Увы, прогимназия в Арзамасе тогда не появилась. В 1878 г. Арзамасское уездное училище было преобразовано в городское двухклассное, с 4-хлетним сроком обучения [1, 1878, ноябрь, с. 23]. По нашем меркам оно давало основное среднее образование. Тогда же оно было обследовано инспектором народных училищ Нижегородской губернии с такими результатами: «Арзамасское городское двухклассное училище, преобразованное из местного уездного, по положению 1872 г. открыто 25-го сентября 1878 г. Сформировавшийся личный состав его следующий: заведующий училищем – кончивший курс в С.-Петербургском учительском институте, бывший уже преподавателем городского училища в Верхнеднепровске,

Екатеринославской губернии; второй учитель – состоявший учителем в Семеновском городском училище и приобретший от Московского учительского института звание учителя городского училища; законоучитель – занимавший такую же должность в бывшем местном уездном училище, окончил курс в духовной семинарии. Учащихся при открытии училища поступило 91, из них принято в 3-е отделение 1-го класса 51, в 4-е отделение того же класса 40; второй класс должен открыться в 1879 году. Одновременно с открытием училища начато и обучение пению, для чего приглашён и особый преподаватель. Плата за учение, с утверждения начальства Московского учебного округа, определена по 3 руб. в год с ученика. ... Дом бывшего уездного училища, приспособленный к потребностям городского училища настолько, что в нём можно было открыть это последнее, будет окончательно приведён в должный порядок в 1879 г. городским обществом, согласно данному им на это обязательству» [1, 1879, апрель, отд. 4, с. 89–90].

Здание училища хорошо знакомо всем арзамасцам – это дом по адресу Соборная площадь, д. 14. Впоследствии училище стало называться четырехклассным, хотя срок обучения в нем и уровень получаемого воспитанниками образования не изменились. Арзамасское городское четырехклассное училище, несмотря на название, не имело первого класса. Первый год обучения назывался первым отделением второго класса, второй, соответственно, вторым отделением, и только третий и четвертый года обучения соответствовали третьему и четвертому классам. В классе по нормативам должно было быть не более 50 человек.

Долгое время почетным смотрителем училища был Иван Иванович Потехин, среди благодеяний которого работники училища помнили более всего покупку добротной библиотеки в 1888 году [3, д. 4, л. 76]. И.И. Потехин известен в Арзамасе тем, что в период его пребывания во главе города (как раз на рубеже 80-90-х гг. XIX века) были сделаны первые практические шаги по созданию арзамасского водопровода. Правда, в те времена его планировали вести с прудов Рамзай и Горячий.

Однако после его ухода нового почетного смотрителя удалось найти не сразу. Отчаявшиеся члены училищной комиссии даже обратились в апреле 1898 г. к нижегородскому купцу 1-й гильдии Мелетию Яковлевичу Кожеваткину, который был смотрителем аналогичного училища в Семеновском уезде [3, д. 4, л. 56 – 56 об.]. К счастью, в мае 1898 г. почетный смотритель нашелся – им стал Александр Прокофьевич Сергеев, первым делом выдавший 50 рублей на участие учеников в Пушкинских торжествах: 31 рубль – на угощение учеников, 9 – на участие в празднике древонасаждения (посадке Пушкинской рощи) и 10 – на покупку картин по произведениям Пушкина для волшебного фонаря [3, д. 4, л. 94 об. – 95].

В начале столетия в училище выросла плата за обучение – с 3 до 5 рублей в год. Впрочем, плата за обучение не была особенно сильным сдерживающим фактором. Так, в 1900-01 учебном году 16% учеников были освобождены от внесения платы в силу крайней бедности, а почти все остальные учились за счет Арзамасского вольного пожарного общества, Арзамасского общественного собрания и Кирилло-Мефодиевского братства [3, д. 4, л. 133]. Арзамасское Вольное пожарное общество в 1898 году перевело училищу 18 рублей – по таксе 3 рубля в год это соответствует оплате обучения за шестерых [3, д. 4, л. 79]. За бедных учеников обычно платило Кирилло-Мефодиевское общество (в 1905 году – за 40 человек) [3, д. 4, л. 1 об. – 2]. А с 1901 за учеников из уезда стала платить Арзамасская земская управа – тогда таковых было 27% [3, д. 4. л. 155 об. – 156]. Кроме всего прочего, училище договаривалось с городскими властями о снижении для своих воспитанников цены на посещение городского катка на пруду Сорока (не более 50 копеек). Для самых бедных заливали свой каток на Спасском озере [3, д. 4. л. 2 об. – 3].

Но и это еще не все. Арзамасские благотворители довольно широко применяли на практике то, что в наше время называется «эндаумент» – они формировали неприкосновенный капитал училища, на проценты с которого должно было оплачиваться обучение бедных, но талантливых ребят. В разное время в Арзамасском городском училище было установлено несколько таких именных стипендий: имени ардатовского 2-й гильдии купца А.И. Николаева (4% с капитала в 150 руб.), имени умершего инспектора народных училищ IV участка Нижегородской губернии И.В. Смоленского (4% со 130 руб.), имени умершего арзамасского купеческого сына С.А. Вязовова (4% со 130 руб.), имени арзамасского купеческого сына Н.Н. Вандышева (5% со 100 руб.), имени бывшего законоучителя училища Ф.И. Владимирского (4% со 150 руб.). Эти стипендии назначались при условии хорошей успеваемости и поведения и не налагали никаких ограничений на стипендиата. Однако то обстоятельство, что учеба практически всех воспитанников и так оплачивалась, стипендии эти назначались редко и неприкосновенный капитал почти не расходовался – проценты каждый год прибавлялись к нему [3, д. 4, л. 84 – 84 об.].

14 февраля 1912 г. двум стипендиям, учреждаемым в училище, было присвоено имя Царя-Освободителя Императора Александра II – в память пятидесятилетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости [1, 1912, май, с. 6-7.]. Последней стипендией, установленной в Арзамасском городском училище (в тот момент – уже высшем начальном) стала «Романовская». Выплачивало ее Арзамасское купеческое общество, которое еще в 1913 году испросило разрешения присвоить стипендии такое имя в честь 300-летия дома Романовых. Однако отечественная бюро-

кратия протянула дело до 26 сентября 1915 года, когда было получено августейшее разрешение [1, 1916, январь, с. 6.].

При таком подходе к финансированию учебных мест и даже свободного времени воспитанников училище было очень востребованным, и количество желающих поступить в него нередко переваливало за 50. Причем если поначалу «абитуриенты» сравнительно безболезненно отсекались проверкой знаний, то к началу XX века уровень подготовки в приходских училищах вырос настолько, что этот фильтр перестал действовать. В сентябре 1900 г. вопрос приема встал крайне остро – из-за нехватки площадей училище было вынуждено отказать в приеме 25 хорошо подготовленным мальчикам. Тогда было решено открыть дополнительные классы в городских казармах. И, естественно, сделано это было за счет почетного смотрителя училища. А.П. Сергеев выделил на эти цели 150 рублей единовременно, а город обещал обеспечить отопление помещений, в которых располагались дополнительные классы [3, д. 4, л. 131 об. – 132].

В 1905 г. численность первого и второго отделений дополнительного второго класса составила 20 и 18 человек соответственно. Для сравнения, в единственном третьем классе тогда же сидело всего 24 ученика – действовал отсев по успеваемости. Учителя оказались перегружены, но жалование их отнюдь не выросло. Учитель-инспектор мог рассчитывать лишь на то, что часть учащихся уйдет из его учебного заведения в только что открывшиеся Арзамасское реальное училище и Арзамасскую школу ремесленных учеников. Надеясь на это, он предложил следующие преобразования. За счет экономии на закрытии дополнительных классов предполагалось снизить нагрузку учителя-инспектора до 14 часов, учителей – до 22-24 часов (для того, чтобы дать им время подработать частными уроками), а также нанять учителя черчения, чистописания и рисования на ставку 375 рублей, из которых 200 рублей платила бы казна, а 175 – городская управа.

К счастью, ожидания оказались оправданными, и в 1905-06 учебном году сложилась следующая структура педагогического состава. Учитель-инспектор Н.Н. Забылин преподавал историю, естествознание и геометрию. Нагрузка его действительно ограничивалась 14 часами, так как ему приходилось быть еще и бухгалтером всех школ уезда. Законоучителем был Ф.И. Владимирский, П.П. Цыбышев преподавал русский и церковнославянский язык, а также геометрию, А.П. Александров – те же предметы и естествознание, Н.М. Козырев – арифметику и физику. За отдельную плату училищу удалось нанять сверхштатного учителя графических искусств В.П. Машинцева, добровольно взявшего на себя обязанности секретаря и библиотекаря [3, д. 4, л. 17 об. – 20 об.].

Несмотря на то, что надежды учителя-инспектора на отток учеников оправдались, перед училищем по-прежнему стояло множество проблем. Поэтому в ноябре 1906 г. все-таки был поднят вопрос о создании полноценного попечительного совета. Предоставим слово документу: «…выяснилось, что Арзамасское городское училище содержится всецело на средства казны, и участие городского общества выражается в ассигновании 154 рублей, но принимая во внимание, что согласно ст. 2686 цель попечительного совета есть ближайшее содействие со стороны общества усиленному развитию учебного заведения, и что учреждение попечительного совета, членами которого состоят лица, избираемые обществом, которое участвует в содержании училища, поведет к более тесному единению между училищем и городским обществом, и что означенные лица явятся выразителями насущных нужд училища, что несомненно отразится на улучшении материального положения последнего, – Совет (уездный училищный совет – А.И.) постановил: признать учреждение попечительного совета при Арзамасском городском училище желательным» [3, д. 4, л. 39 об. – 40]. Конечно, документ лукавит. Мы видели, что городское общество вместе с другими общественными организациями помогали училищу. Вносил лепту и почетный смотритель (в 1907 году, правда, всего 34 рубля) [3, д. 4, л. 84 – 84 об.]. Дело было в том, что помощь эта почти не увеличивала бюджета училища, а лишь гарантировала его от неплатежей.

Однако в 1906 г. рассчитывать на значительную помощь со стороны попечителей было уже сложно – она была сосредоточена на Арзамасской школе ремесленных учеников и Екатерининской женской гимназии. Поэтому масштаб учебного заведения не удалось существенно расширить – в 1910 г. здесь были те же четыре класса и шесть педагогов (П.П. Цыбышев стал учителем-инспектором, законоучителем – А.М. Плевницкий, учителями работали А.В. Добролюбов и И.П. Сувуков, им помогали исполняющий должность учителя В.Н. Знаменский и учитель графических искусств С.Я. Тишин). 1 июля 1912 г. на основании закона о преобразовании городских училищ Арзамасское городское четырехклассное училище было преобразовано в Арзамасское высшее начальное училище, а после революции – в Арзамасскую Советскую школу второй ступени.

История Арзамасского городского училища ярко демонстрирует ограниченность принятой в дореволюционной России системы «социального партнерства» в деле развития народного образования. Несмотря на существование целой системы инструментов финансирования со стороны сословных обществ и частных лиц, городское училище переживало существенные трудности в плане нехватки кадров и площадей. Существовавшая система поддержки бедных учеников через выплаты от сословных обществ и внесение неприкосновенных капиталов лишь страховала учи-

лище от неплатежей, но не позволяла получить значительные средства на его развитие. В итоге в начале XX века в этом учебном заведении сложилась парадоксальная ситуация: педагоги радовались оттоку учеников! Попытка исправить ее, создав при училище действенный попечительный совет, в отличие от Арзамасской женской гимназии и Арзамасской школы ремесленных учеников, не удалась в силу того, что основные арзамасские меценаты были уже перегружены.

Источники и литература

1. Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП).

2. Кудряшова А.С. Арзамасское земство и проблема подготовки учителей для сельских школ // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 10-1 (15). – С. 15-17.

3. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), г. Арзамас. Ф. 144. Арзамасское городское четырехклассное училище Нижегородской губернии (1894 – 1923). Оп. 1.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЕЗДНОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРЗМАССКОМ УЕЗДЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Любовь Владимировна Исакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: gorkova.l.v@yandex.ru

Статья посвящена особенностям устройства и функционирования уездных училищных советов в России второй половины XIX – начала XX вв. на примере Арзамасского уездного училищного совета. Исследование выполнено на основе анализа законодательства и журнала заседаний совета за 1875 – 1886 годы. Автор делает акцент на таких вопросах, как организация работы совета, его взаимодействие с другими органами светской и духовной власти.

Ключевые слова: *Арзамас; уезд; Училищный совет; журнал заседаний; народное образование.*

Становление начального народного образования в Российской империи традиционно связывают с «Положением о начальных народных училищах» 14 июля 1864 г., в соответствии с которым не только создавались приходские и народные училища, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, ведомственные училища «разных наименований», относящиеся к Министерству государственных имуществ, Внутренних дел и др., а также церковноприходские училища и «все вообще воскресные школы» (ст. 2), но и учреждались уездный и губернский училищные советы (ст. 18) для заведования начальными народными училищами [1, с. 614]. Данным Положением предусматривалось, что уездный

Училищный совет должен состоять «из членов от министерств: народного просвещения и внутренних дел, духовного ведомства православного исповедания, двух членов от уездного земского собрания и по одному от тех ведомств, которые содержат у себя начальные народные училища. В тех городах, где есть начальные народные училища, в училищном совете находится член от городского общества» (п. «а», ст. 19). При этом члены уездного Училищного совета должны были выбрать «из среды своей на два года председателя, который утверждается в этом звании губернским советом» (ст. 22), а заведование делопроизводством Совета возлагалось на штатного смотрителя училищ [1, с. 615]. Несмотря на четко обозначенный состав Совета, нормативно не была определена специфика его деятельности, заложенная в обобщенную характеристику «заведование» начальными народными училищами.

Ситуация изменилась с 1874 г. после принятия и обнародования «Положения о начальных народных училищах», которое действовало до 1917 г. В нем акцент был сделан на структуре и компетенции училищных советов. Остановимся подробно на уездных советах, как органах управления делом начального народного образования в уезде, поскольку именно они непосредственно взаимодействовали с начальными училищами (учителями, законоучителями, учениками), а также с губернским училищным советом, земством, сельскими обществами, волостными правлениями, Духовной консисторией, епархиальным начальством и попечителями училищ [2, с. 836].

Согласно Положению 1874 г., находящиеся в введении Министерства народного просвещения уездные Училищные советы создавались и действовали «под председательством уездного предводителя дворянства». В состав каждого такого Совета входили инспектор народных училищ и члены: «по одному от министерства народного просвещения по назначению попечителя учебного округа, от министерства внутренних дел по назначению губернатора и от епархиального ведомства по назначению архиерея; двух от уездного земского собрания (по ст. 28, члены Совета от земства были обязаны представлять «земским собраниям ежегодно сведения о состоянии в уезде… народных училищ, в содержании которых участвует земство») и одного от городского общества, если оно жертвует на школы, по выбору сего общества» (п. «а», ст. 27).

Компетенция уездных Училищных советов в Положении 1874 г. была представлена в качестве конкретного указания на должностные обязанности председателя такого Совета. Он имел право «устранять неблагонадежных преподавателей от исполнения их обязанностей», но окончательное решение об увольнении таких учителей должен был принять уездный Училищный совет. По общему правилу, председатель должен был

посещать, «по мере возможности, по общему званию попечителей народных училищ, начальные училища своего уезда, вникая во все их нужды и изыскивая все местные способы к их удовлетворению» (ст. 38), а также «всеми зависящими от него способами содействовать поддержанию существующих начальных училищ и открытию новых, равно как и правильному посещению оных учащимися» (ст. 39). Также предусматривалось, что «при посещении начальных училищ предводители дворянства удостоверяются в нравственных качествах преподавателей и в полезном влиянии их на учащихся» (ст. 40); «по всем заслуживающим особого внимания делам начальных народных училищ предводители дворянства могут входить в сношения с попечителем учебного округа; а «в случаях особой важности – и непосредственно с министром народного просвещения» (ст. 42) [2, с. 840]. Перечисленные обязанности председателя уездного Училищного совета, а также состав Совета свидетельствуют о том, что сфера его деятельности была предельно широка.

В указанный хронологический период территория Нижегородской губернии входила в состав Московского учебного округа, руководство которым осуществлялось через училищный комитет попечителем, фактически являвшимся посредником между Московским университетом и Министерством народного просвещения. Губернский Училищный совет координировал деятельность уездных Училищных советов губернии. Наглядную иллюстрацию сложившейся на практике ситуации демонстрируют архивные материалы Государственного архива Нижегородской области города Арзамаса, в первую очередь, журналы заседаний Арзамасского уездного Училищного совета. Основным источником нашего исследования стал, в частности, «Журнал заседаний Арзамасского уездного Училищного совета за 1875 – 1886 годы» [3].

В это время на территории Арзамасского уезда существовало около 30 сельских (училища открывались, закрывались, принималось решение о временном закрытии отдельных училищ) и 5 городских (Владимирское, Ильинское, Кирилло-Мефодиевское, Рождественское, Троицкое) начальных народных училищ, при этом 3 городские училища, а именно Кирилло-Мефодиевское, Троицкое и Рождественское имели женские отделения. Из числа сельских начальных народных училищ женское отделение было только в училище села Выездная Слобода. Однако на практике в начальных народных училищах обучались и девочки. Так, например, в журнальном постановлении Арзамасского уездного Училищного совета от 11 мая 1877 г. содержится информация о предложении штатного смотрителя Ивана Талиева «наградить чем-либо девочку Коринского училища, успешно окончившую курс ученья». Совет постановил: «Наградить ее книгою за надлежащим подписом и приложением печати», что и было исполнено

16 мая 1877 г., о чем свидетельствует соответствующая запись на полях журнала [3, л. 82 об]. С течением времени количество девочек, обучающихся при начальных народных училищах возрастало, подтверждение чему находим в протоколе уездного Училищного совета от 11 октября 1880 г., где «в виду приговора крестьян села Саблукова о желании иметь в их начальном училище не учителя, а учительницу, которая могла бы обучать девочек, посещающих школу и рукоделию… перевести в Саблуковское начальное училище учительницу Вечкусовского училища Введенскую, предложив ей (в свободное от классных занятий время) заниматься с девочками и рукоделием» [3, л. 158 об]. Это не противоречило «Положению о начальных народных училищах» 1874 г., т.к. оно предусматривало возможность совместного обучения детей обоего пола (за исключением воскресных школ, которые учреждались для учащихся одного пола), «там, где не представляется возможности иметь отдельные мужские и женские училища». Оговаривалось лишь, «чтобы в таких смешанных училищах девочки были не старее 12 лет» (ст. 7) [2, с. 837].

Анализ протоколов Арзамасского уездного Училищного совета дает представление о составе каждого проводимого в указанный период времени Совета и специфике его деятельности. Так, например, заседание Арзамасского уездного Училищного совета 11 мая 1876 г. состоялось «под председательством уездного предводителя дворянства Ф.Б. Полуэктова и в присутствии членов – уездного исправника Н.П. Залесского, И.П. Кутлубицкого, К.Н. Дмитриева, священника В.С. Никольского, штатного смотрителя И.А. Игнатьева» [3, л. 43]. Под документом приведены подписи всех названных выше лиц. Это полностью соответствует нормам Положения о составе Совета, учитывая, что Кутлубицкий и Дмитриев были членами Совета от земства.

В примечании к статье 27 названного Положения также указано, что «в случае болезни или отсутствия предводителя дворянства, а равно и лиц, исправляющих их должность, в Училищном совете председательствует… инспектор народных училищ» [2, с. 838]. Однако, как правило, инспектор начальных народных училищ Нижегородской губернии не принимал участия в заседаниях Арзамасского уездного Училищного совета вообще, т.к. он не упоминается как член Совета ни в одном протоколе. В случае отсутствия самого председателя назначалось «доверенное» лицо, которое исполняло его основные обязанности. В журнальных постановлениях Арзамасского уездного Училищного совета нередко можно встретить указание «за председателя Совета…», должностные обязанности которого в рассматриваемый период нередко исполнял член Совета от земства И.П. Кутлубицкий [3, лл. 138; 149 об.], сам являвшийся попечителем Алемаев-

ского начального народного училища Арзамасского уезда Нижегородской губернии и хорошо знакомый с особенностями «школьного дела».

Подавляющее большинство рассмотренных Советом вопросов тематически целесообразно отнести к числу «текущих» для уездного Училищного совета. Это вопросы, прежде всего, посвященные назначению на должность и отстранение от должности учителей начальных народных училищ, их перемещением из одного училища в другое, часто осуществляемые по просьбе самих учителей, а также о допущении к исполнению учительских обязанностей кандидатов на учительскую должность, окончивших курс в учительских и духовных семинариях, женском епархиальном училище и Арзамасской женской прогимназии, в том числе и с условием последующей сдачи экзамена на «звание учителя».

Также часто можно встретить представление губернскому Училищному совету лиц на утверждение в должности попечителей начальных народных училищ; просьбы о выдаче свидетельств мальчикам, закончившим обучение в училищах и выдержавших экзамен, проводимый «испытательной комиссией» на знание курса начального училища и дающих право на получение льготы, предусмотренной п. 4 ст. 56 раздела IV «Об отсрочках и льготах по образованию» главы VI Устава о воинской повинности 1874 г. [4, с. 19]. Следует подчеркнуть, что льгота эта имела важное значение, так как данный уровень образования «при отбывании… воинской повинности по жеребью», предусматривал установление сокращенных сроков службы. Как правило, с последним вопросом была связана работа Совета по составлению плана и графика подвижных испытательных комиссий, которые не только должны были быть составлены, но и отправлены инспектору народных училищ Нижегородской губернии, а также циркулярно разосланы во все училища уезда для ознакомления желающих сдавать экзамены и опубликованы с этой же целью в Губернских ведомостях [3, лл. 2; 2 об.].

Наконец, часто обсуждались вопросы об открытии, полном или временном закрытии училищ. Как правило, поступали на рассмотрение Совета указанные вопросы по приговорам сельских обществ, которые или готовы были открывать и поддерживать училища в своих селах, или, наоборот, отказывались оказывать материальную помощь своему училищу. В качестве исключения можно привести примеры, когда местные сельские общества практически не принимали участия в «школьном деле», а открытое у них училище полностью содержалось за счет попечителей [5, с. 90]. В Арзамасском уезде таких училищ было немного, к ним, прежде всего, относилось Алемаевское училище, попечителем которого был И.П. Кутлубицкий, и Кержемокское училище, открытое 1 января 1876 г. на основании решения уездного Училищного совета, принятого 30 декабря

1875 г. вследствие заявления от 9 декабря 1875 г. арзамасского купца И.М. Иконникова, который вплоть до своей смерти в конце 1879 г. финансово поддерживал как само училище, так и работающего там учителя [3, л. 30 об.].

К числу «текущих» вопросов также следует отнести и вопросы о распределении денежных средств, выданных Земским собранием Арзамасского уезда на нужды народного образования уезда. Основная часть земских сумм шла на выплату жалованья учителям, учительницам и законоучителям начальных народных училищ [3, л. 165]. Остатки от выделенных земством денег тратились на поправление материально-технической стороны училищ и, главным образом, на приобретение книг для училищных библиотек и учебных пособий для самих училищ [3, л. 164]. Денег этих, как правило, оказывалось недостаточно, что вызывало длительную переписку по данному вопросу с земской управой и членами от земства в уездном Училищном совете [3, лл. 104-105].

Весьма значительны по своему количеству и по объему ответы на запросы губернского Училищного совета и отправка новых запросов в губернский Училищный совет с целью разъяснения особенностей организации народного образования. К данной категории дел целесообразно отнести и переписку Совета с инспектором и директором народных училищ Нижегородской губернии.

Училищный совет активно взаимодействовал с местными сельскими обществами и волостными правлениями, которые своими приговорами не только обращались в уездный Училищный совет за разрешением об открытии училищ, но и должны были представить закрепленные приговором «гарантии» его поддержки, в том числе, содержать необходимое для училища помещение, обеспечивать его отопление, освещение и нанять сторожа для него, а также, по мере возможности, нанять помещение для учителя (или разместить его в отдельной комнате при самом училище) [3, л. 115 об.] и, в отдельно взятых случаях, финансово поддерживать учителя. В случае же отказа общества от материальной поддержки местного училища, Совет принимал решение о закрытии последнего, как было, например, с начальным народным училищем села Водоватово Арзамасского уезда [3, л. 28]. В отдельных случаях такое взаимодействие осуществлялось через волостное правление. Так, например, 11 мая 1876 г. посредством «донесения Пановского волостного правления о том, что крестьяне села Панова, считая для себя содержание Пановского училища обременительным, общественным своим приговором положили училище это закрыть» [3, л. 43]. Подобные приговоры, как видно, из рассматриваемых журнальных постановлений этого периода были нередки, а основной причиной их вынесения, как верно отметил О.В. Ефимов, была «бедность

сельских обществ», не имевших возможности нанимать необходимые здания для устройства школ и поддерживать их финансово, что и являлось основным препятствием развития системы начального народного образования [6, с. 28].

Отдельно необходимо отметить тесное взаимодействие уездного Училищного совета с Духовной консисторией как органом епархиального управления, т.к. именно она «производит управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией» [7, с. 1]. В текстах журнальных постановлений часто встречаются указания на запросы, отправляемые Консистории или «епархиальному начальству», связанные с назначением законоучителей для училищ уезда, на которых возлагалось преподавание Закона Божия, а также вопросы о награждении законоучителей, из числа местных священников и диаконов, по части церковного ведомства – скуфьей [3, л. 112] или камилавкой [3, лл. 30; 112 об]. Также Совет запрашивал у Консистории разрешения на преподавание Закона Божия лицами, окончившими курс в Духовных училищах, в том числе и «девицами, окончившими курс в Епархиальных духовных училищах» [3, л. 161 об.], в связи с тем, что отдельные священнослужители уезда, ссылаясь на занятость, в виду «многочисленных и трудных обязанностей» не хотели заниматься преподаванием [3, л. 125] или в течение продолжительного времени не посещали вверенное им училище [3, л. 144].

Кроме разрешения «текущих» вопросов, уездный Училищный совет нередко должен был рассматривать вопросы «экстраординарные», к которым можно отнести, во-первых, организацию процесса обучения и специфики его осуществления в подведомственных Совету начальных народных училищах; во-вторых, вопросы, выходящие за пределы прямой подведомственности уездного Училищного совета, в частности, помощи местным сельским священникам, самостоятельно организовавшим обучение детей там, где не были открыты училища, и решение вопроса о подведомственности, исходя из этого, обеспечения книгами и учебными пособиями церковно-приходских школ; в-третьих, инициативы губернского Училищного совета, директора и инспектора начальных народных училищ Нижегородской губернии в области народного образования.

В качестве иллюстрации перечисленных выше оснований приведем следующие примеры. Так, в заседаниях Совета неоднократно поднимался вопрос о численности учащихся в одном училище, т.к. от этого непосредственно зависела дисциплина и успешность процесса обучения. Вследствие чего постановлением от 11 ноября 1878 г., в ответ на «заявление господина директора народных училищ Нижегородской губернии о малоуспешности учеников Выездно-Слободского начального народного учи-

лища, зависящей от большого количества учеников при одном учителе (80 человек) и от неудовлетворительного состояния классной дисциплины», Совет постановил: «Назначить помощника для Выездно-Слободского мужского начального училища с содержанием 120 руб., но с тем, чтобы этот помощник, по распоряжению Училищного совета, временно замещал вакантные должности по всему уезду и занимался за болезнею кого-нибудь из учителей начальных училищ. Самим же обществам и учителям начальных училищ, как сельских, так и городских объяснить, что на будущее время в одно училище не может быть принято более 80 мальчиков; если же число желающих поступить в начальное училище будет более 80-ти, то открывать другое начальное училище» [3, л. 120 об]. 11 августа 1880 г. такое же решение было озвучено Советом в отношении Арзамасского Троицкого начального училища. При этом особо оговаривалось, что «Училищным советом замечено понижение в успешности учеников старшего отделения». В то же время «Совет, не желая относить к неспособности или нерадению к своим обязанностям учителя Коридалина, как приобретшего своей учительской опытностью местную популярность», объясняет происходящее «сравнительно большим наплывом в это училище учащихся, число которых следует ограничить до 60-ти» [3, лл. 154 об., 155].

При назначении кандидатов на должности учителей начальных народных училищ Совет, как правило, старался учитывать местную специфику. Так, в заседании 11 августа 1877 г., формулируя просьбу инспектору народных училищ Нижегородской губернии о назначении на вакантное место учителя в Собакинское училище, подчеркнул необходимость иметь в виду, «что население села Собакина из старообрядцев» [3, л. 88].

Совет оказывал посильную помощь священникам, взявшим на себя обязанности обучения детей в селах, где еще не были открыты училища. Так, например, 11 марта 1875 г. Совет постановил: «Принимая во внимание, что священник села Крутого Майдана Малицкий уже несколько лет обучает мальчиков в собственном своем доме с отменным усердием и при том не получает за свои труды никакого вознаграждения… выдать г. Малицкому, в качестве поощрения, из остатков от сумм, отпущенных Арзамасским земством на поддержку начальных училищ в 1874 году, 25 рублей» [3, л. 11], а 11 сентября 1875 г. «выслушав прошение священника села Кирилловка Семиона Аргентова, которым он уведомлял Совет о том, что он открыл учение в своем доме и принимает на себя обязанности учителя и законоучителя и, …просил назначить ему вознаграждение за труд из сумм, отпускаемых земством на этот предмет, Совет постановил отпустить на Кирилловское училище шестьдесят рублей» [3, л. 20 об].

Журнальное постановление от 11 февраля 1880 г. содержит информацию о существовании в Арзамасском уезде трех церковно-приходских

школ, которые располагались в селах Лопатине, Чернухе и Дубенском. Вопросы, связанные с ними, Совет ранее не рассматривал. В связи с чем, на поступившую просьбу содержателя Лопатинской церковно-приходской школы, «и.д. псаломщика Ивана Никольского, относительно выдачи для его школы книг для детского чтения и учебников», Совет отправил запрос в Нижегородскую Духовную консисторию, с целью «указать Училищному совету узаконение относительно порядка учреждения и существования церковно-приходских школ вообще» [3, л. 143 об]. Повторно вопрос, остающийся до того времени открытым, поднимал в марте 1880 г. член совета от духовного ведомства священник В.С. Никольский [3, л. 144]. Лишь 11 мая 1880 г. Совет запросил «губернский Училищный совет выслать для руководства положение о церковно-приходских школах, так как Духовная консистория на запрос уездного Училищного совета такового положения до сих пор не выслала» [3, л. 148]. Вопрос решился только месяц спустя, когда в заседании Совета от 11 июля 1880 г. было заслушано «отношение губернского Училищного совета от 27 июня 1880 г. за № 44, разъясняющее о положении церковно-приходских школах», которое члены Совета постановили «принять к сведению» [3, л. 152 об].

Относительно разнообразных инициатив в сфере образования укажем лишь на наиболее, на наш взгляд, интересные. Например, на основании отношения губернского Училищного совета от 13 июня 1877 г. за № 39 «Об устройстве вечерних школ для взрослых в Нижегородской губернии и о (порядке) законоположениях, устанавливающих порядок и устройство вечерних классов для взрослых», Арзамасский уездный Училищный совет в своем заседании от 11 июля 1877 г. постановил: «Чрез учителей уведомить общества о возможности устроить вечерние школы для взрослых и собрать сведения, как велика потребность учиться у взрослых» [3, л. 85 об]. Уже в сентябре того же года «вечерние классы» на 10 человек были открыты в селе Саблукове [3, л. 90], а в январе 1878 г. – в деревне Пасьянове [3, л. 98 об].

Однако не все поступающие предложения находили поддержку со стороны Совета в виду очень ограниченных его финансовых возможностей. В этой связи укажем на постановление Арзамасского уездного Училищного совета от 11 мая 1879 г., в котором он «принял к сведению впредь до открывшейся на то возможности» предложение директора народных училищ Нижегородской губернии от 13 марта 1879 года за № 242, о склонении со стороны Училищного совета сельских и городских обществ к устройству ремесленных классов при существующих в уезде начальных школах» [3, л. 128].

Таким образом, рассмотрение протокольных постановлений позволяет выделить в отдельную категорию дел «текущие вопросы», которые

возникали с определенной периодичностью и подлежали непременному разрешению Советом, а также особо указать на вопросы, которые вставали перед Советом внезапно, в связи с необходимостью организации учебного процесса с учетом местных условий; поддержки священников, самостоятельно обучавших детей в сельской местности, где еще не были открыты училища, но, как полагал Совет, они могли бы быть открыты в ближайшее время; и рассмотрении инициатив губернского Училищного совета, директора и инспектора начальных народных училищ Нижегородской губернии.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39. Отделение 1. – СПб., 1867. – № 41068.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 49. Отделение 1. – СПб., 1877. – № 53574.

3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1-333 об.

4. Устав о воинской повинности. Высочайше утвержденный 1-го января 1874 года. – М.: В университетской типографии, 1874. – 78 с.

5. Исаков А.А., Пичугина Е.А. Попечительство в профессиональном образовании Арзамаса второй половины XIX – начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников региональной научно-практической конференции. Научный редактор А. А. Исаков, отв. редактор В.И. Грубов. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 89-95.

6. Ефимов О.В. Проблемы начального образования в Арзамасском уезде в конце XIX – начале XX вв. // Нижегородское образование: история и современность. Вып. 4. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 24-28.

7. Устав Духовных консисторий. – СПб.: Синодальная типография, 1843.

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ В 20-Е ГОДЫ ПРОШЛОГО ВЕКА
(на примере детского городка имени В. И. Ленина в Арзамасе)

Наталья Евгеньевна Зюванова*[1]*,
***Анна Владимировна Токарева*[2]**

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области.
Центральная городская библиотека имени А. М. Горького.
[1]заведующая сектором читального зала, [2]ведущий библиотекарь
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arzbiblio@yandex.ru

В статье исследуется деятельность арзамасского детского городка имени В.И. Ленина, созданного в 1920-е годы для борьбы с беспризорностью.

Ключевые слова: *краеведение; Арзамас; 1920-е годы**;** борьба с беспризорностью; детский городок.*

Политические потрясения начала XX века породили в России множество социальных проблем, одной из которых был рост количества без-

надзорных детей. Ситуация особенно обострилась в 1921 г., причиной чему был небывалый голод, охвативший 37 губерний с населением свыше 40 млн. человек. К 1922 г. в стране насчитывалось 7 миллионов беспризорных детей.

Ни голод, ни послевоенная разруха не обошли стороной Арзамас. К своим детям-сиротам прибавились беспризорники со всей страны. Они попадали в город по железной дороге, их снимали с поездов и распределяли по детским учреждениям. По архивным документам в это время в уезде было больше 400 беспризорников. 285 из них стали воспитанниками Арзамасского детского городка. Школьные коммуны и детские городки стали приметой той переломной эпохи. О некоторых из них, образовавшихся на территории советского государства: Малаховском под Москвой, Киевском, Ахтырском, Одесском Показательном имени Коминтерна, в частности, пишет в своей статье Е. Лупаренко [1, с. 183]. Арзамасский детгородок имени В.И. Ленина был организован в 1923 году путем объединения нескольких детских домов с целью удешевить их содержание и облегчить управление ими, приблизив учреждения к уездному центру. В него попадали дети из самых разных мест, только четверть была родом из Арзамаса. В архивных списках числятся воспитанники из Московской и Гродненской губерний, из Варшавы, Ленинграда, Бреста, Львова, Астрахани, Саратова, Нижнего Новгорода. Многие из них не помнили о себе ничего, кроме имени. Они были представителями разных национальностей, о чём свидетельствуют их фамилии: Рокшинская, Макаревич, Ватьелайнен, Эберле, Часайлюк, Недремская, Вишнюк, Нюртина, Кочепа, Шихут. В городке жили дети дошкольного возраста, школьники и подростки возрастом от 16 до 18 лет. Для дошкольников в 1923-1925 гг. существовал отдельный корпус, но в 1926 г. из-за нехватки продуктов питания его перевели в Нижний Новгород. Количество детей постоянно менялось, на 1 января 1925 г. в учреждении числилось уже 308 детей, а после переброски дошкольников в губернский центр – 240. В распоряжении городка было 3 десятины земли, фруктовый сад (2 десятины) и огород (1/2 десятины). Были своя баня, кухня, клуб и лазарет, классы, канцелярия. К сожалению, архивные документы не дают сведений о месте нахождения воспитательного учреждения, есть только информация о том, что дошкольный корпус городка числился за территорией Свято-Николаевского женского монастыря. М.А. Балакина утверждает, что коммуна находилась «в бараках возле Березовой рощи» [2, с. 14].

В 1925 г. в штате числилось 47 педагогов. Заведующий детгородка И.И. Минеев был кандидатом в ВКП (б), завхоз – членом ВКП (б), трое воспитателей состояли в РЛКСМ. Половина учительского состава начала свою работу еще при старой власти, остальные – уже при советской. В

1925 г. была проведена большая реорганизация учреждения по павильонной системе, в результате чего дети были разведены по корпусам. В акте об осмотре от 11 апреля 1926 г. встречаем описание 5 подразделений (корпусов) городка. В первом жило 69 человек, во втором – 36, в пятом – 62.

Учреждение содержалось за счёт городского бюджета. В планах руководства было перевести его на частичный хозрасчет, для чего были созданы мастерские: столярная, сапожная, швейная, переплетная. В них работали дети с 12 лет. Руководили работой в мастерских инструкторы труда.

С 1923 по 1925 г. при городке обучались только дети первой группы первой ступени обучения, а с 1926 г. уже все дети посещали городские учебные заведения, т.к. школа при детгородке была недостаточно оснащена. Для облегчения контроля за учащимися воспитатели стремились сосредоточить их в наименьшем количестве школ. На заведующего возлагалась обязанность следить за посещаемостью школ учениками и их успеваемостью. Помимо обучения в школе и работ в мастерских каждый вечер два часа отводилось на выполнение домашних заданий. В городке велась и кружковая работа, например, существовал кружок рукоделия. В 1922 г. Вторая Всероссийская конференция комсомола провозгласила лозунг о повсеместном создании пионерских отрядов. Они стали формироваться и в школах Арзамаса, отдельный пионерский корпус появился в детгородке.

Но картина жизни обитателей учреждения была далеко не благостной. Из документа об оценке состояния городка узнаем, что в корпусах, где жили подростки, царила вольная атмосфера: дети были предоставлены сами себе, не посещали мастерские, били стекла, мусорили, вели себя нагло. Существовало большое количество проблем: это и нехватка продовольствия, одежды, учебных пособий, и халатное отношение персонала к своим обязанностям, и нерациональное использование и без того скудных ресурсов. В одном из документов проверяющий написал о том, что повара толсто срезали шкурку с картофеля, он делал вывод, что таким количеством отходов можно выкормить корову и не покупать молоко у работника городка, который, по всей видимости, кормил животное объедками с детского стола. [2, д. 319, л. 44 об.]. Вопрос питания стоял остро всегда, члены проверяющих комиссий писали о том, что суп очень жидкий, что в рационе нет хлеба, что работники питаются за счёт продуктового пайка детей. От местных жителей поступали жалобы на то, что детдомовцы ходят по городу в поисках еды. Не хватало молока, часть которого, предназначавшегося дошкольникам, делили с детьми, находящимися на лечении в лазарете. В день на продовольствие одному воспитаннику выделяли двадцать две копейки, тем, кто помогал на кухне – только десять копеек. Не хватало также постельного белья, подушек, не во всех корпусах

были умывальники. Требовался капитальный ремонт зданий. В частности, из акта от 21 мая 1926 г. следует, что кухня учреждения находится в аварийном состоянии и нуждается в незамедлительной реконструкции.

Педагоги, как могли, боролись с таким положением вещей: были попытки заменить подростковые группы на дошкольные. На заседаниях часто обсуждали вопросы дурного влияния детей старшего возраста на младших ребят. Для улучшения ситуации были организованы Советы детгородка, которые собирались первого числа каждого месяца, а каждый вторник проводились совещания руководства. Патронировала городок также организация «Друг детей» – добровольное общество, которое было создано Н.К. Крупской для общественного контроля над детскими воспитательными учреждениями. На этих встречах обсуждались текущие хозяйственные и педагогические вопросы.

Воспитательная работа была направлена на укрепление связи учреждения с городскими школами второй и третьей ступени и профтехнической школой. Для этого заведующему детгородком вменялось в обязанность посещение заседаний школьных советов и родительских собраний, а представители школ вводились в органы управления детгородка. Шла речь о полном и своевременном снабжении учащихся обмундированием и учебными пособиями. В каждом корпусе детской коммуны появились элементы самоуправления: комитеты и хозяйственные комиссии, которые занимались распределением продуктов, одежды, инвентаря, сохранностью имущества, следили за порядком. Педагогам рекомендовалось приложить все силы к более слаженной работе с воспитанниками.

Активно обсуждался вопрос о так называемой разгрузке городка, о чем свидетельствуют протоколы совещаний руководства. Работа шла по следующим направлениям: определение подростков на учебу с последующим желательным трудоустройством, а также передача детей родственникам, так как не все ребята в городке были круглыми сиротами. Некоторые родители, справившись с тяжелой жизненной ситуацией, забирали детей в семью, это касалось, прежде всего, тех воспитанников, чьи родственники проживали в окрестностях Арзамаса. Часть ребят смогли усыновить ближайшие родственники, т.к. в 1926 г. эта процедура снова была разрешена государством (с 1918 по 1926 г. такая форма устройства детей была под запретом).

Подростки из детгородка обучались профессиям по договорам, заключенным уездным отделом народного образования (УОНО) с разными учреждениями города. Организации должны были всячески содействовать этому направлению работы детского учреждения, а руководители городка активно сотрудничать с ними, приглашая на педагогические совещания. Ребята овладевали профессиями почтальона, сиделки в больнице и т.п.

Из договора от 13 мая 1926 г. узнаем о том, что управление здравоохранением заключило несколько договоров с детгородком об устройстве воспитанников на обучение в аптеки города. Например, семнадцатилетние Юлия Мельник и Надежда Макаревич были определены на обучение в фасовщицы при аптечном магазине сроком на год.

В 1926 г. вышло постановление ВЦИК и Совнаркома СССР о том, что в целях подготовки воспитанников детских домов к сельскохозяйственному труду их можно передавать в крестьянские семьи. УОНО заключал договор с крестьянским двором и мог прикрепить к нему одного, в крайнем случае, двух учеников. Взамен двор получал надел земли на этого воспитанника и различные льготы и обязывался добросовестно выполнять условия соглашения. Впоследствии подростки могли отделиться от двора и завести самостоятельное хозяйство. Например, в одном из документов говорится о том, что товарищ Куракин из хутора при поселке «Соловейко» принимает Перепелкина Михаила, тринадцати лет, уроженца города Казани, в свой двор для приучения его к сельскохозяйственному труду сроком на три месяца [3, д. 319, л. 45]. Сохранились также ходатайства руководства детского учреждения о направлении подростков учениками в совхозы «Новый мир» и «Помощь крестьянину». Ребята ехали на место с руководителями из городка и обучались в совхозных мастерских. Городок также пытался заключать договора с производственными артелями, вовлекая детей в кустарную промышленность; были сделаны попытки начать сотрудничество с Кирмановским кошмовальным предприятием. Однако хозяйственные организации неохотно брали детей на обучение. То, что в теории выглядело замечательно, на практике зачастую терпело фиаско.

Осенью 1927 г. арзамасский детгородок был переведен в помещения освободившегося Серафимо-Понетаевского монастыря, который находился в лучшем санитарном состоянии [4, д. 364, л. 35]

Постепенно благодаря усилиям правительства уровень беспризорности в стране снизился и необходимость в детгородках отпала. Отрадно осознавать, что такой небольшой город, как Арзамас, наравне с крупными городами страны подключился к делу помощи безнадзорным детям, несмотря на тяжелое положение в уезде. Конечно, в детгородке были далеко не идеальные условия для воспитания и обучения детей, но он сыграл большую роль в их социализации. Благодаря ему многие ребята смогли найти правильный путь в жизни и стать достойными гражданами своей страны.

Источники и литература

1. Лупаренко С.Е. Детские городки в системе работы с беспризорными детьми в СССР (1920 – 1930 гг.). – Текст: электронный // Вестник Оренбургского государственного

педагогического университета: сетевой журн. - 2014. - URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/Luparenko1-9. - (дата обращения: 19.11.21)
2. Балакина М.А. Арзамас в XX веке. Кн. 4. Пусть всегда будет солнце. – Арзамас : [б. и.], 2006.
3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-103. Оп. 2.
4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-103. Оп.1.

П.П. ГАЛКИН – ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В СИСТЕМЕ АРЗАМАССКОГО ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ

Евгений Викторович Колосунин
Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина,
преподаватель высшей категории
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, e-mail: pak-725@mail.ru

Статья посвящена биографии П.П. Галкина – человека с богатым жизненным опытом: учитель, комсомольский активист, офицер-фронтовик, ответственный работник районного масштаба, директор техникума. Он знал, как организовать коллектив, который справится с любой поставленной государственной задачей.
Ключевые слова: *П.П. Галкин; профтехобразование; Арзамас; техникум.*

Павел Петрович Галкин родился 12 декабря 1918 г. в селе Казаково Арзамасского уезда в многодетной крестьянской семье. Его биография оказалась созвучной судьбе и биографии молодого Советского государства.

В 1933–1936 гг., после окончания семи классов Новоусадской средней школы, он учился в Арзамасском педагогическом училище. Затем вернулся в родное село и работал учителем начальных классов. Одновременно возглавлял колхозную комсомольскую организацию.

В 1939 г. вожак сельской молодежи был утвержден в должности заведующего отделом пропаганды и агитации Арзамасского райкома комсомола. Однако, проработав всего несколько месяцев, П.П. Галкин был призван на действительную воинскую службу, которую проходил на Дальнем Востоке, в городе Ворошилове-Уссурийском, в 755-м зенитно-артиллерийском полку Дальневосточной зоны ПВО. Там он и получил весть о начале Великой Отечественной войны [1].

Павел Петрович хотел на фронт. Несколько раз он обращался с рапортами к своему командованию. Но воинское начальство посоветовало молодому офицеру забыть о своих планах, поскольку обстановка на дальневосточных границах была тревожной. Красная Армия готовилась к отражению возможной агрессии со стороны милитаристской Японии.

К началу 1945 г. старший лейтенант Галкин вырос до помощника начальника штаба полка. В августе 1945 г. он в составе своего воинского подразделения принимал участие в военных действиях на Дальнем Востоке и был награжден медалью «За победу над Японией». В феврале 1946 г.

П.П. Галкин был демобилизован и вместе с супругой Антониной Ильиничной возвратился в родные края.

Однако отдых был коротким – П.П. Галкина пригласили на работу в аппарат райкома партии и утвердили инструктором. Бывший фронтовик включился в восстановление подорванного войной сельского хозяйства. Без отрыва от работы он учился. В 1951 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт. Ряд лет работал прокурором Арзамасского района, во времена существования Арзамасской области (1954–1957 гг.) был заместителем областного прокурора. Затем в числе 30-тысячников был направлен партией для руководства слабыми колхозами: в 1955–1961 гг. находился в должности председателя колхоза «Привольная жизнь» села Новый Усад, в 1961–1962 гг. был директором Шатовского совхоза «Культура» [2, с. 32].

Наступил 1963 год. За несколько лет до этого в Арзамасе появилось новое учебное заведение, где началась подготовка квалифицированных рабочих кадров. В 1963 г. по решению горкома КПСС его руководитель И.Я. Носов был назначен главным инженером одного из арзамасских заводов, и место директора оказалось вакантным. Его предложили занять П.П. Галкину. В августе 1963 г. он возглавил учебное заведение, которое вскоре получило статус Арзамасского приборостроительного техникума.

Получив самостоятельный статус, техникум меняет адрес. Он переезжает в новое здание учебно-производственного комбината, которое приборостроительный завод построил на площади 1-го Мая. Дел внутри нового здания было много: стены с непросохшей штукатуркой, горбатые полы. П.П. Галкин принял не техникум, а систему помещений. Все начиналось с нуля. Необходимо было создать материально-техническую базу нового учебного заведения, заложить традиции, которые в конечном итоге станут основой высококвалифицированной деятельности педагогического коллектива техникума.

Из воспоминаний И.С. Левкина (заместитель директора в 1965–1984 гг.): «При формировании коллектива П.П. Галкин руководствовался принципом “кадры решают все”. При подборе кадров был определен порядок. Образование желательно педагогическое и техническое. Поэтому не случайно в техникуме работали преподаватели с двумя высшими образованиями. С каждым кандидатом Павел Петрович находил время тактично, проявляя выдержку, побеседовать, озадачить, поддержать в трудную минуту. Много внимания уделял вопросам повышения активности в профессиональной деятельности, пропаганде передовых методов работы. Любое предложение рассматривалось и поддерживалось администрацией» [3].

Павел Петрович привлекал к работе лучших выпускников техникума, высококлассных специалистов города для организации внеклассной

работы, активистов комсомольской городской организации, спортивной и технической работы.

Из воспоминаний А.М. Клунина (секретарь парторганизации техникума): «Галкин всегда работал на перспективу развития техникума и отлично подбирал кадры. И этому было свое объяснение. Ведь он имел богатый опыт руководителя. В общении с подчиненными был дипломатом, с плеча никогда не рубил. Одним словом, был тонким, внимательным руководителем».

Из воспоминаний Т.П. Головкиной (секретарь П.П. Галкина, преподаватель техникума в 1979–2016 гг.): «В 1969 г. Павел Петрович предложил мне работать его секретарем. К этому времени я окончила курсы машинописи и решила принять предложение. Галкин умел работать с людьми. Всегда тактичен, внимателен. Умел выслушать и подтолкнуть к принятию правильного решения. Он был настоящим дипломатом».

Благодаря целенаправленной, продуманной кадровой политике П.П. Галкина к концу 1960-х гг. в техникуме сложился высокопрофессиональный педагогический коллектив. Многие преподаватели имели стаж работы на производстве, что было для администрации техникума принципиально важным.

Много внимания П.П. Галкин уделял вопросам повышения квалификации, изучения передового опыта и внедрения его в педагогический процесс. С этой целью преподаватели техникума совершали командировки в средне-специальные учебные заведения региона, которые подходили по профилю или учебным программам. Например, изучался опыт работы авиационных техникумов в Казани, Горьком, Саратове, Кстовском нефтяном техникуме, Заволжском моторном техникуме.

С самого начала существования приборостроительный техникум заявил о себе как об учебном заведении, которое готовит специалистов для авиационной отрасли страны. Подготовка работников для столь высокотехнологической отрасли требовала хорошей материально-технической базы и технического оснащения учебного процесса. Для молодого учебного заведения это было непросто. Здание на ул. Калинина, д. 19 приходилось делить с вечерним отделением Горьковского политеха (затем филиалом МАИ), учебным цехом и школой мастеров приборостроительного завода. Техникуму не хватало учебных аудиторий, оборудования, приборов, учебников по техническим дисциплинам. Не было своего помещения для организации производственной практики.

Из воспоминаний А.М. Клунина: «В техникуме кипела напряженная работа по созданию новых кабинетов и лабораторий под руководством директора П.П. Галкина. Часто Павел Петрович приглашал в свой кабинет и с задумчивым взглядом в окно часто повторял: “Скоро ли МАИ уйдет

в новое здание, а мы на этих площадях смогли бы, наконец, вздохнуть и расправить свои крылья?" Это без преувеличения была его мечта».

Ведущая роль в наращивании материальной базы принадлежала приборостроительному заводу и его директору – П.И. Пландину. Но непосредственным процессом руководил П.П. Галкин. Он же и отвечал за конечный результат.

В конце декабря 1975 г. П.И. Пландин принял решение о переселении в новый учебный корпус не филиала МАИ, а приборостроительного техникума. Проблема заключалась в том, что строительство нового здания на ул. Жуковского, 2 еще не было закончено. К этому времени государственная комиссия успела принять только фасад здания. Левое и правое крыло здания еще не были закончены. Повсюду велись штукатурные и сварочные работы, шахты грузовых лифтов были открыты. Правда, впереди были зимние каникулы. Но через две недели сюда должны были прийти на учебу 1 200 студентов дневного и 600 учащихся вечернего отделения.

Из воспоминаний А.М. Клунина: «Нелегко было П.П. Галкину в этой ситуации. Новое здание было необходимо, но риск несчастного случая был очень высок. В то же время все знали, что П.И. Пландин дважды о своем решении не напоминает. Всю ответственность Павел Петрович взял на себя».

Следующие два года были очень напряженным временем в истории техникума. Необходимо было оборудовать кабинеты и лаборатории, решить проблему ученической мебели и оборудования, одним словом, освоить большое количество новых, абсолютно пустых площадей.

Из воспоминаний А.А. Токарева (преподаватель техникума): «Обустройством нового учебного здания занимались все: студенты дневного и вечернего отделения во время ученических практик, преподаватели технических дисциплин А.А. Демидов, А.И. Курочкин, В.И. Карпов, И.И. Тихомиров. А всей работой руководил директор – П.П. Галкин. Он умел наладить процесс».

Таким образом, за 1,5–2 года были созданы 24 кабинета и лаборатории, оснащены актовый и спортивный залы, каждый площадью в 450 кв. метра. В 1977 г. на базе Арзамасского приборостроительного техникума состоялся семинар-совещание Совета директоров средних специальных заведений Горьковской области, где была дана очень высокая оценка созданной учебно-лабораторной базе.

Из воспоминаний И.С. Левкина: «В 1975 г. техникум переехал в новое здание. Было освоено и оборудовано 6 000 кв. м новых площадей. Учащиеся, сотрудники, преподаватели работали день и ночь, не покладая рук».

Вся эта огромная проделанная работа позволило техникуму войти в число 10 лучших техникумов Министерства авиационной промышленности СССР.

Студенты живут не только учебой. Все, кто работал вместе с П.П. Галкиным, отмечают, что техническое творчество, общественно-полезный труд, спорт и художественная самодеятельность были предметом его особого внимания.

Из воспоминаний А.М. Клунина: «Удивляешься, как это П.П. Галкин все успевал, всем интересовался, давал советы, делился своим богатым опытом организаторской работы. И мы, подрастающая смена, не могли не откликнуться на такую отеческую заботу и старались в полную свою силу».

Практически все преподаватели руководили техническими или предметными кружками, которые собирались раз или два в месяц. Работа шла так активно, что в лучшие годы техникум по развитию технического творчества учащихся занимал 14-е место среди 52 техникумов Министерства авиационной промышленности страны.

Из воспоминаний И.С. Левкина: «В техникуме был создан Совет технического творчества, который возглавил Павел Петрович. Под его руководством техникум достиг больших успехов, неоднократно участвовал в городских, областных, министерских выставках и был представлен на ВДНХ, где был отмечен Дипломом и награжден бронзовой медалью».

Много внимания уделялось и художественной самодеятельности. В техникуме был свой духовой и эстрадный оркестры. Под руководством преподавателя литературы В.А. Чипурина был организован драматический кружок. Работал кружок сольного пения и художественного слова. Концерты ко всем важнейшим праздникам готовили силами всего техникума. Каждая группа представляла свой концертный номер. В сценарий вплетали стихи, живые картинки, песни, танцы, чтение стихов.

Из воспоминаний И.С. Левкина: «В те годы во всех учебных заведениях был свой хор. Это считалось обязательным условием участия во всевозможных конкурсах. Такой хор, в который входило до 100 человек, был и у нас. Художественный коллектив техникума часто заявлял о себе на самом высоком уровне. Например, в 1970 г. он выезжал в Москву, где в составе десятков коллективов средне-специальных учебных заведений, приехавших со всей страны, принимал участие в конкурсе, посвященном 100-летию В.И. Ленина».

Инициатором многих интересных начинаний в области культурно-эстетического воспитания был именно П.П. Галкин. Это он предложил создать из творческого актива студентов агитбригаду для организации концертов в селах Арзамасского района (Новый Усад, Ветошкино, Пеше-

лань, Красное). Он внимательно следил за выпуском четырехполосной стенгазеты «Техник-Приборист», где отражались важнейшие события внутренней жизни техникума. Очень эффектно Павел Петрович предложил оформить участие студентов в демонстрации в честь 60-летия Октябрьской революции.

Из воспоминаний А.М. Клунина: «Более 200 участников демонстрации были одеты в военную форму времен Октябрьской революции. В период практики преподавателями и студентами было изготовлено много бутафорского снаряжения: винтовки, пулеметы. Успех был обеспечен. Руководство города и жители тепло и с большим интересом приветствовали колонну приборостроительного техникума».

Как и в любом учебном заведении, в техникуме работали спортивные секции, существовал план сдачи ГТО и спортивных разрядов. Но П.П. Галкин постарался, чтобы эта работа не сводилась к формальным мероприятиям.

Из воспоминаний Л.И. Кораблева (преподаватель техникума в 1960–2000 гг.): «Спортивная жизнь при Галкине буквально бурлила. Он принимал на работу ведущих спортсменов города, которые преподавали какие-то предметы и одновременно руководили спортивными секциями».

Спортивная жизнь в те годы была насыщена и интересна. Спартакиады, проводимые в техникуме, были одними из сильнейших в городе. Занятия физкультурой были обязательны и для педагогического коллектива во главе с директором. Регулярными были встречи по волейболу и баскетболу команды преподавателей со сборными командами студентов.

Заканчивался учебный год, но это не означало, что студенты прощались с техникумом до осени. Начинался «третий трудовой семестр». По инициативе П.П. Галкина было решено обустроить собственный спортивно-оздоровительный летний лагерь.

Первый подобный лагерь был организован летом 1967 г. на туристической базе приборостроительного завода возле поселка Пешелань на Тёше. Директором лагеря был назначен А.И. Курочкин. В две смены в лагере успело отдохнуть 127 человек. Продолжительность смены составляла 12 дней. Жили в палатках, играли в волейбол, футбол, занимались плаванием и легкой атлетикой, ходили в походы, а еще помогали колхозникам. Следующие два года летний лагерь располагался на Пустынских озерах на базе оздоровительного лагеря АГПИ. Создавать свою собственную базу отдыха на реке Тёша у села Абрамово решили сами, на заработанные средства и своими силами.

В апреле 1984 г. П.П. Галкин ушел на заслуженный отдых, но не перестал заниматься общественной работой. В 1987 г. он был избран председателем Совета городской и районной ветеранской организации и провел

большую работу по созданию ветеранских организаций на предприятиях и в селах района.

Скончался П.П. Галкин 19 января 1997 г. на 79-м году жизни, оставив о себе добрую память, прежде всего среди бывших студентов и преподавателей Арзамасского приборостроительного колледжа.

Из воспоминаний Н.А. Арбатской (преподаватель техникума в 1960–1988 гг.): «Он был опытным администратором, хорошим организатором и руководителем. Умел сплотить коллектив, был тонким психологом и мог найти подход к любому человеку. Павел Петрович был требователен в делах, но всегда был готов помочь, если у кого-то из его коллег возникали проблемы. Он был демократичен в общении, и дверь в его кабинет была всегда открыта».

Из воспоминаний Т.П. Головкиной: «Именно под его руководством я, молодая деревенская девчонка училась работать, общаться с людьми. Он воспитал во мне добросовестное отношение к работе, и инициативу, творчество».

Из воспоминаний Л.И. Кораблева: «Павел Петрович был умным, тактичным и умелым организатором, скромным и справедливым человеком. Он умело улаживал трения и конфликты в коллективе, был в курсе всех дел, был инициативным человеком, беспокойным и требовательным».

Из воспоминаний И.С. Левкина: «Павел Петрович был настоящей душой педагогического коллектива, его центром. Именно его я считаю своим главным Учителем».

Из воспоминаний А.М. Клунина: «Мне очень повезло: из 45 лет работы в техникуме более 20 лет моим шефом, учителем жизни и наставником был П.П. Галкин, который оказал огромное влияние на мою судьбу. О таких людях целую книгу можно написать» [4, с. 116].

Источники и литература

1. Портал «Память народа» [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru (дата обращения 30.11.2021).

2. Гордеевцев И.А. По долгу, по совести. К 30-летию Арзамасской городской ветеранской организации (1987–2017 гг.). – Арзамас, 2017.

3. Все воспоминания хранятся в музее Арзамасского приборостроительного колледжа имени П.И. Пландина.

4. Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина. 50 лет. – Арзамас, 2010.

Раздел V.
ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВА И РЕМЕСЕЛ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ АРДАТОВСКОГО УЕЗДА (НА МАТЕРИАЛАХ НУЧИНСКОЙ ВОЛОСТИ)

Наталья Валентиновна Хорева [1], Мария Олеговна Яшина [2]
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ
[1]к. и. н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: n.khoreva2010@yandex.ru
[2]студентка 4 курса историко-филологического факультета
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: mariay4shina@yandex.ru

В статье анализируются особенности развития ремесел и промыслов Ардатовского уезда во второй половине XIX века. Описываются лапотный и маслобойный промыслы ряда сёл Нучинской волости. Характеризуется процесс производства, заготовления сырья и характерные особенности получаемого продукта.

Ключевые слова: *Ардатовский уезд; Нучинская волость; лапотный промысел; маслобойный промысел; крестьяне; ремесло*

Село Нуча расположено в 6 км к северо-востоку от современного районного поселка городского типа Ардатов, между двумя шоссе, идущими на Саконы и Арзамас. Нучинская волость включала в себя села Нуча, Круглово и Липелей. В середине 1880-х гг. в селе Нуча насчитывалось 133 домохозяина, проживало 425 мужчин и 492 женщины. Земледелие в это время находилось в общинном владении. В Нучинской волости крестьяне мало заботились о земле, более надеялись на доход от различных промыслов. Но промысел не был так надежен и стабилен, как хозяйствование на земле. Поэтому в Нучинской волости отмечалась значительная социальная дифференциация. Часть населения богатела, строила каменные дома, другая часть беднела, продавала лошадей, опускалась до состояния бобылей, которые передавали свои поля (часто уже засеянные) более состоятельным односельчанам.

В Ардатовском уезде особенно был распространен такой промысел, как производство лаптей, от чего и сам город Ардатов на простонародном языке носил эпитет «лапотного». Целых восемь селений занимались исключительно лапотным промыслом. Но так же почти в каждом селении можно было встретить несколько лапотников. Наибольшее развитие этот промысел получил в Нучинской волости.

По производству лаптей деревня Липелей была на втором месте в волости, на первом – Нуча, на третьем – Леметь. В середине 80-х гг. XIX века Нучинская волость была одним из центров лапотного промысла.

Плетением лаптей в деревне Липелей занималось 100 мастеров, а в селе Нуча – около180 человек.

В Липелее и Нуче промысел этот не был исконным в отличие от Лемети, Чуварлейки, Ужовки, Измайловки. Еще в 50-х гг. XIX века на рынке не было липелейских лаптей [1, с. 141].

В Нучинскую волость лапотный промысел пришел из Ужовки. Около 1840 г. в Нуче было до 50 маслен, и почти все жители работали на них. Но так как существование маслен обуславливается хорошими урожаями ярового хлеба, а с 1856 г. яровые хлеба стали плохо родиться (крестьяне говорили, что земля стала «вылеживаться»), то и производство масла стало прекращаться. Масленники теперь остались без работы, но так как низкие урожаи не могли обеспечить крестьянина, то последний, для поддержания своей семьи, был вынужден чем-нибудь заняться, поэтому и брался за самый легкий промысел – плетение лаптей. До 1856 г. в селе числилось только 4 лапотника. С этого времени количество лапотников начинает сильно увеличиваться:1861 г. – 30 человек, 1884 г. – 110. Из Нучи лапотный промысел перешел в 1860-1870 гг. в Липелей и Шпагу – деревни, расположенные на расстоянии одной версты от Нучи [1, с. 115].

Плетение лаптей производилось в жилых домах. В дом приносили мерзлое лыко, которое должно было оттаять. Работа начиналась с 4-х, а где-то и с 7 часов утра, заканчивалась в 9 или 10 часов. В зимнее время лапотники работали на «посиделках». Собирались с 5 часов вечера от 6 до 12 человек в одном доме и, проработавши до ужина, расходились домой. «Посиделки» считались самым лучшим временем в течение зимнего дня, так как было не скучно, и работа шла быстро. Устраивались соревнования, кто больше сплетет лаптей.

Инструменты, используемые для плетения лаптей, были простыми и недорогими. Например, кочедык стоил 5-8 копеек, а ножик 10-12 копеек. Инструменты эти заказывались в кузницах или покупались на базаре в городе Ардатов. Деревянная колодка приготовлялась самим лапотником.

Материалом для лаптей служили лыки. Добывали их жители селений Измайловки, Чуварлейки, Лемети и Ужовки. Они брали в аренду в лесах до 80 десятин липняка. Платили по 20 рублей за десятину. В начале весны, после того, как «леса снимут», начиналось дранье лыка, которое продолжалось до Ильина дня (начало августа). Потом лыко связывали в пучки и в таком виде отправляли домой. В связке было от 5 до 15 лык. Первая связка состояла из толстых и длинных лык – кора более старого дерева. Вторая связка состояла из коротких и тонких – кора снятая с молодого дерева. Лучшим считалось толстое и длинное лыко, состоящие из трех частей: собственно лыка, полусины и сдирка.

На материал для годового производства одному лапотнику достаточно около 100 связок. На сырье мастер из сел Измайловки, Чуварлейки, Лемети и Ужовки затрачивал 14 рублей. Мастера Нучинской волости тратили около 30 рублей, так как они покупали материал в Ардатове. Связка лыка на базаре стоила 30 копеек [1, с. 115].

Пучок лыка, предназначенный для плетения лаптей, предварительно клали в воду на несколько дней, после чего лапотник начинал моченое лыко полосовать, то есть разделять лыко на составные части. Сначала сдиралась первая, верхняя часть – полусина, которая шла на топливо. Затем снималась средняя часть – сдирок, который использовали для плетения лаптей. Но это был сравнительно худший материал, чем собственно лыко. Сдирок в плетении всегда соединяли с лыком, которое тоже очищали перед работой. Полосование поручалось только опытным людям. Когда полосование заканчивалось, мастер раздирал сдирок и лыко вдоль на более мелкие и тонкие части. Ими заплетался на колодку лапоть. В плетении лаптей не существовало разделения труда.

Лапти были 3 видов: «некрещеные», «ступни» и «мелкие лапти». «Некрещеные» лапти состояли из лыка и сдирка. Лыка в таких лаптях было 1/3, а сдирка 2/3. Заплетались лапти на более широких лентах сдирка и лыка. За день мастер мог изготовить 10 пар таких лаптей. Из связки лыка получалось 20 пар «некрещеных» лаптей.

«Ступни» отличались от «некрещеных» лаптей тем, что в них выплетались отверстия для продевания веревки. «Некрещеные» лапти привязывались к ногам, а «ступни» просто надевались на ноги. «Ступни», как и «некрещеные» лапти состояли тоже из сдирка и лыка, но из более широких лент. Делали такие лапти тоже быстро, в день выплетали около 10 пар.

Наиболее распространенной формой лаптей в Нучинской волости были «мелкие лапти». Такое название они получили, потому что они состояли из самых мелких лент лык. Для плетения таких лаптей не использовался сдирок. На изготовление таких лаптей мастер затрачивал много времени. За день он мог изготовить 4 пары «мелких лаптей», а из связки лыка получалось не более 8 пар. На месяц интенсивной носки хватало одной пары мелких лаптей, кроме того, при необходимости их, в отличие от «некрещеных» лаптей, всегда можно было починить. За месяц крестьянин изнашивал от 2 до 3 пар «ступней» или «некрещеных» лаптей. Такая разница главным образом зависела от того, что в «ступни» и «некрещеные» лапти клался сдирок, который очень скоро расшатывался и размочаливался. На ардатовских базарах «мелкие лапти» стоили 8 коп. за пару. Мастер мог в течение года изготовить 800 пар лаптей на сумму 64 руб. Если вычесть отсюда затраты на покупку лыка, то чистый доход липелейских и нучинских кустарей был в среднем на 12 руб. ниже, чем доход, напри-

мер, леметских кустарей или кустарей других лапотных селений Котовской волости [2].

Готовые лапти сбывали в Ардатове, на базарах которого можно было встретить до 1000 пар. Товар шел в руки потребителя, но иногда сбывали и скупщикам, которыми являлись по преимуществу лапотники описываемой местности. Эти скупщики закупленный товар переправляли в Москву, Воронеж. Большинство товара скупщики поставляли на Нижегородскую ярмарку, где сбыт лаптей считался самым удачным.

Лапотный промысел был одним из основных занятий в Нучинской волости, но он не мог полностью обеспечить крестьянскую семью. Своего липняка в волости не было. Лапотник много тратил на сырье и поэтому чистый доход был значительно меньше, чем у мастеров сел Измайловки, Чуварлейки, Лемети и Ужовки. В случае недостатка капитала на содержание семьи, лапотники обращались к более зажиточным или близким людям. Занимали в основном продуктами. Многие работали на кирпичных заводах в Нуче.

Наибольшее развитие в Нучинской волости получил маслобойный промысел. Уже с середины XIX века село Круглово выделялось как один из центров товарного производства растительных масел. В середине 80-х гг. XIX века в селе действовало 9 конных маслобоен. Битьем и продажей масла регулярно занималось 30 человек [3]. Жители села, не имевшие своих маслобоен, нанимались бить масло к владельцам маслобоен.

Южные и юго-восточные полосы Ардатовского уезда являлись самыми благоприятными для возделывания льна и конопли. Эти культуры считались наиболее важными, потому что женщины из них приготовляли одежду для семьи, а из семян делали постное масло. Добыванием масла занимались селения, которые находились в центре уезда, и особенно те селения, в которых были черноземные почвы. В целом, качество почвы в Нучинской волости было плохим.

Описываемый промысел состоял в добывании постного масла из льна и конопли. Битьем масла занимались в специальных помещениях – «маслобойнях». Маслобойни были 2 видов: конные и ветряные. Ветряные маслобойни устраивали вблизи ветряной мельницы. В движение маслобойня приводилась с помощью горизонтального вала, проведенного от мельницы к маслобойне. На ветряных маслобойнях работало 3 или 4 человека. Маслобоен ветряных в Ардатовском уезде было значительно меньше, чем конных.

Устройство конной маслобойни было проще. В доме стояла печь для сушки масла, в этом же помещении осуществлялось битье масла. Рядом с домом строился двор, где ходили лошади, привоя в движение маслобойню. Для устройства конной маслобойни требовалось не менее 100 руб-

лей наличных денег. На такой маслобойне работало 2-3 человека: один хозяин и один или два работника. Работника, как правило, нанимали на весь год (летом он помогал хозяину в поле). Иногда работника нанимали на часть года: с первого ноября до конца марта, это был самый интенсивный рабочий сезон. Если работник жил на своих харчах, то хорошему работнику платили 10-15 рублей в месяц, а плохому – не более 25 рублей за всю зиму. Содержание работника обходилось в 100 рублей. За четыре месяца 2 рабочих могли переработать в масло около 100 четвертей семени на сумму 600 рублей. Четверть семени стоили около 6 рублей [4, с. 222].

Сначала при производстве масла сушили семя, потом его били и выжимали масло. Техника производства оставалась неизменной. Хозяева маслобоен не вводили никаких новшеств, так как это требовало вложения капитала.

Самостоятельные промышленники сначала пользовались сырьем своего конопляника, затем покупали у односельчан, не имевших собственного маслобойного заведения, а уже потом выходили за семенем на рынок. Здесь такому промышленнику доставалось уже худшее сырье, забракованное скупщиками. Цены семени в продолжении года менялись между 5 и 10 рублями за четверть. Если промышленнику не хватало оборотного капитала, он обращался за помощью к скупщику масла. Последний либо делал заказ и под заказ выдавал сырье, либо давал кредит наличными деньгами, в этом случае промышленник покупал сырье самостоятельно, но конечный продукт – масло – он обязывался продавать по фиксированной цене кредитору. Берущий деньги в кредит давал кредитору расписку, заверенную свидетелями и нотариусом. Величина процента по кредиту колебалась от 1 до 6%. Вообще скупщик старался обязать промышленника так, чтобы он, не доходя до полного разорения, постоянно работал бы на него, отрабатывая свои долги. Промышленник превращался в зависимого работника. Самостоятельные – более зажиточные – промышленники продавали масло на местных уездных рынках. Зависимые от скупщиков и менее состоятельные промышленники, у которых не было денег на наем подвод для перевозки, сдавали масло сразу на месте производства скупщикам по более низким, чем на рынке, ценам. Затем масло перекупали более крупные скупщики и поставляли его на рынок. Нучинские скупщики масла числились среди наиболее крупных, «знаменитых» скупщиков масла. Вообще скупка масла считалась одним из самых доходных занятий в уезде, а скупщики – наиболее состоятельными людьми уезда [3].

Сбыт масла производился кустарями на рынках Ардатовского уезда: в городе Ардатов, селах Череватово и Мечасово. Сбывали масло также на выксунских, илевских и других чугунно-плавильных заводах. В этих местах кустари продавали выработанное ими масло либо потребителям, либо

скупщикам. Скупщики делали также заказы у кустарей. Было очень выгодно отправлять масло в Москву, Муром. Также масло сбывали в Арзамасе, Нижнем Новгороде и других городах. Торговля маслом была одним из выгодных дел, поэтому скупщики масла жили хорошо, строили каменные дома.

Большой доход производители масла не получали. Часто они оставались должны скупщикам. Богатые люди обманывали масленщиков, но кредитных банков еще не было и поэтому за капиталом кустари были вынуждены обращаться к кулакам. К тому же, в Нучинской волости не было складов, где кустари могли бы хранить сырье и готовую продукцию.

Лен и конопля обеспечивали крестьян одеждой. В каждом доме пряли пеньку и ткали холсты. Из шерсти получали грубые сукна, которые шли на изготовление верхней одежды. С самой глубокой древности обязанность доставлять одежду своей семье лежало на женщине. Прядение относилось к числу важнейших женских работ, необходимых для обеспечения семьи. В отдельных районах Ардатовского уезда оно было связано и с изготовлением холстов на продажу – работой трудоемкой и однообразной. Народная мудрость научила выполнять данную работу коллективно и связала с традиционной обрядностью, имевшей прямое отношение и к трудовым календарным праздникам и событиям свадебного цикла.

С начала зимы девушки и женщины собирались вечерами в просторной избе для совместной работы, которая называлась «посиделками», или «беседами». Приглашались и парни. Во время посиделок прядение сочеталось с пением, шутками, занимательными рассказами и играми, ухаживанием парней за девушками. Это приучало готовиться к посиделкам как к празднику. Вечер первых зимних посиделок назывался «смотром невест». К этому моменту отец дарил дочери, впервые идущей на посиделки, нарядную прялку, красота которой свидетельствовала о благополучии и достатке семьи, из которой происходит невеста.

Одним из важнейших промыслов в Ардатовском уезде было производство кирпича. Особенно активно этот промысел развивался в селе Нуча. В середине XIX века в волости числилось 33 кирпичных завода. К 80-м гг. того же века их численность незначительно сократилась: в волости действовало всего 26 кирпичных заводов. Красный кирпич из деревни Липелей возили на строительство зданий в Ардатов. Изготовлялся кирпич из высококачественной глины, месторождение которой было найдено в селе Нуча [3].

Земли было мало, урожай плохой, не хватало хлеба, крестьяне уходили на заработки в города: Москву, Оренбург, Челябинск. На заработки уходили осенью, когда убран хлеб, а возвращались весной, к весенним праздникам, к пашне. Уже с середины XIX века крестьяне Нучинской во-

лости в большом количестве стали наниматься пастухами и гуртовщиками в южные губернии России. Потом к этим специальностям прибавлялись строительные: каменщики, маляры, кровельщики нашли применение своим умениям в поволжских и южноуральских городах. Печники, каменщики работали в Ардатове, уходили и далеко, в другие города. Многие здания в Ардатове были построены руками липелейских каменщиков и даже по их чертежам. Нынешние здания районной библиотеки и школы № 1 были построены по чертежам мастера-самоучки Петра Андриановича Голышкова [1, с. 141].

Немало людей уходило на сельскохозяйственные работы в южные губернии, добирались до Кубани. Когда строилась Транссибирская магистраль, земляные работы на многих участках ее пути были выполнены ардатовцами. Работали крестьяне и на шахтах Донбасса, и на Ленских золотых приисках. Крестьяне из Круглова нанимались погонщиками скота, для чего отправлялись в Оренбург и Уральск.

Самые обездоленные шли на Волгу, в бурлаки, хотя пароходы и теснили этот промысел. В 1869 г. бурлацкую лямку тянули до 1000 крестьян из различных селений Ардатовского уезда. Этот промысел был тяжек не только физически, но и морально. Современник свидетельствовал, что «бурлак, заработав за путину 15 – 20 рублей, редко что приносит домой, ибо ведет жизнь разгульную нетрезвую» [1, с. 141].

Нучинская волость не была богата плодородными землями. Продукции выращенной на земле не хватало, чтобы прокормить семью. И поэтому многие были вынуждены заниматься различными промыслами и ремеслами. Лапотный промысел являлся одним из основных занятий в волости. Многие были вынуждены заниматься этим промыслом, потому что от требовал относительно малых затрат и давал небольшую прибыль в хозяйстве крестьян. Маслобойный промысел также был распространен в Нучинской волости, но из-за больших расходов на покупку сырья, дороговизны орудий труда постепенно его значение стало снижаться. К началу XX века этим промыслом, в целом, перестали заниматься. Но и промыслы не спасали крестьян от нужды. Они неумолимо увязли в долгах и недоимках по налогам. Многие сельчане уходили на заработки в города.

Источники и литература

1. Гладкова Л.В, Седов А.В. Ардатовский край: прошлое и настоящее/ сост. Л.В. Гладкова, А.В. Седов. – Н. Новгород: Нижполиграф, 2000.

2. Материалы Муниципального бюджетного учреждения культуры (МБУК) «Краеведческий музей», Нижегородская область, п.г.т. Ардатов.

3. Материалы краеведческого музея Кругловской ОШ – филиал МБОУ Стексовская СШ.

4. Гациский А.С. Краткий географическо-статистический очерк Ардатовского уезда Нижегородской области. Т.VIII. – Н. Новгород, 1890.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖИВОПИСНОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Евгений Павлович Бутусов
Администрация города Арзамаса Нижегородской области,
главный специалист департамента культуры;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Нижегородская обл., г.Арзамас; e-mail: butusov.arz@yandex.ru

Данная статья дополняет историю развития живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря, а также уточняет биографии ведущих сестер-художниц, проходивших живописное и иконописное послушание при мастерской.

Ключевые слова: *живопись; иконопись; живописная мастерская; Императорская Академия художеств; Серафимо-Дивеевский монастырь.*

В 2021 г. город Нижний Новгород отмечал 800-летие со дня основания. В рамках праздничных мероприятий в Манеже Нижегородского кремля была организована выставка «Небесный Нижний», вызвавшая искренний интерес жителей и гостей города. Экспонатами выставки стали уникальные произведения церковного искусства, предоставленные ведущими музеями России. В разделе выставки «Небесные покровители Нижегородской земли» особое место занимали иконы с изображением преподобного Серафима Саровского из фондов Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва и Собрания русских икон при поддержке Фонда Андрея Первозванного. Это поистине шедевры мирового изобразительного искусства. В описании икон было указано, что написаны они в иконописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии.

Существует большое количество публикаций учёных-искусствоведов, касающихся иконографии преподобного Серафима Саровского, а также других икон, написанных в Серафимо-Дивеевском монастыре. Подробно описаны и изучены технологии подготовки досок и холстов, процесс изготовления и составы красок, применяемых на живописном послушании, сами произведения. На наш взгляд, история развития и судьбы сестёр-художниц, проходивших послушание в живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря, до сих пор недостаточно изучены. Упоминания об этом идут в контексте истории монастыря и носят эпизодический характер.

При изучении архивных документов, касающихся истории Серафимо-Дивеевского монастыря, встречаются письма, мемуары, записки современников, рассказывающие из первых уст об истории становления и развития живописной мастерской, о сестрах-художницах, их обучении, их

преподавателях, о тех, кто на протяжении многих лет занимался приумножением и совершенствованием живописного и иконописного мастерства.

Живописная мастерская при Дивеевском монастыре начала формироваться после объединения в 1842 г. Мельничной и Казанской общин в одну, Серафимо-Дивеевскую. Самых ранних документальных сведений о становлении художественного послушания в Дивеевской общине не сохранилось. С уверенностью можно сказать, что сестры общины уже в 1847 году сами расписывали и украшали вновь построенный на Святой Канавке Тихвинский храм. Об этом нам рассказывает книга «Сказания о подвигах и событиях старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни, с присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой», написанная иеромонахом Иосафом и изданная в городе Санкт-Петербурге в 1849 году. В «Сказаниях…» говорится, что отец Серафим благословил Иосафа растирать краски на его молельном камне: «…ныне же вместо меня это послушание исполняют сестры Дивеевской обители, которые по благодати Божией и по молитвам благословенного отца Серафима, выучились самоучкою этому благодатному занятию, и теперь уже сами… украшают храм обительский произведениями своего художества» [1, с. 72].

Из опубликованных документов и воспоминаний сестер Серафимо-Дивеевского монастыря известно, что большую роль в создании художественного послушания в Дивеевской обители сыграл именно послушник Саровского монастыря Иван Тихонович Толстошеев (иеромонах Иосаф)[1]. Склонный к художеству, отец Иосаф сделал всё возможное, чтобы отправить дивеевских сестер обучаться «художественному ремеслу» в Санкт-Петербург. Хорошо понимая, что община со временем столкнётся с проблемой написания икон для иконостасов, росписью храмов, он решил, что лучше иметь в Дивеевской общине свою живописную мастерскую, чем заказывать иконы на стороне. Пользуясь хорошими связями в высшем свете, он смог в 1855 г. направить трёх сестер обители в Санкт-Петербург для обучения живописи. Впоследствии они стали первыми художницами живописной мастерской монастыря [2, с. 282].

Президент Императорской Академии художеств Великая княгиня Мария Николаевна (дочь Николая I и сестра Александра II), обратила внимание на успехи в живописи послушниц из Серафимо-Дивеевской общины

[1] Иеромонах Иосаф (в миру Иван Тихонович Толстошеев, 1802–1884) – до 1847 г. послушник Саровского монастыря. В 1847 г. перешел в нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, в котором принял монашеский постриг с именем Иоасаф и был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха. После переведен в Оранский Богородицкий монастырь. Указом Святейшего Синода в 1861 г. о. Иоасаф был назначен игуменом вологодского Павло-Обнорского монастыря. Последние годы провёл в Высокогорской пустыни под г. Арзамасом. Принял схиму с именем Серафим. Похоронен Серафимо-Понетаевском монастыре.

Ардатовского уезда и захотела дать им профессиональное художественное образование. Вот что по её поручению 14 ноября 1857 г. написала Епископу Нижегородскому и Арзамасскому Антонию (Павлинскому) фрейлина Александра Андреевна Толстая:

«Ваше Преосвященство!

Ея Императорские Высочества Великая Княгиня Мария Николаевна, возвратившись из-за границы и узнавши, что Ваше Преосвященство приняли должность Епископа Нижегородского, поручила мне просить обратить милостивое внимание Ваше – на Дивеевскую школу иконописи. Сестры из этой обители, по благословению созданной великим Старцем Серафимом и по покровительству Иеромонаха отца Иасафа, – им присланы в Петербург, для обучения живописи и около двух лет с половиною занимались постоянно во дворце Ея Императорского Высочества, списыванием образов Исакиевского Собора. Копии, написанные ими, так замечательны, что лучшие художники, принимая в соображение их слабые силы и непродолжительное время их учения, не иначе приписывают их успехи как особенной помощи свыше.

Их примерное трудолюбие, смирение и кротость обратили на себя внимание Великой княгини, которая с того времени принимает живейшее участие в их обители и, находя необходимым ввести в их школу лучшую Греческую иконописную живопись, а так же мозаическую работу, желая дать им все способы к изучению этих двух искусств. Ея Императорское Высочество просит Ваше Преосвященство приказать отцу Иасафу назначить Сестер, которые бы смогли успешно обучаться здесь живописи. Будучи сам сведущ в этом деле, и зная способности сестер, руководимых им столько лет, отец Иосаф сделает, вероятно, и теперь столь же счастливый выбор, как и в первый раз. Великая Княгиня желает выписать к себе сестёр в Петербург в начале весны и надеется, что Ваше Преосвященство окажите Ваше начальническое на то содействие…»[3, л. 1-2].

28 ноября 1857 г. Преосвященный владыка Антоний отправил в Оранский Богородицкий монастырь на имя иеромонаха Иоасафа следующее послание:

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Николаевна, обращая внимание мое на Дивеевскую школу иконописи и на успехи в живописи трёх сестёр оной общины, бывших в С. Петербурге и занимавшихся во дворце Ея Императорского Высочества, вниманию к Дивеевской обители, находя необходимым ввести в их школу лучшую греческую иконописную живопись, также и мозаичную работу, желает дать им все способы к улучшению этих двух искусств.

А потому Ея Императорское Высочество просит меня, через графиню Александру Андреевну Толстую, приказать Вам назначить сестёр, ко-

торые бы могли успешно обучаться в С. Петербурге живописи, с предположением выписать их на сей конец к себе в С. Петербург в начале будущей весны.

Во исполнение воли Ея Императорского Величества предписываю Вам отбыть к Дивеевской общине безотлагательно, и за общим подписом с настоятельницею общины без промедления донести мне: 1-е) имеются ли в настоящее время в числе сестер Дивеевской общины лица от 3 до 4-х благонадежные по состоянию здоровья, способные в живописи и мозаике, и желающие при том отправиться в С. Петербург на неопределенно-продолжительное время, 2-е) если найдутся таковые, то исписать имя, когда поступили в общину, из какого звания и каких лет от роду, 3-е) какие имеет община средства к тому, чтобы согласно с желанием Ея Императорского Высочества они отправлены были будущею весною в С. Петербург…»[3, л. 15].

23 декабря 1857 г. на то время иеромонах Оранского Богородицкого монастыря Иоасаф послал покорнейший рапорт в Нижегородскую Духовную консисторию, в котором написал ответ на запрос Преосвященного Антония:

«…имею честь представить Вашему Преосвященству, что, по моему усмотрению, могут быть полезными к прохождению означенного послушания избранные уже настоятельницею сестры Дивеевской общины: 1). Марья Ивановна Караулова, 2). Евдокия Ильина, 3). Феодосия Степановна Панова, 4). Надежда Дмитриева Сабанина. Но при сем нахожу нужным, что бы вместе с ними была и Гликерия Васильева как для надзора за нравственностью, так и для исправления их экономических и других нужд…»[3, л. 14].

Ответ Епископа Нижегородского и Арзамасского Антония на письмо фрейлины А.А. Толстой не заставил долго ждать, и 13 января 1858 г. из Нижегородской Духовной консистории в С.-Петербург было отправлено следующее послание:

«Ваше сиятельство,

Милостивая Государыня!

Письмом от 14 ноября истекшаго года, согласно воле Ея Императорского Высочества, Великой Княгини Марии Николаевны, Вы просили меня поручить иеромонаху Оранского Монастыря Иоасафу избрать из сестер Дивеевской Женской Общины, которые бы могли успешно заняться изучением Греческой Иконописи и мозаики в С. Петербурге, под покровительством Ея Высочества.

Вследствие сего мною вменено было в обязанность Настоятельнице Дивеевской Общины Ладыженской и Иеромонаху Иоасафу безотлагательно заняться избранием сестер для означенного выше дела и за общим под-

писом без промедления донесть мне: 1-е) Имеются ли в настоящее время в числе сестер Дивеевской Общины (от 3 до 4-х), благонадежные по состоянию здоровья, способные к живописи и мозаике, и желающие при том отправиться в С. Петербург для сих занятий на неопределенно-продолжительное время; 2-е). Если найдутся таковые, то кто они именно, когда поступили в общину, из какого звания и каких лет от роду и 3-е). Какие община имеет средства к тому, чтобы согласно с желанием Ея императорского Высочества, избранные отправлены были будущею весною в С. Петербург.

Настоятельница Общины вместе Иеромонахом Иоасафом рапортом от 23 декабря донесли мне: 1-е). Что, по их усмотрению, более способными для занятий иконописью и мозаикою, признаются сестры Дивеевской Общины: а) Марьян Иванова Караулова, б) Евдокия Ильина, с) Федосья Семенова Попова и д) Надежда Дмитриева Сабанина; при чем Иеромонах Иоасаф присовокупил, что находит нужным отправить с ними в С. Петербург опытную и известную по благочестивой жизни старицу Гликерию Васиильеву как для надзора за нравственностью, так и для исправления экономических и других нужд, 2-е). Первая Караулова г. Арзамаса мещанская дочь, имеющая от роду 27 лет, поступила в общину в 1848 году, определена указом 18-го августа 1833 г., вторая Ильина из С. Петербурга, унтер-офицерская дочь, имеющая 34 года, поступила в общину в 1845 г., определена указом в 1855 г., третья Федосья Попова, Пензенской губернии г. Инсар, купеческая дочь, имеющая от роду 29 лет, поступила в общину в 1846 г., определена указом 1848 г., декабря 10-го дня, и четвертая Надежда Сабанина, Пензенской губернии, дворянка от роду 22 лет, поступила в общину в 1850 г., указом еще не определена. Начальница общины при сем присовокупила, что все означенные девицы по состоянию здоровья благонадежны. 3). Община Дивеевская, имеющая нужду в настоящее время во многом, по отзыву Начальницы, не имеет никаких средств к отправлению избранных сестер в С. Петербург…»[3, л. 17–18].

Далее стоит сказать, что вопрос материальный был решён и все пять сестер общины (включая Гликерию Васильеву) весной 1858 г. прибыли в Санкт-Петербург на обучение. В фондах Центрального архива Нижегородской области сохранилось письмо Гликерии Васильевны Занятовой от 2 июля 1858 г., которое она пишет Нижегородскому епископу с просьбой выслать ей новый паспорт взамен просроченного, и в котором упоминает об обучении дивеевских сестер у академика Солнцева:

«По приказанию Вашего Преосвященства, выдан был мне из Нижегородской Духовной Консистории пашпорт от 13 января на 6 месяцев, для пребывания в послушании при Княжне Евдокии Николаевне Еникеевой до окончания ею Сбора, а потом Вашим Преосвященством назначена я была в

старшия к 4-м сестрам Живописцам, высланным в С. Петербург для обучения Иконописи; окончив первое послушание, я нахожусь во втором и живу вместе с сестрами в доме Генерала Зиновьева, занятия их, по милости Божией и попечению Ея Высочества Великой Княгини Марии Николаевны, идут успешно, под руководством г-на Сонцева[1], – я же стараюсь со своей стороны исполнять возложенное на меня послушание…» [3, л. 26–27].

Благодаря сохранившейся переписке, стали известны имена первых послушниц монастыря получивших профессиональное образование у лучших преподавателей: художников, историков, профессоров, академиков Императорской Академии художеств.

В Санкт-Петербурге сестры Дивеевской общины изучали общие основы рисования, копировали оригиналы лучших художественных произведений, в том числе и полотна, специально написанные для Исаакиевского собора, копировали орнаменты, гипсовые группы, рисовали драпировку. Основное место отводилось изучению необходимых дисциплин: рисованию, изучению перспективы, композиции, пропорций и особенностей живописи и иконописи. Конечно, заниматься этим могли только грамотные, талантливые от природы люди, выбранные первыми из сотен сестёр монастыря: дочь мещанина, купца, унтер-офицера и дворянка. Сочетание самобытного таланта этих русских женщин, великое трудолюбие с широким академическим преподаванием живописи сформировало уникальный стиль дивеевского письма. Его особенности: светоносность, одухотворенность образов, сочетание академической живописной манеры с традиционными канонами иконописания. После обучения сестры с успехом работали в иконописной мастерской Серафимо-Дивеевской общины. И не только работали, но и учили, передавали свой опыт другим художницам.

Указом Святейшего Синода от 10 февраля 1861 г. объявлено о возведении Серафимо-Дивеевской женской общины в степень «третьеклассного общежительного монастыря». 20 мая 1861 г. по результатам жребия, Преосвященным Нектарием (Надеждиным), на должность настоятельницы Дивеевского монастыря была назначена та самая Гликерия Васильевна Занятова. Но данное назначение привело к внутреннему разладу среди сестер обители, последствия которого до сих пор являются предметом изучения церковных историков.

Согласно указу Священного Синода от 19 февраля 1862 г. из стен Серафимо-Дивеевского монастыря вышли три послушницы, в том числе

---

[1] Федор Григорьевич Солнцев (1801 – 1892) – художник, архитектор и историк, академик и профессор Императорской Академии художеств, специалист по художественной археологии, руководитель издания «Древности Российского государства». Заведовал художественным оформлением Большого Кремлёвского дворца.

и Гликерия (Занятова). Они ушли в село Понетаевку Арзамасского уезда, где в 1864 г. была образована Серафимо-Понетаевская женская община, которая в 1869 г. была возведена в степень третьеклассного монастыря. Вслед за Гликерией (Занятовой) туда перешло ещё несколько сестёр Серафимо-Дивеевского монастыря, среди ушедших: «…были самые лучшие живописцы и мозаичного искусства художницы, обучавшиеся живописи и мозаике в С.-Петербурге под руководством профессоров Академии художеств, согласно желанию Ее Императорского Высочества в Бозе почившей Великой Княгини Марии Николаевны. Мозаическому искусству инокини первоначально обучались в Петербурге у известных итальянских художников братьев Бонафеде[1], исполнявших грандиозные мозаические иконы в Исаакиевском соборе»[4, с. 1022].

Однако после перехода нескольких ведущих художниц в Понетаевку, живописное послушание в Серафимо-Дивеевском монастыре не приостановилось, а наоборот, достигло ещё более высокого развития. Продолжалась практика обучения сестер в Санкт-Петербурге, приглашались мастера и преподаватели в монастырь, сестры обители, прошедшие обучение иконописи и мозаическому искусству в Санкт-Петербурге, передавали свои навыки и умения вновь приходящим молодым и способным послушницам. В живописной мастерской сестры не только писали иконы, картины и портреты, но и сами заготовляли доски, делали киоты, золотили рамы. У каждой сестры была своя специальность. Помимо живописных работ сестры монастыря занимались графикой, литографией, метахромотипией, росписью по эмали-финифти, изготовлением фигурок преподобного Серафима из алебастра и росписью на досках.

Иконы, картины и поделки, изготовленные монахинями обители, пользовались большим спросом среди верующих. Их хорошо покупали на ярмарках и в монастырских лавках, отчего монастырь имел хороший доход. Но сама жизнь художниц была очень скромной. Из воспоминаний монахини Серафимы (Булгаковой)[2] нам известен распорядок дня сестер-художниц: «Трапеза в монастыре была очень скудная. <…> В тех послушаниях, где имелся свой доход, к трапезе добавляли приварок. Так было принято, например, в таком серьезном послушании, как живописная. В мастерской все силы сестер уходили в работу, и если бы не добавка, на монастырской пище сестрам не выдержать. И так-то они все выглядели

[1] Юстиниан Петрович Бонафеде (1823 – 1866) – итальянский художник-мозаичист, профессор мозаики петербургской Академии художеств. Леопольд Петрович Бонафеде (2 февраля 1833 – 6 (18) марта 1878) – химик-мозаичист и керамист. Вместе с братом, Джустининани (Юстинианом) Бонафеде, был приглашён в Петербург для работы в мозаичной мастерской при Академии художеств.

[2] Монахиня Серафима (Булгакова) дожила до начала возрождения монастыря. Умерла 4 марта 1991 г. в с. Выездное Арзамасского района.

бледными, истомленными, ведь сидели и зиму, и лето без воздуха, да еще при таком напряжении…

Работа в мастерских по послушаниям начиналась в 9 часов. В 8 утра после обедни по корпусам все завтракали и пили чай. Обедали с 11 до 12-ти. В 3 часа ходили пить чай, а в 5 работа уже кончалась, в половине пятого начинали правило в церкви. Ужинали, кто до, кто после всенощной. Вечером по корпусам была общая вечерняя молитва. Не попавшие в церковь молились дома: Псалтирь, правило, поклоны, акафисты. Ежедневно все сестры ходили по канавке вечером. То была и молитва, и вечерняя прогулка. Спать ложились в 10, ведь утром вставали рано» [5, с. 88].

В 1875 г. сестры Серафимо-Дивеевского монастыря занимались внутренним благоустройством Троицкого собора. Картины на евангельские сюжеты, написанные в живописной мастерской на больших многометровых холстах, крепились вдоль стен, при этом сами стены собора оставались белыми и не расписанными.

Вот как описывает эти события Архимандрит Серафим (Чичагов) в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»: «…собор начал украшаться удивительной живописью собственной монастырской работы, нигде не встречаемой в других обителях по всей России. По молитвам отца Серафима Господь послал в Дивеевскую обитель несколько сестер, одаренных талантом живописи, между которыми в особенности отличалась и поныне стоит во главе живописного послушания мать Серафима. Ее кисть чрезвычайно нежна, дает настоящий свет и выражение ликам святых праведников и может быть всегда отличена от встречаемых живописных икон. Вообще художество Дивеевского монастыря поражает своими достоинствами, вкусом, обдуманностью и выдержанностью. При украшении собора весьма много потрудилась казначея монастыря Елена Николаевна Анненкова» [6, с. 619].

В живописной мастерской было чёткое разделение на послушания. Из сохранившихся документов 1876 и 1881 годов известно, что сестры делились на 4 послушания: живописное, иконописное, рисовальное и «при живописной».

В 1876 г. в живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря трудилось 47 сестер. Из них 1 монахиня, 16 рясофорных послушниц, 1 послушница и 29 временно пребывающих. Подавляющее большинство выполняло живописное послушание – 37 сестер, четыре сестры писали иконы, и шесть сестер проходили послушание «при живописной», возможно они являлись ученицами [7, д. 1].

В этот период открывается фотография при живописной мастерской, на новое послушание была переведена ранее выполнявшая живопис-

ные работы Наталья Андреева Коробова, 1860 года рождения, поступившая в монастырь в 1874 г.

В 1881 году в живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря трудилось уже 67 сестер. Из них 2 монахини, 18 рясофорных послушниц, и 47 временно пребывающих. Живописное послушание проходило – 43 сестры, иконописное – 8, рисовальное – 1, «при живописной» – 15 [7, д. 2].

Вот как описывает живописную мастерскую в своих воспоминаниях монахиня Серафима (Булгакова): «Сестры жили по послушаниям. В корпусах обычно помещались мастерские и жилые келии. Кто где работал, там и жил. В монастыре была большая живописная мастерская. В ней сестры не только писали иконы, но и заготовляли доски, золотили и чеканили. У каждой была своя специальность.

В последнее время (в начале XX в.) построили отдельное здание иконописной.

Больше 80 сестер жили и работали в литографии. Сами работали на камнях (накалывали), по году подготовляли каждый камень. Печатали на моторе картины. Сушили. Кроме того, переводили картины на белые грунтованные доски и затем их прописывали. Отливали из алебастра фигуры преподобного с медведем и раскрашивали. Делали всякие корзиночки, игрушки. Все это раздавали и продавали в монастырской лавке.

Доски делали в своей мастерской чистодеревщики-столяры – помещались на конном дворе, а в красильном корпусе заготовки грунтовали, так же, как и холсты» [5, с. 81].

По негласному правилу монахини не подписывают свои произведения. Поэтому сделать привязку к тому или иному автору невозможно, но благодаря работе с архивными документами нам стали известны имена ведущих художниц Серафимо-Дивеевского монастыря. Их много, но из более выдающихся отдельного внимания заслуживает биография послушницы Серафимо-Дивеевской общины Анастасии Семиковой, одной из тех, кто стоял у истоков создания и развития живописной мастерской в Дивеевском монастыре, проходившей обучение иконописи в Санкт-Петербурге.

Анастасия Никифоровна Семикова (в игуменстве Нектария) родилась в 1833 г. в селе Малое Череватово Ардатовского уезда в семье отставного унтер-офицера. С девяти лет поступила в Серафимо-Дивеевскую общину, в которой получила образование. Обучалась иконописи в Императорской Академии художеств. В 1862 г. перешла в Понетаевку. В 1894 г. была возведена в сан игуменьи Серафимо-Понетаевского монастыря, управляла святой обителью до своей кончины в 1917 г.

Елена Николаевна Анненкова родилась в 1840 г., в возрасте тридцати лет поступила в Серафимо-Дивеевский монастырь, в 1872 г. покрыта

в рясофор. С 1872 по 1880-е гг. проходила послушание доверенной по делам и была старшей по живописной мастерской. Она была одной из тех, кто писал иконы и живописные полотна для нового Троицкого собора, так как сама возглавляла монастырскую живописную мастерскую. Обладая прекрасным вкусом, и организаторскими способностями она стояла у истоков зарождения в обители основ печатного, издательского и фотодела. Впоследствии Елена Николаевна Анненкова была назначена благочинной и казначеем Серафимо-Дивеевского монастыря. По всей видимости, она должна была стать преемницей игуменьи Марии (Ушаковой), но по болезни была переведена в Кутузовский Богородицкий монастырь, потом в Арзамасский Свято-Николаевский монастырь, где и скончалась.

Монахиня Серафима (в миру – Ольга Захаровна Петракова), возглавлявшая художественную мастерскую до закрытия монастыря. Родилась в 1848 г., происходила из крестьян Нижегородской губернии. В возрасте 15 лет поступила в Серафимо-Дивеевский монастырь. В 1872 г. покрыта в рясофор. На протяжении многих лет исполняла иконописное послушание при живописной мастерской монастыря. После стала старшей сестрой на живописном послушании. Она внесла большой вклад в развитие традиций дивеевской иконописи. В 1903 г., во время посещения Дивеевского монастыря, Государыня Императрица Александра Федоровна, в присутствии Государя Императора Николая II, наградила мать Серафиму золотым наперстным крестом. Паломник, побывавший в мастерской, оставил такое воспоминание о ней: «всегда неутомимая, всегда вдохновенная мать Серафима».

Некоторые сестры трудились в живописной мастерской десятилетиями. Более тридцати лет живописное послушание выполняли две родные сестры **Александра Алексеевна и Анна Алексеевна Бровкины**, поступившие в монастырь в 1861 г. Александра родилась в 1846 г., в 1869 г. покрыта в рясофор, выполняла живописное послушание. Анна родилась 1849 г., в 1871 г. покрыта в рясофор, проходила иконописное послушание.

Особого внимания заслуживают сестры-художницы **Нестеровы**. Лукерья Прохоровна Нестерова была старшей из трёх сестер, родилась она в 1848 г. В Дивеевский монастырь поступила в 1870 г. и выполняла иконописное послушание. Вместе с ней в обитель поступила и средняя сестра, Домна Прохоровна, 1855 года рождения, после обучения проходила живописное послушание. Младшая, Ксения, 1865 года рождения, поступила в обитель в 1879 г. и тоже проходила живописное послушание. Сестры отличались особым трудолюбием и своим стилем иконописания.

Иконопись и живопись приносили приличный доход монастырям и епархии Монастыри получал множество заказов на написание икон и иконостасов для многих строящихся храмов Нижегородской губернии.

Со своей стороны епархиальное начальство всячески поддерживало работу художественных мастерских в святых обителях, о чем свидетельствует один интересный документ, опубликованный в Нижегородских епархиальных ведомостях: «Духовная Консистория, во исполнение резолюции Его Преосвященства от 23 минувшего октября и в дополнение к распоряжению Епархиального Начальства, изложенному в циркулярных указах к благочинным от 30 сентября сего года за № 8962, сим сообщает к сведению и для руководства духовенству и церковным старостам, а также и строительным церковным Комитетам, что, для избежания худой живописи икон в церквах, заказы давать рекомендуется в следующих монастырях: Серафимо-Дивеевском, Серафимо-Понетаевском и Арзамасской Алексеевской женской общине»[8].

В докладе 1887 г. Преосвященному Модесту, епископу Нижегородскому и Арзамаскому, благочинный общин и монастырей настоятель Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Макарий упоминает живописную мастерскую Дивеевского монастыря, выделяя её в докладе как школу академической иконописной живописи [9, л. 130].

В 1903 г. состоялась долгожданная канонизация преподобного Серафима Саровского. В Саровском монастыре прошли торжества прославления, в которых приняли участие Государь Император Николай II, Государыня Императрица Александра Фёдоровна, вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна и многочисленные члены Царской Фамилии.

После окончания торжеств в Саровском монастыре 20 июля (2 августа) 1903 г. по пути из Сарова в Арзамас государь император вместе с императрицей и членами царской семьи заехали на несколько часов в Дивеевский монастырь. Около 10 часов утра их экипажи подъехали к Троицкому собору Дивеевского монастыря. Во время осмотра монастыря: «Высочайшие Гости посетили монастырскую живописную. Дивеевская живописная заключает в себя отделы: собственно живописи, фотографии, литографии и метахромотипии. Живописную посетили все Особы Царствующего дома, бывшие в Дивееве; Преосвященный Назарий встретил их и познакомил с работами сестёр-художниц; старшая живописной монахиня Серафима, а так же монахини Анастасия и Лидия давали объяснения. Войдя первоначально в мастерскую литографии, Государь Император и Государыня Императрица осматривали рисование на камнях (обрабатывалось на камне “Явление молящемуся отцу Серафиму Божией Матери и Сил Небесных” и “Умиление”). Государь Император изволил спрашивать о числе работающих послушниц, о размерах заготовленных произведений. При осмотре в шкафу икон Государю Императору угодно было высказать: “Очень хорошо”. <…> Государыня Императрица Александра Феодоровна, в присутствии Государя Императора, изволила пожаловать мо-

нахине Серафиме золотой изящной работы наперстный крест, со словами: “Очень хорошо вы работаете: нам у вас очень понравилось”» [10, с. 1215–1216]. На память о посещении Серафимо-Дивеевского монастыря Высочайшим богомольцам были поднесены в дар иконы работы монастырской живописной мастерской.

Во время этого визита император Николай II пожертвовал значительную сумму на строительство «нового собора», строительство которого началось в июне 1907 году. После окончания строительных работ, силами сестер обители была выполнена настенная роспись собора, работы велись под руководством палехского художника Павла Львовича Парилова.

П.Л. Парилов родился в 1880 г. Ещё мальчиком принимал участие в реставрации фресок в Уфимской губернии. В 1894 г. он назначен руководителем росписи и реставрации икон в храме Трифонова монастыря в Вятке. Работая как мастер-личник, он имел глубокие знания в области техники иконописания, знал всю последовательность процесса. С 1903 по 1918 г. преподавал иконопись и фреску в художественной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря. За это время Дивеевскую обитель не раз навещали родственники царской семьи. В один из таких приездов Павел Львович неожиданно стал учителем великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры супруги императора. Княгиня Елизавета выразила неподдельный интерес к занятию иконописью, написав под наставничеством Павла Львовича несколько образков [11]. В 1915-1916 гг. Павел Львович Парилов вместе с сестрами Дивеевского монастыря расписывал «новый собор» (собор освящён лишь в 1998 году в честь Преображения Господня). В 1918 г. Парилов с семьёй был вынужден покинуть Дивеево. Последние годы жил в селе Палех Ивановской области. Умер 29 марта 1956 г.

К началу XX века художественная мастерская сформировалась в самостоятельную школу академической иконописи. На протяжении многих лет сестры самостоятельно обучали друг друга, приглашали именитых преподавателей и академиков, работали над совершенствованием живописного искусства. Посетившая в 1915 г. Дивеевский монастырь будущая мемуаристка Зоя Вениаминовна Пестова (Бездетнова) оставила такое воспоминание: «В художественных мастерских шел урок рисования. При монастыре есть школа для детей. Девочек учат писать иконы, но сейчас их учат рисовать разные фигуры из кубиков, со слепков. Несколько девочек лет 10–12-ти в черных длинных платьях и скуфейках» [12, с. 48]. Как отмечают искусствоведы, живописная мастерская Серафимо-Дивеевского монастыря к 1917 г. достигла высокого развития и шла в сравнение лишь с мастерской Серафимо-Понетаевского монастыря.

Дальнейшему развитию художественной мастерской помешали революционные события 1917 г. Под покровительством местных властей

началось разграбление монастыря. Изъятое из монастыря не описывалось и не передавалось в народные учреждения, а использовалось местным население по своему усмотрению. 20 января 1919 г. монастырские мастерские, в том числе и живописная, были взяты Земельным отделом на учёт для передачи их далее в Совет Народного Хозяйства. По результатам осмотра монастыря Междуведомственной комиссии, созванной Ардатовским Исполнительным комитетом, проведенным 15 сентября 1919 г. зафиксировано, что при монастыре монашествующих – 1128. Продолжала функционировать художественная мастерская, состоящая из следующих отделений: иконописной и живописной, литографии и метахромотипии, а так же и фотография. В мастерских задействовано послушниц: художниц – 60, типографщиц – 56, фотографии – 0, литохромотифщиц – 0, иконописцев – 32 [14, л. 21–26].

В октябре 1919 г. все монастырские мастерские была выгнаны из приспособленных зданий. Сестрам разрешалось занимать несколько жилых корпусов, а игуменьи Александре (Траковской) разрешалось поселиться в двух чуланах в свечном корпусе.

В 1921 г. живописный корпус был возвращён сестрам монастыря. В период проведения новой экономической политики, продолжились работы по выполнению заказов на живописные работы и написание икон. Казалось, наступило постепенное возрождение: вновь стали работать и рукодельные мастерские, и живописные, и сельскохозяйственные. Но это продолжалось недолго. 12 августа 1927 г. постановлением Арзамасского уездного исполнительного комитета было принято решение о закрытии монастыря [13, л. 47-50].

Так печально прекратилась монашеская жизнь в Святой обители. Закрылась и художественная мастерская, существовавшая на протяжении 70 лет и воспитавшая не одно поколение профессиональных художниц. Иконы, написанные дивеевскими сестрами, и сейчас хранятся в многочисленных православных приходах, в семьях. Множество икон попало в музеи страны и всего мира. Так иконы, написанные сестрами Серафимо-Дивеевского монастыря, можно увидеть в Эрмитаже, Музеях Московского Кремля, Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва, Государственном историческом музее, Государственной Третьяковской галерее, Арзамасском историко-художественном музее и других.

История живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря уникальна, интересна и самобытна. Изучая созданные художниками объекты, архивные документы, воспоминания современников, выясняются всё новые факты и события, связанные с этим уникальнейшим явлением. Интерес к этому событию только растёт: переиздаются редкие книги, пишут-

ся новые исследования, открываются ранее неизвестные архивные источники.

Тема популяризации и изучения художественного наследия Серафимо-Дивеевского монастыря особенно актуальна сейчас, когда мы являемся свидетелями возрождения Серафимо-Дивеевского монастыря. Как и сто лет назад в святой обители продолжается монашеская жизнь, действует живописное и иконописное послушание. Применяются новые технологии, живописная мастерская развивается. Будем надеяться, что новые дивеевские художницы станут продолжателями тех великих, талантливейших предшественниц, вышедших из народа и проникших в тайну русского живописания, и удививших своим мастерством весь мир.

Источники и литература

1. Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха пустынника и затворника Саровской пустыни, с присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители, Агафии Симеоновны Мельгуновой / Переданы иеромон. Иоасафом; [Предисл.: Н. А[ндреевск]ий]. – Санкт-Петербург: тип. Мор. кадет. корп., 1849.

2. Букова О.В. Женские обители Преподобного Серафима Саровского. – Н.Новгород: Книги, 2003.

3. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Д. 213.

4. Прибавление к Церковным ведомостям. Санкт-Петербург. – 1903. – № 27.

5. Серафимо-Дивеевские предания / Сост. А.Н. Стрижев – Москва: Паломник, 2006.

6. Серафим (Чичагов), архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. – Кишинев: Камно; М.: ООО «Синтагма», 2016.

7. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 53. Оп. 1.

8. Нижегородские епархиальные ведомости, официальная часть. – 1886. – № 22.

9. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 559. Д. 14.

10. Прибавление к Церковным ведомостям. Санкт-Петербург. – 1903. – № 32.

11. Династия Париловых – история края длиною в века // Призыв (п. Палех). – 2021. – № 50 (10273) от 10 декабря 2021 г.

12. Пестов Н.Е., Пестова З.В. От Савла к Павлу. Обретение Бога и любви. Воспоминания. – М.: Никея, 2016.

13. ГАНО, г. Арзамас. Ф 23. Оп. 2А. Ед. хр. 9.

14. ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 55.

БИСЕРНОЕ ИСКУССТВО XIX–XX ВВ. КАК ЭЛЕМЕНТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ АРЗАМАСА И АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

Марина Владимировна Фёдорова
Муниципальное бюджетное учреждение культуры Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области, научный сотрудник;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Нижегородская обл. г. Арзамас; e-mail: Fedorova.mary2010@yandex.ru

В статье рассматривается бисерное искусство XIX–XX вв. как элемент материальной культуры культурной жизни Арзамаса и Арзамасского уезда, представлены художественные возможности и технологические особенности создания изделий из бисера и стекляруса, приводится обзор коллекции изделий из бисера и стекляруса XIX – начала XX века, хранящейся в фондах МБУК историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области.

Ключевые слова: *бисерное искусство; бисер; стеклярус; вышивка; декор; промысел; Арзамасский уезд; женский костюм.*

Среди разнообразных проявлений народного художественного творчества прошлого встречаются виды прикладного искусства, почти полностью исчезнувшие из обихода современного человека. В наши дни исследователи все чаще обращаются к художественным возможностям и технологическим особенностям создания изделий из бисера и стекляруса. Их художественная и этнографическая ценность крайне высока, а широкое распространение промысла в дореволюционной России позволяет говорить о бисерном искусстве как значимой составляющей отечественной материальной культуры XIX века.

Яркий, многоцветный материал, известный с глубокой древности и пришедший в Россию в XVIII веке, легко прижился в нашей стране. Увлечение бисерными и стеклярусными работами продолжалось с XVIII века до начала XX столетия. Особую популярность бисерное искусство приобрело в первой половине XIX века. «Лучшие образцы бисерно-стеклярусных работ отразили в себе все художественно-стилистические направления, существовавшие в России, объединили художественные техники, которыми в совершенстве владели мастерицы. Доступные многим холст, канва, нитки, бусы, хорошо знакомые русским женщинам по другим видам декоративно-прикладного творчества. Приемы работы – вышивка, вязка, низание, – использовались и в бисерном искусстве представительницами разных социальных слоев русского общества» [1, с. 15].

В фондах историко-художественного музея г. Арзамаса хранится коллекция изделий из бисера и стекляруса XIX – начала XX века. Коллекция небольшая, но очень интересная и достаточно разнообразная: она

включает в себя образцы светской вышивки, декорировку женской одежды, народные изделия из бисера, предметы церковного обихода.

Историк Н.М. Щегольков отмечал, что в городе процветали разнообразные женские рукоделия. Одним из наиболее распространенных была вышивка в разнообразных техниках и разнообразными материалами. «Монастыри, особенно Алексеевский прославились золотошвейной работой, вышиванием по бархату, низанием жемчугов. Вышиванием занимались не только в монастырях, но и девицы в купеческих семьях» [2, с. 120], а также крестьянки-рукодельницы.

Бисерное шитье закономерно стало в Арзамасе одним из технологических видов вышивания. Основные материалы для шитья бисером – шелковая, шерстяная, бархатная или хлопчатобумажная ткань, синель, серебряные, золотые и иные нити, стеклярус, перламутр, речной жемчуг и разноцветный бисер.

«В Арзамасе был очень распространен такой жанр вышивки, как создание портретов и картин светского содержания. Этим занимались горожанки – купеческие и мещанские девицы» [3, с. 64].

Одной из лучших вышивальщиц в Арзамасе была Александра Ивановна Быстрова. Сохранились прекрасная ее работа – вышивка шерстью «Петр I» с включением элементов бисера. Пуговицы камзола царя и шпага выполнены золоченым бисером, что привносит яркий художественный эффект, делает изделие более выразительным ***(Приложение 9, фото 1).***

В среде рукодельниц сохранились устойчивые предания, что вышивальному искусству немало способствовали ученики Ступинской школы живописи. «Чаще из дружеской приязни, в поисках девичьего расположения, а то и по прямому заказу переводили художники сюжеты популярных картин, графических листов на ткань, переводную бумагу, а затем помогали в выборе цветовой гаммы, колорита» [4, с. 72].

В нашей коллекции сохранилась также небольшая работа, авторство которой приписывают жене А.В. Ступина Екатерине Михайловне. Она представляет собой лицевую сторону дамской сумочки, изображает игривую собачку из низанного цветного бисера. Работа полна особого изящества, в рисунке видится тонкое чувство меры и стилистического чутья ***(Приложение 9, фото 2).***

Большое распространение получила тема охоты, что связано с ее популярностью как в России в целом, так и в Арзамасском уезде. Тема охоты представлена в художественных произведениях И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, в живописных полотнах многих художниках. В Арзамасском уезде охотники основали существующий и по сей день музей природы. Разумеется, эта яркая тема не могла найти отражение и в декоративно-прикладном искусстве. Вышивки с сюжетами охоты были

достаточно распространены, ими украшали портсигары, кошельки, кисеты, предназначенные в подарок мужчине.

В нашей коллекции есть две работы на эту тему. Панно «Охотник с собакой». На фоне природы изображен охотник, выливающий из сапога воду, рядом с ним собака и лежащее на земле ружье. Панно орнаментировано рамкой из бисера коричневого цвета. Работа выполнена из очень мелкого глухого граненого бисера, что придает картине неповторимый мерцающий блеск. Также разнообразие оттенков бисера (а их использовано более 30) придает картине натуральность цветопередачи. Вышивка выполнена очень профессионально ***(Приложение 9, фото 3).***

Вторая работа изображает трех резвящихся охотничьих собак на фоне природы. Работа также выполнена из мельчайшего матового бисера с использованием множества оттенков. Работа выполнена в технике низания ***(Приложение 9, фото 4)***.

«Русско-турецкая и русско-персидские войны, борьба Греции за независимость привлекли внимание самых широких слоев общества. Новый приток информации о жизни народностей разных континентов нашел выражение как в изобразительном, так и в прикладном искусстве. Бисерные изделия насыщаются “восточными” сюжетами. На эту тему в нашей коллекции присутствует панно в такой тематике» [1, с. 66]. Сюжет простой, на нем изображены две девушки и юноша в восточных одеждах. В вышивке использован крупный матовый бисер различных оттенков. Очевидно, работа выполнена начинающей мастерицей, т.к. нет плавного перехода от темных оттенков к более светлым ***(Приложение 9, фото 5).***

«Бисерное искусство XIX столетия примечательно обилием орнаментальных мотивов и композиций, отражавших художественные вкусы своего времени» [5, с. 57]. В бисерных изделиях наиболее широкое распространение получают цветочные узоры: гирлянды, ветки, букеты, венки и полувенки, отдельные цветы, составляющие определенные композиции, характерные для классицизма. На небольших вещах – сумочках, кошельках, подстаканниках – основной узор располагался горизонтально идущими гирляндами в верхней или нижней части предмета и реже – по краям. Остальное пространство заполнялось мелкими деталями в виде веточек, цветов, крапинок, звездочек или оставалось свободным от узоров. В нашей коллекции есть пять небольших кошелечков из бисера, выполнены в технике вязания крючком. Кошельки украшены цветочными узорами ***(Приложение 9, фото 6).***

«В конце XIX столетия бисер и стеклярус проникают в область декорировки женского городского костюма. Эта мода появляется во Франции: в 1880-х годах в женские туалеты известных парижских фирм включаются черный бисер и стеклярус, сочетавшиеся с черными или темными

тканями. В следующее десятилетие отделка этого типа распространяется на сравнительный широкий круг одежд и употребляется при создании наиболее изысканных туалетов мастерскими многих стран, в том числе и России. При этом используется уже цветной бисер различных размеров и огранки, а также стеклярус» [5, с. 231].

В моде этого периода были отделки в цвет ткани; поблескивающие бусы создавали игру отраженного света на однотонном фоне материалов.

Более двух столетий бисер и стеклярус служили любимыми материалами для отделки праздничного народного костюма на всей территории европейской России, в северной и, еще более, в ее центральных и южных областях. В XVIII веке в народный костюм, бытовавший как в сельской местности, так и среди городского населения, начинают проникать бисер и стеклярус, а наряд молодой женщины и девицы XIX столетия уже невозможно представить без обильного применения этих материалов.

По своему назначению предметы из бисера и стекляруса четко делятся на несколько групп: предметы одежды; головные уборы и их детали; шейные украшения – накладные воротники и ожерелья; нагрудные – цепочки, жгуты, разметки, низки; наспинные – гайтаны, девичьи накосники и косоплеты; декоративные пояса.

В коллекции музея присутствуют предметы праздничного костюма представительниц купеческой и крестьянской среды, изящно декорированные бисером, стеклярусом, гипюром и кружевом.

Пелерина, сшитая из черного бархата, поступила в фонды музея в 1958 г. Она украшена орнаментальной вышивкой и вышивкой бисером в тон ткани. Бисер разной формы и размера придает вышивке особый колорит, контрастирует с матовостью бархата; грани бисера создают неяркий блеск, подчеркивая богатство и статус обладательницы накидки ***(Приложение 9, фото 7).***

Пальто женское из черного атласа на вате и черной сатиновой подкладке, на рукавах и воротнике отделано черным плетеным кружевом, бисером и стеклярусом. Бытовало это пальто в Арзамасском уезде XIX века.

Накидка из голубого бархата, подбитая ватой. Она украшена вышивкой из черного граненого бисера и круглыми плоскими гранеными черными бусинами. Она бытовала в зажиточной купеческой семье в XIX веке и приобретена у Александры Ивановны Богословской ***(Приложение 9, фото 8).***

Душегрея из черного атласа, внутри простегана, ворот и концы рукавов украшены вышивкой из черного бисера. По вороту пришито кружево черного цвета. В вышивке использован сутаж, на который нашит бисер, а уже потом из него выложен сложный орнамент. Душегрею носила крестьянка села Кичанзино в конце XIX века.

Накидка из зеленого бархата. Воротник накидки и проймы для пуговиц украшен рубленым черным бисером и сутажем. Спинка элегантно оформлена треугольной деталью кроя. Здесь также используется черный рубленый бисер, атлас и гипюр ***(Приложение 9, фото 9).***

О широком использовании бисера и стекляруса с конца XVIII века в народной одежде свидетельствуют многочисленные бисерные дополнения, сделанные на вещах, украшенных первоначально одним жемчугом. Одновременно появляются отделки только бисером. Не случайно в этот период возникло название «бисерник» в применении к девичьим головным повязкам.

В коллекции нашего музея хранятся девичьих повязки с поднизями из рубленого речного жемчуга, выполненными в виде сеточки с мелкими ячейками. Поднизи придавали особую красоту и законченность девичьим и женским головным уборам. Сетки поднизей низались из белого или прозрачного бисера в продолжении традиций жемчужных отделок. Они или опускались ровной полосой на лоб до самых бровей, или окружали верхнюю часть лица пышной оборкой ***(Приложение 9, фото 10).***

Интересен также кокошник из парчи, украшенный жемчужным бисером, пайетками и разноцветными кристаллами.

Все украшения средней полосы России, непосредственно связанные с головными уборами, настолько богаты и ярки, что казалось, достаточно их одних, дабы сделать женский наряд исключительным. Но только ими не ограничивались. За головными украсами следовали шейные.

В нашей коллекции хранятся два ожерелья «борок», которые носили на шее крестьянки села Крутой Майдан (ныне Вадский район), поступили они в музей в 1968 г. Борок представляет собой узкую полоску, расшитую жемчужным бисером и разноцветными кристаллами. Край борока расшит тесьмой из полосок разноцветной материи ***(Приложение 9, фото 11).***

Особое место в крестьянской одежде занимают пояса – как женские, так и мужские. Их было принято украшать по возможности богато. В нашей коллекции имеется пояс из села Мотовилово Арзамасского уезда. Пояс представляет из себя черную полосу шириной 4 см, украшен элементами золотной вышивки, вышивкой шерстяными нитями, а также прозрачным бисером и бисером с серебристой серединкой.

Самостоятельную группу декоративных предметов образуют оформленные бисером и стеклярусом предметы церковного обихода, значительно отличающиеся по художественному облику от светских и народных изделий, выполненных из тех же материалов. Это оклады икон, иконы и образки, ленты, покровцы.

Среди вышивок периода расцвета бисерного искусства, т.е. первой половины XIX века, немало икон и образков небольшого формата ***(При-***

ложение 9, фото 12). Вышивка икон бисером тесно связана с золотошвейным искусством арзамасских мастериц. «Лавры первенства в золотошвейных работах держали монахини и послушницы арзамасских Николаевского и Алексеевского монастырей. Развивалась в той же монастырской среде вышивка икон, как золотом, так и бисером. Заказы в Алексеевскую и Николаевскую общины шли отовсюду, и слава арзамасских золотошвей вышли за пределы России» [6, с. 65].

«В начале XX века возрастает роль бисерной вышивки в дамских туалетах. На более ранних моделях бисер использовался в сочетании с плотными тканями, очень модной была вышивка сутажом и бисером, из этих же материалов изготавливали ажурные детали костюма: тесьму, различные вставки, воротник и др. Позднее бисер употребляли для вышивки по легким полупрозрачным тканям. Модной деталью было ажурное нагрудное украшение из сутажа и бисера с длинной бахромой. Использовали черный бисер и стеклярус, бисер с люстром или металлическим блеском, прозрачный бисер приглушенных тонов. Все это таинственно мерцало и переливалось при каждом движении, создавая эффект загадочности, которая, по понятиям того времени, должна была окружать любую уважающую себя женщину» [5, с. 98].

Итак, украшения из бисера и стекляруса были широко распространены в крестьянском и купеческом женском костюме в XIX – начале XX века и играли в нем весьма значительную роль.

В целом, изделия из бисера и стекляруса в XIX – начале XX века имели чрезвычайно широкое использование. Размеры материала (мелкие сорта бисера), приемы работы определяли преобладание, в основном, небольших по формату изделий, которое вносили дополнительную цветовую игру в оформление интерьеров, служили ярким декором однотонных женских одежд или обогащали тонкими цветовыми нюансами городской костюм XIX – начала XX века. Изменение приемов исполнения, использование новых по формам и расцветкам материалов, иное назначение отделок свойственно бисерным работам XIX века.

Источники и литература

1. Моисеенко Е.Ю, Фалеева В.А. Бисер и стеклярус в России XVIII – начала XX века. – М., 1989.

2. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас, 1911.

3. Еремеев П.В. Арзамасские мастера. – Н. Новгород, 1992.

4. Очерки истории Арзамаса. – Горький, 1981.

5. Юрова Е.Е. Эпоха бисера в России. – М., 2003.

6. Прокопьев Д.В. Художественный промыслы Горьковской области. – Горький, 1939.

ХУДОЖНИК-ЮВЕРИР БОРИС ГЛАДКОВ

Мария Александровна Бегоутова
ГБПОУ «Починковский сельскохозяйственный техникум», преподаватель
Россия, Нижегородская область, Починковский м.о., с. Починки
E-mail: Begotova.mariya@yandex.ru

В статье рассматривается биография Заслуженного художника России, участника Великой Отечественной войны Бориса Гладкова – уроженца починковской земли. Ювелирные изделия, созданные мастером, хранятся в Алмазном фонде, Оружейной палате Кремля и других музеях страны.

Ключевые слова: *Борис Гладков; ювелирные изделия; Великая Отечественная война; художник-ювелир.*

Профессия ювелира – одна из самых древних и сложных профессий. Еще в эпоху Киевской Руси широко использовались золотые и серебряные оправы для камней, а сами драгоценные камни считались символом верховной власти. Ювелир – это мастер с особым терпением, высокой концентрацией и невероятной усидчивостью. Тем приятнее осознавать, что одного из лучших ювелиров России взрастила починковская земля.

Борис Алексеевич Гладков родился 8 февраля 1920 г. в селе Саитовка Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье сельского кузнеца Алексея Ивановича. Он был тринадцатым ребёнком в семье Гладковых. Мать Надежда Тимофеевна (1881–1958) была домохозяйкой и занималась воспитанием детей. Уже с первого класса учителя обращались к юному любителю творить к юному любителю творить с просьбой оформить стенгазету или плакат. И он никогда не отказывал, а делал все тщательно, несмотря на подтрунивание товарищей. В 1935 г. Борис окончил семилетку в Починковской школе и начал свой рабочий путь агентом государственных молочных поставок, а затем библиотекарем в колхозе «Труженик». Борис Алексеевич успел поработать пионервожатым в Байковской средней школе (Починковский район Горьковской области), слесарем-водопроводчиком в тресте «Сантехмонтаж» (г. Горький).

Свою любовь к рисованию он не оставил и в 1937 г. поступил на обучение в Горьковское художественное училище.

О своей жизни и о том, как он стал ювелиром, Борис Гладков рассказал телеканалу «Союз» в 2015 г.:

«– Может, это и закваска отцовская. Он был кузнецом, различные лампы художественные делал, а я возле него крутился. Директор ювелирного завода уговорил меня стать главным художником-ювелиром, хотя до этого я только писал картины, был заместителем художественного училища им. Щадра, директором ремесленного училища № 42. За 40 лет работы на заводе я создал 2 000 эскизов, из них 700 внедрили в производство.

– А как у Вас рождались образы?

– Из природы. Я ходил по городу, смотрел, например резьбу наличников, старинные дома, мне это помогало находить искорку, образы. Или когда Гагарин летал, мне сразу представилось, как выглядит спутник, как он летит в звездном небе, и что-то подобное сочинял. Создавал такие тематические ювелирные композиции» [1].

В1940 г. Борис Гладков был призван в Красную Армию с последнего курса училища.

Не оставил он свое увлечение и в армии, а затем и на фронте. В 1941 г., Борис Алексеевич, как и некоторые его однокурсники по художественному училищу, попал служить в 447-й корпусной артиллерийский полк РГК, который находился в Бресте. Это был настоящий боевой полк, прибывший с полей сражений Финской войны. Так вчерашний студент стал чертежником в батарее звуковой разведки. Для молодого художника это была поистине «ювелирная» работа – она требовала невероятной точности и аккуратности.

22 июня 1941 г. немецкие войска начали вторжение в Советский Союз, напав, в частности, на Брест. Так Борис Алексеевич стал участником Великой Отечественной войны с первых её минут. Под огнём артиллерии и авиационными налётами он эвакуировал приборы для звукоразведки, а все личные вещи – фотографии, этюды и зарисовки, письма и художественные инструменты – остались в огне.

На третий день войны, в суматохе отступления, Борис Алексеевич потерял свой полк и оказался сначала в 108-м стрелковом полку, а затем в 240-м гаубичном. Был стрелком и разведчиком и только через три месяца, на подступах к Орлу, он вновь встретил свой полк. 14 месяцев Борис Алексеевич выполнял задачи артиллериста-наблюдателя и разведчика – находился вместе с 447-м корпусным артполком в самом пекле войны. По ночам, пока все спали, он делал зарисовки, оформлял боевые листки и стенгазеты, принимал участие в создании иллюстрированного фронтового журнала.

К июлю 1943 г. отличного художника переводят на работу в оперативный отдел штаба 50-й армии. Борис Алексеевич наносил на карты боевую обстановку – эта работа происходила в условиях строгой секретности. Во время Белорусской операции летом 1944 г. штаб армии был атакован большой группой немцев, и Борису Алексеевичу прихошлось срочно эвакуировать секретную документацию. За выполнение этого задания он был награждён орденом Красной Звезды.

Из интервью Б.А. Гладкова Н. Домрачеву (проект «ЯПомню»):

«– Как работала звукоразведка?

– У нас был такой Центральный регистрирующий прибор (ЦРП), размером с сундук. К нему подключалось шесть звукопостов. Подключе-

ние было проводное, радио не было. Каждый звукопост – это небольшой ящик с микрофоном и экраном для улавливания звуковых волн. Звукопосты располагаются равномерно на протяжении восьми километров по фронту. Допустим, со стороны противника стреляет пушка, и к каждому прибору звук приходит в разное время. ЦРП регистрирует звуковые волны и наносит их на бумагу, примерно, как электрокардиограмму делают. Там у ЦРП сидят вычислители, съемщики отсчетов, скорость звука они знают и вычисляют эту пушку. Работа очень сложная, так как на войне стреляет не одна пушка, и посторонних звуков очень много: танк проехал, самолет пролетел, ветер задул в микрофон. На ленте график каждого звука выглядит по-разному. Вот мы должны по графику отличить звук пушки от всех посторонних и выдать координаты. Я работал чертежником-картистом, но у нас была взаимозаменяемость, и мне приходилось работать дешифровщиком, распознавать звуки. Когда вычислители рассчитывают расстояния, я соединяю на карте линии и наношу циркулем легкий укол. Причем, если уколоть посильнее, а толщина иголок разная бывает, то на местности это сразу 20-30 метров добавляет к цели. Я наловчился довольно точно вычерчивать координаты цели, погрешность составляла всего 7–15 метров.

– Чем запомнилась работа разведчика-наблюдателя?

– Мы располагались в деревне Цветовка, в районе Зайцевой горы, это самая высокая точка в Калужской области. Сейчас там создан музей-мемориал. Немцы гору сильно укрепили и просматривали с нее все окрестности. Мой наблюдательный пункт был на чердаке. Сделали дыру в соломенной крыше и выставили окуляры стереотрубы, тщательно замаскировав их, иначе по солнечным бликам немцы сразу бы нас вычислили. Противник находился в 800 метрах от нас. Однажды я засек немецкую походную кухню. Заметил, как в ту сторону отправилось строем немецкое подразделение. Через телефониста сообщил в штаб. Маврин прибежал на НП лично, с трудом протиснулся на чердак, тучный был. Сел сам за стереотрубу, я ему указал на кухню. Он смотрит и бормочет: или я их вторым снарядом накрою, или я не комполка. Надо сказать, что Маврин был командиром грамотным и дотошным, все пушки полка знал наперечет – у какой канал ствола износился, другие особенности знал всегда четко. Вот он сидит и как бы про себя рассуждает, какой пушкой лучше ударить: у пушки №3 резьба хорошо сохранена, ей и ударим. Говорит телефонисту: “Дай мне Ильина (это был командир дивизиона). Давай, – говорит, – пристрелочным огонь из такой-то пушки”, – и дает координаты. Мы слышим, как над нами снаряд пошел. Перелет. Маврин дал поправку и вторым снарядом кухню разнес. Ушел довольный. “Ты, – говорит, – в следующий раз опять меня зови”. На другой день немцам нужно было поменять артилле-

рийские позиции и для этого необходимо было пушки перетащить через открытое место. А немцы знают, что мы наблюдаем. Они собрали местных женщин, пустили их вперед и за ними, рядом пушки на тракторах. Я сообщил, Маврин посмотрел, но стрелять по своим не стал.

Я мог видеть, как немецкие машины въезжали в лес и были там такие проплешины в лесу, в которых они потом на короткое время появлялись. Понаблюдав, я примерно рассчитал скорость движения колонн, они ведь не по одной машине ездили. И потом уже знал, когда они появятся в следующем просвете. Доложил расчеты Маврину. Тот проверил и решил их использовать. Колонна вошла в лес, голый участок дороги пристрелян, по часам Маврин командует: “Огонь!”, и как раз попадает по немецким машинам. Он очень метко стрелял, у него еще с финской войны был знак “Отличник артиллерист”», – рассказывал о войне Б.А. Гладков [2].

День Победы Борис Алексеевич встретил в Кёнисберге, и после взятия города участвовал в создании выставки, посвящённой боевому пути 50-й армии. В сентябре 1945 г. Б.А. Гладков демобилизовался из армии, с этого момента в полной мере начался его творческий путь.

В 1951 г. Борис Алексеевич окончил Рижскую академию художеств по классу живописи, а затем стал главным художником Свердловского ювелирного завода. Здесь он создал около 2 000 произведений ювелирного и камнерезного искусства. Большинство из них внедрено в массовое производство. Создавая новинки, художник всегда следовал традиции уральских мастеров: главным в произведении остается камень, а остальное служит лишь средством выявления его лучших свойств. Поэтому яркий, веселый амазонит он оправляет в светлое серебро, густо-синий лазурит смягчает ажурным серебряным кружевом, оттеняет вставками из сердолика и лунного камня. Из бросового кусочка малахита Борис Алексеевич создал кулон «Виноград» – истинно прекрасную вещь. Много пришлось ему поработать над гарнитуром «Хозяйка космоса», где тончайшие серебряные цепочки должны были переплетаться в сложном рисунке линий, то тянущихся вверх, то плавно, волнообразно ниспадающих к центру.

Ожерелье «Весна», выполненное по его эскизу из золота, бриллиантов и изумрудов, хранится в Алмазном фонде страны. Работы Гладкова были представлены на многочисленных международных и российских выставках. В настоящее время ювелирные работы нижегородца хранятся в Оружейной палате Кремля и других музеях РФ.

Полон прелести и гарнитур «Хозяйка Медной горы». Он изготовлен в манере старых мастеров по сказу П.П. Бажова. Большой, чуть тронутый полировкой малахит повисает на колокольчиках оправы кулона, которого ассоциируется с причудливыми очертаниями гор. Тугие, непокорные завитки орнамента обтекают, втягивают в свое бесконечное, быстрое движе-

ние яркое разноцветье искристого халцедона, капризного сердолика, отливающего разными оттенками мохового агата. Под стать нагрудной подвеске браслет, подчеркнуто торжественный, праздничный. Прихотливые, вольные движения завитков оправы как бы притягиваются крупным овальным агатом.

В феврале 1980 г. Б.А. Гладков вышел на пенсию, но продолжал трудиться на Свердловском ювелирном заводе старшим художником. С этого же времени он – создатель и оформитель музея истории ОАО «Ювелиры Урала».

В 1999 г. Борис Гладков получил звание Заслуженного художника России [3].

В течение всей жизни наш земляк, проживавший в Екатеринбурге, не забывал о своей малой родине. На протяжении долгих лет он вел переписку с сотрудниками Починковского народного краеведческого музея. В письмах художник рассказывал о своей жизни, творческих успехах, новых картинах и выставках. К письмам иногда прикладывал фотографии и репродукции своих картин, которые сейчас бережно хранятся в Починковском народном краеведческом музее.

Всё творчество Бориса Алексеевича разделено на две противоположные темы. События войны не оставляли его всю жизнь – художник создавал живописные полотна, писал портреты Г.К. Жукова, В.П. Чкалова и Г.А. Речкалова. В то же время, в его ювелирных изделиях прослеживается сказочные мотивы и «уральский колорит». Б.А. Гладков ушёл из жизни 7 апреля 2016 г.

Борис Алексеевич – уникальный человек, прошедший поля сражений Великой Отечественной войны, воспоминания о которой имеют большую ценность для нас сегодня. Художник, создававший великолепные произведения ювелирного искусства, он навсегда вписал свое имя в историю Нижегородской земли.

Источники и литература

1. Интервью телеканалу «Союз», 2015 г. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=zYGPhKPTotA

2. Проект «ЯПомню». – URL: https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/gladkov-boris-alekseevich/

3. Уральский военно-исторический музей. – URL: http://ugvim.ru/news/voyna-i-mir-borisa-gladkova.html

ГАРМОННЫЙ МАСТЕР-КУСТАРЬ ИЗ ЧЕРНУХИ ВАСИЛИЙ БЫКОВ

Мария Алексеевна Мочалова[1], Людмила Борисовна Танских[2]

[1] Преподаватель истории Нижегородского авиационного колледжа
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: moya_zoluchka@mail.ru;
[2] Независимый исследователь
Россия, Нижегородская область, г.о.г. Бор; e-mail: erzya@mail.ru

Целью написания статьи является донесение до читателя, интересующегося культурными ценностями, сведений о забытых ныне изготовителях народного музыкального инструмента – гармошки-хромки. В статье показано, как деревенский мальчик из многодетной семьи настойчиво идет к осуществлению мечты своего детства – научиться играть на гармошке, а также овладеть ремеслом изготовления кустарной гармони.

Ключевые слова: *кустарь-гармонщик; настройка гармоник; хромка-нижегородка.*

Нижегородские исследователи, мягко говоря, без энтузиазма изучают историю гармонного промысла в Нижегородской губернии и области. Авторам статьи известен только один научный труд [1], где несколько страниц уделено гармонным мастерам-кустарям. С исследователем С.А. Озеровым нам хотелось бы прояснить один спорный вопрос: по его данным, артель «Гармония» выпускала хромки и баяны в период с 1932 по 1980 год. Но по данным нижегородского архива специальной документации [2] определены другие годы деятельности артели «Гармония»: 1938–1971 гг.

Считаем своим долгом упомянуть других гармонных мастеров, родившихся на юго-востоке нашей области, и которых с некоторой натяжкой можно назвать земляками гармонщика Василия Быкова: Жалялетдинов Абдулхай Жаляльевич (1915–2001) из татарского села Ендовищи, Водопьянов Владимир Сергеевич (1928–2016) из д. Абаимово, братья Горшковы Алексей Васильевич и Петр Васильевич из Сергачского района, Якушев Михаил Яковлевич (1918–1966) из д. Акузово, Погодин Леонид Васильевич из с. Тарханово, Ерошкин Николай Васильевич 1931 г.р. из д. Осиновка, Ежов Леонтий Иванович (1889–1955) из д. Михалко-Майдан, Родин Леонид из д. Кондрыкино Большеболдинского района, Горащенков Владимир Николаевич (1930–2011) из д. Малиновка Большеболдинского района.

Музыкальный мастер Василий Григорьевич Быков (07.10.1927 – 28.09.2006) родился в деревне Чернуха Сергачского уезда Нижегородской губернии, расположенной на межпьянской возвышенности в 200 км на юго-восток от Нижнего Новгорода. Учитывая то, что населенных пунктов с названием Чернуха в нашей области пять, необходимо уточнить, что ныне родина гармонщика В. Быкова находится на территории Краснооктябрьского района на юго-запад относительно райцентра Уразовка. Через

два года в 20 км на север от Чернухи будет проложена скоростная автомобильная трасса М12 Москва – Нижний Новгород – Казань.

Предки гармонщика Василия Быкова были крестьянами. В семье его родителей Григория Никаноровича (1885–1942) и Устинии Ивановны (1886–1958) Быковых было 12 детей, но в тяжелые послереволюционные годы выжили семеро: четыре мальчика и три девочки. Василий был последним ребенком в семье Быковых, у него были братья Иван (1905–1976), Остап (?–?), Михаил (1921–?) и сестры Анна Фомина (1919–1994), Екатерина Быкова (1923–1991) и Надежда Мосеева (1925–1984).

С малых лет Василий помогал родителям: пахал, бороновал, сеял, косил и ворошил сено, метал стога.

В 1938 г. в семье Быковых остановились на постой проезжие, один из гостей был гармонистом. Василий Быков, кроме балалайки, никогда раньше не видел других музыкальных инструментов и поразился красоте звуков гармоники. Когда гости и хозяева были заняты разговорами, маленький Василий украдкой взял гармошку и попробовал на ней поиграть, спрятавшись за стогом сена. Душа наполнилась радостью и счастьем! Так с 11 лет у Василия Григорьевича проявился большой интерес к музыкальным инструментам.

Когда началась Великая Отечественная война, Василий учился в шестом классе. В годы войны пережил голод и холод.

Семнадцатилетним подростком 29 ноября 1944 г. Василий Быков был призван в Красную Армию. Служил стрелком в 227-м полку НКВД в г. Золочев на Западной Украине, где сражался с бандеровцами. В годы военной службы на Украине ***(Приложение 10, фото 1)*** Василий Григорьевич выучился играть на гармошке. Он любил, когда «хохлушки-веселушки», как он их называл, пели под его гармошку частушки.

После службы на Западной Украине В.Г. Быков был переведен стрелком в Киев в 60-й полк войск МВД. Здесь ему довелось сопровождать воинские эшелоны со взрывчаткой на Дальний Восток.

В Киеве Василий Григорьевич полгода обучался кузнечному делу на курсах при учебной кузнице 55-го полка 25-й дивизии войск МВД по охране железных дорог. Пятнадцатого октября 1946 г. в Киеве ему была присвоена квалификация кузнеца-коваля. Окончив курсы, Василий Григорьевич выполнил просьбу одного врача-стоматолога, попросившего изготовить специальный стоматологический инструмент. В благодарность за выполненную работу стоматолог поставил Василию металлическую коронку, которая простояла у него 50 лет.

После окончания войны Василий Григорьевич продолжал служить, но не стрелком, а ковочным кузнецом. Сменил несколько мест службы:

города Злочев, Черновцы, Киев, Шостки, а в 1948–1949 гг. был направлен на военную службу в Молдавию.

Демобилизовался В.Г. Быков 7 мая 1951 г., прослужив в армии 6,5 лет. Приехав после службы в г. Горький, Василий Григорьевич устроился на Ленинский завод и осуществил свою мечту, поступив в музыкальное училище.

Выполняя в музучилище контрольную работу по настройке голосовых планок гармоники, Василий Григорьевич поразил своего мастера-наставника Михаила Склянова точностью настройки высотного положения тонов музыкального звукоряда. Наставник выразил свое восхищение работой и талантом ученика и произнес фразу: «Далёк не родня!», – мол, он, Михаил Склянов, гордится учеником, превзошедшим своего учителя в настройке голосов гармоники.

На свою родину в село Чернуха вернулся Василий Григорьевич в 1953 г. Здесь он женился на Марии Васильевне Дементьевой, вместе с которой они воспитали трех дочерей и двоих сыновей.

В родном колхозе «Красное знамя» Василий Быков работал кузнецом, комбайнером, водителем, заведующим на мельнице и механизированном токе. Работая в колхозе, Василий Григорьевич ***(Приложение, фото 2)*** своим ответственным отношением к порученному делу снискал глубокое уважение у руководства и односельчан.

Мастерить кустарные гармошки Василий Быков начал с 1954 г. Когда первую быковскую гармошку увидел его мастер-наставник из музыкального училища Михаил Склянов, то он не поверил своим глазам!

Очень много гармоней Василий Григорьевич отремонтировал, дал им вторую жизнь. А своих, «именных» Быковских гармоней он сделал за всю свою жизнь 22 штуки. Звучат они во многих уголках нашей страны.

Василий Григорьевич был мастером на все руки, имел много талантов: музыкальный мастер, кузнец, столяр, плотник, механик, печник, мельник, пчеловод и даже в молодости писал стихи. К нему в гости на медовый Спас трижды приезжал из Нижнего Новгорода авторитетнейший гармонный мастер Дмитрий Иванович Коньков и охотно отвечал на все вопросы по настройке гармоник ***(Приложение 10, фото 3 и 4)***.

Дети, внуки и правнуки кустаря-гармонщика В.Г. Быкова гордятся его жизненным путем и берегут подаренные им гармошки ***(Приложение 10, фото 5 и 6)***.

Надеемся, что деревня Чернуха когда-нибудь будет переименована в деревню Быково в память о простом честном труженике, мастере с золотыми руками Василии Григорьевиче Быкове.

Источники и литература

1. Озеров С.А. Гармонико-баянное искусство Нижегородской области. Становление, развитие, современное состояние: Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Н. Новгород, 2017.

2. Государственный архив специальной документации Нижегородской области. Ф. Р-1 (792). Д. 2 В. Горьковская промыслово-производственная артель «Гармония».

ГАРМОННЫЙ МАСТЕР ИЗ ДЕРЕВНИ ЗЫКОВО ЮРИЙ ГНУСОВ

Людмила Борисовна Танских

Независимый исследователь

Россия, Нижегородская область, г. Бор; e-mail: erzya@mail.ru

Целью написания статьи является популяризация народного промысла – изготовление кустарных гармоней в пригороде Нижнего Новгорода – г.о.г. Бор. Учитывая то, что из 300 гармонных мастеров Горьковской области полторы сотни гармонщиков проживали на Бору, несомненно, этот небольшой городок, расположенный на левом берегу Волги в 9 км от областного центра, смело можно называть городом музыкальных мастеров. В повествовании о кочегаре-гармонщике Ю.Н. Гнусове акцентируется внимание на родственных связях, проведении досуга в семье, описан обряд проводов в армию.

Ключевые слова*: кустарь-гармонщик; гармонная артель; кустарная хромка; Ю.Н. Гнусов.*

Кустарь-гармонщик Юрий Николаевич Гнусов (1934–1995) родился в д. Зыково в большой крестьянской семье. Его отец Николай Александрович Гнусов (1905–1965) в войну был замполитом в 8-м отдельном офицерском штрафбате в дивизии К.К. Рокоссовского. Немцы называли этот штрафбат «бандой Рокоссовского». Николай Гнусов был коммунистом, некоторое время работал третьим секретарем райкома КПСС, а после войны трудился на фабрике первичной обработки шерсти (ПОШ) начальником отдела кадров.

Удивительный факт мне удалось узнать о предках Ю.Н. Гнусова по отцовской линии. Они жили в д. Сунгурово (Дьяконово) и носили фамилию Волковы. Но когда дед Юрия Николаевича – Александр Волков – остался сиротой, его взяла на воспитание родственница из д. Зыково Таисья Гнусова. Так после усыновления в приемной семье сирота Саша Волков стал Сашей Гнусовым. Юрий Гнусов ходил в гости к тетке в д. Коринки.

Мама Юрия Гнусова Анастасия Филипповна Ракова (1908–1994) была родом из д. Темряшино. Настя вместе с младшим братом Мишей в 10 лет осталась без матери. По семейной легенде, семья Раковых в голодный год подалась на заработки вниз по Волге в сторону Саратова. Но там свирепствовала холера, и мать семейства Агриппина умерла в чужом краю от этой страшной болезни. Вдовец Филипп, похоронив в чужом краю молодую жену, приехал снова на родину в Темряшино и вскоре женился вто-

рым браком на женщине с маленькой дочерью Шурой. Мачеха Александра отдала Настю в работницы в поселок 1-й войлочной фабрики, а Мишу – в детский дом. Семейные отношения такого рода не редкость и даже описаны в песнях, как например:

Я кончаю петь песню грустную
И хочу вам, мужчины, сказать:
«Коль умрет у вас жена первая,
То вторая уж детям не мать».

Со второй женой Александрой у деда Юрия Гнусова по материнской линии Филиппа Лукояновича Ракова родились до войны еще две дочери: Евдокия (в браке Сальцина) и Татьяна (в браке – Лётчикова) и сын Николай.

Разбила как-то Настя Ракова чугунок, сидит на крылечке хозяйского дома и горько плачет, боится, что злая хозяйка ругать ее будет. Мимо проезжал на лошади отец Насти Филипп Лукоянович, остановился, пожалел ее, но не забрал из работниц обратно в свой дом. Может, тогда и зародилась в голове Насти Раковой мысль, что нужно побыстрее создать свою семью, чтобы избавиться от хозяйской тирании. Дом, в котором в работницах трудилась Настя, был неподалеку от проходной 1-й войлочной фабрики. И стала Настя заглядываться на молодого рыженького инструктора ФЗУ (фабрично-заводского училища) Колю Гнусова, который приводил своих подопечных на практику на войлочную фабрику. Они поженились, когда Насте было всего 17 лет. Родились у них пятеро сыновей и две дочери.

Старший брат Юрия – Лев (1928–1988) – работал в Нижнем Новгороде мастером на автозаводе. Второй брат – Анатолий (1930–2000) трудился в г. Бор в автокомбинате водителем автобуса. Третьим сыном четы Гнусовых был Юрий. Брат Юрия Евгений (1940–1999) работал трактористом на 1-й войлочной фабрике. Младшим сыном семейства Гнусовых был Серафим (1942–2012). Он был военным, закончил службу в звании подполковника.

Старшая сестра Юрия – Фаина (в браке Антипанова) 1938 г.р. – всю жизнь жила вблизи родового гнезда (в поселке 1-й фабрики) и была работницей войлочной фабрики ***(Приложение 11, фото 1)***. Она большая рукодельница, отлично вяжет крючком и спицами, вышивает крестиком картины. Муж ее, Александр Григорьевич Антипанов (1934–1994) был отличным гармонистом, и Юрий Николаевич сделал для него заказную кустарную хромку. Семья Антипановых переехала в д. Зыково из Кировской области, Йошкар-Олинского р-на д. Улеш.

Младшая сестра Юрия Гнусова – Людмила – родилась уже после войны (в 1946 г.).

Нужно отметить добрый нрав и незлобивый характер мамы гармонного мастера Ю.Н. Гнусова Анастасии Филипповны. Она не держала зла на мачеху Александру и отца Филиппа за трудное детство и часто проведывала тятю (так она называла папу), сводных сестер и брата в Темряшево.

Вспомним фамилии жителей деревни Зыково: Горбачевы, Гнусовы, Котовы, Кулагины, Масленниковы, Мозохины, Питкалевы, Рыжаковы, Смирновы, Тихоновы, Фокины, Чеботаревы, Шуваловы, Ястребовы. Защищая Родину от фашистов, погибли 29 мужчин из этой маленькой деревни.

Сестра гармонщика-кустаря Юрия Гнусова – Фаина Николаевна – рассказывает, что их родители любили вместе спеть песню о грешной любви рыбацкого сына к чужой жене:

Рыбак рыбачил рыбу,
Рыбачка сеть плела,
У них было три сына –
Красавцы хоть куда!

Один любил крестьянку,
Другой любил княжну,
А третий молодую
Охотника жену.

Однажды тот охотник
Поехал набить дичь.
Там встретил он цыганку
И начал ворожить.

Цыганка молодая
Умела ворожить,
Раскинула все карты –
Боится говорить

«Жена твоя неверна», –
Семерка тут легла.
«А туз червей могила!» –
Она произнесла.

Охотник возмутился,
Цыганке уплатил,
А сам тропой знакомой
В обратный путь помчил.

Вот к дому подъзжает
И видит у крыльца –
Жена его неверна
В объятьях молодца.

И тут раздался выстрел,
Убил он молодца,
Потом жену неверную
И дальше сам себя.

Жанр своего повествования о замечательных ремесленниках с золотыми руками я называю «**родовым деревом**», а такого рода информацию о старшем поколении – «**нематериальным наследием предков**» или, шутя, «бриллиантом». Так, например, для меня бриллиант – это фотография прадеда или прабабушки, найденная у дальних и даже не кровных род-

ственников; описание привычек предков, манеры одеваться, семейные легенды; вещица, сделанная руками предков – солонка, вышитое полотенце, лапти, лукошко.

Вторым бриллиантом, заполученным мною от сестры гармонщика Юрия Гнусова – Фаины Николаевны Антипановой, является лирическая песня о безответной любви молодой девушки, которую также любили вместе петь Николай и Настя Гнусовы:

Где эти лунные ночи,
Где это пел соловей,
Где эти карие очи,
Кто их ласкает теперь!

Бывало, весенней порою
Выйду я в сад погулять.
Ночка ещё не настала,
Буду я милого ждать!

Жду я его, не дождуся,
Видно, не любит меня,
Видно, он любит другую.
Ах, как несчастлива я!

Слышу – шаги раздаются,
Вон он, мой милый, идёт!
Быстро навстречу помчуся
И расцелую его!

Брошу я петь, веселиться,
Брошу любимых подруг,
Буду я Богу молиться,
Чтоб позабыть его вдруг.

Годы пройдут за годами,
Морщины покроют лицо,
Горько зальюсь я слезами,
Но не забуду его!

Интересно, что гармонщиком Юрий Николаевич стал благодаря несчастному случаю, приключившемуся с ним в подростковом возрасте. Он с друзьями (Колей Рыжаковым, Федором Гнусовым, Юрой и Вовой Чеботарёвыми) ехал на подножке поезда в Нижний Новгород в цирк и при переключении стрелки сорвался с подножки, получив травму головы. Заботливый отец Юрия, Николай Александрович ***(Приложение 11, фото 2)*** понимал, что на тяжелой физической работе сын уже не сможет работать и, зная, что в г. Бор в районе ДК «Теплоход» открылся наклёпочный цех от Горьковской фабрики «Гармония» по производству гармоней, определил туда Юрия в ученики.

Найти информацию о Горьковской гармонной артели «Гармония» оказалось делом весьма затруднительным. Только после того, как я вышла на след Горьковского ЭПКБ при Министерстве лесной и целлюлозно-бумажной промышленности в архиве специальной документации Нижегородской области [1, д. 2 В, л. 3, 4, 9, 13], стали известны даты создания и прекращения деятельности артели «Гармония», уточнены списки музыкальных мастеров.

Согласно данным Государственного архива специальной документации Нижегородской области (ГАСДНО), гармонная артель «Гармония» была образована в 1938 г. В 1940 г. в Горьком было создано еще одно предприятие по производству гармоней – гармонная фабрика им. Крупской. Оба предприятия подчинялись Исполкому Свердловского районного Совета народных депутатов и в 1943 г. вошли в состав Свердловского райпромкомбината. В 1959 г. артель «Гармония» влилась в состав фабрики им. Крупской, которая просуществовала до 1971 г.

Учителями в гармонном цехе артели «Гармония» в г. Бор на ул. Ворошилова в помещении бывшего Дома колхозника были именитые гармонщики Виктор Лукоянович Кондратьев, Анатолий Васильевич Рыбаков, Григорий Евлампиевич Пичугин, Павел Никанорович Батов, Николай Дмитриевич Белов, Пётр Иванович Вешкарев, Александр Алексеевич Жолтяков, Иван Иванович Иванов, Дмитрий Кириллович Савотин.

Постигали азы наклепки голосов и настройки голосовых планок вместе с Юрием Гнусовым Владимир Горащенков, Борис и Владимир Пичугины, Михаил Сторожев, Максим и Ананий Францевы, Борис и Сергей Вилковы, Николай Скворцов, Борис Тюгин, Павел Чистяков, Борис Бербасов, Георгий Егоров, Николай Рыжаков, Геннадий Ядров, Виктор Сивков, Дмитрий Харчев, Виктор Козлов.

Во время работы в гармонной мастерской Юра Гнусов научился играть на гармошке. По воскресеньям молодежь в д. Зыково собиралась на выступе у колодца и возле пожарки. Пели песни и частушки, танцевали вальс, плясали барыню, краковяк, цыганочку. Так с этих воскресных гуляний стал Юра Гнусов провожать до дома в д. Телятьево Тоню Макарову. Будущие супруги учились вместе с пятого по седьмой класс в школе д. Ивонькино, которая располагалась напротив д. Зыково на другом берегу речки Везломы да через широкое поле. Дружили два года. В это же время вокруг Тони кружил другой жених – Федор Гнусов, но Тоня выбрала в мужья Юрия. Сыграли веселую свадьбу, и в 1955 г. у молодоженов Гнусовых родился сын Николай, а в 1959 г. – дочь Елена. Н.Ю. Гнусов трудился в Горьком термистом на танковом заводе, а Елена выучилась на медсестру и работает в настоящее время в больнице г. Бор в реанимации в лаборатории.

Вдова Ю.Н. Гнусова Антонина Анатольевна рассказала, что ее муж любил летом ходить в лес за ягодой и грибами, а также с друзьями – на рыбалку на озера. По дороге в лес он часто заезжал на велосипеде в д. Летнево к гармонщику Геннадию Ядрову. Они вместе работали на фабрике ПОШ: Юрий – кочегаром, Геннадий – слесарем.

Фаина Ивановна Ломотина (в девичестве Чекушина) рассказала интересные подробности проводов в армию ***(Приложение 11, фото 3)***.

Застолье проводили не вечером, а утром в день призыва. На скромном столе не было колбасы, из мясных блюд был только холодец. Из закусок были соленая капуста, огурцы, помидоры, грибы, картошка. Выпив немного самогонки, молодежь пела и плясала, а затем всей дружной компанией вместе с гармонистом пешком с песнями провожали новобранца до военкомата в г. Бор на ул. Ленина, д. 90. Там новобранцев брили и на поезде в 17 ч. 15 мин. отправляли в Горький. До поезда от военкомата провожающие снова шли с песнями, но не по ул. Ленина, а мимо церкви Успения Божьей Матери проулками в сторону ул. Профсоюзной на железнодорожный вокзал. На ул. Ленина был такой глубокий песок, что колеса телег по ступицу в него погружались. По обеим сторонам ул. Ленина были досчатые тротуары вплоть до 1990-х гг. На солнце в песке грелись свиньи.

Возможно, за всю свою жизнь скромный кочегар фабрики ПОШ в Неклюдово Ю.Н. Гнусов ***(Приложение 11, фото 4)*** сделал не более 10 гармошек. Ездил он их продавать на Молитовский рынок в Горький. Прекратил он изготавливать кустарки-хромки в 1973 г. в возрасте 39 лет. Причиной тому – пагубное увлечение алкоголем. Замечательная русская актриса Л. Гурченко сказала когда-то умные слова: «Нужно уметь быть благодарным!» Часто любители народной музыки предпочитают благодарить гармониста за труд стаканом самогонки, да и мастеру заплатить за кропотливый ремонт гармошки норовят таким же образом. Нет бы сказать добрые слова, угостить вкуснятинкой и адекватно труду произвести оплату…

В д. Зыково жили четыре семьи Гнусовых. Образно говоря, на родовом дереве Николая Гнусова его сын Юрий – птица певчая ***(Приложение 11, фото 5 и 6)***.

На последнем снимке ***(Приложение 11, фото 7)*** представлена кустарная хромка Ю.Н. Гнусова, перешедшая во вторые руки после ухода из жизни борского гармониста Василия Кувшинова. Хромке 52 года, она в хорошем рабочем состоянии. Надеюсь, что она еще долго послужит новому хозяину, который хорошо понимает разницу между заводской и кустарной гармошкой. В кустарке живет частица души мастера, на ней можно играть на улице в сильный мороз.

Ещу много лет люди будут восхищаться голосами звонких гармошек, сделанных руками Ю.Н. Гнусова.

Источники и литература

1. Государственный архив специальной документации Нижегородской области. Ф. Р-1(792). Д. 2 В. Горьковская промыслово-производственная артель «Гармония».

ТРАДИЦИОННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР СЕЛА ПУСТЫНЬ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Валерий Александрович Шеманаев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.п.н., доцент кафедры биологии, географии и химии
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: v.shemanaev@mail.ru

Статья посвящена развитию традиционного фольклора, как важной части духовной культуры села Пустынь Арзамасского района Нижегородской области.

Ключевые слова: *Фольклор; устное народное творчество; народные песни; село Пустынь.*

Устное народное творчество представляет собой исключительно богатую и важную часть духовной культуры человечества. Народ-труженик является создателем ярких произведений словесного искусства. Многие из них были известны еще задолго до появления письменности и с той поры передавались устным путем. «Народ – не только сила, создающая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый во времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры» [1, с. 62]. Одной из богатейших сокровищниц русского народного творчества издавна считается Нижегородская земля. Привольно раскинувшись по берегам двух крупных рек, она с давних пор была связана с народами как Волго-Окского бассейна, так и других районов страны, а центр ее – Нижний Новгород – имел налаженные экономические и культурные отношения со своими ближними и дальними соседями.

Расцвет разного рода ремесел, оживленный речной промысел и бойкая торговля способствовали активному притоку в наш край людей труда. Они приносили с собой и создаваемое веками и прочно хранимое в памяти словесное и музыкальное искусство родных мест. Мысль, ставшая афоризмом, – «фольклор – это отзвук прошлого, но в тоже время громкий голос настоящего» – развивалась в многочисленных выступлениях русских и советских ученых в начале XX века [2, с. 25]. На взаимодействие фольклора, на отражение в нем всех ценностей, сформировавшихся в быту и мировоззрении народа, постоянно указывали Б.М. и Ю.М. Соколовы, А.К. Азадовский и Н.Г. Андреев.

Нижегородцам с давних пор были известны трудовые и обрядовые, хоровые и исторические песни. Не одно столетие рассказывали наши предки занятые и мудрые сказки, богатые интересными фактами предания и легенды, а ведя беседу, дополняли свою речь меткими пословицами и поговорками. Первые записи произведений словесного поэтического творчества Нижегородского края относится к концу XVII – началу

XIX века. С конца XVII столетия до нас дошли местные тексты былин об Илье Муромце и песни антикрепостнического содержания. Именно поэтому уже в XIX и начале XX века Нижегородская губерния стала местом, куда обращают свой взор известные писатели, композиторы и фольклористы. Произведения народно поэтического и музыкального творчества на Нижегородской земле в свое время записывали А.С. Пушкин, В.И. Даль, Н.А. Добролюбов, А.Н. Островский, П.И. Мельников-Печерский, М.А. Балакирев, а также многочисленные местные любители фольклора А.В. Карпов, А.А. Александров, А.С. Гациский, Е.А. Фаворский и др. [3, с. 8].

Собранные материалы становятся достоянием не только любителей народной словесности родного края. Они получают известность среди читательской публики по всей России. Одной из великих ценностей многовековой народной духовной культуры является песенная поэзия, которая появилась (в ранних формах) еще до появления письменной литературы. Среди традиционных фольклорных жанров наиболее продуктивным и наиболее сохранившимся в памяти народа являются лирические песни. Создаваясь на протяжении многих столетий, песни стали подлинной энциклопедией трудовой и социальной жизни народа, его быта, психологии и идеологии.

Поэтически-обаятельные и задушевные, глубоко раскрывающие в своем содержании внутренний мир человека, народные песни являются свидетельством высокой талантливости народа, как в поэтическом, так и в музыкальном отношении. В них нашли яркое отражение лучшие черты русского национального характера: стойкость, сила воли и мужество, чувство человеческого достоинства, удаль, отвага и горячая любовь к Родине и свободе [4]. Народные песни были всегда тем богатейшим источником, на основе которого развивалось творчество русских композиторов.

В нашей работе для анализа взято песенное творчество села Пустынь Арзамасского района Нижегородской области с учетом классификации песен по жанрам, темам и вариантам. Это дает возможность выявить причины исчезновения или сохранения в памяти народа тех или иных песенных сюжетов, мотивов, образов, определить истоки современной народной песенной культуры, установить связь между духовной и материальной культурой. Уходят из жизни люди, которые еще недавно составляли живую достопримечательность села – хранители старинных преданий и песен. А те, кто остаются, поют, передают свои песни другим, доставляя всем радость и наслаждение.

Итак, вы приехали в Пустынь. Вас интересует тут все, вам хочется уловить особую атмосферу этого места, проникнуть в его прошлое. Вы всматриваетесь в вековые деревья, дома сельских улиц, окрестные пейза-

жи. Сверните в любую сторону от главной улицы, и вы попадаете в тихую деревенскую улочку. Навстречу вам идет пожилая женщина в длинной обористой юбке, повязанная белым платком; обязательно поздоровайтесь с ней; она ответит вам, а может быть, остановится, вглядываясь в незнакомое лицо, спросит, чьи вы, откуда. И начнется разговор о жизни, о прошлом…

Слово за слово, и вас пригласят в избу. Кроме традиционной русской печи, вы найдете в доме старинную мебель, льняное полотенце с узорами, на полу стоят сундуки, которые покрыты безворсовыми коврами. Весь пол устлан такими же «дорожками»-половиками. На столе в «передней» скатерть ручной работы, вязанная крючком. А хозяйка рассказывает о своем тяжелом детстве, о том, что узнала от матери и от бабушки. Ерина Евдокия Степановна русская по национальности, старообрядка, родилась в Пустыни, где прожила всю жизнь. Ее трудовая деятельность была очень разнообразна (сначала работала в колхозе на ферме, затем вместе с мужем заготавливали лыко, плели «веревочку», сейчас находится на пенсии).

Пустынь – село песенное. Песни льются отовсюду. Песни лирические, бытовые, военные. Самую большую часть народной бытовой лирики составляют любовные песни. В их многообразном содержании отразилась счастливая пора деревенской молодежи, связанная с весельем и гуляньем, с мечтами о любви, о будущем. Любимая песня Евдокии Степановны «Золотое колечко».

Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
Как по этому колечку
Буду плакать день и ночь.
Где ж девался тот цветочек,
Что долину украшал,
Где мой миленький дружочек,
Что словами улещал?
Улестил милый словами,
Сам уехал навсегда,
Мил уехал, мил оставил
Мне малютку на руках.
Гляну, гляну на малютку:
Словно милый был такой;
Гляну, гляну на малютку, –
Я слезами обольюсь.
Чрез тебя, моя малютка,
Пойду в море утоплюсь.
Долго русою косою
Трепетала по волнам,
Правой рученькой махала:
«Прощай, милый мой, прощай!»
Ни на что так не взирала,
Как на милого белый дом,
Ни об ком так не страдала,
Как о милом об своем.

К любовным песням по тематике примыкают плясовые и шуточные песни. В них проявляется ярко выраженный народный оптимизм. Они помогали народу стойко переносить жизненные трудности, воодушевляли его на трудовые подвиги. Нередко устным путем начинала передаваться песня изначально авторская, как, например, в этом случае:

Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке, –
Сразу жизнь становится иной.
Мое счастье где-то недалечко,
Подойду да постучу в окно.
Выйди на крылечко
Ты, мое сердечко,
Без тебя тоскую я давно.

Или:
Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет,
не вспыхнет огонь,
Только слышно – на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.
То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять, –
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Необходимо сказать и о том, что в устном творчестве наших дней имеет место и процессы, свидетельствующие об активной жизни многих произведений. Ярким примером тому является современная частушка. В селе Пустынь в основном преобладают любовно-бытовые частушки. Частушка быстрее и разностороннее, чем песня, освещает происходящие на глазах исполнителя события и местные факты. Это замечательное качество обеспечивает частушке широкое бытование и использование участниками художественной самодеятельности.

Полюбила я его
Вечером в потемках.
Думала он в сапогах,
А он в лапоточках.
Меня сватали в зятья
Во село Чернуха
А мой тятенька не дал
Двух овец и утку.
Полюбила я его
За красивы глазки.

А он буйный как гнедой
Конь мой окаянный.
Я девчонка боевая,
Боевая, смелая,
Ловко я плясать умею
И в работе первая.
Я на озере была
Белье там стирала
А мой миленький на лодке
С подругой развлекался.

Чрезвычайно сложный песенный репертуар, сочетая традиционную народную поэзию с современной, бытует ныне в селе Пустынь Арзамасского района Нижегородской области, бытует активно, хотя и утратил свою продуктивность.

Источники и литература

1. Горький М. Избранные литературно-критические произведения. – СПб, 1954.
2. Русский фольклор. Материалы и исследования V. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
3. Русские фольклористы. Библиографический словарь. Пробный выпуск. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2010.
4. Любимые застольные песни для русской души. – М.: Рипол Классик, 2005.

Раздел VI.
ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЖАДИН – ПРОФЕССОР ГИДРОБИОЛОГИИ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Валентина Юрьевна Неупокоева
Муромский историко-художественный музей, заведующий сектором научно-информационной работы;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Владимирская область, г. Муром; e-mail: valya.neupokoeva@mail.ru

Профессор Владимир Иванович Жадин – один из наиболее известных советских гидробиологов с мировым именем. Международная известность его подтверждается присуждением ему крупной награды Международной ассоциации теоретической и прикладной лимнологии в 1950-х гг. Он сделал очень много для развития советской гидробиологии. Но в статье акцент также сделан на его ранние годы, проведенные в Муроме, когда Владимир Иванович отметился в истории родного города в качестве первого директора Муромского музея.

Ключевые слова: *Владимир Иванович Жадин; Муромский музей; гидробиология; Окская биологическая станция; Зоологический институт АН СССР.*

Владимир Иванович Жадин – Заслуженный деятель науки РСФСР, профессор гидробиологии и зоолог-малаколог. Международному научному сообществу Владимир Иванович известен рядом работ по систематике, фауне и изменчивости пресноводных моллюсков. Но для Мурома его имя связано еще и с созданием музея, которому в 2022 г. исполнилось 103 года.

Итак, Владимир Жадин родился 18 июля 1896 г. в г. Муроме Владимирской губернии в семье потомственного почетного гражданина и купца первой гильдии Ивана Константиновича Жадина; о матери информации практически нет. Об отце также известно, что он умер, когда Владимиру было семь лет. Воспитывался будущий профессор двумя старшими сестрами, которые работали сельскими учительницами.

Проведя два года в начальной школе, в 1906 г. В.И. Жадин поступил в Муромское реальное училище. Еще в 12 лет увлекшись изучением природы, Владимир стал собирать коллекцию насекомых в окрестностях города, на что потратил все летние каникулы. А учась в 4-м классе реального училища, он выступил инициатором организации кружка любителей естествознания [1, с. 1].

Кружок назвали звучно: «Общество натуралистов в Муроме» ***(Приложение 12, фото 1)***. Первоначально в него объединились 10 учеников, но впоследствии состав кружка постепенно расширялся, и через год, к середине

1913 г., в училище уже начитывалось 37 юных натуралистов. В кружок принимались ученики с 3-го класса (подростки в возрасте 14–15 лет).

Основным местом сбора натуралистов было само реальное училище, в котором был выделен класс для регулярных заседаний и шкаф в нем для хранения коллекций. Но также участники общества проводили встречи в доме у Жадина.

Кружковцы стремились к уровню организации как у взрослых обществ: регулярно избирался председатель, назначались секретарь, протоколировавший заседания, казначей, собиравший ежемесячные взносы по 20 коп. К сожалению, тетради с протоколами заседаний были утрачены еще до революции.

У каждого участника кружка естествознания была собственная специализация: подростки набивали чучела, собирали коллекции бабочек, жуков, птичьих яиц, рыб, амфибий, микроскопических животных. Собирали также минералы, составляли гербарии и скелеты.

Также деятельность кружковцев имела разную специфику в зависимости от сезона. Так, зимой натуралисты занимались анатомированием птиц, учились основам таксидермии, изготавливали ящики и коробы для хранения собранных коллекций. Когда становилось теплее, ученики помимо собирательской работы, описанной выше, стали заниматься по сути этнографической работой: собирая что-то в лесах и полях Муромского и Меленковского уезда, подростки стали общаться с деревенским населением, записывать их рассказы о быте и истории небольших поселений, некоторые местные отдавали какие-то оригинальные предметы быта. В результате в реальном училище сформировалась коллекция «естественно-исторических предметов», которые легли в основу небольшого музея, который располагался в двух больших шкафах [1, с. 1].

После окончания В.И. Жадиным реального училища (в 1914 г.) кружок продолжил свое существование. А Владимир поступил в Московский Народный университет им. А. Шанявского, где за год прошел зоологический цикл под руководством Д.Ф. Синицына – русского и американского биолога и первого ректора ННГУ [2, с. 46–47].

В 1915 г. Владимир Иванович сдал экзамен по латыни на аттестат зрелости для поступления в Казанский университет на медицинский факультет, параллельно с поступлением работая в Гельминтологической лаборатории Московского земства. В лаборатории он занимался изучением распространения и биологии моллюсков, переносящих фасциолёз – заболевание животных и человека, характеризующееся поражением печени и желчевыделительной системы. Эта первая работа во многом определила дальнейшую научную деятельность и практическую направленность исследований В.И. Жадина [3, с. 50].

Осенью 1916 г. Владимир Иванович поступил в Николаевское военное училище, после которого летом 1917 г. отправился в действующую армию. После Февральской революции он был избран председателем полкового комитета. До Октябрьской революции Жадин командовал взводом 308-го пехотного Чебоксарского полка, а после был избран сперва заместителем председателя, затем председателем полкового комитета 77-й пехотной дивизии [1, с. 1]. Но после тяжелого ранения он был отправлен со службы и вернулся в Муром.

На родине Владимир Иванович устроился на работу в Совет народного хозяйства и вернулся к работе по изучению биологического разнообразия, возглавив секцию естествознания в студенческом кружке.

За один сезон, к августу 1918 г., он со студентами набрал значительный необработанный материал. У самого Жадина и, тем более, у студентов-кружковцев не хватало знаний для определения видов моллюсков и насекомых, а потому при помощи руководителя Отдела народного образования И.Л. Пронина для Жадина была организована командировка в Саратов, к коллегам с Волжской биологической станции.

Тогда же Жадину была поручена миссия организации музея местного края. Хотя изначально этим вопросом занимались другие люди – члены Муромского Научного общества – ядро городской интеллигенции, но некоторых членов общества обвинили в причастности к белогвардейскому мятежу 8 июля в Муроме.

Еще до мятежа, в марте, члены Научного общества предприняли важные действия: попытались сохранить вещи из покинутой графиней Уваровой усадьбы «Красная горка» в Карачарове (пригороде Мурома): антикварную мебель, скульптуру, живопись и т.д. Большинство предметов из Карачаровского имения действительно удалось сберечь, и они до сих пор хранятся в Муромском музее.

В итоге Научное общество полностью прекратило существовать к концу 1918 г., а вместо него под эгидой Отдела народного образования было создано Научно-художественное общество, которое далее существовало при музее, создавая его. А Владимир Иванович стал председателем этого нового общества, вобравшего в себя членов двух вышеописанных организаций. В обществе действовало четыре секции: естествознания, статистико-экономическая, секция истории, археологии и этнографии, секция изобразительных искусств.

Продолжить рассказ о создании музея стоит цитатой В.И. Жадина: «Материальной базой всех этих начинаний (создания музея) стало отчисление части революционной контрибуции, взысканной с муромской буржуазии после незадачливого контрреволюционного мятежа, и небольшие ассигнования научного отдела наркомпроса» [4, с. 12–13].

Официально музей начал работу с 1 января 1919 г. Четвертого января состоялось организационное собрание, на котором Владимир Жадин предложил занять здание дома Зворыкиных под музей. Но, судя по всему, это была простая формальность, поскольку в эту усадьбу уже были перевезены коллекции из Уваровского имения. Интересно, что Жадин имел довольно близкое отношение к дому Зворыкиных, поскольку был женат на племяннице В.К. Зворыкина, Екатерине Неизвестновой.

Второго февраля было собрано еще одно организационное совещание Общества, на котором В.И. Жадина избрали заведующим музеем. Тогда же на базе музея было решено открыть Окскую биологическую станцию.

К работе на благо музея Жадиным были привлечены академик живописи И.С. Куликов и известный краевед В.Н. Добрынкин. А на Биологической станции работали члены секции естествознания Научно-художественного общества.

Спустя полгода работы Владимир Иванович был вновь призван в Красную Армию и вернулся только к 1921 г. Окская Биологическая станция работала в Муроме до 1928 г.; все это время Жадин был ее заведующим, параллельно руководя музеем. Станция работала круглый год. Как пишет газета «Луч», «исследовались водоемы: 1) река Ока с прилегающей поймой на участке р.р. Теша, Илемна (протяжением 20 верст), 2) речка Маландайка, 3) Свято-Дедовское озеро, 4) озеро Великое, 5) Велетьминский пруд с прилегающими частями р. Велетьмы, 6) весенние лужи и копанные пруды в окрестностях Мурома (до 15 штук)» [5]. Собранные станцией материалы обрабатывались специалистами с других биостанций и самими сотрудниками станции. Причем последние за недостатком литературы в Муроме работали в Москве в Зоологическом музее Университета.

За время работы в Муроме Владимир Иванович успел выпустить две монографии: «Исследования моллюсков Муромского края» и «Наши пресноводные моллюски».

В 1928 г. окская биологическая станция была переведена в г. Горький, где постепенно реорганизовалась в Лимонологический институт, сектор Института промышленности и Горьковский гидрологический институт [1, с. 2]. Владимир Иванович сделал очевидный для него выбор между музеем и биологической станцией и покинул Муром. В Горьком началась интенсивная работа в сфере гидробиологии.

Владимир Иванович провел в Горьком пять лет. За это время он успел поработать доцентом санитарной гидробиологии Горьковского инженерно-строительного института и профессором, заведующим кафедрой гидробиологии Горьковского госуниверситета, опубликовать ряд крупных работ, таких как «Исследования по биологии передатчиков фасциолеза» и «Пресноводные моллюски СССР».

В начале 1934 г. по приглашению академиков С.А. Зернова и В.Л. Комарова Жадин перешел на работу в Зоологический институт АН СССР, где заведовал сначала отделением моллюсков, а спустя два года – всем отделом Гидробиологии.

В 1935 г. Владимир Иванович получил степень доктора биологических наук и начал руководить всесоюзной бригадой по изучению пресноводных моллюсков. На этой должности он производил исследования рек и водохранилищ различных районов СССР, возглавлял работу по изучению и реконструкции фауны Волги в связи с проектом создания Куйбышевского водохранилища, был членом комиссии по водоснабжению Москвы и изучал Учинское водохранилище канала им. Москвы [1, с. 3]. Параллельно он писал книги и статьи по промысловым моллюскам и книгу «Фауна рек и водохранилищ». Ряд статей о моллюсках был опубликован, в том числе за рубежом.

Великая Отечественная война временно оторвала Владимира Ивановича от науки, он попал в резерв командного состава Ленинградского фронта. Но в 1942 г. Жадин был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Сталинабад (ныне – Душанбе), куда переводили Зоологический институт. До конца 1945 г. Жадин жил в Таджикистане, занимаясь изучением биологии слизней – вредителей местного сельского хозяйства, и предлагая методы борьбы с ними. Также он занимался изучением фауны местных рек и родников.

После окончания войны и реэвакуации Зоологического института в Ленинград, В.И. Жадин отправился жить и работать в северную столицу ***(Приложение 12, фото 2)***. Стал одним из инициаторов созыва Всесоюзного совещания по проблемам гидробиологии, которое заложило фундамент объединения советских гидробиологов.

К 1950 г. Жадин со всем коллективом гидробиологов Зоологического института перешел к разработке проблем удобрения рыбоводных прудов, как одному из аспектов проблемы биологической продуктивности водоемов. Во время этих исследований стал применяться метод радиоактивных изотопов, который дал хорошие результаты как в деле подбора удобрений, так и в счете рыбы без ее вылова [1, с. 5]. Впоследствии этот метод стал использоваться в разных географических регионах.

После 1955 г. стала активнее развиваться международная карьера Жадина. Он стал публиковаться в Китае, Румынии и Польше, побывал в Чехии, был руководителем советской делегации на международном лимнологическом конгрессе в Финляндии. После конгресса Владимир Иванович бы избран вице-президентом Международного совета Ассоциации теоретической и прикладной лимнологии и стал постоянным национальным представителем СССР в этой организации. В 1956 г. он был награж-

ден золотой медалью Тинемана-Наумана (ежегодная международная премия, высшая награда в области лимнологии).

Параллельно со всеми научными изысканиями Жадин занимался педагогической деятельностью в Ленинградском университете, где читал курс по гидробиологии на географическом факультете.

После своего 70-летия Владимир Иванович покинул руководящие должности и остался работать в Зоологическом институте уже в качестве старшего научного сотрудника и консультанта.

Умер Владимир Иванович в возрасте 77 лет. Его личный фонд, хранящийся в Научном архиве Зоологического института РАН, пока не изучен и даже не разобран, но к его обработке приступили в 2017 г. [6, с. 49]. Материалы, хранящиеся в этом архиве, бесспорно, раскроют дополнительные стороны его научной деятельности.

Источники и литература

1. Жадин В.И. Краткая автобиография. 1968 г. // Муромский историко-художественный музей. – Инв. № М-19229/7.

2. Тарбеев М.Л., Стоюхина Н.Ю. «Живу, как птица небесная» Curriculum vitae Дмитрия Федоровича Синицына: Неизвестные документы // Нижегородский музей, вып. 33, 2018. – С. 46–128.

3. Кутикова Л.А., Алимов А.Ф. Владимир Иванович Жадин – гидробиолог, зоолог, малоколог // Историко-биологические исследования. – 2012, том 4, № 4. – С. 50–58.

4. Музейный век. К 100-летию Муромского музея // Т.Б. Купряшина и др. – Выкса: Изд-во IKSA, 2019 – 164 с.

5. Окская биологическая станция // Луч. – 1922. – 10 октября. – С. 3.

6. Рижинашвили А.Л. В.И. Жадин в Залучье: некоторые документы об идеях развития теории биологической продуктивности водоемов // Историко-биологические исследования. – 2017, том 9, № 4. – С. 48–56.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДОВ ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ А.П. ГАЙДАРА И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЙ

Светлана Васильевна Борисова[1], Людмила Сергеевна Герасимова[2]

МБУК Литературно-мемориальный музей А.П. Гайдара
г. Арзамаса Нижегородской области,
[1]старший научный сотрудник, [2]главный хранитель фондов
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arzgaidar@mail.ru

Статья содержит информацию о наиболее ценных и значимых предметах фондов литературно-мемориального музея А.П. Гайдара, основных фондообразователях и источниках поступлений музейного собрания.

Ключевые слова: *фонды; личный фонд; семейные реликвии; рукописи; документы; фотографии; личные вещи; Аркадий Гайдар (Голиков); Тимур Гайдар; Ариадна Бажова; Борис Камов.*

29 октября 2022 г. исполняется 55 лет со дня основания Литературного музея А.П. Гайдара. Он был открыт в 1967 г. и вошел в состав гайдаровского комплекса наряду с мемориально-бытовым домом-музеем А.П. Гайдара. За годы своего существования в фондах музея собрана бесценная коллекция подлинных документов, фотографий, личных вещей, связанных с жизнью и творчеством Аркадия Петровича Гайдара.

На данный момент основной фонд музея насчитывает 12214 единиц хранения, научно-вспомогательный – 12097 единиц хранения.

В собрание музея входят:

– личные фонды Аркадия Петровича Гайдара и Максима Горького, их родных, друзей, современников и литературоведов, изучавших жизнь и творчество писателей;

– прижизненные и современные издания книг Аркадия Петровича Гайдара и Максима Горького, книги и публицистика об их жизни и творчестве, афиши спектаклей и кинофильмов, созданных по произведениям писателей, авторские иллюстрации к книгам Аркадия Гайдара;

– коллекции бытовых вещей, предметов декоративно-прикладного искусства, живописи, скульптуры, предметов истории техники, нумизматики, бонистики и фалеристики, видовых и сюжетных открыток конца XIX – первой половины XX века, то есть музейные предметы, всесторонне характеризующие жизнь и быт в то время, когда жили и творили Аркадий Гайдар и Максим Горький;

– книги русских и зарубежных классиков, критическая и биографическая литература, учебники, а также публицистика XIX – первой половины XX века;

– документы на бумажной основе, фотодокументы, фонодокументы и кинодокументы, отражающие значимые события истории и общественной жизни Арзамаса и нашей страны, в период жизни Аркадия Гайдара и Максим Горького;

– документы и предметы, имеющие то или иное отношение к тимуровскому и гайдаровскому движению и истории музея.

Более подробно остановимся на личном фонде Аркадия Петровича Гайдара, поскольку документы и предметы, отражающие личность, историю жизни и творческий путь писателя имеют основополагающую ценность для фондов музея. Собственно говоря, музей был организован исключительно благодаря наследию Гайдара.

Личный фонд Аркадия Петровича пополняется на протяжении всего существования музея его родными, друзьями и потомками. Огромную роль в формировании музейных фондов сыграл Тимур Гайдар, контр-адмирал флота и журналист, истинный сын своего отца. После смерти Ти-

мура Аркадьевича эту работу продолжили его жена Ариадна Павловна Бажова и сын Егор Тимурович.

Среди переданных Тимуром Гайдаром предметов – бесценные семейные реликвии: каретные часы и серебряная чарка из дорожного набора поручика Аркадия Салькова, деда писателя со стороны матери, Натальи Аркадьевны. Часы и чарка, так необходимые в походе, передавались в семье по наследству в течение, по меньшей, мере двух веков. Наталья Аркадьевна получила их от отца, затем они долгое время хранились у старшей из дочерей семьи Голиковых Натальи Петровны, в замужестве Поляковой, после ее смерти перешли Тимуру.

В разные годы Тимур Аркадьевич передал на постоянное хранение в фонды музея большое количество документов, рукописей и прижизненных изданий произведений своего отца. Среди них:

– подлинный «Трудовой список» Аркадия Петровича;

– фронтовые донесения, записки, письма Аркадия Гайдара, в том числе шутливое письмо, отправленное в 1935 г. из Арзамаса Владимиру Ермилову, с просьбой выслать деньги, предположительно гонорар за «Голубую чашку», и колоритным рассказом о своем пребывании в Арзамасе;

– подлинные фотографии разных этапов жизни писателя, начиная с детства, проведенного им в Арзамасе (портретные и в кругу семьи), юношеские 1920 – 1924 гг. в военной форме, а так же фотографии, сделанные уже в зрелом возрасте в 1935 – 1940 гг. в Москве, с друзьями и знакомыми;

– рукопись рассказа «Совесть»;

– две тетради рукописи «Военной тайны»;

– киносценарий и листы рукописи «Тимура и его команды»;

– первые издания первых произведений писателя («В дни поражений и побед» и «Жизнь ни во что»);

– книги с автографом писателя, в разное время подаренные Аркадием Гайдаром Константину Паустовскому и Александру Твардовскому: первое издание повести «Дальние страны» 1932 г., с автографом Аркадия Петровича и его стихами; первое издание повести «Тимур и его команда» 1941 г., с дарственной надписью: «А. Твардовскому от Гайдара, давно оставшемуся без своей команды Гайдар, апрель 1941»; сборник «Мои товарищи» 1940 г. с дарственной надписью: «Саше Твардовскому моему товарищу о *мои*х товарищах Гайдар 1941», эта книга была единственной из семейной библиотеки, которую Валентина, дочь Александра Трифоновича, взяла с собой в эвакуацию из блокадного Ленинграда;

– документы и фотографии, связанные с перезахоронением писателя из окрестностей села Леплява в город Канев, и многое другое.

В 1999 г. Тимур Аркадьевич передал в фонды музея одну из самых ценных вещей, принадлежавших его отцу – серебряный портсигар с вы-

гравированным на нем отрывком из рассказа «Чук и Гек», подаренный Аркадию Гайдару Константином Паустовским приблизительно в 1938–1939 гг. Перед уходом на фронт Аркадий Петрович передал его на хранение Константину Георгиевичу, который после окончания Великой Отечественной войны вернул портсигар Лии Соломянской, жене писателя, матери Тимура. В 1947 году Лия Лазаревна подарила его сыну.

В 2015 г. от Ариадны Павловны Бажовой, жены Тимура Аркадьевича Гайдара, поступили документы из семейного архива и личные вещи, принадлежавшие Аркадию Гайдару. Среди них машинописный текст рукописи А.П. Гайдара «Судьба барабанщика» с авторскими и цензорскими правками. Написанный в Одессе литературный сценарий датирован 18 июня 1938 г. Ариадной Павловной передано прижизненное издание книги А.П. Гайдара «Жизнь ни во что (Лбовщина)», изданное в Перми в 1926 г. Книга переплетена в современную твердую обложку, оклеенную бордовым кожзаменителем. На переднем форзаце – дарственная надпись: «Центральной городской детской библиотеке им. А.П. Гайдара. От Аликиной Надежды Алексеевны. Г. Пермь. Август 2010».

Лией Лазаревной Соломянской, женой А.П. Гайдара, были переданы рукописи, фотографии, документы и газетные публикации.

Не менее важную роль в формировании фонда Гайдара сыграли его родные и друзья. Они оставили очень ценные воспоминания о разных этапах жизни и личности писателя, передали немногие сопровождавшие его в быту вещи.

От Лидии Павловны Троицкой, второй жены Петра Исидоровича Голикова, и ее детей – Майи и Петра, сводных сестры и брата Гайдара, живших в Арзамасе, в фонды музея поступили мебель и бытовые вещи времен детства Аркаши Голикова, проведенного в нашем городе. Благодаря этим предметам была воссоздана экспозиция мемориально-бытового дома-музея Аркадия Гайдара. Среди переданных вещей была деревянная вешалка, сделанная руками Петра Исидоровича Голикова. Будучи акцизным чиновником, он, тем не менее, очень любил в свободное от работы время мастерить своими руками различные предметы из дерева.

Арзамасские Голиковы передали в фонды музея медный самовар. По воспоминаниям сестер Аркадия Петровича, Натальи и Ольги, холодными зимними вечерами вся семья собиралась в гостиной вокруг стола, в центре которого стоял самовар, Петр Исидорович «…читал вслух интересные книжки или же рассказывал смешные басни, а мы декламировали знакомые нам стишки. Порой мы все пели песни…» [1, л. 1].

Дора Матвеевна Гайдар, вторая жена писателя, пополнила фонды музея книгами и журналами из личной библиотеки и прижизненными изданиями произведений Аркадия Петровича, его личными вещами: костю-

мом темно- синего цвета полувоенного образца, состоящим из френча и брюк; папахой, перешитой для Тимура; металлической шкатулкой с коллекцией монет XVIII – начала XX века. В небольшой библиотеке писателя в основном были журналы военной, исторической тематики и литературная критика, а среди книг – издания классиков, в том числе избранные произведения Алексея Максимовича Горького.

Рувим Исаевич Фраерман, близкий друг Гайдара, передал в фонды музея его перочинный нож, подушку и одеяло. Нож был куплен Аркадием Петровичем совместно с Рувимом Исаевичем в 1939 г. на Птичьем рынке в Москве, перед отъездом в Ялту. Небольшая подушка в изношенной черной сатиновой наволочке и тонкое шерстяное одеяло, сильно потрепанное, все в заплатках, сопровождали Аркадия Петровича во многих поездках, в том числе и в Солотчу. Подушку он брал с собой, когда ходил на Черное озеро, хотя чаще отдавал ее под голову Константину Георгиевичу Паустовскому, считая, что тому она нужнее.

Судя по воспоминаниям Валентины Сергеевны Фраерман, когда Гайдар в 1939 г. приехал в Солотчу в последний раз, то периодически оставался ночевать на балконе их дома, под сенью раскидистого дуба. Тогда он укрывался этим одеялом и клал подушку под голову. Фраерманы, Паустовские и Гайдар нередко уходили в луга с ночевкой. Аркадий Петрович всегда брал эти вещи с собой, поскольку ночевали они у берега Прорвы, притока Оки, а ночью там было сыро и холодно. Уезжая из Солотчи срочно, писатель надеялся вернуться в самое ближайшее время, поэтому оставил столь необходимые ему вещи у Фраерманов. В 1939 г. он вернуться не смог, так как долго пролежал в больнице, в 1940-м г. дела его снова задержали, а в 1941-м, когда он уже собрался на отдых в Солотчу, грянула война…

Аркадий Петрович был необыкновенно скромен в быту, так он сам писал о себе: «В сущности, у меня есть только – три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка. Полушубок, папаха – и больше ничего – ни дома, ни места, ни друзей. И это в то время, когда я вовсе не бедный и вовсе никак уж не отверженный и никому не нужный. Просто как-то не выходит» [2, с. 166–167]. Поэтому собранные за годы существования музея его немногочисленные личные вещи для нас особенно ценны.

Особый раздел фондов – это воспоминания людей, знавших Голикова в период его жизни с 1912 по 1918 гг. Среди них – воспоминания первой учительницы Аркадия в частно-приготовительной школе мадам Хониной Зинаиды Васильевны Гладковой, друзей детства: Александры Ивановны Бабайкиной, Нины Николаевны Похвалинской, Зинаиды Федоровны Субботиной и др.

Детство, проведенное в Арзамасе, учеба в реальном училище сильно повлияли на формирующуюся личность будущего писателя, а впоследствии нашли отражение в его творчестве. Арзамасское реальное училище было одним из лучших учебных заведений всей Российской Империи. Уровень обучения был исключительно высок, что ставило его на четвертое место среди всех реальных училищ страны. Из его стен вышло множество высокообразованных людей, нашедших свое место в жизни – инженеров, архитекторов, врачей, военных. С некоторыми из выпускников АРУ родственники писателя и музейные работники длительное время вели переписку. Они были частыми и желанными гостями Гайдаровских чтений.

В фондах музея имеются экспонаты, связанные с этим периодом жизни юного Аркадия Голикова, а именно: фотографии, как отдельных учеников и учителей, так и групповые снимки, воспоминания бывших учеников Арзамасского реального училища. За время существования музея собраны личные фонды многих реалистов и учителей, ставших прототипами героев повести «Школа».

Личный фонд А.П. Гайдара до сих пор пополняется редкими, но очень важными для изучения жизни и творчества писателя экспонатами – фотографиями и документами. Музей поддерживает связь и с продолжателями рода Аркадия Петровича, и с потомками его сестер.

Светлана Михайловна Караваева, дочь Екатерины Петровны Стадухиной, в девичестве Голиковой, передала в фонды музея большое количество фотографий и документов из семейного архива.

Одна из переданных фотографий имеет исключительное значение для фондов музея. На этом снимке, сделанном в 1914 г., вся семья Голиковых – Петр Исидорович, Наталья Аркадьевна, Оля, Катя, Наташа и Аркадий в последний раз сфотографированы вместе, перед уходом отца на фронт.

Не менее уникальна фотография, которая во всех учебниках и книгах о писателе советского периода была представлена в обрезанном варианте. Благодаря Светлане Михайловне Караваевой в наших фондах хранится единственный оригинальный отпечаток этого кадра. До момента передачи фотографии в музей, в полном варианте она нигде не была опубликована.

На фото – Аркадий вместе с сестрами Катей и Олей, отчимом Александром Федоровичем Субботиным и тетушкой Дарьей Алексеевной Умновой у постели умирающей Натальи Аркадьевны. Снимок сделан в санатории в Алупке в 1924 г.

В это время Аркадий Голиков, уволенный по состоянию здоровья из армии, размышляя о своем будущем, впервые всерьез задумался о писательской стезе.

Начав писать наброски книги «В дни поражений и побед» в Сибири, будущий писатель приехал в Арзамас, где закончил работать над первым вариантом повести, затем прочитал его отцу и друзьям. Петр Исидорович отнесся к литературному труду сына крайне скептически, предложил ему заняться чем-нибудь более серьезным.

Осенью 1924 г. Аркадий Голиков поехал в Крым навестить неизлечимо больную мать. По воспоминаниям младшей сестры Аркадия Петровича – Екатерины, в Алупке он дорабатывал и переписывал начисто свою повесть «В дни поражений и побед», работал очень напряженно, до обеда вообще не вставал из-за стола. Екатерина Петровна пишет: «…Вечером мы собирались в маминой комнате, она лежала в кровати, уже не вставая, а он читал нам вновь написанные главы. Мы слушали с интересом, а мама, глядя на сына, потихоньку плакала, по ее лицу катились слезы. Но это были, вероятно, слезы радости и гордости за него…» [3, л. 8].

Вдохновленный поддержкой матери, дописав повесть, Аркадий Голиков поехал в Ленинград, где показал «В дни поражений и побед» Константину Федину, Сергею Семенову и Михаилу Слонимскому, которые раскритиковали ее, но заметили у молодого писателя явный талант. Они помогли доработать и издать сокращенный вариант повести в 1925 г. в первой и второй книгах альманаха «Ковш», а затем полный текст повести в 1926 г. в издательстве «Земля и Фабрика». Позднее, увидев книгу «В дни поражений и побед» в витрине книжного магазина в Нижнем Новгороде на Покровке, Петр Исидорович с радостью приобрел ее и очень гордился своим сыном. Спустя годы, после смерти отца, владельцем книги стал сводный брат Аркадия Гайдара – Петр Голиков. Он и подарил ее Тимуру Гайдару – сыну писателя. Тимур Аркадьевич в 1992 г. подарил книгу музею.

В 2016 г. через фондово-закупочную комиссию на международном аукционе были приобретены два тома литературно-художественного альманаха «Ковш» 1925 г., содержащие первое издание первого произведения А. Голикова (Гайдара) «В дни поражений и побед», имеющие огромную ценность.

Среди переданных Светланой Михайловной Караваевой документов – воспоминания ее матери, Екатерины Петровны Стадухиной, о своем детстве и юности, о счастливых годах, проведенных в окружении любящей семьи в Арзамасе, и о тяжелом голодном времени Гражданской войны.

В 2010 г. писатель-гайдаровед Борис Николаевич Камов передал в фонды музея собранную им за пять десятилетий аудиотеку, в которой насчитывается свыше ста магнитофонных катушек с записью воспоминаний людей, лично знавших Гайдара. На данный момент аудиозаписи изучаются сотрудниками музея.

После смерти Бориса Николаевича его вдова Маргарита Иосифовна Полякова передала личные вещи писателя Гайдара, обнаруженные Камовым в ходе экспедиций и личного общения с людьми из окружения писателя: дощечку с надписью, сделанной Аркадием Петровичем в 1941 г., платок, химический карандаш, мундштук и портсигар. Вот как описывает эти вещи Борис Камов в своей книге «Сумка Гайдара»: «Я открыл кожаный портсигар, который состоял из двух раздельных, вдвигающихся половинок. В меньшей лежал тугой полотняный сверток…это был носовой платок. Края его были аккуратно подрублены и прошиты на машинке. В одном из уголков синели маленькие изящные цветочки с зелеными листьями – не то васильки, не то вероника. Поперек угла было вышито детской рукой: “На счастье”. И стояла дата сердечного пожелания – “1941”.

Из платка на скатерть выпало три предмета: прозрачный пластмассовый мундштук (грани его отливали янтарем, а сопло, куда вставлялась папироса, обгорело и даже отчасти спеклось), огрызок толстого четырехцветного карандаша (лак его облез, и на боках отчетливо проступила волокнистая древесина) и дощечка из фанеры.

Дощечка была чуть больше спичечного коробка. С одной стороны ее покрывала коричневая, поблекшая краска, похожая на спичечную серу. А на другой синели четыре оборванных строчки: “28.9.41. В лесу у дер. Семеновка под Киевом”» [4, с. 271–272].

В 2020 г. Маргаритой Иосифовной переданы рукописи, письма, черновики, личные заметки, фотографии, газеты, подлинные документы и предметы (такие, как листовки Красной Армии времен Гражданской войны и пр.) из личного архива и библиотеки Бориса Николаевича. Они имеют огромную ценность для фондов музея, поскольку в них нашел отражение более чем 60-летний труд Б.Н. Камова по изучению жизни и творчества А.П. Гайдара и его окружения.

Сотрудники музея находятся в постоянном активном поиске ценных для музея экспонатов, соответствующих концепции собирательской работы учреждения. В 2016 году через фондово-закупочную комиссию был приобретен журнал «Пионер» 1941 г. выпуска, содержащий первое издание сценария А.П. Гайдара «Комендант снежной крепости». В конце 2021 г. в результате поисков на международном букинистическом аукционе был обнаружен и приобретен журнал «Красная новь» за февраль 1939 г. В нем содержится Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы. Среди награжденных Орденом «Знак Почета», под номером 26, Гайдар Аркадий Петрович. Именно в этом номере журнала впервые напечатан рассказ А.П. Гайдара «Телеграмма», в дальнейшем издававшийся под названием «Чук и Гек».

Члены семьи писателя признали наш музей ведущим в изучении жизни и творчества Аркадия Петровича Гайдара и передали нам полномочия методического центра для всех музеев, носящих имя писателя. Учитывая все вышесказанное, можно смело утверждать, что работу по формированию личного фонда Аркадия Гайдара еще долго нельзя будет считать завершенной.

Источники и литература

1. Воспоминания Н.П. Голиковой (Поляковой) «Немного о детстве». АГМГ. Инв. № 6603-10.

2. Гайдар Т.А. Голиков Аркадий из Арзамаса. Документы, воспоминания, размышления. – М.: Политиздат, 1988.

3. Воспоминания Е.П. Голиковой (Стадухиной). АГМГ. Инв. № 6674-21.

4. Камов Б.Н. Сумка Гайдара: Повесть-поиск. – М.: Дет. лит., 1982.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МУЗЕЯ
(к 40-летию Арзамасского музея М. Горького)

Татьяна Венедиктовна Казнина

Мемориальный музей А.М. Горького г. Арзамаса, Нижегородская обл.,
старший научный сотрудник
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: kaznina.tatyana@yandex.ru

В статье раскрывается история создания мемориального дома-музея М. Горького в Арзамасе. Рассказывается о научной, экскурсионной и культурно-образовательной деятельности музея М. Горького за последние годы.

Ключевые слова: *Арзамас; 1902 г.; М. Горький; 1982 г.; открытие музея писателя; культурно-образовательные программы; перспективы развития.*

Связь Арзамаса с русской литературой поистине небывалая для небольшого провинциального города. Не единожды он оказывался на жизненном пути многих известных писателей России. Для Максима Горького он стал местом административной ссылки. В начале мая 1902 г. писатель прибыл в Арзамас. Поселился на центральной улице города – Сальниковой, в старинном особняке купчихи Анастасии Несговоровой, урожденной Подсосовой. Как дорогую память о Максиме Горьком арзамасцы берегли дом, где он жил во время ссылки. Воспоминания старожилов говорят о том, что еще в 1920-е гг. жители города хотели открыть в этом доме музей любимого писателя. Первые решения о создании в Арзамасе музея писателя М. Горького до наших дней не дошли. В фондах Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас) сохранились лишь последующие постановления исполкома Арзамасского горсовета, начиная с 1936 г. Так, вскоре после смерти М. Горького, скончавшегося 18 июня 1936 г., в газете «Арзамасская правда» публикуется постановление объединенного бюро Арзамасского комитета ВКП (б) и президиума райсовета от 19 июня 1936 г. «Об увековечивании памяти велико-

го пролетарского писателя М. Горького», в котором говорилось: «Просить президиум Крайисполкома о передаче под музей А.М. Горького из частного владения дом (путем возмещения таким же домом), где проживал Горький в Арзамасе в 1902 году» [1, с. 1]. К сожалению, открыть в тот год музей арзамасцы так и не смогли. В 1940-х гг. война и послевоенная разруха не позволили жителям города осуществить свою мечту. В послевоенные 50-60-е гг. о создании музея А.М. Горького в Арзамасе говорилось и писалось много. Крупнейшие исследователи творчества Горького Б. Бялик, И. Ревякина, Л. Спиридонова, Н. Комовская и арзамасские краеведы М. Каплун, Н. Абкин, А. Потехин через средства массовой информации обращались к арзамасским властям. Директор московского музея М. Горького Л.П. Быковцева писала в «Арзамасской правде»: «Дом в Арзамасе, где Горький писал пьесу “На дне”, к счастью сохранился. Давно настало время организовать в нем музей, который бы по праву занял достойное место в ряду мемориальных музеев великого пролетарского писателя. Город Арзамас пополнится тогда еще одним уникальным историко-культурным памятником» [2, с. 4].

В 1958 г., во время пребывания в нашем городе Е.П. Пешковой, вновь был поднят вопрос об открытии музея писателя. Городские власти стали искать пути решения этого сложного вопроса. Вопрос действительно был сложным ввиду того, что владельцы дома – семьи Гольдиных и Шварц – взамен дома просили предоставить им квартиры в Москве и г. Горьком, что было практически невыполнимо. И лишь осенью 1981 г. дело по созданию музея писателя Горького в Арзамасе сдвинулось с мертвой точки. Двадцать девятого сентября 1981 г. Арзамасский исполком вынес на рассмотрение вопрос «Об открытии музея А.М. Горького в доме № 17, по улице К. Маркса». В решении, в частности говорилось: «Учитывая многочисленные пожелания трудящихся и общественности города Арзамаса Исполком горсовета решил:

1. В установленном порядке открыть в городе Арзамасе в доме № 17 по улице К. Маркса, в котором в 1902 году жил А.М. Горький, музей А.М. Горького.

2. Ходатайствовать перед облисполкомом о выделении средств на приобретение указанного дома».

Двадцать седьмого октября 1981 г. на заседании исполкома горсовета слушался вопрос «О приобретении части дома № 17, по ул. К. Маркса на правах личной собственности для последующего размещения в нем музея А.М. Горького» [3, д. 811, л. 150]. Но пока решался вопрос о создании музея, владельцы дома, Гольдины, распродали его по частям. Перед властями города встала трудная задача, где найти средства для приобретения дома целиком. На тот период в доме проживало уже четыре семьи.

Из прежних хозяев в нем жила лишь восьмидесятилетняя З.М. Гольдина. В 1981 г. она переехала на жительство к дочери в Москву. Именно тогда Зинаида Моисеевна приняла решение о продаже своей части дома арзамасскому священнику Виктору Степановичу Ильичеву.

Пятнадцатого октября 1981 г. З.М. Гольдина и В.С. Ильичев заключили договор купли-продажи, по которому Зинаида Моисеевна Гольдина продала, а Виктор Степанович Ильичев купил «27/60 двадцать семь шестидесятых долей деревянного жилого дома, общеполезной площадью 303,7 кв. м., в том числе жилой – 161,4 кв. м» [4, с. 1]. Священнику о. Виктору покупка части дома обошлась в 30 тыс. рублей. Арзамасские власти понимали, что необходимо срочно решать вопрос об открытии музея А.М. Горького. Исполком горсовета обратился к священнику В.С. Ильичеву с просьбой о продаже приобретенной им части дома городу под музей. Тот ответил отказом. Казалось, что и в этот год музей А.М. Горького арзамасцам открыть не удастся. Тогда, прокурор г. Арзамаса В.И. Марков в интересах исполкома Арзамасского горсовета обратился в суд с иском к владельцу и покупателю о признании договора купли-продажи этой части дома недействительным. На судебном заседании, состоявшемся 6 ноября, представитель истца и ответчик В.С. Ильичев заключили мировое соглашение. По его условиям исполком горсовета обязался в срок до 20 ноября 1981 г. выплатить ответчику стоимость данной части дома, а Ильичев – освободить жилую площадь и передать ее исполкому горсовета [3, д. 813, л. 126].

В январе 1982 г. исполком горсовета вынес постановление за № 6 «Об открытии литературного отдела государственного музея А.П. Гайдара в доме № 17, по ул. К. Маркса» [3, д. 838, л. 7].

Сотрудникам музея А.П. Гайдара было поручено приступить к созданию мемориально-литературной экспозиции музея А.М. Горького. Менее чем за год была проведена реставрация фасада здания и внутренних его помещений. Мемориальное пространство дома было восстановлено по рисункам и воспоминаниям жены писателя Е.П. Пешковой и очевидцев. С самых первых своих дней музей пополнялся «путем частных дарений и общественного почина». Из фондов Арзамасского краеведческого музея сюда был передан ряд экспонатов, относящихся к жизни и деятельности А.М. Горького и окружавших его лиц в период арзамасской ссылки. Большую помощь в создании музея Горького оказали сотрудники Московского музея М. Горького и Нижегородский музей писателя. В результате сотрудникам Арзамасского музея Горького удалось воссоздать обстановку в трех комнатах: кабинете, большой гостиной и комнате Е.П. Пешковой, создать иллюзию жизненности мемориального интерьера и ту атмосферу, которая царила в доме Пешковых в Арзамасе.

Мемориальная экспозиция знакомит посетителей не только с жизнью и творчеством Горького во время арзамасской ссылки, но и дает живое представление о быте арзамасцев того времени. В рабочем кабинете писателя – большой письменный стол; он немой свидетель того, как Алексей Максимович работал над пьесами «На дне», «Дачники», писал письма своим друзьям А.П. Чехову, Л. Андрееву, В. Немировичу-Данченко, К.П. Пятницкому. В гостиной на прежнем месте стоит большой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью, за которым ежедневно собирались семья и многочисленные гости М. Горького. Главным украшением этой парадной комнаты было пианино, на котором играли Л. Андреев, певец Н. Шевелев, доктор Алексин, Е.П. Пешкова.

Для посещений музей открылся 30 декабря 1982 г. Именно этот день арзамасцы считают днем рождения музея.

Одна из приоритетных целей музея М. Горького в Арзамасе – позволить посетителям почувствовать себя «как дома», быть радушными и гостеприимными хозяевами, чтобы нашим гостям хотелось вернуться вновь в наш музей. Сегодня трудно представить себе образование или социокультурную, досуговую составляющую жизни человека без музейного компонента. Музей как центр хранения историко-культурного наследия обладает достаточным образовательным потенциалом. Поэтому культурно-образовательная деятельность является важным, одним из ведущих направлений музейной работы. В музее она ведется по разным направлениям: экскурсионно-массовая работа, культурно-образовательные программы, выставочная деятельность. Музей М. Горького в Арзамасе имеет свои традиции, широкие и разнообразные связи с общественностью. В музее ежегодно разрабатываются и внедряются новые программы для различных социальных групп: детей разного возраста, студентов вузов, взрослых, в том числе пенсионеров и людей с ограниченными физическими возможностями. Знакомство с музеем дает посетителям возможность испытать чувство сопричастности к жизни писателя Горького в Арзамасе.

Основную долю посетителей музея по-прежнему составляет местное население: дошкольники, учащиеся школ и колледжей, студенты, преподаватели, с которыми наш музей имеет давние традиции сотрудничества. Одна из главных задач нашего музея – оказание помощи в «первом» знакомстве с музеем самым маленьким его посетителям, а также приобщение их к музейной жизни. Для этой категории школьников действует музейно-образовательная программа «Я иду в музей». Для детей младших классов разработана и проводится экскурсия «Путешествие по старому дому», которая проходит в игровой форме. Дети получают картинки-вопросы, пазлы с изображением комнат дома писателя, которые в заключительной части экскурсии необходимо сложить, чтобы ответить на во-

просы экскурсовода. Во время экскурсии идет знакомство с жизнью семьи А.М. Горького в Арзамасе, обстановкой дома Подсосовых, предметами быта. Дети получают подарки-сюрпризы (фотографии музея, путеводители по музею). Это сотрудничество продолжается и во время школьных каникул.

В летнее время действуют экскурсионно-развлекательные программы для школьных, трудовых лагерей, реабилитационных центров: «М. Горький. Тайна имянаречения», «Загадки и сказы бабушки Акулины Ивановны», «Детство Алеши Пешкова». Ребята слушают рассказ о родителях Алеши Пешкова, о бабушке Акулине Ивановне. Отгадывают старинные пословицы и загадки. Узнают о том, как учился Алеша чтению и письму, выполняют задания из дореволюционных учебников, пишут гусиным пером забытые буквы: «ять», «ер», «фиту», «ижицу», играют в старинные игры. Большой интерес вызывает у школьников игра-викторина «Необыкновенные приключения Воробьишки Пудика», посвященная сказкам М. Горького, в ходе которой ребята соревнуется за звание лучшего знатока творчества русского писателя.

В ходе занятия под названием «Дом, где живет история» сотрудники музея знакомят юных посетителей со старинным домом, его хозяевами. В рассказ экскурсовода включена и театрализация с привлечением детей, которые, переодевшись в народные костюмы, представляют себя хозяевами дома. В конце занятия все присутствующие участвуют в детских играх начала XX века. Из новых форм работы, хорошо зарекомендовавших себя, необходимо отметить мастер-классы, направленные на развитие творческих навыков. Под руководством сотрудника музея юные посетители мастерят поделки, которые можно забрать с собой на память о музее.

Несколько лет в музее действует программа «М. Горький в третьем тысячелетии», нацеленная на сохранение и пропаганду исторических мест, связанных с именем М. Горького в Арзамасе. В рамках этой программы разработан и издан проспект «М. Горький в Арзамасе». Для жителей города совместно с департаментом науки и образования администрации Арзамаса, газетой «Арзамасские ведомости» проводятся творческие конкурсы, посвященные арзамасской ссылке писателя М. Горького по трем номинациям: литературная экскурсия; конкурс на лучший рисунок по произведениям М. Горького, викторины по жизни и творчеству писателя. Публикуются музейные материалы, статьи, цель которых – популяризация биографии и творческого наследия А.М. Горького. Ежегодно в музее проходит декада «Горьковские дни в Арзамасе», «День памяти М. Горького», способствующие не только пропаганде творческого наследия автора, но и вовлечению жителей Арзамаса в жизнь музея. Для разных социальных групп разрабатываются интерактивные мероприятия. Так, для школьников

младшего и среднего звена – с элементами игры: литературный час «Жил-был писатель М. Горький», для старшеклассников, студентов техникумов и вузов – «В гостях у Горького», когда посетитель является активным участником экскурсии и выступает в роли гостя писателя; «Встреча у самовара», интеллектуальная игра «Что Вы знаете о М. Горьком?»

Важная роль в культурно-просветительских программах Арзамасского музея А.М. Горького принадлежит лекционной деятельности, которая охватывает различные темы, посвященные жизни и деятельности М. Горького. Тематика лекций включает самый широкий круг вопросов и неизменно связана с изучением творческого наследия Максима Горького, в котором затрагиваются многообразные проблемы человеческого бытия. Изучение и осмысление наследия этого писателя требует разносторонних и глубоких знаний. Заложив в основу лектория «От Пешкова до Горького» цикл лекций, связанных не только с арзамасской тематикой, но и освещающих жизнь и творчество писателя М. Горького, сотрудники музея постоянно разрабатывают новые темы для Лектория, который включает в себя несколько направлений – устные журналы, лекции, беседы. Проходят лекции-концерты, участие в которых принимают учащиеся Детской музыкальной школы №2 г. Арзамаса. Для посетителей действует кинолекторий «Путешествие в мир героев М. Горького», в работе которого широко используются фильмы, поставленные по произведениям писателя и документальные фильмы, рассчитанные на разные категории зрителей.

Уже традиционными стали в Горьковской гостиной музыкальные и литературные вечера, участниками которых являются студенты Арзамасского филиала ННГУ, автомеханического техникума, колледжа им. Новикова, старшеклассники школ города и района. Особой популярностью у молодежи пользуются такие вечера, как «Судьбой дарованные встречи», «Вот я и в Арзамасе», «Житель нижегородский и арзамасский». Для студентов историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ создана специальная музейная программа, которая знакомит студентов не только с жизнью и творчеством М. Горького, но и с музейной работой. Под руководством музейных сотрудников студенты составляют тексты экскурсий по теме «М. Горький в Арзамасе» на английском языке, постигают азы экскурсионной работы.

Способствовать воспитанию у подрастающего поколения чувства патриотизма, гордости и любви к Родине помогают мероприятия, приуроченные к таким праздникам, как, например, День Победы. Музей использует в своей работе уроки мужества, встречи с участниками войны, тематические занятия: «Слово о подвигах», «Я сердце сквозь войну пронес», «Они сражались за Родину», «Когда страна воевала» и др. Для воинов Российской армии, проходящих службу в Арзамасе, работает абонемент «Го-

род, в котором я служу». Его цель – познакомить военнослужащих не только с биографией и творчеством М. Горького, но и с многовековой историей Арзамаса. Для этой категории посетителей музея разработан цикл краеведческих часов из серии «Городские истории»: «Арзамас – история одного города», «Мой город. Сказание о памятниках Арзамаса», «Воскресенский собор – жемчужина России», «Дом Подсосовых – семейные легенды и предания», «Дом А.И. Волкова – приют для гостей Горького», «Анненковы в Арзамасе», «Дом на Набережной». Мероприятия проходят с использованием мультимедийного оборудования. И эта программа – лишь одна из многих, которые предлагает музей своим посетителям.

Музей М. Горького присоединился к международным акциям «Ночь в музее» и «Ночь искусств». Посетителям ежегодно предлагается разнообразная по форме и тематике программа. Это интерактивные экскурсии: театрализованные с элементами игры и мастер-классами, концерты как для детской, так и для взрослой аудитории, в том числе для посетителей с ограниченными возможностями.

Музейная деятельность с каждым днем приобретает все большее социокультурное значение: возрастает роль музеев в сохранении и интерпретации культурного наследия, в сложных процессах социальной адаптации и культурной идентификации, в образовательном процессе, в организации досуга. Музей постоянно учитывает запросы жителей своего региона, регулярно обновляет выставки, предлагает посетителям новые формы историко-культурного просвещения. Сотрудники музея работают над расширением спектра доступных долговременных и кратковременных культурно-досуговых проектов для конкретной музейной аудитории. Для изучения требований и ожиданий музейной аудитории проводятся опросы и анкетирование посетителей.

Перед коллективом музея стоят задачи по продвижению музея в туристической сфере, разработке коммуникационной стратегии и партнерских проектов. Поэтому назрел вопрос о расширении музеем мемориальных границ. Это связано с тем, что с момента организации музея и по сей день часть дома находится в частном владении. На ныне действующих площадях невозможно полноценно отразить жизнь семьи Пешковых и арзамасское окружение Горького. Увеличение экспозиционных площадей за счет освоения второго этажа и подвального помещения позволит музею решить вопрос расширения мемориального и выставочного пространства. А дом, который со дня постройки был единым целым, предстанет перед посетителями в своем первоначальном виде. Тогда в пространстве мемориального музея посетитель сможет ощутить то, чего так не хватает ему в повседневной жизни – это возможность увидеть многосложность бытия, болевые точки истории, отраженные в биографии известного человека.

Источники и литература

1. Арзамасская правда. – 1936. – 20 июня.
2. Быковцева Л.П. Дом Горького в Арзамасе // Арзамасская правда. – 1977. – 3 декабря.
3. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-322. Оп. 6.
4. Договор купли-продажи № 5856 от 15.10.1081 г. (рукописная копия) // Из личного архива Т.В. Казниной.

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ «ПРИРОДА» ИМ. С.И. ТРОФИМОВА: ВЕХИ ИСТОРИИ

Ирина Сергеевна Юрманова

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
музей «Природа» им. С.И. Трофимова Арзамасского района,
структурное подразделение Музейно-выставочный центр,
научный сотрудник
Россия, Нижегородская область, Арзамасский р-н, р.п. Выездное;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас
e-mail: irenyurmanova@yandex.ru

Научный руководитель – В.И. Грубов, к.и.н., доцент

Статья посвящена истории создания музея «Природа» им. С.И. Трофимова Арзамасского района. Уникальный музей по праву считается народным, так как создавался преимущественно усилиями жителей села Чернухи.

Ключевые слова: *народный музей; село Чернуха; охотники; природа; экспонаты.*

История музея «Природа» им. С.И. Трофимова ***(Приложение 13, фото 1)*** в селе Чернуха Арзамасского района ведет свой отсчет с 1955 г. Он – один из первых музеев в своем роде, а сегодня, спустя более 60 лет, о нем знают далеко за пределами области и даже за рубежом**.**

История создания этого музея не была простой.

Чернуха – село старинное. Первые письменные упоминания о нем датируются XVI веком, но историки утверждают, что территория современной Чернухи была заселена людьми задолго до ее первого документального упоминания: в давние времена поселение представляло собой небольшой остров, посреди глубокой реки (сегодня р. Чернушка), по берегам которой был густой черный лес [1, с. 4–6]. Лес изобиловал различными животными, река – рыбой, что определяло основное занятие местных жителей: охота и рыбалка. Со временем цивилизация дошла и до этих глухих мест. Постепенно село разрослось, строились новые дома, увеличилась площадь обрабатываемой земли. Вместе с развитием сельского хозяйства

рос и уровень жизни чернухинцев. Но платой за прогресс стал редеющий со временем лес и исчезновение многих видов животных, птиц и рыб.

Краевед Андрей Алексеевич Иванов пишет в своей рукописи «Сокровище села Чернухи»: «Дарами природы пользовались люди, звери и птицы. Но все это в прошлом. Во второй четверти XX века природа нашего края резко изменилась, к огорчению… Основной причиной послужила химизация сельского хозяйства. Яды вносились в землю, распылялись с воздуха, отношение людей и руководящего состава [колхозов] тоже было не к лучшему. Леса стали вырубать, точнее, истреблять, не учитывая, что можно срубить, а что оставить для жилья зверей и птиц и для их пропитания» [2, с. 3].

В результате развития сельского хозяйства леса и водоемы с. Чернухи оскудели. Первыми забили тревогу представители местного охотобщества: Н.И. Шишагин, С.С. Садов, П.И. Меньшов, В.В. Медведев, В.В. Ледянкин, С.М. Лебедев, А.Л. Комаров, М.А. Киселев, И.Я. Каташин, С. Карпов, В.А. Востоков, Б.А. Веселовский. Председателем охотобщества в те годы был Семен Иванович Трофимов (1898–1979) ***(Приложение 13, фото 2).***

Эта группа деятельных людей вела активную борьбу с браконьерами, проводила большую работу по охране животного разнообразия нашего региона. Но явного положительного результата это не приносило, исчезал и погружался в Красную книгу животный мир.

На одном из заседаний охотников С.И. Трофимов первым заострил внимание на исчезновении животного мира в окрестностях Чернухи. С ним невозможно было не согласиться, поэтому практически единогласно было решено создать зоологический музей в Чернухе, чтобы сельчане и через десятилетия помнили о разнообразии фауны родного края [3].

Семен Иванович прожил долгую интересную жизнь и оставил о себе добрую память, став идейным вдохновителем и движущей силой создания уникального зоологического музея в глубинке. Именно он сумел убедить райисполком в необходимости этого. Правда, согласившись с охотником, исполком выделил всего 1 000 руб. и возложил большую часть ответственности на Трофимова, который прекрасно понимал, что без помощи специалистов создать музей невозможно. Искать лучшие кадры решили в Москве. Трофимов, не раздумывая долго, написал письмо в Центральный музей природы (сегодня это научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова) профессору Сергею Сергеевичу Турову (1891–1975), рассчитывая на удачу. От Турова был получен ответ: «Создать музей в глубинке без средств – рискованная затея».

Ответ из Москвы Трофимов долго не показывал охотникам, а когда решился показать, был удивлен реакцией общества: музею в Чернухе

быть! Это вдохновило Семена Ивановича на второе письмо Турову, в котором он просил рекомендаций по заготовке шкурок животных. Рекомендации Туров обещал дать, но подчеркнул, что потребуется мышьяк, достать который было практически невозможно.

По словам современников, Трофимов был настойчивым и, если ставил перед собой цель, слово «невозможно» переставало для него существовать. Трофимов достал мышьяк, для чего ему пришлось обойти не одно министерство в Москве (культуры, образования, здравоохранения), оформляя необходимую документацию. Трофимову выдали 5 кг мышьяка с разрешением использовать столько, сколько необходимо, но остатки в обязательном порядке вернуть.

Село Чернуха окружено лесом с трех сторон, поэтому сложностей в поиске зверья и птицы для заготовки шкурок у охотников не было.

Для отстрела лося требовалось получить лицензию в Арзамасе. Один из участников охоты Петр Алексеевич Михевнин, 1929 г.р., вспоминает, как на лосей ходили целой артелью ***(Приложение 13, фото 3 и 4)***. Охотились по типу «ухват», как стая волков, и только встав по местам, начинали отстрел. Везли лосей на лошадях – другого транспорта не было.

Лис и волков отстреливали свободно. Кроме того, в середине 1950-х гг. и лисы, и волки вплотную подошли к человеку, заходя даже в село. Поэтому согласно решению исполкома районного Совета № 254 от 29 октября 1954 г. сельсоветы и правления сельхозартелей были обязаны оказывать полное содействие начальнику команды по истреблению хищников – волков: предоставлять конные подводы по вывозке привад, перевозить охотничье снаряжение и членов команды, обеспечивать им ночлег и выделять людей в качестве загонщиков. Таким образом, в середине 1950-х гг. охотником на волков мог стать практически любой житель Чернухи.

Так, на станции Серёжа был в те годы военкомат, к которому, по воспоминаниям П.А. Михевнина, в 1954 г. и подошли волки. Охотникам выдали лошадь. Волков долго преследовали, а убили только за деревней Питер. Чучела тех самых волков сейчас находятся в экспозиции музея «Природа» им. С.И. Трофимова.

Чучело летучей мыши в музее – это трофей Петра Михевнина. Добыть мышь было несложно. В середине прошлого века стаи летучих мышей обитали в непосредственной близости от жилых домов. Однажды вечером Петр вышел из дома и с легкостью добыл экспонат для музея.

Лис в 50-е гг. XX века в чернухинских лесах тоже было много, лисья шкурка стоила всего 8 руб. К тому же, охота на этого хищника, по словам охотников, – одна из самых простых, так как лиса днем спит очень крепко. Часто этого зверя ловили «голыми руками». От тех времен осталось множество памятных фотографий охотников с добытой лисой.

Шкурки животных охотники заготавливали по рекомендации профессора Турова. Когда все было готово, Трофимов послал телеграмму в Москву: «Готовы шкурки лосей, лис, волков. Присылайте специалиста».

Специалиста в Чернуху отправили. Им оказался таксидермист из зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова Николай Константинович Назьмов (1908–1998), один из талантливейших в своем роде специалистов. Мастер редкой профессии, скульптор живой природы, настоящий художник, вдохновенный мастер – так называли Назьмова современники. Николай Константинович был одним из разработчиков уникального метода, благодаря которому чучела получаются долговечными и выглядят естественно. Метод Назьмова сохранил экспонаты музея «Природа» на долгие десятилетия. Именно благодаря его таланту выглядят они так, как будто застыли в одном из моментов своей жизни.

По воспоминаниям Виктора Михайловича Киселева, сына охотника М.А. Киселева, отец его был одним из тех охотников, которые участвовали в создании музея в Чернухе. Основным его занятием была фотография, которая появилась в селе вместе с приездом Киселевых во время Великой Отечественной войны. Изначально семья проживала в том же помещении, где находилась фотография, позже Михаил построил дом.

В 1950-х гг. в здании фотографии расположился мастер Н.К. Назьмов, где творил свои шедевры – экспонаты для музея (к слову сказать, работа длилась недолго: всего за год план был выполнен). По словам В.М. Киселева, производство чучел в середине XX века заметно отличалось от современного. Шкурки «квасили» в тесте на основе ржаной муки. Насколько этот способ действенен, можно судить по сохранившемся до сих пор в музее шкуркам.

Киселев вспоминает о Назьмове как о человеке творческом, увлеченном и общительном. В Чернухе он жил год, периодически уезжая домой в Москву.

И вот наступил момент, когда чучела были готовы, оставалось только найти помещение для музея.

В 1955 г. завуч Чернухинской школы и член охотобщества В.А. Востоков смог убедить директора школы Ф.А. Колокольцева выделить помещение для музея. Несколько лет музей находился в одном из классов школы ***(Приложение 13, фото 5)***. Но однажды произошло возгорание, которое показало, что музею здесь не место.

Охотники нашли старое здание одноэтажной школы в поселке Черемас и самостоятельно перенесли его в Чернуху. Но в те годы у школы была острая потребность в мастерских для уроков по труду, поэтому здание отдали школе. Охотники не сдались и нашли для музея еще одно здание старой школы – в деревне Судеб, которое и перенесли в Чернуху

в 1962 г. А 6 мая того же года в Чернухе в новом здании состоялось открытие краеведческого музея ***(Приложение 13, фото 6).***

Еще на этапе переговоров с Туровым было решено назначить директором музея киномеханика Чернухинского ДК Бориса Александровича Веселовского. Впоследствии он более 30 лет проработал в музее директором, хранителем фондов и экскурсоводом в одном лице. Записи в книге отзывов говорят о том, что краеведческий музей был очень популярен в те годы. Ехали туда отовсюду. Отзывы о посещениях иногда напоминают целые сочинения. Но музей работал на общественных началах, переходя из рук в руки. Так, вначале экскурсии проводил сам Семен Иванович Трофимов, потом – Н.И. Шишагин, учитель трудов. Часто экскурсоводами были сами школьники.

А в 1980 г. стало понятно, что в старом помещении, нуждавшемся в капитальном ремонте, принимать посетителей уже нельзя. В этом же году, видя плачевное состояние краеведческого музея, председатель исполкома Чернухинского сельсовета Александра Ивановна Маркевич (1935–2017) ***(Приложение 13, фото 7)***, будучи человеком неравнодушным, приняла решение о строительстве нового помещения.

Из воспоминаний А.И. Маркевич: «Тогда было решено построить свое помещение для музея, но для этого надо было заинтересовать руководителей всех учреждений села. Я прекрасно понимала: с неба манна не упадет, никто нам просто так не поможет. Решила одно из заседаний исполкома провести прямо в старом музее. Очень волновалась, готовясь к этому заседанию. Перелистывая книгу отзывов, нашла записи о посещении музея некоторых членов исполкома. Так, начальник Чернухинского СХТ М.И. Филонов посетил музей еще в раннем детстве вместе с дедушкой и бабушкой. Думаю: зачитаю запись, и голос в поддержку музея у меня есть. Директор Чернухинского лесничества Г.К. Демьянович еще помнил, как музей создавали, и как работник лесничества обязательно поддержит решение. В.Н. Тарасов – охотник и созидатель по натуре, в его поддержке тоже не сомневаюсь. Полковник милиции Ю.Н. Кудряшов стеснялся приглашать в неблагоустроенное село – поддержит обязательно, думала я. За главврача Чернухинской больницы Ю.И. Попова была уверена, так как он считал “Золотые узоры” (*фольклорный народный ансамбль – **Авт.***) и музей изюминкой села. Но основная помощь могла быть от совхоза и завода “Рений” (сегодня филиал ФГУП “НПП “Исток”), а там руководители – приезжие люди. Но когда все пришли в старое здание и увидели все в неприглядном виде, убеждать никого не пришлось: решение было принято единогласно. Чтобы не растерять то, что с таким трудом люди создавали, решили обратиться к председателю Арзамасского райисполкома Н.А. Широкову за помощью» [4].

В это время в селе строили новую школу, но для музея места в ней не было предусмотрено. Тогда решили закрыть противоположные пролеты (всего их было пять), и три из них отдали под музей. Правда, построили его по летнему варианту: в помещении оказалось много окон, но отопление не провели. Эту проблему пришлось решать уже несколько лет спустя.

Переносили экспонаты из старого здания в новое с января по ноябрь 1987 г. Руководил этой работой Б.А. Веселовский, который целых 10 месяцев изо дня в день работал в музее совершенно бесплатно. Помогали ему все организации села, выделяя в помощь людей. Помогали и материально. Так, по решению исполкома сельсовета, Пошатовская мебельная фабрика выделила столы и несколько плит ДВП. Сотрудники Сельхозтехники провели отопление и сварили металлическую подставку под шкафы. Лесоматериал выделяли Лесоучасток и Чернухинское лесничество. Пошатовское лесничество подарило музею дверь, сельсовет выкупил витринное стекло, получить которое помогла директор райпо З.И. Лазарева, оформив покупку как на строительство магазина.

Но даже нарезать стекло нужного размера было проблемой, тогда подключился завод «Рений»: заводской стекольщик В.И. Головнов распилил стекло для витрин. Глава администрации Чернухинского сельсовета Ю.М. Шашунькин организовал монтаж электропроводки, светильники закупил совхоз (председатель К.А. Самерханов). Полированные плиты для стендов под чучела лосей и оленей предоставил руководитель сельхозснаба М.И. Филонов. Подключилась к строительству музея и церковь: выделила плиту ДВП. Сотрудники Дома быта помогли скопировать фотографии фронтовиков, предоставленные музею сельчанами на временное хранение. Переносили экспонаты учителя и школьники под руководством Б.А. Веселовского.

Седьмого ноября 1987 г. музей открыли для посещений ***(Приложение 13, фото 8)***, но системы отопления в нем пока еще не было. Так было до 1992 г., пока на помощь не пришел школьный учитель Владимир Алексеевич Липатов, который определил объем работы, расход материалов, и наутро вопрос об отоплении музея был снят.

В 1987 г. эстафету работы в музее приняла А.И. Маркевич. Александра Ивановна – человек инициативный, в селе ее знают как честного, исполнительного, отзывчивого человека. Поэтому отказа в помощи музею новый его сотрудник не знала. А помощь в трудные 90-е гг. XX века для развития музея была необходима.

Первостепенной задачей Маркевич стало продолжение дела основателя музея. А планы у Трофимова когда-то были большими. Так, заветной мечтой Семена Ивановича было создание в музее отдела достижений Чернухинского совхоза. К сожалению, совхоз в 90-е гг. не мог похвастаться

достойными результатами, поэтому было принято решение ежегодно осенью устраивать в музее выставку даров природы. Выставка очень быстро стала доброй традицией и поводом собирать жителей села в музее.

Примечательно, что и в «холодный» музей ехали со всей округи, в те годы музей принимал до 4 000 посетителей в год. Одновременно музей пополнялся экспонатами. А отдел культуры, приняв музей на свой баланс, стремился узаконить его существование, поэтому включил в конкурс на звание Народного. Для победы в этом конкурсе необходимо было выполнить три условия: высшее образование у сотрудника музея, научно обоснованное содержание экскурсии, выполнение и перевыполнение плана по посещениям в течение не менее пяти лет. Соблюсти эти три условия было нетрудно, и 21 февраля 1992 г. музею было присвоено звание Народного. А с ним появилась в музее и штатная единица директора [5].

В 1995 г. музей отметил свое 40-летие. Тогда же, по предложению Б.А. Веселовского, музею было присвоено имя С.И. Трофимова [6]. А 27 сентября 1998 г. основателю музея исполнилось бы 100 лет. Этот год знаменателен зарождением еще одной традиции: ежегодно в период с 20 по 27 сентября отмечать день рождения музея. Традиция эта соблюдается по сей день.

Готовясь к 45-летнему юбилею музея, Маркевич рассчитывала приобрести новый экспонат: чучело медведя, кабана или барсука. Но приобрести столь дорогостоящий экспонат в те трудные годы было практически невозможно. А обновлять экспозицию требовалось. Поэтому было решено расширить музейный фонд за счет создания экспозиции под открытым небом, в которую должны были войти растущие в Нижегородской области лекарственные травы. В музее уже имелся план такой экспозиции, подготовленный деканом биолого-химического факультета АГПИ им. А.П. Гайдара С.Н. Трифоновой.

Так как музей не обладал достаточными средствами даже для создания лекарственного огорода, директору вновь пришлось обращаться к односельчанам с просьбой о помощи. И снова чернухинцы объединились в одном общем деле. Первым делом необходимо было поставить изгородь для экспозиции. Детали чугунной изгороди в свое время закупил Отдел культуры Арзамасского района для ограждения будущего парка в селе. Но из-за нехватки материала они не были использованы и находились на хранении в Чернухинском совхозе. На просьбу А.И. Маркевич передать изгородь музею откликнулся директор отделения связи А.В. Федотов и передал 35 метров чугунных деталей. Привез их начальник котельной Чернухинского совхоза В.Н. Спирин. Но не хватало еще 15 метров. Их передал музею главный инженер СХТ В.А. Баринов, он же выделил

цепочки электродов для сварки изгороди. Сварку деталей взял на себя завхоз школы А.А. Ефремов.

Для того, чтобы изгородь была повыше, решено было сделать кирпичную кладку. Нужен был цемент, кирпич и, самое главное, руки профессионала. Эту работу взял на себя школьный учитель трудов В.С. Донсков. Он вместе с учениками 8-го класса (Александр Поправка, Артем Жуйков, Алексей Пальгуев) провел подготовительную работу и выполнил кирпичную кладку. Ученики также во время уроков труда красили окна, чтобы освежить внешний фасад любимого музея.

После установки изгороди приступили к оформлению экспозиции. Нужно было облагородить клумбы. Емкости для них подарил музею директор СХТ М.Н. Кривоногов. Материал для оформления дорожки предоставил Ю.М. Шашунькин, а начальник Лесоучастка А.Н. Лукьянов выделил транспорт, чтобы доставить необходимый материал к музею. Так, общими усилиями сельчан была сооружена природная аптека под открытым небом. Благодаря слаженности действий работа была завершена в срок.

В музее силами жителей Чернухи еще в 90-е гг. был создан живой уголок, в котором обитала морская свинка и стоял аквариум. Последний к началу нового тысячелетия находился в плачевном состоянии, в прежнем виде оставлять его было недопустимо. К работе по сохранению живого уголка подключился директор завода «Рений» В.И. Рябов. Он нашел на предприятии сотрудника, увлекающегося разведением аквариумных рыб – А.А. Полякова. Тот восстановил аквариум, украсил его и дал рекомендации по уходу.

Еще одним подарком к 45-летию музея стала мемориальная доска с информацией о его создателях, чтобы жители села помнили, когда и кем музей основан [7, с. 4].

В 2007 г. музей в Чернухе стал юридическим лицом и получил официальное наименование Муниципальное бюджетное учреждение культуры музей «Природа» им. С.И. Трофимова, однако сельчане по-прежнему (и по праву) считают его народным. Таковым он и является в действительности, ведь и сегодня первые его помощники – это жители Чернухи, которые готовы по первой просьбе откликнуться и оказать необходимую помощь своему любимому музею.

Статья включает в себя только одну часть истории создания музея. Отдельного внимания заслуживает экспозиция, посвященная удивительному по красоте старинному женскому костюму села Чернухи «Дивная обряда». Предстоит более глубокое изучение истории этого костюма, а также истории появления его в музее.

Кроме того, со временем музей перестал быть только зоологическим. Сегодня в его фондах хранятся фотографии и вещи участников Ве-

ликой Отечественной войны, старинные предметы крестьянского быта чернухинцев. На протяжении многих лет сотрудники музея собирают информацию о замечательных людях родного села.

Однако приоритетным направлением работы музея все-таки является экологическое воспитание подрастающего поколения. Для реализации этого направления вот уже несколько десятилетий работает кружок «Юный экскурсовод», в рамках которого проводятся теоретические и практические занятия по улучшению экологии родного края, изучается экологическая история Нижегородской области.

Активно развивается деятельность музея и в сфере экотуризма. Так, на сегодняшний момент музей предлагает своим посетителям экологические маршруты «В деревню, к лыковым лаптям», «Мифы и легенды Пустынского заказника». В 2022 г. планируется разработка нового экологического маршрута, направленного на сотрудничество с частными хозяйствами.

Источники и литература

1. Климахин К.С. История села Чернухи (рукопись, 1975 г.) // Хранится в музее «Природа» им. С.И. Трофимова.

2. Иванов А.А. Сокровище села Чернухи (рукопись, 1987 г.) // Хранится в музее «Природа» им. С.И. Трофимова.

3. Протокол заседания общества охотников № 28 от 26 октября 1954 г. (копия) // Хранится в музее «Природа» им. С.И. Трофимова.

4. Из воспоминаний А.И. Маркевич (рукопись, 1990-е гг.) // Из фондов музея «Природа» им. С.И. Трофимова.

5. Свидетельство министерства культуры РСФСР № 538 присвоении краеведческому музею с. Чернуха Арзамасского района почетного звания «Народный музей», 21 февраля 1992 г. (копия) // Хранится в музее «Природа» им. С.И. Трофимова.

6. Постановление главы администрации Арзамасского района о присвоении Чернухинскому народному музею природы имени С.И. Трофимова, 28 июня 1995 г. (копия) // Хранится в музее «Природа» им. С.И. Трофимова.

7. Храбалова Т. Здесь всегда рады посетителям // Арзамасская правда. – 2000. – 9 ноября.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ТРАДИЦИОННОМ САПОЖНОМ ПРОМЫСЛЕ
(на материалах музейно-выставочного центра Арзамасского района)

Татьяна Валерьевна Богатова
Библиотекарь читального зала Арзамасской центральной районной детской библиотеки
МБУК «МЦБС» Арзамасского района Нижегородской области;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: t.bogatovva@yandex.ru

В статье дается краткая характеристика истории и особенностей сапожного ремесла в Выездной слободе (р.п. Выездное). На примере ремесленной династии Квасницыных показывается, как повлияли на развитие сапожного дела события XX века, устанавливается связь между эволюцией форм организации обувного дела и возникновением и развитием портновского дела во второй половине столетия. Работа выполнена на материалах Музейно-выставочного центра Арзамасского района, в том числе – переданных Л.А. Квасницыным.

Ключевые слова: *Арзамасский уезд; сапожный промысел; музеефикация; ремесленная династия; Квасницыны.*

История рабочего поселка Выездное неразрывно связана с историей соседствующего с ним города Арзамас. Арзамас возник как крепость на востоке Руси в конце XVI столетия, к этому же времени относится и первое упоминание о Выездной слободе. Для защиты города от нападений татар и мордвы царь Иван Грозный поселил 600 казаков за рекой Тешей. Рядом с казаками поселились пушкари, отливавшие пушки для защиты российского государства. Это поселение стало называться Пушкарка. В разрастающихся населенных пунктах, Выездной слободе и Пушкарке, с удовольствием стали селиться мастеровые люди, в том числе из Новгорода. В 1635 г. Выездная Слобода царем Михаилом Федоровичем была пожалована боярину Борису Михайловичу Салтыкову за подвиги на защите Отечества от польско-литовских захватчиков. Салтыковы владели селом на протяжении 250 лет, в их отсутствие им управляли бургомистры, выбираемые из самых энергичных местных крестьян. В 1880 году господа Салтыковы передали в дар все свое имущество местным жителям. В двухэтажном каменном здании, служившем домом бургомистрам Шиповым, сегодня расположен музейно-выставочный центр Арзамасского района.

Земля в Слободе славилась черноземом, но выгоды крестьянам не приносила из-за малоземелья. Чтобы прокормиться, они почти поголовно вынуждены были заниматься различными промыслами и ремеслами. Так появились в селе кожевенные, свече-сальные, свече-восковые, клееваренные и валяношляпные заводы. Жили здесь плотники, маляры, столяры, портные. Но особенно среди крестьян выделялись кожевники. Известны

фамилии Жевакиных, Раковых, Пузановых, имевших капиталы еще даже до отмены крепостного права.

В XVII или XVIII веке Салтыковы подселили в Выездную слободу профессиональных сапожников из села Кимры Тверской губернии. Настоящего рассвета сапожное мастерство в Выездной Слободе достигло уже после отмены крепостничества. В 1880 г. здесь работало около 1000 мастеров по пошиву обуви [2, с. 190-200].

Богатый материал о выездновских мастерах сохранился благодаря отечествоведу и фольклористу А.В. Карпову, который описал сапожный промысел 1870 – 1880-х гг. В последней четверти XIX века насчитывалось 600 домов, в которых сапожничали, что приблизительно составляло 1200 мастеров [1, с. 73]. Также к Выездному можно причислить рядом находящуюся деревню Пушкарку, в которой около 35 домов занимаются сапожным делом [1, с. 73]. В XIX веке сапожный товар находил спрос как в Арзамасском уезде и на Нижегородской ярмарке, так и большими партиями закупался перекупщиками и вывозился в «низовые губернии» (Саратов, Астрахань, Уральск, Симбирская губерния) [1, с. 76-78]. Вследствие давности промысла, искусство выездновских мастеров везде было «в славе» [1, с. 78], а сам промысел – в «цветущем состоянии». А.В. Карпов отмечает, что сапожники живут богато и исправно ввиду легкого сбыта и круглогодичной занятости. Кроме того, постоянно возрастает количество учеников-мальчиков из других скорняжных селений, которых родители отдают для обучения ввиду выгодности промысла [1, с. 79].

В «Нижегородской газете» за 1903 г. состояние сапожного промысла в Выездном описывается следующим образом: «Коренной у нас промысел, начавшийся со времени Петра Великого – шитьё кожаной обуви. Заняты им круглый год поголовно мужчины, женщины и дети. Мужчины – мастера, где есть – помощники, исполняют более важную часть работы, женщины и дети - более лёгкую: тачают, стельку вшивают, поднаряд, закаблушники, бураки строчат, гвоздями подбивают, а мужчины: кроят, затягают на колодки, накладывают подмётки, подошву, каблуки, и обрезают, чтобы отлощить покрасивее. Женщинам и подросткам приходится работать порядочно, так что с помощницей женой муж сработает вдвое более. Девицы также занимаются башмачным и туфельным производством. Женщины же продают готовую обувь.

Вообще у нас не сидят без дела, но толстеют и богатеют от больших барышей одни скупщики. Дело в том, что организации по сбыту произведений наших рук – никакой!

Зимой товар сбываем дёшево местным скупщикам, летом процентов на 20 дороже – приезжим. При отсутствии приезжих, продают в Арзамасе вяло на базаре, а приезжие берут бойко, бегая за товаром под окнами. “Хо-

зяин” (раздатчик) даёт на дом скроенный товар и за шитьё, по получении готовой обуви, платит 30-50 копеек с пары. Теперь цены понизились, сравнительно с прежним временем, когда мы получали 65 копеек – 1 рубль 10 копеек, по следующему случаю. Прежде хозяева торговлей сырьём не занимались, а раздавали весь сырой материал мастерам, а теперь хозяева находят выгоднее продать товар мастерам, взять на нём 30 процентов пользы и потом купить у них же готовую обувь со скидкой в 50 процентов на работу. Чудно! Да ничего не поделает кустарь! Не раздаёт богач, а на него глядя, и другие скупщики стали делать то же самое. Скупщики – они же и торговцы кожевенным товаром. Когда сами раздают его в шитьё, то подешевле и продают, а чуть вздумал кустарь шить от себя, да продавать на сторону, то и на товар скупщики накидывают до 20 процентов. А самый товар давно всё дорожает и так. При покупке товара, помимо всего, нашим кустарям приходится переплачивать торговцам до 30 процентов. Происходит это так. Торговец раскраивает товар, купленный большой партией, на платы, и продаёт хорошие втридорога, рассчитывая ещё нажиться на браке. Бракованные платы отдают насадчику, который, смотря по качеству плата, вырабатывает платы на хорошую посадку (вытяжку). Из посадки кустари выбирают лучшую; хотя она и из брака, но платят цену за хорошую. Остающийся брак после посадки, то есть третий сорт, торговец уже раздаёт кустарям и для приклада даёт тоже брак товара, и платит за работу из такого товара по 30-40 копеек с пары.

Работают, как уже сказано, всей семьёй, случается часов по 17-18 в сутки. Мастер с помощью жены или 13-14-летнего сына сработает пять пар в неделю, и может заработать на них в среднем 2 рубля – 2 рубля 40 копеек в неделю, а один, без помощника – три, много четыре пары, и получит 1 с половиной – 2 рубля. Низкий заработок – причина того, что детей сажают за работу с 10-11 лет, так что нередко из двухклассного училища отрывают очень способных мальчиков из последнего класса, не давая кончить полный курс и лишая льготы по воинской повинности. У здешних крестьян ничего своего: дрова, каша, хлеб, яйца, молоко и прочее – всё купленное. О мясе я не поминаю, так как никогда его не употребляют, кроме праздников. Дома особенной теплотой не отличаются, так что в зимние холода приходится кроме русской, раза четыре в день протопить железную печь. Нужда в зимнее время подберёт малые остатки от летнего заработка, а потому детей и сажают, вместо тёплой одежды, за работу – нагреются, бедняжки!» [3]

Обувь, изготовленная руками этих сапожников, пришлась по душе многим знаменитым людям. В 1902 г. выездновские сапожники сшили в подарок писателю Максиму Горькому модные сапоги «на особый манер». В 1916 году здесь изготовили для Царской семьи обувь в «утяп» (по

размеру без примерки), за что были награждены специальными грамотами, а лично от царя Николая II получили в подарок карманные часы с золотым изображением государственного герба России. В середине XIX века в Выездном получило распространение вязание обуви из разноцветной шерсти.

В 1917 г. в Выездном мирным путем была установлена Советская власть. В 1929 г. на собрании было принято решение о создании колхоза. А в 1930 г. к колхозу присоединилась и Выездновская сапожная артель. Объединенная организация получила название промколхоза «Возрождение». Во время войны в Выездном шили обувь для фронта. В 1956 г. «Возрождение» получило статус кожобувной фабрики. Спустя десять лет почти все рабочие процессы там были автоматизированы. Мастера шили обувь для всей страны, ассортимент продукции отличался разнообразием.

В музейно-выставочном центре Арзамасского района представлена экспозиция, посвященная сапожному промыслу, бытовавшему в Выездной слободе. В частности, в фондах музейно-выставочного центра хранятся уникальные сапожные клейма сапожников села Выездная слобода Михаила Алексеевича Оленичева и Николая Николаевича Куликова, датируемые началом XX века. По всему Выездному славились и сапожники из рода Квасницыных.

Продолжатель этой династии – Леонид Алексеевич Квасницын. Леонид Алексеевич давний друг и активный даритель музейно-выставочного центра, наставник в деле патриотического воспитания подрастающего поколения. Он – активный участник всех музейных мероприятий, интересный собеседник, хранитель истории. Охотно делится своими воспоминаниями, жизненным опытом, который является примером для многих. Юные экскурсоводы музея не раз бывали в гостях у ветерана, потомственного сапожника. Они записывали воспоминания и технологию изготовления кожаной обуви. Леонид Алексеевич демонстрировал ребятам процесс изготовления обуви, показывал, как нужно работать тем или иным сапожным инструментом. В дар музею ребята передали от Л.А. Квасницына обувь, сшитую его отцом еще в начале прошлого века, каталог обуви того времени и многое другое.

Судьба Леонида Алексеевича позволяет проследить, как изменение реалий окружающей действительности в XX веке влияло на традиционный для рабочего поселка Выездное сапожный промысел. Мы увидим, что носители традиционных знаний и умений, потомственные мастера, сумели сохранить и преумножить свое наследие в условиях современного сельского общества. Даже несмотря на испытание войной и стремительно меняющим действительность техническим прогрессом.

Итак, в детстве Леня часто помогал отцу, именитому сапожнику Алексею Квасницыну. Отец рассказывал сыну, как в 1941 г. в начале Ве-

ликой Отечественной войны в городе Арзамасе проездом останавливался Георгий Жуков. Как на беду, прохудились у маршала офицерские сапоги. Ремонт посоветовали доверить лучшему мастеру Квасницыну, который и выполнил эту работу. Хромовые сапоги стали, как новенькие. Сапожник потом долго с гордостью говорил, что маршал страны носит обувь, починенную его руками.

Когда началась война, Лене Квасницыну было 11 лет. Отца забрали на фронт, дома с матерью осталось четверо малых ребят. Отец служил заряжающим в зенитно-артиллерийском полку в городе Горьком. Город часто бомбили, в одной из бомбежек ранило и Алексея Квасницына. Дома получили письмо из госпиталя. Прочитав его, Леонид решил поехать навестить отца. По-хулигански удрал из дома, несмотря на строгий запрет матери.

Шел 1943 г., когда юный Леня на подножке товарного поезда пустился в путь из города Арзамаса до Горького. Многое, конечно, пришлось преодолеть ему на этом пути. Насмотревшись на искры, летевшие от колес паровоза, следовавшего по рельсам, Леня практически ослеп. Сойдя с поезда, почти ничего не видя, он с помощью военных по полевой почте узнал о месте нахождения полка своего отца. Хорошо, что взрослые, узнавая историю парнишки, находили возможность ему помочь. Леонид навсегда запомнил истину: мир не без добрых людей.

Полк отца дислоцировался в Демьяновке. К тому времени папу Лени уже выписали из госпиталя. Нужно ли говорить, какое он испытал удивление, душевное смятение и тревогу, когда увидел своего сына! Отец отвел Леню в госпиталь, где ему вылечили глаза. Так они и остались вместе, рука об руку с отцом до конца войны. Дни Леонид проводил в дивизионе, крутил рукоятки наведения зениток, познакомился с солдатами, командирами. Они понемногу подкармливали отчаянного мальчишку, пожелавшего разделить тяготы военного пути с отцом. В общем, Леня скоро стал любимцем всего полка.

Вскоре нашелся и портной, который сшил ему военную форму, а отец скроил сапоги. После этого Леню просто вынуждены были поставить на военное довольствие, что и было сделано. Так началась военная служба Леонида Квасницына.

Смышленому пареньку стали давать различные поручения: и за курьера в полку он был, и за почтальона. Леонид Алексеевич вспоминает много разных случаев. А однажды поручили ему передать конверт командиру полка. Зашел он к нему, протянул конверт. А командир строго посмотрел и сказал: «Ну-ка выйди, боец, вновь зайди и доложи по уставу». Леня вышел, вновь зашел, приложил правую руку к пилотке и обратился к командиру. Да так, наверное, громко, что тот расхохотался.

Дни шли за днями. Полк перебросили в Харьков. Здесь Леня впервые увидел американских летчиков, пригнавших к нам самолеты – «летающие крепости». А среди летчиков – и афроамериканцы. Мальчишке они были удивительны, но он виду не подавал, знакомился с ними запросто.

Кроме Лени, в полку был еще один такой воспитанник, такой же паренек, как он. И заместитель командира решил определить их в школу. Но местные ребята приняли новичков недружелюбно, поэтому те от учебы всеми способами старались отлынивать. Однако взрослые скоро их хитрость поняли, и попало ребятам крепко. Замполит рекомендовал им поступить в суворовское училище. Посоветовавшись с отцом, Леонид от поступления отказался, а вот его друг поступил. И встретились они неожиданно вновь уже через несколько лет, когда Квасницын служил на срочной службе в Германии. К тому времени его друг закончил учебу в суворовском училище.

К концу войны полк Лени базировался в городе Станиславе Львовской области, где военная часть боролась с бандеровцами. Мальчишеским умом Леонид все никак не мог понять: как это украинцы убивают украинцев? У него был друг – солдат Николаенко, которого он потерял в одном из боев. Бандеровцы его не просто убили, а зверски изуродовали: выкололи глаза, вспороли живот… До сих пор, вспоминая эту утрату, Леонид Алексеевич говорит, что у него на мгновение останавливается сердце.

День Победы встретили в том же Станиславе. Леонид Алексеевич вспоминает всеобщее ликование, как бойцы салютовали из все оружия. Не остался в стороне и он сам: старшина автороты дал автомат, и Квасницын салютовал. Так, наконец, закончилась война для сына полка Леонида Квасницына.

Впоследствии он окончил вечернюю школу. Сначала мечтал стать военным, но судьба распорядилась иначе. Не зря говорят, что случай может перевернуть всю жизнь. Вернувшись в родное село после трех с половиной лет службы в Германии, он ужаснулся, увидев, что носят соотечественники. А однажды просто позавидовал своим друзьям, щеголявшим в модных тогда «клешах». Пришлось переделывать довоенные брюки. А вечером на танцах Леониду казалось, что все девушки смотрят только на него. Неважно, что танцевать разучился, ведь главное – «стильные» брюки. Но, наверное, больше, чем кто-либо, заметил в тот вечер эти брюки его двоюродный брат, начинающий портной. Заметил наскоро перешитые и неумело выглаженные «клеши». Он-то и показал, как правильно гладить брюки, как раскроить и сшить новые. По его же совету Леонид решил посвятить себя портновскому делу, хотя как сын потомственного сапожника свою трудовую деятельность начинал в обувной отрасли заготовщиком кожи.

В 1956 году в первом городском ателье у закройщика-румына появился новый ученик – Леонид Квасницын. Проучился он целых четыре года. Учились в те времена у мастера «живому» ремеслу, без всякой теории. Тогда в Арзамасе было много мужчин-мастеров по пошиву одежды (Шевченко, Перепелов, Сухов, Ребров, Хазов и другие). Чтобы сразу увидеть сделанную работу и быстрее освоить ремесло, мастер придумывал разные хитрости. Например, давал задание подшить изделие из темной ткани белыми нитками. По этой каверзной работе определялись и внимательность, и ловкость, и терпение будущего портного. Затем были одиннадцатимесячные специальные курсы в областном центре.

Любовь к портняжному делу прививали и в семье, где среди традиционных сапожников в XX веке появилось много портных и закройщиков. Больше всего Леней занималась Ирина Квасницына. Дело у него сначала не клеилось, учительница же была строгой. По нескольку раз принуждала зашивать и распарывать один и тот же шов.

Леонид Алексеевич вспоминал, что учиться было и трудно, и интересно. Но настоящий опыт приходил только за рабочим столом. Так, после курсов, неожиданно пришлось работать не в швейном цехе, а закройщиком. Этот экзамен совсем еще молодой закройщик выдержал на отлично: ни одной вещи не «повесили», что на профессиональном языке портных означает, что заказами клиенты остались довольны.

В 1962 г. ателье перевели на улицу Севастопольскую. Потом была работа в ателье «Силуэт», куда он пришел уже опытным и известным закройщиком. Эти годы работы Квасницын вспоминает с особой теплотой. Подобралась очень сильная бригада, с которой работалось интересно, легко и с удовольствием. Как раз тогда работа закройщиком становилась все более творческой.

Фабрик по пошиву одежды на тот момент в стране было мало, поэтому одевали людей многочисленные предприятия бытового обслуживания населения. Чтобы в совершенстве знать это дело, приходилось постоянно учиться, перенимать опыт у других. Бывая в Москве и Ленинграде, Леонид Алексеевич смотрел, как работают столичные конструкторы одежды, технологи, закройщики. Люди, приходя в ателье, доверяли Квасницыну как мастеру, поэтому для него очень важным было оказывать услуги на высоком уровне, чтобы одежда получалась добротной, модной, красиво смотрелась и долго носилась.

Потом была работа в Выездновском доме быта, где Леонид Алексеевич руководил бригадой. В нее входило целых 22 человека. В основном женщины, притом разные и по характеру, и по уровню профессиональной подготовки. А Леонид Алексеевич должен был так организовать труд бригады, чтобы люди всегда оставались довольны заказом, и одежда не висела

бы на них мешком. Бывало, что недоглядит портниха, а бригадир непременно увидит и укажет на ошибку. Скажет прямо, необидно, часто с добрым юмором. Вот почему его бригада всегда успешно справлялась с планом, работала дружно. В год бригада вырабатывала до 154 процентов планового задания. Целых четыре года коллектив носил почетное звание «Бригады коммунистического труда».

Будучи закройщиком, Квасницын никогда не использовал лекал, детали изделия в соответствии с мерками рисовал прямо на ткани. На кройку уходило много времени, но зато вещи, сшитые его руками, сидели на фигуре, как влитые. Поэтому попасть к этому закройщику считалось большой удачей. Квасницын всегда говорил, что никакой фасон не поможет, если портной не любит свою профессию. Ведь можно просто резать ткань, а можно с первых же минут видеть в ней будущую вещь, вкладывая в работу не только умение, но и душу. Признавался Леонид Алексеевич, что, даже уходя в отпуск, скучал по любимой работе.

Заботой Леонида Алексеевича была и подготовка молодых кадров в училище. Чтобы не получалось так, что диплом специалиста у выпускника на руках, а в работе нужно обучать простейшим вещам. Многие учились у Квасницына. Стали самостоятельными закройщиками его ученицы Г. Ивлева, И. Кечина, Г. Жукова.

Болела душа мастера и о методах пошива одежды в нашей стране. Высокий план производства вынуждал ввести бригадный метод, без которого выполнить этот план не представлялось возможным. С одной стороны, такой метод был удобен рабочим и выгоден предприятию, а с другой утрачивалась творческая индивидуальность мастера, более бережное отношение к вещам.

И даже находясь на заслуженном отдыхе, он не расставался со старинной швейной машинкой – многие знакомые обращались к нему с просьбами выполнить мелкий ремонт, укоротить, сшить или перешить вещи. А еще приходилось обшивать жену, дочку, внучек и других родственников. Мастер никому никогда не отказывал, так как любимая работа доставляла радость: всегда считал себя счастливым человеком, имеющим любимое дело. А когда шел по улице, радовался, узнавая свои вещи. И люди его до сих пор вспоминают добрым словом.

Почти сорок лет трудился Леонид Квасницын в сфере бытового обслуживания, его труд отмечен Орденом Трудовой Славы 3 степени, медалью «100 лет со дня рождения В.И. Ленина», знаком «Отличник службы быта», юбилейными медалями в память Победы в Великой Отечественной войне и другими наградами. Леониду Алексеевичу присвоено Почетное звание «Заслуженный ветеран Нижегородской области» и «Заслуженный ветеран Арзамасского района» за личные заслуги и высокие результаты,

достигнутые им в период после выхода на пенсию, за большой вклад в развитие ветеранского движения, за активное участие в патриотическом воспитании подрастающего поколения и значительный вклад в развитие Нижегородской области.

В декабре 2020 г. Леонид Алексеевич Квасницын ушел из жизни. Его родственниками в дар музейно-выставочному центру были переданы его рабочие инструменты: лекало, портновские ножницы, оверлок, портновский метр, утюг, выкройки на картоне, раскроенный мужской пиджак, кожаная куртка, сшитая Леонидом Алексеевичем для самого себя. В дополнение к музейной экспозиции о выездновском сапожном промысле, в музее теперь появится уголок, посвященный потомку выездновских сапожников Леониду Квасницыну. В его жизни сапожный промысел получил продолжение и развитие в портняжном деле. Многие продолжатели сапожного рода Квасницыных оказались успешны в этом смежном с обувным родом деятельности.

XX век стал переломным для существования большинства традиционных ремесел и промыслов в Арзамасском районе. В связи с мощнейшим прорывом в техническом оснащении большинства производств ручной труд многих мастеров оказался невостребованным: людей на фабриках заменили машины. На примере жизненного пути Леонида Алексеевича Квасницына можно проследить, как сапожный промысел, ставший неактуальным в селе с действующей кожобувной фабрикой, переродился в портняжное искусство и продолжал приносить радость и пользу жителям села и соседнего города. Теперь дело музея сохранить и популяризировать память о сапожном промысле Выездной казачьей слободы и о достойных представителях династий выездновских сапожников, в первую очередь о друге музея Леониде Алексеевиче Квасницыне.

Но не только сохранению памяти о сапожном промысле посвящена работа музея. Здесь ведется активная деятельность по возрождению, сохранению и развитию традиционной местной культуры, декоративно-прикладного творчества и ремесел, когда-то процветавших в районе. Музейно-выставочный центр был открыт в 2009 г., и сегодня здесь хранится около четырех тысяч экспонатов: предметов быта, одежды, инструментов, использующихся в ремеслах. Научные сотрудники музея изучают местную культуру и историю, ведут поиск мастеров-носителей традиционного ремесла, организуют творческую и учебную деятельность детей и взрослых. Организуются и экспедиционные поездки в населенные пункты района. В Пустыни местные мастера обучили сотрудников музея основам плетения лаптей, в Наумовке – старинным играм, в Красном – методике изготовления валенок. Рукодельница из Чернухи М. Горюшина подарила музею старинный ткацкий станок и обучила приемам ткачества. Мастерица из Крас-

ного М. Касаткина познакомила с технологией вязания варежек (их называли матрайскими) одной иглой. Осваивается также и прядение шерстяной нити.

Большой вклад внесло наше учреждение в возрождение традиционных ремесел таких, как золотное шитье, мочальная кукла, глиняная игрушка, лоскутное шитье и других. Для участников мероприятий и экскурсий, которые посещают музей, проводятся мастер-классы по изготовлению мочальной куклы, по ткачеству, по валянию из шерсти сувенирных валенок.

За работу по возрождению народных промыслов коллектив неоднократно награждался почетными грамотами министерства культуры Российской Федерации, областного департамента культуры и другими. Здесь стараются бережно сохранить для будущих поколений фитилек народного творчества, не дают угаснуть ремеслам, которыми некогда славилась Арзамасская земля.

Источники и литература

1. Карпов А.В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / ред.-сост. Е.П. Титков, Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков. – Арзамас: АГПИ, 2010.

2. Край мой арзамасский: устная история сельских поселений (Крестьянская летопись Нижегородской земли) / Сост. и отв. ред. И.М. Промахина. – М: Энциклопедия русских деревень, 1995.

3. Нижегородская земская газета. – 1903. – № 2.

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ МУЗЕЯ «АЛЕКСЕЕВСКАЯ ОБИТЕЛЬ – КРАСА И ВЕНЕЦ НИЖЕГОРОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗОЛОТОШВЕЙНОГО ИСКУССТВА Г. АРЗАМАСА XIX–XX ВВ.

Вера Дмитриевна Лозгачёва

ГБУК НО НГИАМЗ музей-филиал «Музей Русского Патриаршества», экскурсовод
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная 1-а;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: komakova.vera@yandex.ru

Научный руководитель – В.И. Грубов, к.и.н., доцент

В статье даётся описание выставочного проекта Музея Русского Патриаршества «Алексеевская обитель – краса и венец Нижегородских монастырей». Благодаря изучению экспонатов выставки освещается история развития золотошвейного искусства города Арзамаса и Арзамасского района. Раскрываются характерные особенности создания золотной вышивки, наиболее распространённой в Алексеевском женском монастыре.

Ключевые слова: *Арзамас; Алексеевский женский монастырь; золотная нить; вышивка; Музей Русского Патриаршества; выставочный проект; экспонат; посетитель.*

Уже не в первый раз отдельный год посвящается в нашей стране определенной тематике, памятной дате или событию. 2022 год в России объявлен Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов РФ. Несомненно, программа мероприятий в рамках этого Года должна быть чрезвычайно богатой и насыщенной, если принять во внимание оригинальные традиции, обычаи, искусство каждого народа, каждого региона России.

Нижегородская область и конкретно город Арзамас тоже могут гордиться самобытными народными промыслами и ремеслами, многие из которых известны не только по всей стране, но и за ее пределами.

В конце 2021 г. в Арзамасе, в Музее Русского Патриаршества открылась выставка под названием «Алексеевская обитель – краса и венец Нижегородских монастырей». Эта выставка посвящена истории самого крупного некогда женского монастыря Арзамаса рубежа XIX–XX вв. Арзамасский Алексеевский женский монастырь, основанный в 1634 г. по указу царя Михаила Федоровича, по праву был назван нижегородским епископом Амвросием (Моревым) (1785–1854) «красой и венцом всех женских Нижегородской епархии монастырей».

Открытие музейной выставки, посвященной Алексеевскому монастырю, приурочено к Году народного искусства в России потому, что именно Алексеевская община была широко известна в России и за границей теми великолепными образцами рукоделия, которые создавали сестры общины –золотным шитьем.

Основной целью музейно-выставочного проекта «Алексеевская обитель – краса и венец Нижегородских монастырей» является приобщение посетителей музея разных возрастных категорий к историческому, культурному и народно-прикладному наследию родного края, а также популяризация музейного собрания.

Главной источниковой базой выставки стали фонды Нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). Необходимо пояснить, что в годы советского богоборчества Алексеевский женский монастырь в Арзамасе, как и многие обители тогда, был закрыт. Часть предметов из монастырской ризницы в 1926 г. была передана в Нижегородский государственный объединенный исторический и художественный музей (ныне НГИАМЗ). В настоящее время, спустя почти столетие, предметы церковного облачения, а также богослужебные наборы, украшенные золотной вышивкой, вновь вернулись на арзамасскую землю в рамках выставки в Музее Русского Патриаршества.

Золотное шитье – один из древних видов декоративного искусства, представляющее собой ручную вышивку тонкими металлическими золотыми или серебряными нитями. Мастерицы использовали узкие полоски

золота (*бить*) и золото в тонкой проволоке в виде спирали (*канитель*) [1, с. 233]. Таким богатым шитьем украшали в давние времена одежду монарших особ и знати. Позже, в XVIII–XIX вв. золотным шитьем украшались также предметы церковного облачения и богослужебные наборы.

В Арзамас техника данной вышивки была принесена, очевидно, переселенками из новгородской земли – там, в северных краях, золотным промыслом славился Торжок [1, с. 233]. Золотная вышивка стала одной из наиболее ярких страниц в истории ремесел Арзамаса и Арзамасского уезда. Развивали это искусство, как говорилось выше, и мастерицы-золотошвейки из арзамасского Алексеевского монастыря.

Первое, что видят посетители нашей выставки, – богослужебные облачения второй половины XVIII века. В одном из залов музея представлены *фелонь* (облачение священника в виде длинной и широкой накидки без рукавов) и *стихарь* (длинное, с широкими рукавами богослужебное облачение священно- и церковнослужителей), богато украшенные золотным шитьем ***(Приложение 14, фото 1)***. Именно с этих облачений гости музея начинают знакомиться с историей золотошвейного мастерства сестер Алексеевской обители.

В верхней части фелони, представленной на выставке, можно увидеть особую композицию золотной вышивки с растительными мотивами ***(Приложение 14, фото 2)***. Оплечье малинового бархата с золотным шитьем. Золотые колоски и листья, серебряные цветы, – все это, несомненно, привлекает внимание. В вышивке использован разнообразный набор материалов: пряденые золотые нити, золотая и серебряная канитель, бить, блестки [2, с. 225]. Работа местных золотошвей отличается высоким и четким рельефом шитья. Каждый листок, каждый цветок или ягодка под золотым покровом имеет подложку. В старину нередко брали прочные, не боявшиеся сырости пластинки бересты, затем стали использовать картон [1, с. 234].

Еще одна характерная особенность этого экспоната – вышитые золотыми нитями буквы «БГБ» на задней стороне фелони. Это настоящая загадка для всех интересующихся. Здесь может быть зашифрована какая-либо фраза либо представлены инициалы священнослужителя, что, к слову, встречается крайне редко. Буквы обрамлены золотыми травами, перевитыми ветвями серебряных роз и васильков, чуть выше – золотые ветви, скрепленные золотым бантом [2, с. 227]. Рассматривая данные облачения, нужно помнить, что техника оформления и сама вышивка создавалась для того, чтобы подчеркнуть величие и великолепие православного богослужения.

Золотное шитье украшает и иные церковные предметы. В витринах можно увидеть прекрасные покрова-возду́хи первой половины XIX столе-

тия ***(Приложение 14, фото 3 и 4)***. В христианском богослужении *воздýх* – плат для покрытия Святых даров, приготовленных к освящению. В Алексеевском женском монастыре вышивали и такие церковные атрибуты. В одной из витрин представлен красивейший воздýх, сшитый из белого атласа, с золотной бахромой по краю. В центре в квадрате из двух переплетённых волнистых золотных веточек вышит четырёхконечный крест с «сиянием», выполненный канителью. Вокруг креста на широкой кайме венок разноцветных цветов, скреплённых по углам бантами [2, с. 228].

Значительное место на выставке отведено информационным стендам, на которых отражена история создания и развития Алексеевской общины. Здесь посетитель найдёт информацию об известных настоятельницах и послушницах монастыря. Их биографии также весьма значимы для изучения истории золотошвейного мастерства Арзамаса. Ведь именно настоятельница монастыря или старшая среди сестёр руководили работой золотошвеек.

На стенде можно найти раздел, посвященный игуменье Евгении Страгородской (1833–1914) ***(Приложение 14, фото 5)*** – тетке будущего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). Именно при ней золотное шитье в монастыре достигло наивысшего расцвета.

Конечно, сестры обители далеко не сразу приступали к работе, предварительно проходя специальное обучение. Этим и заведовала настоятельница. Дорогостоящим золотошвейным материалом, покупавшимся для золотной вышивки (тканями, золотной нитью, бисером, блестками, битью, канителью, тесьмой и пр.) распоряжалась старшая среди сестер-золотошвей. Она хранила этот материал, выдавала сёстрам для работы, определяла, сколько необходимо приобрести золотной нити, бахромы, канители для работы и информировала об этом настоятельницу монастыря [3, с. 456].

Из всех рукоделий в Алексеевской общине особенно развито было изготовление золотых и серебряных плащаниц, богато украшенных золотным шитьем, жемчугом и цветами [4, с. 19]. За вышивку подобной плащаницы и хоругвей для храма Христа Спасителя в Москве в 1882 г. настоятельница общины Евгения (Страгородская) была награждена золотой на Александровской ленте медалью, выпущенной в память освящения храма. Старшая золотошвея также получила медаль – серебряную.

Получали мастерицы и другие награды. За фольговые и мелкие золотошвейные работы комитетом Нижегородской кустарно-промышленной выставки-ярмарки в 1885 г. община была награждена бронзовой медалью [5, с. 363]. В 1900 г. за свои золотошвейные работы, представленные в кустарном отделе международной выставки, мастерицы Алексеевского монастыря получили гран-при [6, с. 2]. В 1907 г. за мастерство золотошвей

монастыря игуменья Евфросиния была «всемилостивейше жалована золотым наперстным крестом из кабинета Его Императорского Величества» [3, с. 464].

Информация со стенда дает представление об очень высоком уровне развития золотошвейного мастерства в монастыре. Доказательством служит то, что заказы на изготовление церковной утвари и богослужебных облачений поступали не только из храмов и других монастырей Арзамаса и даже разных концов России, но и из-за границы: Молдавии, Греции, Константинополя и Иерусалима. «Отсюда во всю Россию вывозятся славные шитыя плащаницы и образа всегда можно найти готовые и работы прекраснейшей», – писал о золотном шитье Алексеевского монастыря князь И.М. Долгорукий [7, с. 48]. Продукция арзамасских мастериц поступала также на Нижегородскую и малороссийские ярмарки [5, с. 363].

Нельзя не заметить в витрине ещё несколько примеров золотного шитья. И это не церковные атрибуты. Монахини вышивали и светские наряды: головные уборы, рубахи, сарафаны и пр. На выставке представлены образцы золотного шитья («мышки», лента) с деталей праздничного женского костюма села Чернуха Арзамасского уезда, датируемые концом XIX века ***(Приложение 14, фото 6)***.

На этих предметах стоит обратить внимание на особый фон вышивки. Часто для него использовали не только тяжелые, пышные ткани (например, бархат), но и яркие шёлковые материи, а также кисею [1, с. 234]. Закрепляли металлические нити на ткани особым швом – *в прикреп*. Опытные арзамасские мастерицы владели достаточным набором прикрепов. Использовали только шелковые или льняные нити. Иногда отдельные элементы вышивки (цветок, лист или иная часть) были большими, тогда прикреп делали не только по краю, но и в центре орнамента. Таким образом достигалась прочность кропотливой работы.

Шитье на этих деталях плотное, занимает почти все пространство. Ткань будто залита золотом, орнамент весьма искусный и переливается бликами при движении человека.

Важно отметить, что у каждой золотошвеи был свой «почерк», свой индивидуальный стиль оформления вышивки. Это могло проявляться в мотивах выбора орнамента, частоты использования определенного вида ткани-основы, в выборе тех или иных украшений (жемчуга, блесток, драгоценный камней).

Особое место в витринах отведено весьма интересным экспонатам, которые на первый взгляд покажутся посетителям обычными листами белой бумаги. Дело в том, что для создания золотной вышивки сестры обители использовали стандартные «карты» или своего рода эскизы с изображением типичных орнаментов. Ими выступали специальные *сколки* ри-

сунков для вышивки богослужебных облачений конца XIX – начала XX века ***(Приложение 14, фото 7 и 8)***. Их применение гарантировало единый стиль вышивки.

Сколка представляла собой небольшой бумажный трафарет, на котором можно разглядеть маленькие тонкие дырочки, проходящие по контуру рисунка. Встречаются здесь и библейские мотивы, и растительный орнамент. Весьма занимательна техника применения подобной сколки. Сколку накладывали на лицевую сторону ткани, тщательно закрепив. Готовили смесь из мела и керосина и затем мягким тампоном из ткани втирали ее на сколку в области проколов. Иногда могли прокалывать иглой по контуру, чтобы смесь попала на ткань и образовала эскиз будущей вышивки. Керосин же быстро испарялся и практически не оставлял следов, и затем уже сухую сколку снимали.

Рядом со сколками в витрине представлены фотографии знаменитого нижегородского фотографа рубежа XIX–XX вв. Максима Петровича Дмитриева (1858-1948). На этих снимках запечатлены монахини арзамасского Алексеевского женского монастыря ***(Приложение 14, фото 9 и 10)***. Именно их руками и создавались великолепные изделия золотной вышивки. Среди золотошвей были мастерицы, искренне любившие свое рукоделие. Их занимала каждая деталь работы, усик или завиток рисунка.

Посетитель выставки может представить, какой это кропотливый труд. При этом золотошвейная работа требовала особой чистоты и тщательности и, соответственно, значительного времени. К примеру, монастырские книги сохранили записи о том, что работа над плащаницей, заказанной из Вятки, длилась около девяти месяцев, с января по октябрь [3, с. 460]. При этом золотошвеи одновременно брали и другие многочисленные заказы для церквей и монастырей Арзамаса и Арзамасского уезда. Чаще всего, работа над одним заказом была индивидуальной, т.е. каждая мастерица выполняла изделие от начала до конца. Но это не касалось таких крупных изделий, как плащаницы – над ними могли одновременно трудиться все мастерицы монастыря [3, с. 460]. И уже закончив работу, монахини сообщали, что работа отшита (именно «отшита», а не вышита, это профессиональный термин золотошвей, обозначающий завершение или итог работы).

Завершает выставку представленное в витрине оригинальное издание 1887 г. – «Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской общины», напечатанное в типографии Нижегородского Губернского правления ***(Приложение 14, фото 11)***. Составитель издания – преподаватель Нижегородской Духовной семинарии И.Н. Четыркин. На страницах книги можно отыскать строгие правила, которых должны были придерживаться сестры обители: «Ни одна из сестер не имеет права что-либо делать

в свою пользу, или работать для себя; но всеми всеобще отправляются все труды, работы и рукоделья в общую пользу» [8, с. 59]. В целом, на труд (в том числе, на развитие золотошвейного ремесла) был направлен не только устав монастыря, но и весь уклад монастырской жизни [2, с. 222]. При этом отмечалось, что все золотошвеи монастыря характеризовались как монахини исключительно хороших качеств, отличающиеся трудолюбием и высокой грамотностью.

Все сказанное еще раз подтверждает, что золотошвейное искусство монахинь Алексеевской обители достигло высокого уровня. Работа мастериц была хорошо организована, регулярно проводилась закупка материалов, в монастырь постоянно поступали новые заказы. А среди мастериц существовала своего рода иерархия, которая отражала степень мастерства и уровень опыта золотошвей [3, с. 472]. При этом важно отметить, что именно шитье золотом и серебром в Алексеевской общине стояло первым в списке способов его содержания [4, с. 19].

Создание такой выставки в Музее Русского Патриаршества стало важным шагом к приобщению посетителей совершенно разных возрастов и интересов к народному искусству арзамасской земли. А роль именно Алексеевского женского монастыря в развитии золотошвейного мастерства весьма велика. В его стенах развивались и крепли традиции золотной вышивки, распространившиеся затем в городе и уезде.

Источники и литература

1. Еремеев П.В. Арзамасские мастера – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. – 254 с.

2. Бойкачев М.В., Панфилова Н.В. Золотное шитье арзамасских монастырей конца XVIII – XIX веков // Саровский летописец: материалы VII научной конференции, посвященной 300-летию со дня основания и возобновления Свято-Успенской Саровской пустыни (31.10 – 01.11.2006) / Под ред. В.А. Степашкина. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 221–229.

3. Скрябина С. Искусных рук чудесное творенье… (Золотное шитье монахинь и послушниц арзамасских монастырей) // Арзамасская сторона: альманах. Вып. 6 / Гл. ред. Е.П. Титков. – Арзамас, 2012. – С. 454–472.

4. Исторический очерк и описание Арзамасской Алексеевской общины. – СПб: Типография при бывшей Канцелярии Спб. Военного Генерал-Губернатора, 1866. – 21 с.

5. Варенцова Л.Ю. Золотное шитье: Арзамас, Городец, Лысково, Бор // Славное прошлое нижегородской земли / Сост. и ред. Ф.А. Селезнев. – Н. Новгород: Деком, 2013. – С. 362–367.

6. Ильченко Т. Разоренная обитель // Арзамасская правда. – 1991. – С. 2–3.

7. Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. – М.: Университетская типография, 1870. – 132 с.

8. Четыркин И.Н. Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской общины. – Н. Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1887. – 109 с.

Раздел VII.
ЭКОЛОГИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

СИНОПТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ЛЕТА 2021 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ АРЗАМАССКОГО РЕГИОНА

Михаил Сергеевич Любов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.п.н., доцент кафедры биологии, географии и химии
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: lubov.arz@mail.ru

В статье рассматриваются погодно-климатические условия лета 2021 г. Проводится сравнительный анализ синоптической ситуации двух экстремально жарких и сухих летних сезона в новом столетии: в 2010 и 2021 гг.

Ключевые слова: *погода; синоптическая ситуация; блокирующий антициклон; летний сезон; Арзамасский регион.*

Арзамасский регион находится почти в центре Нижегородского Правобережья в средней полосе европейской части России. Располагаясь в 50-х широтах северного полушария, регион получает достаточное количество солнечной радиации в летний период, делая лето в нашей местности по-настоящему теплым [1]. Сравнительная близость Атлантики, северных и южных морей, в условиях равнинного рельефа обеспечивает нормальное увлажнение территории региона. Сложившиеся погодно-климатические условия соответствуют умеренно-континентальному типу климата. По среднемноголетним данным, за три летних месяца в среднем выпадает 180–200 мм осадков, а средние месячные температуры воздуха держатся в диапазоне +17…+20°С.

В прошедшем столетии погодные аномалии летом были относительно редки. Самым жарким и засушливым летним сезоном XX века стал 1972 г., когда за три летних месяца выпало менее 40 мм осадков, а температурный режим держался на уровне +21…+23°С. В XXI веке погодные аномалии заметно участились [2]. Теперь наблюдается больше дней с повышенной температурой воздуха, а режим увлажнения по месяцам стал менее равномерным.

Лето в Арзамасском регионе – это период со среднесуточной температурой воздуха выше +15°С, при условии отсутствия заморозков. Летний сезон у нас практически совпадает с календарными сроками, т.е. устойчивый переход средней суточной температуры воздуха через 15-градусный рубеж в сторону повышения происходит в конце мая – начале июня и продолжается примерно до конца августа. Но при этом случаются существенные отклонения как в одну, так и в другую сторону. В XXI веке раннее

начало лета наблюдалось во II декаде мая 2005, 2007 и 2021 гг., а также в I десятидневке мая 2010 и 2012 гг. Позднее положенных сроков лето пришло в 2003 г. (в конце II декады июня), в 2008 г. (в конце I декады июня), в 2017 г. (в середине III декады июня) и в 2018 г. (в конце II декады июня). Запоздалый приход летнего сезона связан, как правило, с затоками холодного воздуха с арктических морей в мае и в начале июня. Иногда вторжение арктического воздуха в эти сроки приводит к ночным заморозкам.

Летом заметно ослабевает циклоническая деятельность. Среди летних циклонов преобладают стационарные циклоны, приходящие и задерживающиеся на одной территории длительное время. Летом уменьшается влияние и снижается подвижность западных циклонов, а повторяемость северо-западных циклонов оказывается наименьшей среди сезонов года. Летом сохраняется роль Черноморских и Средиземноморских циклонов. С циклонами, естественно, связана дождливая и (кроме южных циклонов) сравнительно прохладная погода. В теплый сезон велико влияние отрога Азорского антициклона, а также антициклонов стационарных, смещающихся с районов Арктики и Скандинавии [3]. При этом, такие антициклоны могут становиться блокирующими, когда надолго преграждается путь воздушным массам с Атлантики. Арктический воздух в антициклонах быстро прогревается, и, так как он очень сухой, то часто вызывает засухи в нашем регионе. Таким образом, с антициклонами у нас летом связана жаркая и сухая погода.

Лето 2021 г., наряду с 1972 и 2010 гг., оказалось одним из самых засушливых и жарких за последние сто лет. Заметим, что летний режим погоды в 2010 и 2021 гг. установился значительно раньше положенных сроков (соответственно, 3 и 12 мая). Июнь 2021 г. начался с обычной для этого периода умеренно теплой погоды, с равномерно выпадающими грозовыми ливнями слабой интенсивности. С 16 июня наступил период относительного бездождия, и если осадки и выпадали изредка, то выпавшая их сумма за один раз не превышала 5 мм. Такая синоптическая ситуация сохранялась вплоть до сентября. Таким образом, в июне и июле выпало примерно по 26 мм осадков (при норме, соответственно, 65 мм и 70 мм), в августе «накапало» лишь 8 мм, что на 50 мм меньше средней многолетней нормы. Влажность воздуха в отдельные дни после полудня падала до 12–15%. Такое содержание влаги в воздухе обычно наблюдается три–пять дней за лето, и то не каждый год. При этом дефицит влаги усугублялся аномально высокими для нашего региона температурами воздуха. Из-за отсутствия регулярных осадков все поступающее в почву тепло шло на ее прогрев, а именно от подстилающей поверхности, как известно, нагревается приземный слой тропосферы. Уже в мае столбик термометра трижды (17, 18, 19 мая) в послеполуденные часы превышал тридцатиградусную

отметку. В июне тридцатиградусная жара держалась почти всю третью декаду. В эти дни воздух в тени прогревался до +32…+34°С. В июле период изнуряющей жары увеличился до 12 дней, с 8-го до 20-го июля стояла без перерыва жара. В августе практически половина всех дней за месяц оказалась с дневной температурой воздуха +30°С и выше. При этом 19-го и 20-го августа в городе воздух после полудня прогревался до +35…+37°С. Не хватило всего четырех градусов, чтобы был побит новый температурный рекорд. Напомним, что абсолютный максимум температуры воздуха +40°С был у нас установлен 29 июля 2010 г. В итоге, средняя месячная температура воздуха в июне составила около +20°С, а в июле и августе превысила +21°С (такие температурные показатели характерны, например, для Самары и Киева). Метеорологические условия летних сезонов 2010 г. и 2021 г. представлены климатическими диаграммами на рис. 1 и рис. 2.

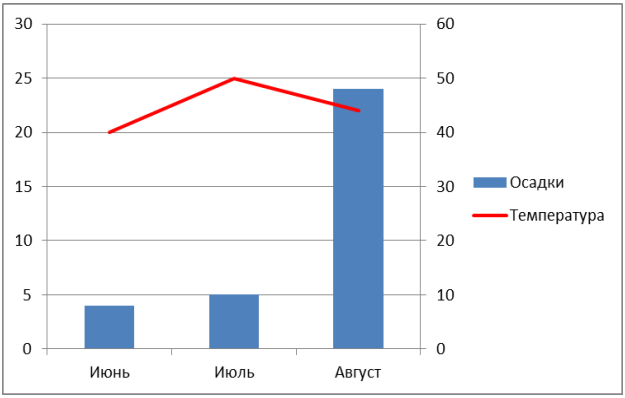


Рис. 1. Климатическая диаграмма лета 2010 г.

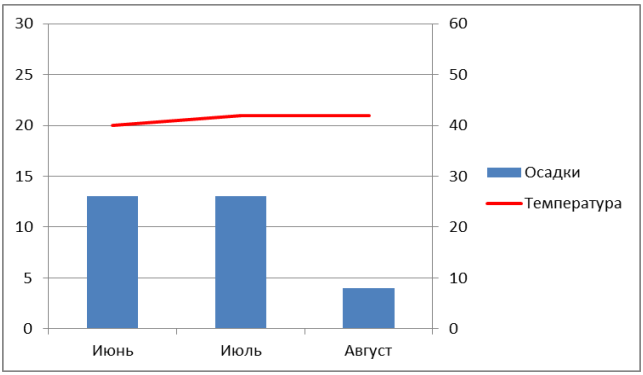


Рис. 2. Климатическая диаграмма лета 2021 г.

Все три летних месяца преобладала переменная облачность, с незначительным присутствием облаков. При этом треть дней в каждом месяце стояла малооблачная погода, когда солнце беспрепятственно с утра до вечера прогревало земную поверхность (при долготе дня от 17 часов в июне до 15 часов в августе). Ветровой режим был достаточно разнообразным. В июне преобладали ветры с диаметрально противоположной направленностью: юго-западные и северо-восточные. В июле, как и положено по климату, господствовали ветры с северной составляющей, особенно много выдалось дней с северо-западными ветрами. В августе явный перевес был в сторону юго-восточных ветров, закрепивших окончательно условия летней засухи в Арзамасском регионе. Фон атмосферного давления в течение лета изменялся незначительно и на протяжении достаточно длительного времени оставался повышенным, в диапазоне 750–760 мм рт. ст. Ниже 742 мм рт. ст. атмосферное давление за лето не опускалось, что является прямым доказательством отсутствия в это лето глубоких циклонов.

Синоптические условия лета 2021 г. были обусловлены, как и в 1972 и 2010 гг., нарушением привычного для большей части умеренного пояса России западного переноса воздушных масс. Над нашим регионом в атмосфере периодически создавалась блокирующая ситуация, при которой стационарные антициклоны не пропускали влажные воздушные массы с океана. Такие антициклоны очень устойчивы, т.к. имеют внушительные размеры не только в горизонтальной плоскости, но и по вертикали, простираясь почти до верхних слоев тропосферы [4]. Вследствие нарушения широтного переноса воздушных масс над Поволжьем устанавливалась меридианальная циркуляция. Воздух направлялся к нам то с юга, то с севера. Перенос воздушных масс с юга на север поддерживали Азорские антициклоны, создавая у нас эффект средиземноморского лета (жаркого и сухого). При вторжении Скандинавских антициклонов температура воздуха, естественно, на какое-то время понижалась, но под лучами летнего солнца быстро наступал очередной «тропический» прогрев, и т.к. воздух этот также сухой, осадков не выпадало. К тому же, при юго-восточном ветре с Казахстана и Центральной Азии выносился очень жаркий и сухой воздух в Нижегородское Поволжье. Так создавались синоптические условия летней засухи 2021 г.

Блокирующая ситуация в атмосфере над Поволжьем сказалась противоположным образом на метеорологических условиях соседних с Поволжьем регионов. Поступающие влажные воздушные массы с западными циклонами с Атлантики не могли преодолеть блокирующий барьер стационарных антициклонов над Поволжьем, и весь имеющийся циклональный запас влаги выливался дождями над Центральным, Северо-западным и

Черноземным регионами (так, в Москве, Воронеже и других пунктах были значительно превышены многолетние нормы осадков за летние месяца). Еще более серьезной оказалась синоптическая ситуация на европейском юге. Средиземноморские и Черноморские циклоны с колоссальными запасами влаги «натыкались» на блокирующие Скандинавские антициклоны. Такое взаимодействие относительно холодного воздуха с теплым и влажным воздухом южных морей оборачивалось для европейского юга (в особенности, Черноморского побережья Кавказа и Крыма) сильными грозовыми ливнями, смерчами на море и ураганами на суше.

Засуха в Поволжье не замедлила сказаться на фенологических процессах и в целом на экологии региона. Из-за июньской жары почти на две недели раньше обычного зацвели цикорий, липа, пижма, золотарник и другие цветущие летом растения. Например, липа в нашей местности, как правило, зацветает в начале июля. В 2021 г. липа в городе зацвела 20 июня. Раньше положенных сроков началось созревание малины, смородины и других ягодных, фруктовых и овощных культур. Устойчивая засуха спровоцировала необычно раннее пожелтение листьев на деревьях и кустарниках. Уже в начале августа запестрели желтизной листья в кронах липы, тополя, каштана, березы и других деревьев. Раньше обычного срока в этом году начался и листопад у многих пород деревьев и кустарников. В последний месяц лета пожелтели и посохли практически все травы. Дефицит осадков привел к иссушению верхних, а затем и более глубоких слоев почвы. Резко упал уровень грунтовых вод. Длительное бездождие сказалось на водности местных водоемов, в том числе на реке Тёше и на ее и без того маловодных притоках. Затянувшая засуха на фоне высоких температур привела к возникновению чрезвычайно высокой пожароопасной обстановки. В Нижегородском Правобережье начались локальные возгорания лесов и торфяников. Почти весь август полыхал Мордовский заповедник, дымная мгла от которого периодически дотягивалась до Арзамаса.

Погодные условия лета 2021 г. во многом были аналогичны синоптической ситуации лета 2010 г., но все же имеется ряд отличий. Во-первых, масштаб блокирующих антициклонов существенно различается. Летом 2010 г. стационировал мощнейший антициклон, с громадными горизонтальными размерами, который занимал по вертикали почти всю тропосферу [4, с. 268]. Он простирался от границ СНГ на западе до Западной Сибири на востоке. Стационарные антициклоны 2021 г. были скромнее в пространственном отношении. Они стационировали преимущественно над Поволжьем, от границ с Центральным и Центрально-Черноземным районами на западе до Зауралья (включая Урал) на востоке. Во-вторых, летом 2010 г. температурный фон был значительно выше, тридцатиградусная жара держалась почти без перерывов (лишь в отдельные дни не-

много свежело) с 22 июня по 14 августа. Средние месячные температуры воздуха составили +25°С в июле и +22°С в августе (такие температурные показатели характерны для Астрахани). В-третьих, период засухи в 2010 г. держался с начала июня до 20 августа. В 2021 г. засуха продолжалась с середины июня до начала сентября.

Общее у обоих сезонов то, что оба они оказались исключительно засушливыми. За три летних месяца 2010 г. в целом выпало около 60 мм осадков (а если брать конкретно период засухи с 1 июня по 19 августа, то всего 30 мм). В 2021 г. за летние месяцы также выпало 60 мм (за наиболее засушливый период, с 16 июня по 31 августа, выпало менее 40 мм). Логично предположить, что участившееся засуши в нашем регионе – результат глобального потепления климата на планете. Но не все так однозначно. Существует гипотеза, что засухи и жара на Русской равнине связаны в обоих случаях с проявлением холодного течения Ла-Нинья, возникающего у берегов Юго-Восточной Азии с периодичностью примерно в 10 лет. Действительно, и в 2010–2011 гг., и в 2020–2021 гг. течение Ла-Нинья активизировалось [5]. Заметим, что в отличие от своего антипода, теплого течения Эль-Ниньо, это течение отличается более стабильной периодичностью.

Таким образом, проведенное нами исследование, позволяет прогнозировать, что на фоне глобального потепления, с вероятностью примерно через 10 лет следует ожидать новое повторение экстремальной синоптической ситуации на Русской равнине.

Источники и литература

1. Любов М.С. Природно-климатические условия Арзамасского региона: монография. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, – 2019. – 106 с.

2. Любов М.С., Янковская Е.В. Погодные аномалии начала XXI века на территории Арзамасского района Нижегородской области // Молодой ученый. – 2016. – 16 (110). – С. 322–326.

3. Терентьев А.А., Колкутин В.И. Климат конца XX века в средней полосе Нижегородской области. – Н. Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2004. – 373 с.

4. Терентьев А.А., Колкутин В.И., Панютин А.А. Климат Нижнего Новгорода в XX веке и начале XXI века. – Н. Новгород, 2011. – 280 с.

5. В Тихом океане развилось течение Ла-Нинья // Гидрометцентр России. О погоде – из первых рук. – URL: https://meteoinfo.ru/novosti/99-pogoda-v-mire/17585-v-tikhom-okeana-razvilos-yavlenie-la-ninya

РОДНИКИ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА: УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Людмила Дмитриевна Кузнецова
независимый исследователь, Нижегородская обл., г. Арзамас

Родники Арзамасского района рассматриваются с разных позиций: географической, геологической, этнографической, религиозной. Даётся описание современного состояния некоторых из них.

Ключевые слова: *краеведение; Арзамасский район; гидрология края; родники; целебные источники; святые источники.*

Гидрология Арзамасского района представлена разнообразными формами водных ресурсов: реки, озёра, пруды, водохранилища. Далеко не последнее место среди них занимают родники, которые имеют и естественнонаучное, и хозяйственное, и природоохранное, и эстетическое значение (Приложение 2). Тем не менее, степень их изученности весьма не велика.

Родник – это «естественный выход подземных вод на земную поверхность» [1, с. 219]. С географической точки зрения образование родников связано, прежде всего, с пересечением водоносных горизонтов отрицательными формами рельефа (речными долинами, балками, оврагами). Когда из-под земли где-нибудь бьёт родничок, люди предпочитают брать воду из него, так как она в нем чище и вкуснее. В общем круговороте эта вода когда-то попала на землю в виде дождя и, просачиваясь через грунт, профильтровалась и заполнила все пустоты, поры и трещины в горных породах. Над пластами глины, скал, лишенных трещин, вечной мерзлоты сформировался водоносный слой, в котором и заключены воды, питающие родник. Проходя сквозь горизонт земли, они вбирают в себя химические вещества: известь, серу и т.д. Такие источники, содержащие значительный объем минеральных солей, получили название минеральных. В Арзамасском районе, например, есть родники с явным известковым привкусом в результате насыщения воды гидрокарбонатом кальция (СаНСОз). Изредка вода бывает обогащена серебром, бромом, фтором и другими элементами. Они в малых концентрациях весьма полезны. Вода таких источников сохраняется подолгу, а сами ключи издавна считаются целебными и тщательно оберегаются людьми.

Но вода способна аккумулировать и вредные вещества. Наиболее опасными элементами являются бериллий, селен, радон, образующиеся при радиоактивном распаде. Особенно вредны так называемые «тяжелые» металлы: ртуть и свинец. Они способны накапливаться в организме. Поэтому в современной непростой экологической ситуации при использовании ключевой воды необходимо контролировать её химический состав.

Также не рекомендуется брать воду из родников, расположенных в черте города и из источников с застойной непроточной водой. Ещё 30 лет назад авторы учебника «География Нижегородской области» писали: «…большинство родников безнадзорны, не имеют зон санитарной охраны, зон озеленения, не каптированы, на них не возведены соответствующие архитектурные сооружения» [2, с. 59]. К сожалению, с той поры мало что изменилось.

Каково происхождение местных родников? Около миллиона лет тому назад геологическая история Арзамасского района была связана с Днепровским оледенением. Дальнейшее потепление климата (20-30 тыс. лет назад) привело к таянию ледника, часть воды уходила под землю и оставалась в так называемых линзах, образованных в отложениях древних морей. В западной части Арзамасского района наиболее древние породы были перекрыты более мощным слоем моренных отложений, оставшихся после оледенения. Морена, как правило, проницаема для подземных вод. Относительной преградой в ней обычно служат глины. В таких местах подземные воды обнаруживают себя «сочащимися» берегами рек или ручьев, порой топкими местами по дну оврагов и яркой сочной травой ложбинами между склонами. Чтобы превратить такой подземный выход в родник, часто бывает достаточно лопаты и нескольких часов работы. Именно так и поступали наши предки. Поэтому родники-колодцы находятся чаще всего вблизи поселений.

Один из таких источников – родник около деревни Марьевка в девятнадцати километрах от Арзамаса (***Приложения 3, 4***). К северу от селения местность сильно изрезана оврагами. В одном из них, расположенном в двух километрах от Марьевки, бьет источник. К нему можно добраться и по железной дороге, сойдя у станции Шумлейка, поэтому другое название родника – Шумлейский. Источник расположен на дне обширной балки, поросшей огромными липами, вязами, осинами, изредка дубами. На верхних участках оврага разместились приветливые березовые леса. В подлеске сформировавшегося природного комплекса много бересклета бородавчатого, жимолости лесной, рябины обыкновенной. В травянистом покрове значительны дубравные элементы: сныть обыкновенная, копытень европейский, борец высокий, ветреницы, медуница неясная, фиалки, осоки.

Благоустройством Марьевского родника занялись недавно. В настоящее время родник имеет эстетически привлекательный вид. Заботливые руки человека из веток ивы соорудили красивый и надёжный плетень, с помощью которого удалось укрепить склоны оврага почти у самого родника. Добротная железная лестница ведет вниз. Деревянный сруб оберегает воду. Часовенка и купальня дополняют архитектурную целостность

родникового комплекса. На Крещение и в праздник Иоанна Предтечи у родника проходят богослужения. Вода источника обладает хорошими вкусовыми качествами и, имея лечебные свойства, помогает людям врачевать душевные и физические недуги. Местные жители рассказывают о многочисленных исцелениях водой этого родника. Пересекались с ним и пути преподобного старца Серафима Саровского. Известен случай, когда водой из источника он исцелил женщину, страдавшую болезнью ног.

Неподалёку от Марьевского родника добывается из артезианской скважины глубиной 70 метров минеральная питьевая вода «Серебряная ключевая». Она относится к сульфатно-гидрокарбонатным кальциево-магниевым водам с естественным содержанием ионов серебра и обладает антибактериальным и антисептическим действием.

Шумлейский родник освящен в честь святого пророка Иоанна Предтечи, поэтому особенно многолюдно здесь бывает 7 июля (Рождество Иоанна Крестителя), а также в Крещение (19 января). Но и в обычные дни сюда приезжают многочисленные посетители из окрестных селений и Арзамаса.

Интересен для изучения источник, связанный с именем архимандрита Софрония, настоятеля Высокогорского монастыря с 1887 г. Будучи высокообразованным человеком и обладая прозорливостью и мудростью, отец Софроний привлекал множество людей в обитель. Это отнимало у настоятеля немало времени, что послужило причиной для того, чтобы оставить управление монастырем. С разрешения духовного начальства старец Софроний в 1908 г. поселился в небольшой пустыни в глухом лесу, в восьми километрах от деревни Пиявочное, чтобы вести уединенную жизнь. Узнав о месте его проживания, люди потянулись сюда. Двенадцать послушниц подвизались жить в лесной обители по монастырскому уставу. Вместе со старцем они помогали тем, кто приходил за утешением и помощью, в том числе за избавлением от недугов. В восточной части поселения находился святой источник, водой которого старец и сёстры врачевали приходящих от болезней (***Приложения 5, 6***). По воспоминаниям старшей сестры общины Анастасии Тютяриной, в 1935 г. жительница села Никольское Анна Нефедова, истощенная кровотечением, была привезена на могилу отца Софрония в день его памяти 1 августа. Её облили водой из источника, после чего кровотечение прекратилось. Жительница села Красное Пелагея Лаптева была привезена в пустыньку старца Софрония для излечения от недуга ног. Её облили водой из источника, и она пошла.

Сейчас родник обустроен, находится внутри деревянного сруба, который, в свою очередь, размещается внутри деревянной часовни. С внешней стороны сооружены деревянные мостки для проведения паломниками водных процедур паломников.

В 23 километрах к юго-западу от Арзамаса на границе Арзамасского и Дивеевского районов справа от трассы стоит дорожный знак с надписью: «Святой источник Великомученицы Параскевы Пятницы является неотъемлемой святыней храма Вознесения Господня с. Ореховец». Здесь в полукилометре от поворота на село Беговатово пролегла асфальтированная дорога, которая ведёт к деревянным сооружениям на пологом склоне огромного оврага Ковлей. В последние годы многие источники благоустраиваются и преображаются силами верующих. Источник Параскевы Пятницы – один из таких (***Приложения 7, 8***). Приведённый в порядок, он выглядел очень привлекательно. Ступеньки деревянной лестницы вели вниз, к часовенке. Она была аккуратно покрашена охрой и покрыта зеленой черепицей. Внутри располагался колодец, на дне которого бил родник. На стене висела икона с изображением святой, в честь которой он назван. Ниже часовни оборудовали слив от источника. Струйки родниковой воды стекали по лотку, вокруг которого была выложена стенка из красного кирпича, отмеченная крестом и изображением иконы Казанской Божьей Матери. По обе стороны были посажены цветы аквилегии и василисника. Так источник выглядел в июле 2009 г. С той поры состояние родника изменилось в худшую сторону. Пожары, вызванные поджогами сухой травы на прилежащих к оврагу полях, привели к тому, что сгорела постройка для купальни. Не стало и деревянной лестницы, ведущей к источнику от шоссе на Беговатово. Источник потерял свою эстетическую привлекательность, но по-прежнему пользуется популярностью. Местные жители утверждают, что вода в источнике целебная, она помогает при желудочно-кишечных заболеваниях. В истории её использования приводятся случаи исцеления желчнокаменной болезни и выведения камней из почек.

Эти и другие, зачастую безымянные, родники – не только часть ландшафта, начало ручьёв и рек, источник вкусной, чистой и полезной воды. Их не зря поэтически называют «голубыми глазами» планеты. Они вызывают чувство душевного покоя, настраивают на раздумья. В самом слове «родник» кроется глубокий смысл, ведь «род», «народ», «родник», «природа» и «Родина» – однокоренные слова и родственные понятия. Поэтому забота о водных ключах необходима не только для экологического благополучия, но и для духовного здоровья нации. Работа по их очистке и благоустройству в последние годы оживилась, но ещё далека от совершенства. Её успешность зависит и от местных властей, и от общественных организаций, и от каждого неравнодушного человека.

Источники и литература

1. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. – М.: Мысль, 1990.

2. География Нижегородской области: учебное пособие / науч. ред.: Г.С. Кулинич, В.В. Николина. – Н.Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991.

Приложение 1

Арзамасские родники

Библиографический список[1]

Маркеева Е. Родники арзамасской земли / Е. Маркеева, Н. Садков // Экология глазами молодых / ред. коллегия: Е. Ф. Малафеева, Г. Е. Стрижова, Е. В. Кротова. – Ижевск: [б. и.], 2015. – С. 40-41.

Панкратов В.М. [Родники села Пятницы] // Панкратов В.М. Души опора и отрада / В.М. Панкратов. – Арзамас: [б. и.], 2013. – С. 6-7.

Курдин Ю.А. Природные святыни в народном православии Арзамасского края // Приволжский научный вестник: науч.-практ. журн. – 2013. – № 8 (24), т. 2. – С. 89-94.

Володина В. Живой родник детской души: [благоустройство родников детьми из Центра внешкольной работы] // Арзамасские ведомости. – 2010. – 21 октября. – С. 3.

Николаева И. Живи, родник, живи: [благоустройство святых источников в Арзамасском районе] // Ленинская смена. – 2010. – 14 октября. – С. 8.

Токсичность и некоторые другие гидрохимические показатели воды родников и малых водоёмов по данным кафедры химии, теории и методики обучения химии АГПИ // Арзамасские новости. – 2005. – 22 марта. – С. 3.

Косенкова И.Н. Подземные воды / И.Н. Косенкова, В.А. Шеманаев // Косенкова И.Н. География г. Арзамаса и Арзамасского района: учеб. пособие для 8-9 классов общеобразовательных учреждений / И.Н. Косенкова, В.А. Шеманаев. – Арзамас: [б. и.], 2000. – С. 25-26.

Родники взывают о спасении / подготовил А. Кузнецов // Арзамасские новости. – 1995. – 19 января. – С. 3.

Родник, освящённый в честь Смоленской иконы Божией Матери

(в Кирилловском лесничестве)

Маринина Л. Живи, родник, живи! // Арзамасская правда. – 2011. – 11 февраля. – С. 10.

Андреева Л. Всем миром // Арзамасские новости. – 2011. – 10 февраля. – С. 5.

Марьевский родник

(другие названия: Источник, освящённый в честь Пророка и Крестителя Господня Иоанна, Серебряный родник, Шумлейский родник)

Михайлова Н. «Живи, родник, живи, родник моей любви…» // Арзамасская правда. – 2015. – 7 августа. – С. 16.

Андреева Л. Преображение родника // Арзамасские новости. – 2009. – 1 декабря. – С. 2.

Белоус С. Марьевский родник благоустраивается // Арзамасская правда. – 2009. – 1 декабря. – С. 11.

Колосунина О. Врата к святому источнику // Арзамасские ведомости. – 2009. – 1 декабря. – С. 1.

Иванова Е. Родник дождался своего часа // Арзамасские вести. – 2009. – № 39 (24-30 сентября). – С. 4.

Николаева И. Святой родник будет чистым // Ленинская смена. – 2009. – 24-30 сентября. – С. 9.

Юрьева О. К святой воде – по ямам и ухабам // Арзамасские ведомости. – 2008. – 2 декабря. – С. 2.

Володин Н. Святой источник // Новая арзамасская газета. – 2008. – 8 августа. – С. 15.

Кувшинова Ю. Новая история // Арзамасские новости. – 2004. – 11 сентября. – С. 3.

Малыгина Е. Два имени // Арзамасские новости. – 2004. – 11 сентября. – С. 1, 3.

---

[1] Сост. Е.В. Ямщикова, библиограф Центральной городской библиотеки Арзамаса.

Рыбин М. Родник – свято место / беседовал В. Булыгин // Арзамасские новости. – 2004. – 11 сентября. – С. 3.

Розуменко А. Предпринимательство наоборот // Арзамасские вести. – 2004. – № 14. – С. 2.

Гордеевцев И.А. Марьевский родник в опасности // Арзамасская правда. – 1995. – 4 февраля. – С. 1.

Голубев Г. Живи, родник, живи… // Арзамасская правда. – 1994. – 16 июля. – С. 1.

Свято-Троицкий родник

(у д. Марьевка)

Николаев Л. Святой водицы пока не напиться // Арзамасские вести. – № 17 (24-30 июня). – С. 2.

Кордон

(около с. Морозовка)

Савин А. Проект деятельности студентов по восстановлению и сохранению водных источников // Экология города глазами учащихся: материалы III гор. конф. / Администрация Арзамаса; Арзамас. фил. Нижегород. гос. ун-та. – Арзамас: АФ ННГУ, 2013. – С. 12-15.

Погодин А. Влияние автотранспорта на содержание токсических веществ водного источника (родника Кордон) // Экология города глазами учащихся : материалы II гор. конф. / редкол.: Е. Ф. Малафеева [и др.]. – Арзамас: Формат, 2012. – С. 66-68.

Малыгина Е. Поклон роднику // Арзамасские новости. – 2010. – 29 июля. – С. 2.

Татьянин родник

(у разъезда «408-й км»)

Гриченко Г. У родника // Арзамасские новости. – 2008. – 29 января. – С. 2.

Малыгина Е. Последний аккорд // Арзамасские новости. – 2007. – 30 января. – С. 3.

Николаева Л. Татьянин родник // Арзамасская правда. – 2007. – 30 января. – С. 7.

Приложение 2

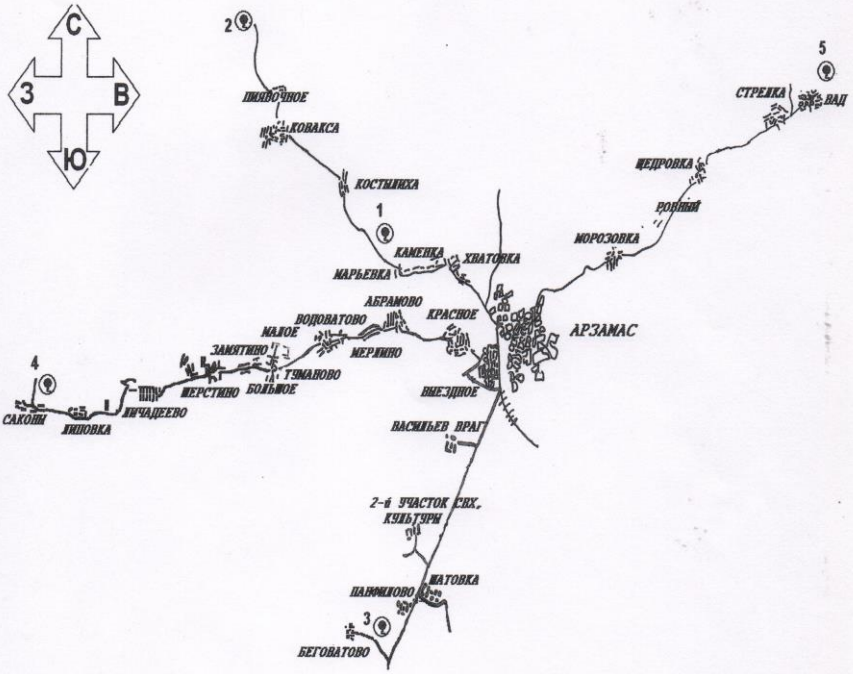


Схема расположения исследованных источников в Арзамасском районе и его окрестностях

Условные обозначения:
- Родники
1- Марьевский источник
2-Родник в Софрониевой пустыне
3-Святой источник Великомученицы Параскевы Пятницы
4-Фонтанируший источник у с. Саконы Ардатовского района
5-Елховские святые ключи (12 источников) Вадский район.

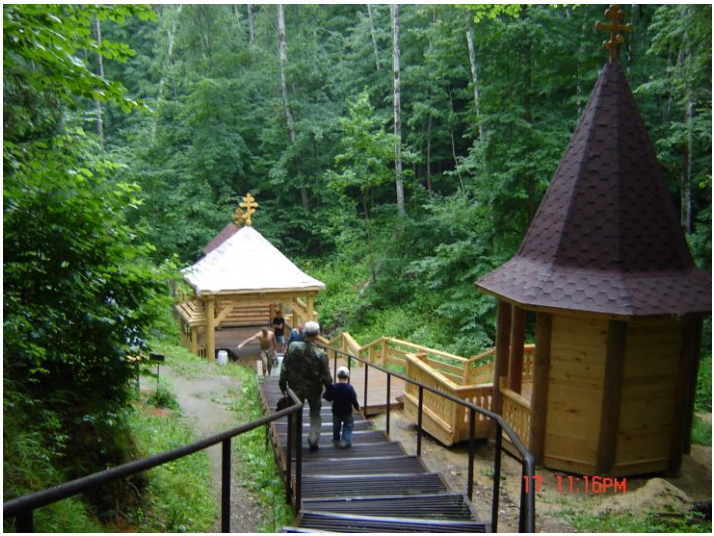
Приложение 3

Паспорт Марьевского родника

1. Название родника. Марьевский, историческое название - Шумлейский.
2. Географическая привязка. Родник находится в девятнадцати километрах к северо-западу от Арзамаса, в двух километрах к северу от д. Марьевка Арзамасского района в одном из оврагов, к которому проложена шоссейная дорога.
3. Степень обустроенности. Источник хорошо обустроен: вода вытекает из металлической трубы, деревянный сруб оберегает сток от загрязнения, укреплены склоны оврага, к источнику ведёт добротная железная лестница.
4. Использование местным населением. Воду берут для бытовых и лечебных целей.
5. Цвет, прозрачность, запах. Вода прозрачная, запах отсутствует.
6. Осадок. Отсутствует. По сведениям городской службы санэпидемнадзора в воде нет солей тяжелых металлов, но отмечено присутствие ионов серебра.
7. Характер рельефа. Ключ расположен на дне обширной балки, поросшей липами, вязами, осинами. Почвы суглинистые.
8. Характер струи. Вода бьёт сильно, напористо.
9. Влияние на окружающую местность. Родник заболачивает территорию по месту отхождения воды к ручью.
10. Антропогенное воздействие. Многочисленные посещения влияют на чистоту ландшафта и поддержание биологического видового разнообразия природного комплекса. Необходим постоянный контроль и меры по поддержанию чистоты.

Приложение 4

Марьевский родник



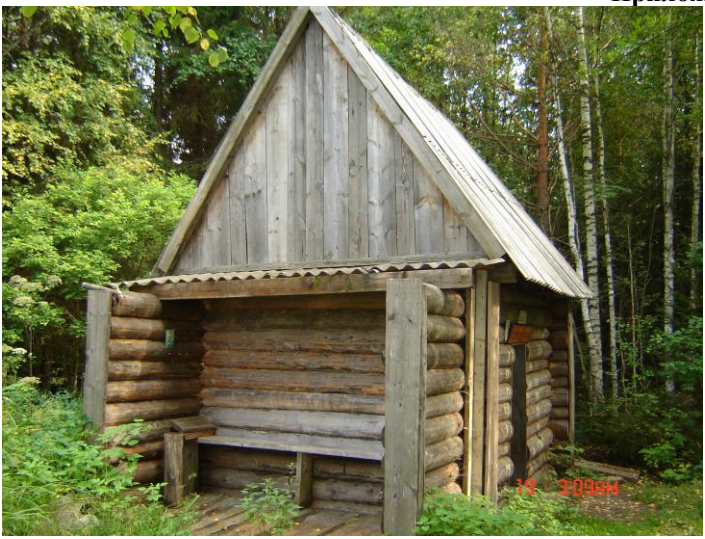
Общий вид родника Марьевский

Приложение 5

Паспорт святого родника в Софрониевой пустыни

1. Название. Святой родник отца Софрония.
2. Географическая привязка. Источник находится в восьми километрах к северу от д. Пиявочное, в восточной части территории Софрониевой пустыни
3. Степень обустроенности. Источник обустроен, находится внутри деревянного сруба, который, в свою очередь, размещен внутри деревянной часовни. С внешней стороны сооружения проложены деревянные мостки для проведения водных процедур.
4. Использование местным населением. Воду берут для бытовых и оздоровительных целей
5. Цвет, прозрачность, запах. Вода прозрачная, запах отсутствует.
6. Осадок. Отсутствует. По результатам анализа городской лаборатории в воде нет солей тяжелых металлов. Ионов серебра тоже нет.
7. Характер рельефа. Ключ расположен в пойме речки Ишлей, правого притока Коваксы, являющегося, в свою очередь, правым притоком Теши, в шести метрах от правого возвышенного берега ручья.
8. Характер струи. Вода медленно вытекает из мелких отверстий, ямок.
9. Влияние на окружающую местность. Родник образует заболоченную территорию по месту отхода воды к ручью. Произрастание здесь осоки, гравилата городского, лютика ползучего и других влаголюбивых растений подтверждает это заключение.
10. Антропогенное воздействие. Отрицательного влияния нет.

Приложение 6



Родник в Софрониевой пустыни

Приложение 7

Паспорт родника великомученицы Параскевы Пятницы

1. Название. Святой источник великомученицы Параскевы Пятницы.

2. Географическая привязка. Родник находится в 23 км к юго-западу от Арзамаса, вблизи с. Беговатово.

3. Степень обустроенности. Источник находится внутри деревянного сруба, расположенного в деревянной часовне, вода набирается из металлической трубы, идущей от родника. Оборудована купальня.

4. Использование местным населением. Воду берут для оздоровительных целей.

5. Цвет, прозрачность, запах. Вода прозрачная, запах отсутствует.

6. Осадок. Отсутствует. По проведенному химическому анализу вода минерализована в большей степени, чем в роднике отца Софрония.

7. Характер рельефа. Источник расположен в старом русле ручья Ковлей, правого притока Иржи, реки II порядка Волжского бассейна. Близкий подход грунтовых вод к поверхности способствовал образованию здесь родника.

8. Характер струи. Родник заключён в трубу. Вода активно вытекает из неё и стекает в овраг.

9. Влияние на окружающую местность. Родник является единственным в окружающем ландшафте источником воды (в радиусе до 1 км).

10. Антропогенное воздействие. Существенный вред наносят весенние поджоги сухой травы. Порядок поддерживается храмом Вознесения Господня с. Ореховец.

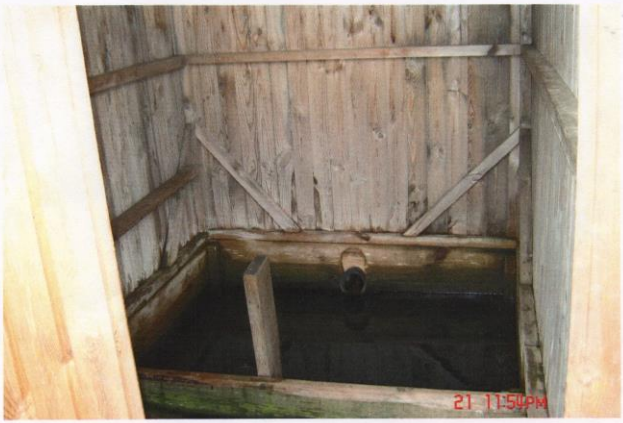
Приложение 8

Святой источник Великомученицы Параскевы Пятницы

Состояние на июль 2009 года

Общий вид источника

Святой источник Великомученицы Параскевы Пятницы



От родника до купальни.

Святой источник Великомученицы Параскевы Пятницы

Состояние на ноябрь 2021 года

Общий вид источника

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

О.Ф. Бытковский, А.И. Ушакова (Кузьмина)	Первичный анализ массового керамического материала раскопок в г. Арзамас за период 2021 года ……..	4
Л.Ю. Варенцова	Борское заволжье в XIII–XVII столетиях: взгляд сквозь века ….	10
А.А. Инжутов	Мордовское поселение на территории Арзамаса: деревня Михалёва ……....	21
Е.И. Парадеев	Писцовые книги Григория Сукина, Неклюда Девочкина и дьяка Дементия Слугина начала 60-х гг. XVI века по нижегородским землям, вошедшим в Арзамасский уезд …….	31
Алексей В. Малышев	Разинский атаман Мурзакайка ……..	55
А.Е. Клюшина	«Село Кремёнки на речке на Кремёнке». Некрополь ……	69
С.Н. Муравьев	Производственные комплексы по выделке кожи XVIII века (на примере археологических исследований в городе Богородске Нижегородской области) ……	74
А.А. Калачёв	Причины первого Терюшевского восстания 1743 – 1745 гг. ……	78
Я.Д. Пангаева, М.А. Тростина	Топонимические предания о происхождении названий населенных пунктов (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия) ……..	88

Раздел II. НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.А. Николаев	Манифест от 30 ноября и первоначальные меры по созданию Нижегородского ополчения в 1806 г. …….	96
Д.А. Николаев	Создание основных структур Нижегородского ополчения 1806–1807 гг.: формирование батальона стрелков милиции …….	103
А.Р. Панов	Нижний Новгород в восприятии австралийской прессы первой половины XIX века ……	109
А.Н. Долгих	Деятели «Арзамаса» и крестьянский вопрос в России в дореформенный период ……	117
О.Е. Андреев	К вопросу о деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и ее роли в развитии «провинциальной историографии» Арзамасского края ……	122
С.А. Зотов	Агрокультурная деятельность Нижегородского земства на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Арзамасского уездного земства).	127
А.С. Кудряшова	Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв. (на примере Нижегородской губернии) ……..	134
И.Н. Балахонова	Особенности экономического развития Арзамаса во второй половине XIX – начале XX вв. ……	140
О.Н. Коннова	История одного домовладения Арзамаса (опыт источниковедческого анализа) …….	145
И.В. Чиркунов	Краткий обзор группы торговых заведений Арзамасского уезда в начале XX века ……	151
С.С. Михайлов	К изучению истории диаспоры ассирийцев в Нижнем Новгороде	154

Раздел III. НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ В XX ВЕКЕ

Н.А. Пакшина	Телеграммы из далекого 1917 года. Погромы без границ ……	166
О.В. Ефимов	Крестьянский мятеж в деревне Семеновская Сергачского уезда в 1919 г.: причины и следствие ……..	170

С.В. Завьялова, А.А. Завьялова	Соловьёв Фадей Панкратьевич: вехи жизни ……..	175
Е.И. Подрепный, Д.С. Бажанова	Развитие движения фронтовых комсомольско-молодежных бригад на первом этапе Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) …….	183
Е.И. Подрепный, И.А. Калмыков	К вопросу о непроизводительных потерях на предприятиях СССР в период Великой Отечественной войны и борьбе с ними (на материалах танкостроительных заводов Горьковской области) ……	189
Е.И. Подрепный, Е.П. Титков	Массово-политическая работа на оборонных предприятиях Горьковской области в первом периоде Великой Отечественной войны (на материалах авиационных и танковых заводов).	194
Д.П. Капьятец	Проблемы организации технологического процесса по производству танков на непрофильных предприятиях Горьковской области в начальный период Великой Отечественной войны …….	200
А.В. Гусак, А.А. Завьялова	Из истории героев Великой Отечественной войны в моей семье	205
Е.И. Маслова, А.И. Щетинин	Бесстрашный командир «Катюш» (к 100-летию со дня рождения И.С. Варганова) ……...	210

Раздел IV. ИЗ ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ

Андрей В. Малышев	История строительства Арзамасского уездного училища, где учился великий русский художник Василий Перов …….	222
Н.А. Пакшина	Выпускницы Нижегородского Мариинского института благородных девиц. Две судьбы …….	233
Т.Б. Сорокина	Среднее и высшее образование в Нижегородской губернии в начале XX века ……	242
А.А. Исаков	Роль благотворительности в развитии Арзамасского городского училища ……..	250
Л.В. Исакова	Деятельность уездного училищного совета в период становления начального народного образования в Арзмасском уезде Нижегородской губернии ……	256
Н.Е. Зюванова, А.В. Токарева	Борьба с беспризорностью в Арзамасском уезде в 20-е годы прошлого века (на примере детского городка имени В. И. Ленина в Арзамасе) ……..	265
Е.В. Колосунин	П.П. Галкин – двадцать лет в системе арзамасского профтехобразования ……	270

Раздел V. ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВА И РЕМЕСЕЛ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

Н.В. Хорева, М.О. Яшина	Ремесла и промыслы Ардатовского уезда (на материалах Нучинской волости) ……...	278
Е.П. Бутусов	Из истории создания и развития живописной мастерской Серафимо-Дивеевского монастыря ……...	285
М.В. Фёдорова	Бисерное искусство XIX–XX вв. как элемент материальной культуры культурной жизни Арзамаса и Арзамасского уезда ……..	299
М.А. Бегоутова	Художник-ювелир Борис Гладков ……	305
М.А. Мочалова, Л.Б. Танских	Гармонный мастер-кустарь из Чернухи Василий Быков ……..	310
Л.Б. Танских	Гармонный мастер из деревни Зыково Юрий Гнусов …….	313
В.А. Шеманаев	Традиционный песенный фольклор села Пустынь Арзамасского района Нижегородской области …….	319

Раздел VI. ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

В.Ю. Неупокоева	Владимир Иванович Жадин – профессор гидробиологии и первый директор муромского музея ……..	324
С.В. Борисова, Л.С. Герасимова	Краткая характеристика фондов Литературно-мемориального музея А.П. Гайдара и основные источники поступлений ……..	329
Т.В. Казнина	Страницы истории музея (к 40-летию Арзамасского музея М. Горького) ……	337
И.С. Юрманова	Народный музей «Природа» им. С.И. Трофимова: вехи истории.	344
Т.В. Богатова	Сохранение памяти о традиционном сапожном промысле (на материалах музейно-выставочного центра Арзамасского района)	353
В.Д. Лозгачёва	Выставочный проект музея «Алексеевская обитель – краса и венец нижегородских монастырей» как источник по изучению золотошвейного искусства г. Арзамаса XIX–XX вв. ……	362

Раздел VII. ЭКОЛОГИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

М.С. Любов	Синоптическая ситуация лета 2021 года на территории Арзамасского региона ……..	370
Л.Д. Кузнецова	Родники Арзамасского района: условия образования, происхождение, современное состояние ……...	376

Приложение 1 (к статье О.Ф. Бытковского, А.И. Ушаковой (Кузьминой))
Приложение 2 (к статье А.А. Инжутова)
Приложение 3 (к статье Е.И. Парадеева)
Приложение 4 (к статье А.Е. Клюшиной)
Приложение 5 (к статье О.Н. Конновой)
Приложение 6 (к статье Н.А. Пакшиной)
Приложение 7 (к статье Е.И. Масловой, А.И. Щетинина)
Приложение 8 (к статье Н.А. Пакшиной)
Приложение 9 (к статье М.В. Фёдоровой)
Приложение 10 (к статье М.А. Мочаловой, Л.Б. Танских)
Приложение 11 (к статье Л.Б. Танских)
Приложение 12 (к статье В.Ю. Неупокоевой)
Приложение 13 (к статье И.С. Юрмановой)
Приложение 14 (к статье В.Д. Лозгачевой)

Научное издание
**ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**
*Сборник статей участников
III Всероссийской научно-практической конференции
24–25 февраля 2022 г.*

Научный редактор *А.А. Исаков*
Ответственный редактор *В.И. Грубов*
Технический и художественный редактор *С.П. Никонов*
Дизайн обложки *Д.С. Парадеев*
Верстка и вывод оригинал-макета *А.А. Исакова*

Подписано в печать 10.02.2022 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. листов 24,1. Тираж 100 экз. Заказ № 125

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

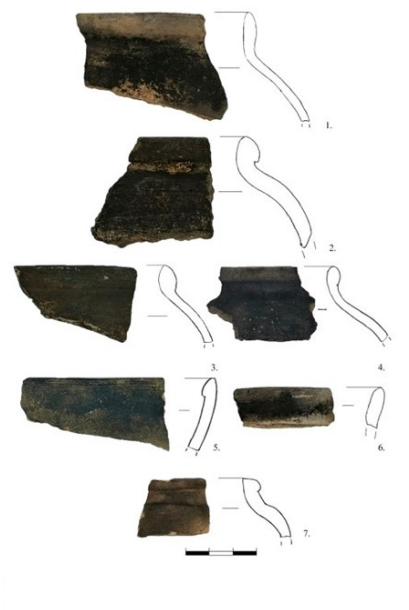
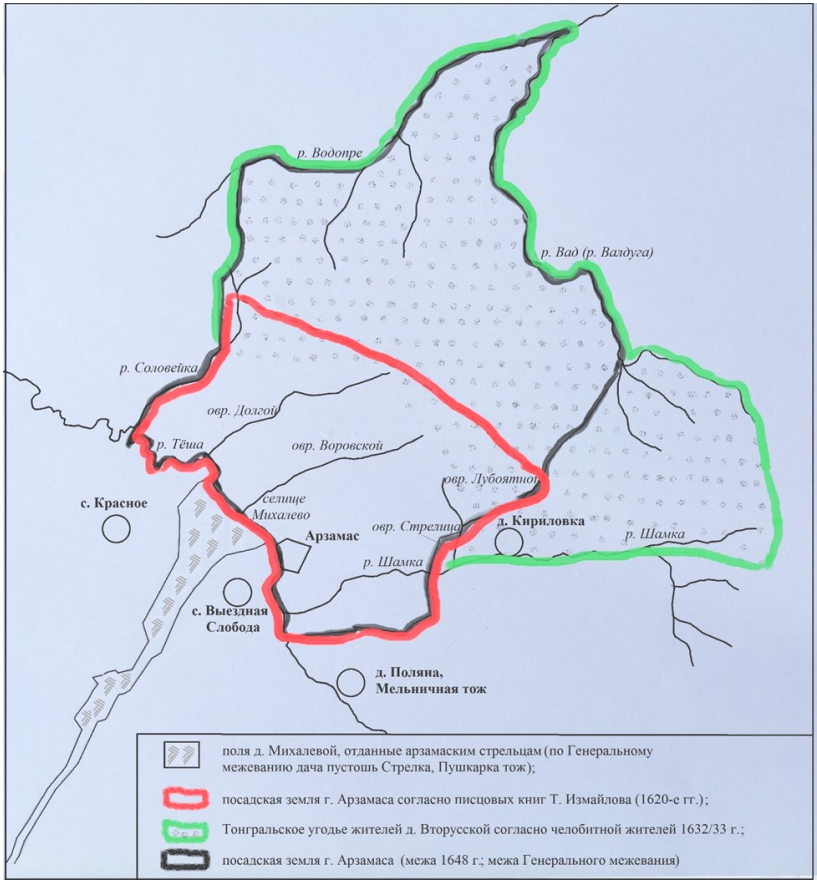


Рис 1. Керамика XVII–XIX вв.

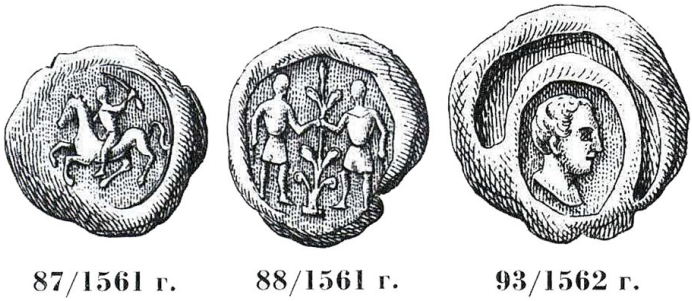
Рис. 2. Белоглиняная керамика

Приложение 2



Илл. 1. Схема местности, прилегающей к г. Арзамасу с указанием границ землевладений XVII века.

Приложение 3



Илл. 1. Изображения оттисков печатей Г. Сукина (№87), Н. Девочкина (№88) и дьяка Д. Слугина (№93), воспроизведено по репринту из труда П. И. Иванова «Сборник снимков с древних печатей» (1858 г.), репринт опубликован А. В. Антоновым в 2016 г. в т. 1 издания «Описание Грамот Коллегии экономии» [31].

Илл. 2. Схема расположения земель, упомянутых в различных актах XVI – начала XVII вв. в связи с книгами Г. Сукина, Н. Девочкина и дьяка Д. Слугина. В порядке анализа актов в статье (в скобках номера разделов статьи): с. Никулино Лукояновского р-на (I), с. Ветошкино Гагинского р-на (II и III), д. Кеславь Бутурлинского р-на (IV), с. Камкино Сергачского р-на (V), земли между р.п. Бутурлино и с. Смагино Бутурлинского р-на (VI), с. Юрьево Гагинского р-на (VII), пос. Васильки (VIII), с. Ягубовка (IX) и с. Борнуково (X) Бутурлинского р-на. Дополнительно отмечены: с. Поляна Перевозского р-на, служащее ориентиром для монастырского села Полянского; две точки, где упомянута Пьянская волость, деревня Свербино Шатковского р-на (№1) и село Воронцово Гагинского р-на (№2).

Приложение 4

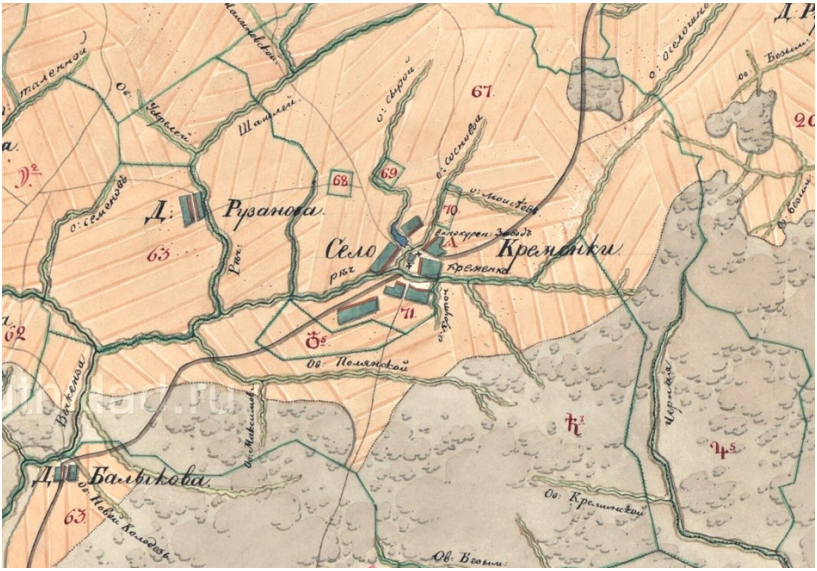


Фото 1. Фрагмент Генерального плана Ардатовского уезда 1800 г.

Фото 2. Вид (с юга на север) на кладбище села Кремёнки
с улицы Бобыльской (Зеленой)

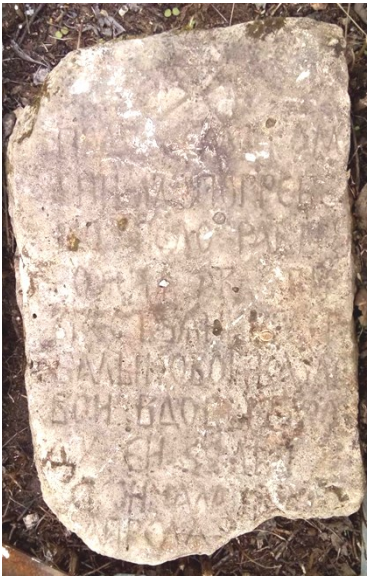


Фото 3. Надгробный камень жительницы деревни Балыково.

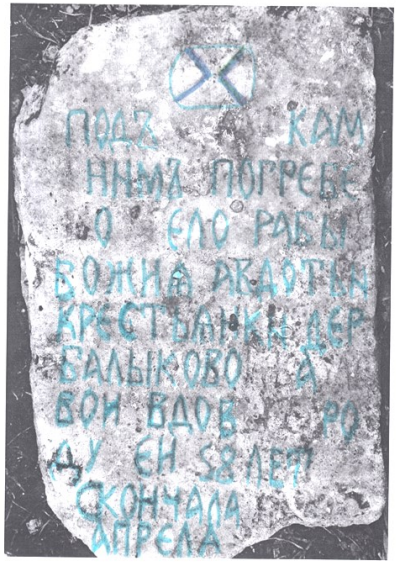
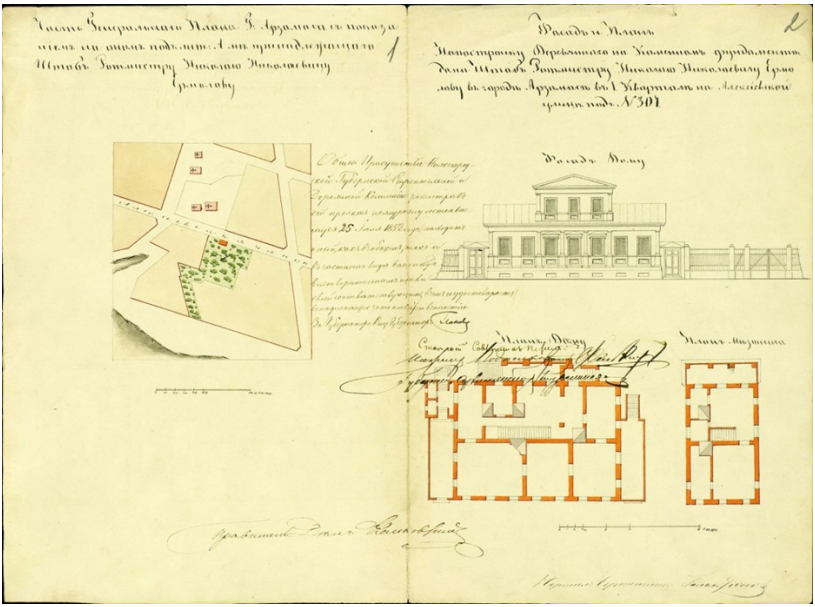


Фото 4. Прорись надписи надгробного камня жительницы деревни Балыково.

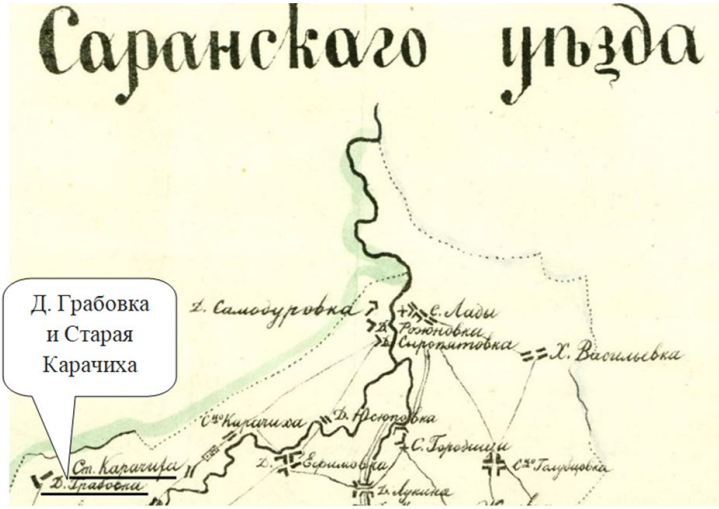
Фото 5. Надпись на основании памятника погибшему работнику Балыковского кирпичного завода.

Приложение 5



Илл.1. Фасад и план на постройку дома штаб-ротмистру Н.Н. Ермолову. 1852 г.

Приложение 6



Илл. 1. Фрагмент карты северной части Саранского уезда.

Илл. 2. Фрагмент карты южной части Лукояновского уезда.

Приложение 7

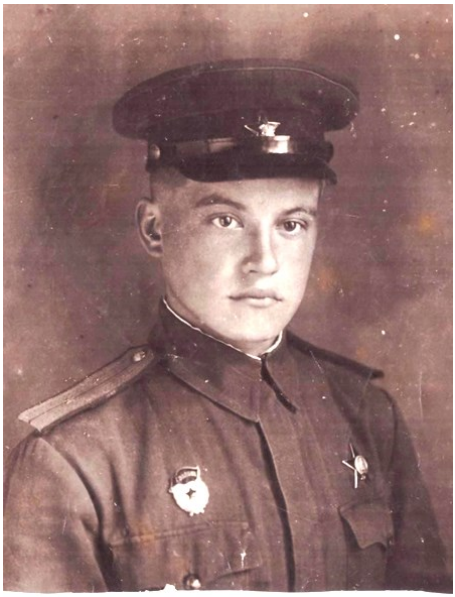


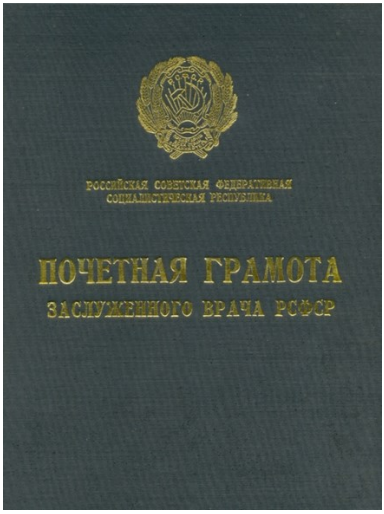
Фото 1. И.С. Варганов
(фото военных лет).

Фото 2. И.С. Варганов. 1985 г.

Фото 1. Е.И. Пискунова.
Копия фото получена от О.К. Гуляевой.

Фото 2. Е.А. Чачина.
(урожденная Михайлова)

Публикуются впервые



РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА
ЗАСЛУЖЕННОГО ВРАЧА РСФСР

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Тов. *ПИСКУНОВА*
Елена Ивановна

За выдающиеся заслуги в области
народного здравоохранения

Президиум Верховного Совета РСФСР
Указом от *12 октября 1948 года*
присвоил Вам звание

ЗАСЛУЖЕННОГО ВРАЧА РСФСР

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (Н. Власов)

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР (П. Балкурин)

Фото 3. Почетная грамота Елены Ивановны Пискуновой.
Копия получена от О.К. Гуляевой. Публикуется впервые.

Приложение 9

Фото 1. Петр I. Вышивка шерстяными нитями, бисером. XIX век.

Фото 2. Заготовка для лицевой части дамской сумочки. Вышивка бисером. Работа Екатерины Михайловны, жены А.В. Ступина.

Фото 3. На охоте. Вышивка бисером, плетение.

Фото 4. Собаки на охоте. Вышивка бисером.

Фото 5. Сюжет на восточную тему. Вышивка бисером, плетение.

Фото 6. Кошелек.
Вязание с бисером.

Фото 7. Пелерина. Гипюр, бисер, сутаж.

Фото 8. Фрагмент накидки. Бархат, вышивка бисером. XIX век.

Фото 9. Фрагмент накидки (спинка). Бархат, атлас, кружево, бисер.

Фото 10. Девичья головная повязка. Золотная вышивка, речной жемчуг, кристаллы, бисер.

Фото 11. Борок (с. Крутой Майдан). Ткань, бисер, кристаллы.

Фото 12. Работа арзамасских мастериц (конец XIX века). Вышивка бисером, кристаллы.

Фото 1. В. Быков в армиии

Фото 2. В.Г. Быков

Фото 3. Друг В.Г. Быкова гармонщик Д.И. Коньков

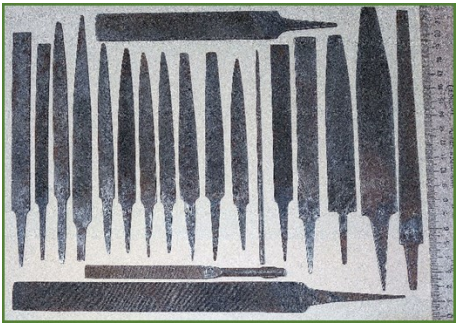


Фото 4. Напильники гармонщика В.Г. Быкова

Фото 5. Хромка-нижегородка работы В.Г. Быкова.

Фото 6. Семья В.Г. Быкова

Приложение 11

Фото 1. Юрий Гнусов с сестрой

Фото 2. Николай Александрович Гнусов со старшим сыном Львом

Фото 3. Проводы в армию Юрия Степановича Чебатарева из д. Зыково, 1955 г. Во втором ряду снизу: Антонина и Юрий Гнусовы, Валя Чекушина, Юрий Чеботарев и его мама Ираида (соседка Гнусовых).

Фото 4. Гармонный мастер Юрий Гнусов (стоит второй справа). Сидит с гармонью работы борского мастера Б.Ф. Вилкова Александр Григорьевич Антипанов

Фото 5. Вышивка.
Цветы и птица певчая

Фото 6. Юрий Гнусов в кругу родных

Фото 7. Гармонист Иван Киселев
с кустарной хромкой Юрия Гнусова.

Приложение 12

Фото 1. Члены кружка любителей естествознания при Муромском реальном училище. Неизвестный фотограф (1912 г.). В.И. Жадин в центре.

Фото 2. В.И. Жадин за рабочим столом в Зоологическом институте. Неизвестный фотограф (1953 г.)

Фото 1. Вход в здание музея «Природа». Начало 2000-х гг.

Фото 2. Трофимов Семен Иванович (1898–1979), основатель зоологического музея в Чернухе.

Фото 3. Охота на лосей, с. Чернуха, 1954 г.

Фото 4. Подстреленный для музея лось.

Фото 5. Экскурсия в краеведческом музее Чернухинского района, 1950-е гг.

Фото 6. Здание краеведческого музея Чернухинского района, с. Чернуха. 1960-е гг.

Фото 7. Александра Ивановна Маркевич (1935–2017).

Фото 8. Открытие нового здания музея «Природа» им. С.И. Трофимова, 7 ноября 1987 г. Б.А. Веселовский перерезает ленточку.

Фото 1. Богослужебные облачения. Фелонь и стихарь. Вторая половина XVIII века. Из Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

Фото 2. Фелонь. Вид сзади.

Фото 3. Возду́х XIX века. Из Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

Фото 4. Возду́х первой половины XIX века. Из Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

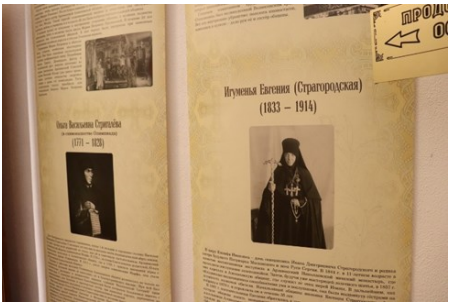


Фото 5. Игуменья Евгения (Страгородская)

Фото 6. Образцы золотного шитья с деталей праздничного женского костюма из с. Чернуха Арзамасского уезда. Конец XIX века.

Фото 7. Сколки рисунков для вышивки церковных облачений. Нижегородская губерния. Конец XIX – начало XX века.

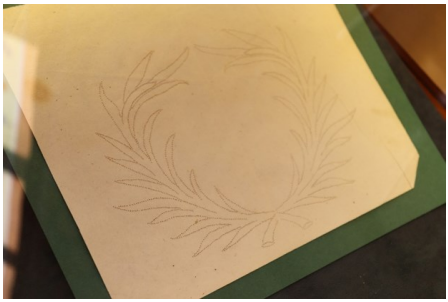


Фото 8. Сколка рисунка для вышивки церковных облачений. Нижегородская губерния. Конец XIX – начало XX века.

Фото 9 и 10. Монахини Арзамасского Алексеевского женского монастыря. Конец XIX – начало XX века.

Фото 11. «Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской женской общины». Издание 1887 г.